

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АЛЕКСЕЙ ПЕХОВ

ПЕРЕСМЕШНИК

Annotation

Добро пожаловать в Рапгар! Просвещенную столицу цивилизованного мира, город тысячи народов, королевство страстей, вселенную пара и магии. Царство, в котором живут бок о бок лучшие люди и самые страшные чудовища из тьмы. Древняя столица страны — город множества историй, каждая из которых является не менее реальной, чем ваша, и повествует о чьей-то жизни, полной любви, ненависти и приключений. Например, такой, как у чэра Тиля эр'Картия, по прозвищу Пересмешник, который, к своему несчастью, оказался в неудачное время не в том месте, из-за чего его судьба изменилась раз и навсегда.

- [Алексей ПЕХОВ](#)

-

- [Глава 1](#)

- [Глава 2](#)

- [Глава 3](#)

- [Глава 4](#)

- [Глава 5](#)

- [Глава 6](#)

- [Глава 7](#)

- [Глава 8](#)

- [Глава 9](#)

- [Глава 10](#)

- [Глава 11](#)

- [Глава 12](#)

- [Глава 13](#)

- [Глава 14](#)

- [Глава 15](#)

- [Глава 16](#)

- [Глава 17](#)

- [Глава 18](#)

- [Глава 19](#)

- [Глава 20](#)

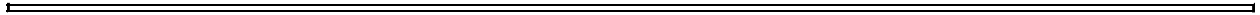
- [Глава 21](#)

- [Глава 22](#)

- [Глава 23](#)

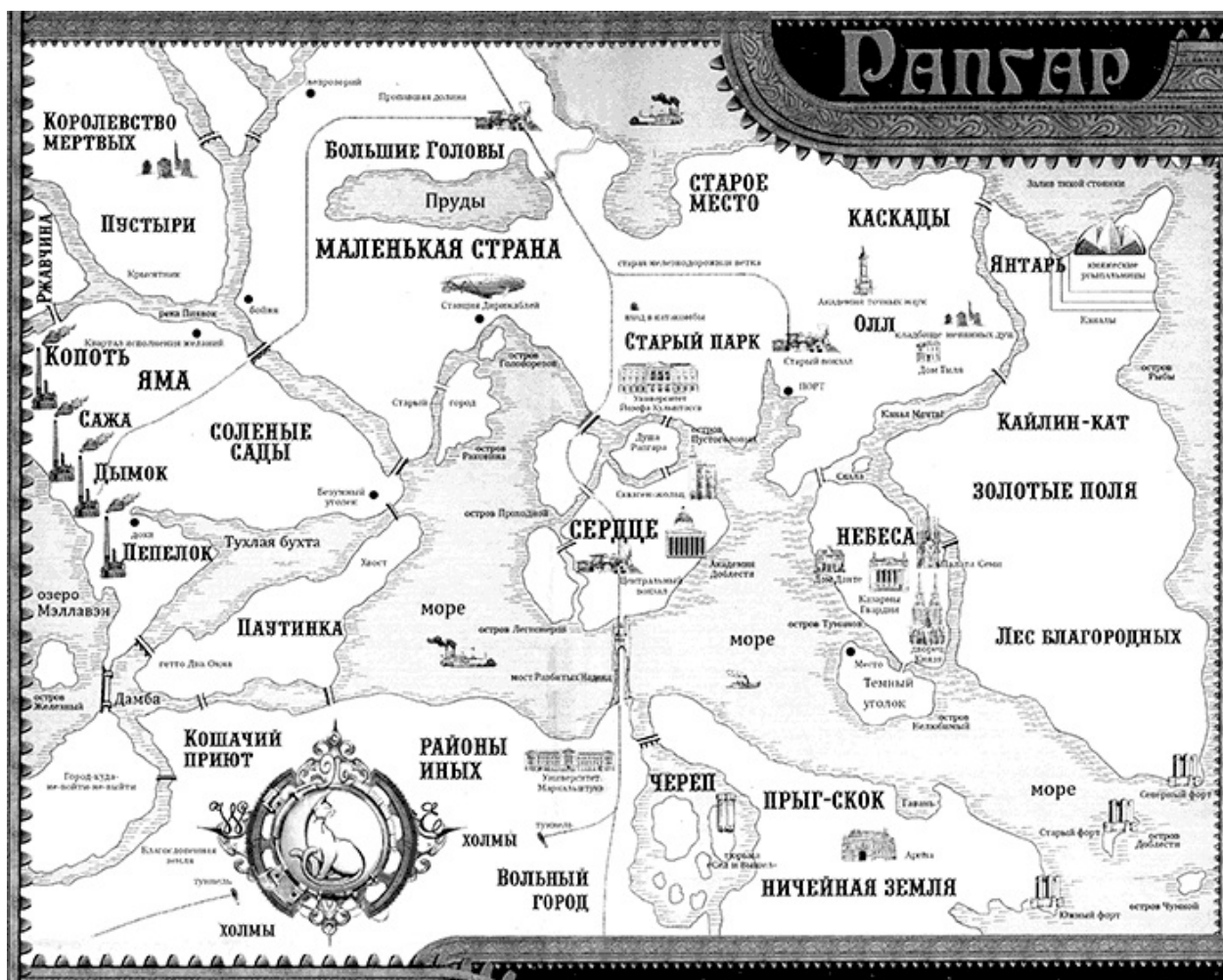
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)

- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)

Алексей ПЕХОВ ПЕРЕСМЕШНИК

Гиены и трусов, и храбрецов жуют без лишних затей. Но они не пятнают имен мертвецов: это — дело людей.

Редьярд Киплинг

Не бойтесь будущего. Вглядывайтесь в него, не обманывайтесь на его счет, но не бойтесь... Вчера я поднялся на капитанский мостик и увидел огромные, как горы, волны и нос корабля, который уверенно их резал. И я спросил себя: почему корабль побеждает волны, хотя их так много, а он один? И понял: причина

в том, что у корабля есть цель, а у волн — нет. Если у нас есть цель, мы всегда придем туда, куда хотим.

Уинстон Леонард Спенсер Черчилль

Глава 1

«ДЕВЯТЫЙ СКОРЫЙ»

— Скажи на милость, молодой человек, что за глупости ты городишь? — недовольно забрюзжал Стэфан, когда я отпустил коляску, кинув на прощание возничему мелкую монету.

— Ты о том, что этот парень не заслуживает награды? — произнес я, наблюдая, как экипаж удаляется по живописной липовой аллее в сторону скрытого за холмами Отумхилла.

— Я о том, что теперь нам тащиться пешком четверть мили! О Всеединый! Это просто невыносимо для моих ног!

— У тебя никогда не было ног, — на всякий случай напомнил я ему. — Таким, как ты, они совершенно ни к чему.

— Это исключительно твое, невежественное мнение. — Стэфан не желал ничего слушать. — Что касается того прохвоста — он вор. А жаловать воров в высшем обществе считается плохим тоном.

Я рассмеялся:

— Тебе ли не знать, старина, что в нашем высшем обществе — вор на воре и вором погоняет. Нашел чем удивить!

Он недовольно побряхтел, понимая, что здесь-то я смог уложить его на обе лопатки, и все-таки сказал:

— Возничий вчера украл бутылку розового шампанского, пока вы, пьяные бестолочи, пытались стрелять вальдшнепов в том молодом дубовом леске.

— Пф-ф! Бедняге надо было промочить горло. Ты к нему очень несправедлив. — Я наслаждался прогулкой.

Все-таки те, кто говорит, что надо почаще покидать город, правы. Сельская природа куда больше радует глаз, чем улицы Рапгара.

— Если бедняга хотел пить, то поблизости текла река, — ядовито отчеканил Стэфан. — Когда немытая деревенщина утоляет жажду, хлеща шампанское из лучших провинций Жвилья по сорок фартов^[1] за бутылку, — Это конец света! И никак иначе я сие явление назвать не могу. Во времена твоего прадеда, да пребудет он в Изначальном огне, таких жуликов пороли стальными прутами...

— Ага... и еще живьем сдирали крюками кожу, — разом поскущнул я. — Но, на мое счастье, мы живем в более прогрессивные времена. Миру

нужна гармония, Стэфан.

Однако моя трость с этим утверждением явно была не согласна:

— Миру нужен огонь и стальная пята, иначе он быстро придет в негодность.

— В тебе говорит кровожадная душа демона, — укорил я его и тут же об этом пожалел.

— У нас нет души. И сколько раз я тебя просил — не называй меня так. Это по меньшей мере оскорбительно! Амнисы^[2] не относятся к роду низших.

— Ну извини, — повинился я, не желая слушать в течение двух следующих часов поток разнообразных нотаций.

— Мой мальчик, когда ты доживешь до моих седин...

— Я не доживу, — перебил я его, и он, поняв, что сказал что-то не то, прикусил язык, кашлянул, прочистил горло и, сменив тему, произнес уже совсем другим тоном:

— Не уверен, что ты поступил правильно, так быстро изменив планы. Ведь ты собирался гостить в Отумхилле до конца недели, а пробыли мы там меньше суток.

— Я извинился перед Зинтринами. Они поймут.

— Извинился письмом, а не лично, как того требуют светские приличия. Это больше похоже на бегство, чем на отъезд.

Теперь уже мне нечего было сказать. Стэфан, как частенько это бывает, — прав. Но меня тяготило присутствие в имении Зинтринов, куда нежданно-негаданно приехала Кларисса вместе со своими подлецами-братцами. Впрочем, дело было не в ней. Точнее, не только в ней.

Прошло уже полтора года, как я снова оказался в этом фальшивом блеске — высшем свете Рапгара, среди пустых разговоров о погоде, поло, скачках и новых целебных курортах, а все они, прекрасные дамы в вечерних платьях и господа в смокингах и фраках, до сих пор то и дело награждают мою персону в лучшем случае любопытными взглядами. В худшем можно разглядеть целый спектр эмоций, начиная от сочувствия и жалости и заканчивая опаской и презрением. В первом и втором я совершенно не нуждаюсь, третье меня несколько смешит, а четвертое совсем не трогает. Но вместе с тем, по возможности, я старался игнорировать благородные сборища, если, конечно, от этого нельзя было отвертеться.

Данте в шутку называет меня затворником и говорит, что теперь, после всего случившегося, я точно должен брать от жизни все, а не чахнуть у себя в норе.

— Спешить жить, мой друг. Спешить жить, — говорит мне это древнее чудовище, как только на него нападает очередной приступ меланхолии.

Я в ответ лишь улыбаюсь, не желая спорить по таким пустякам, и молчу о том, что Данте сам не слишком торопится выезжать из своего дворца куда бы то ни было и называет половину высокородных господ Рапгара не иначе как неотесанными обезьянами. По его мнению, с мартышками могут общаться лишь очень вежливые чэры,^[3] а себя он к таковым совершенно не относит.

— Ты же знаешь, как меня тяготят разговоры о покупке нового рысака, грядущих балах, модных идеях портных жвилья и о том, как господин Н. застал госпожу Н. в объятиях господина А. и какая славная дуэль состоится в грядущую пятницу. У меня такое чувство, что за шесть лет моего отсутствия здесь ровным счетом ничего не изменилось.

Помнится, Данте в ответ тихо фыркнул, и наша беседа угасла, словно пламя веры во Всеединого в сердце чернокожего огана.

Я вдохнул полной грудью чистый сельский воздух. Он пах желтой осенней листвой, парным молоком, старым сеном, жареными каштанами и ночным туманом, который совсем недавно успел раствориться среди деревьев, нарядившихся в ало-желтые одежды.

С детства люблю осень. Это замечательный сезон, пускай он и немного дождлив. По мне, зима излишне холодна, весной с моря дует стылый и влажный ветер, летом приходит одуряющая жара. Осенняя пора — лучшее из всего, что может показать природа. Не слишком жарко и не слишком холодно, небо кристально чистое, и все окрестности, куда ни кинь взгляд, сверкают алым, золотым, оранжевым, желтым, охряным и бледно-синим.

Возможно, я просто эстетствую на пустом месте, а быть может, люблю яркие краски увядания, столь близкого мне с тех пор, как господа из Скваген-жольца так не вовремя заявили за мной в одну из ненастных весенних ночей семь с половиной долгих лет назад.

— Мы опаздываем, — напомнил Стэфан.

Я на ходу вытащил из кармана жилета часы на золотой цепочке, откинул крышку с памятной гравировкой, взглянул на тонкие, сотканые из огня, воды и воздуха стрелки:

— Нет. Времени полно.

— Опаздываем. Если ты не поторопишься, то пропустим скорый и вновь придется торчать час в том кафе, где тебе обычно подают отвратительный пережаренный кофе. А затем будем трястись в вагоне второго класса со всяким отребьем и нюхать паровозный дым, потому что

окно опять заклинит.

— Эта неприятность случилась десять лет назад. Давно пора о ней забыть.

— У меня долгая память, молодой человек. Я служил твоему отцу, и деду, и прадеду пять с лишним сотен лет и помню каждый день этой службы.

— Прости, но не в моей власти отпустить тебя на волю прямо сейчас — Я прекрасно чувствую намеки и недоговоренности.

— Да я и не прошу, — пробормотал Стэфан.

Амнис разрывался — с одной стороны, он давно жаждал отправиться в Изначальный огонь, чтобы присоединиться к своим — да чего уж там скрывать — и моим родичам, а с другой стороны, я не помню, чтобы он радовался от осознания того факта, что я когда-нибудь умру. Ведь главное условие освобождения духа из доставшейся мне по наследству трости — смерть последнего потомка в той семье, которой он служит. То есть в данном конкретном случае последний потомок, лучэр Тиль эр'Картия, — я.

— Ты слышал, о чем вчера говорили в летнем павильоне за пятичасовым чаем? — Старина Стэфан меняет темы так же легко и быстро, как я перчатки.

— Порази мое воображение. — Я прибавил шагу. — О чем, кроме предстоящих скачек, войне, дел в колониях и биржевых сводках, они могут говорить? О том, как помирить сынов Иенала с выходцами из Малозана? Или как выгнать из Пустырей скангеров? А быть может, речь шла о том, что Комитету по рассмотрению гражданства пора жить своим умом и поменьше мозгами мэра? Последний бунт, когда недовольные малозанцы порезвились в Прыг-скоке и разнесли три квартала, а затем полезли в Холмы, нашу городскую управу явно ничему не научил. Я слышал, что ка-га и махоры недовольны тем, как движутся дела с наследованием права гражданства. На мой взгляд, Городскому совету стоит как можно быстрее разобраться с этим делом, если он, конечно, не хочет, чтобы в Дымке и Пепелке действительно были лишь дым и пепел. Фабрики Рапгару пока еще нужны.

— Нет. Совсем не об этом. Речь шла о том, что в районах Иных завелся пророк, мой мальчик.

— Очень интересно. Но неудивительно. В наше веселое время пророки лезут из-под земли быстрее митмакемов, ^[4] испуганных затяжным ливнем над Королевством мертвых.

— Я склонен обратить на него твое драгоценное внимание, о мудрейший, по той лишь причине, что он несколько отличается от сонма

остальных шарлатанов. — В голосе Стэфана звучали саркастические нотки.

— И в чем же его отличие, мой неутомимый дух? Неужели у него нет в копилке пророчеств о возвращении Великой тьмы,^[5] кровавом дожде с темных небес, хищных жабах, гибели девственниц, возвращении сынов Иенала на родину и о том, что какой-нибудь скангер с помойки в скором будущем займет место Князя?

— Ты сегодня очень многословен, — укорил меня амнис — Тебя настолько вывело из равновесия появление Клариссы?

— Скорее уж ее братцев-идиотов. С удовольствием выбил бы из них душу, — проворчал я, взяв шляпу за тулью и приподняв ее, когда мимо в открытой коляске проехала благородная дама, судя по всему, направляющаяся в Отумхилл. — Так что там насчет твоего пророка?

— Говорят, он за неделю предсказал убийства, случившиеся в Яме.

— А... гибель тех двух господ, что заглянули в Квартал исполнения желаний. Судя по заголовкам газет, там поработал мясник. Надеюсь, предсказателем уже занялся кто-нибудь из Скваген-жольца. В наше время чудеса случаются слишком редко. Я готов поставить десять соуров^[6] на то, что нет дыма без огня и пророк — тот самый убийца, о котором последние дни только и пишет «Время Рапгара».

— Быть может, так, а может, и нет. — Мне не удалось смутить Стэфана. — В этом городе слишком много психов, способных на жестокие поступки. Одних крупных сект и тайных обществ больше двадцати, не говоря уже об обычных выходцах из таких райончиков, как Яма и Ржавчина. Про жителей Пустырей я и вовсе умолчу.

— Что еще поведал славному городу господин пророк?

— Если честно, я слышал лишь краем уха. Ты увидел Клариссу и покинул павильон.

— Какая досада, — проворчал я, свернув с центральной дороги на тропинку, которая должна была привести меня к железнодорожной станции.

Времени до «Девятого скорого» действительно оставалось немного.

— Но, судя по разговорам за чаем, это только начало. Убийства продолжатся.

— Печально.

Я совсем не бесчувственный, но меня и вправду несколько не заботило, что какой-то обожравшийся корней лунного дерева^[7] больной выпотрошил двух господ, решивших вкусить от греховного яблока

удовольствий. Яма есть Яма, и те, кто решает спуститься туда, всегда должны помнить, что можно и не подняться. Разумеется, этот западный район Рапгара не так жесток и опасен, как Пустыри, Город-куда-не-войти-не-выйти или Место, но и здесь можно найти приключения на свою голову.

Убийства в Яме происходят регулярно, что и неудивительно с таким-то перенаселением, но газетчики ухватились именно за последние, похожие друг на друга, как две капли воды. На тот свет отправилось отнюдь не отребье с помойки, да еще крови оказалось слишком много, что несколько нехарактерно для живущих здесь преступников. Я бы сказал — излишне кровавое предприятие вышло у неизвестного господина. Словно он — год голодавший людоед тру-тру. Уверен, что теперь, пока в городе или в мире не случится ничего более интересного, все внимание прессы будет приковано к Яме.

Думаю, местные вряд ли рады тому, что их улицы переполнены синими мундирами Скваген-жольца. Жандармов в этом районе Рапгара никогда не жаловали.

Я поднял трость, отодвинул в сторону возникшую на пути ветку, огляделся по сторонам.

Солнце уже успело подняться над покатыми живописными холмами, и теперь его лучи били сквозь желтую листву лип. На пожухлой траве и тонких паутинках все еще сверкали редкие капельки росы. Под каменной кладкой, ограждавшей старое поле и тянувшейся с правой стороны от тропы, какой-то зверь, скорее всего бездомный пес, пытался выкопать нору, но так и бросил ее, едва начав. Прямо, сразу за рябинами, ягоды которых уже налились оранжево-алым цветом, виднелся шпиль церкви Всеединого.

До городка было рукой подать. Я отправился в путь, думая о том, что, возможно, стоит наконец переехать в провинцию, подальше от огромного Рапгара и пожить в свое удовольствие с месяц, полюбоваться пасторальными пейзажами, пока не закончилась осень. И тут же сам себе сказал, что ничего из этого не выйдет. Огромный город — словно спрут, исчадие Изначального огня, запустившее щупальца тебе в душу. Если уж схватил, то не жди, что отпустит.

Рапгар моя родина. Я люблю его и ненавижу всем сердцем, и никуда из него не денусь. Но я ведь могу потешить себя иллюзиями, что он не властен надо мной, правда? Как говорит Стэфан — никто не может быть счастлив без иллюзий. Они необходимы для нашего счастья не меньше, чем реальность.

Тропка пошла под горку, и я оказался на дороге, теперь уже другой, идущей от Лайнсви́гга — маленького пчеловодческого хозяйства в двух

милях от Отумхилла — и входящей в городок с западной стороны. Следуя по ней, я окажусь на станции много раньше запланированного срока. Не хочу опаздывать, иначе моя говорящая трость снова напомнит мне о том, что отпустить коляску было плохой идеей.

— Опоздаем, — буркнул амнис, словно читая мои мысли.

— Лучэры никогда не позволяют себе опозданий, — возразил я ему. — Это неприлично и недостойно истинного чэра. Лучэры предпочитают приходить в удобное для них время.

Услышав свои собственные слова, сказанные, когда мне было то ли восемь, то ли девять лет, Стэфан довольно кашлянул и на время успокоился, решив предоставить мне право донести его до поезда.

На этой дороге было еще более пустынно, чем на прежней, — я шел в полном одиночестве, не беспокоясь о том, что следует идти по краю, уступая путь всадникам и экипажам. И те и другие были редкими гостями в сельской местности. Куда уж проще здесь встретить корову, или козу, или кого-нибудь из маленького народца, чем dormire^[8] или регулярный дилижанс.

Я подошел к церкви — суровому темному сооружению, сложенному из грубого, плохо отесанного серого камня, с черной черепицей на крыше, узкими высокими окнами с витражами и ребристым семигранным шпилем, увенчанным алым, горящим и днем и ночью знаком Изначального огня Всеединого.

За церковью, примыкая к дороге, располагалось маленькое кладбище с аккуратными, ухоженными могилами и белыми памятниками. Над тремя дальними надгробиями висели два черных и один янтарный погребальные огоньки^[9] — дыхание Изначального огня, места, куда ушли умершие лучэры.

Я остановился на несколько мгновений, думая о том, что этот теплый свет над кладбищем — единственное, что остается от таких, как я, после смерти, а затем, спустя пару сотен лет, и он исчезнет, растворившись в мире, словно призрачный морок.

— Раньше, при другом святом отце, здесь жил митмакем. — Стэфан счел, что стоит нарушить затянувшееся молчание. — Иногда вылезал во-он из того склепа, что у старой рябины, и бродил в окружении мух. Любил проказничать у дороги и пугать запоздалых путников.

— От такой неожиданности можно и в могилу слечь, — усмехнулся я, представив того, кому вид живого покойника был в диковинку.

— И ложились.

— А что же алые мундиры Скваген-жольца?

— У них в Рапгаре забот полон рот. Митмакем нарвался на пикли. Тот его и поджарил своей электрической молнией, а вместе с ним и святого отца, что приютил беглеца из Королевства мертвых.

— Сурово. Покойник нашел с кем связываться. У пикли отсутствует чувство юмора.

— Зато имеется то, за что их терпят в многонародном Рапгаре — цвет жизни, источник прогресса и процветания...

— Можно ограничиться более коротким эпитетом — электричество. Новый бог Рапгара, прости меня за столь кощунственные слова. — Я миновал кладбище, вошел в городок и снова обратился к амнису: — Тропаеллы^[10] головастые ребята, раз додумались, как использовать таланты пикли на благо города. Одно слово — изобретатели.

Стэфан кивнул:

— Прапрадеду нынешнего Князя стоит сказать спасибо, что он разрешил растениям жить на территории столицы. Конечно, поначалу результат был нулевой, но за последние сто лет огромный прогресс — масса открытий.

— Удобства растут, а мир портится, — заметил я, посмотрев на часы маленькой ратуши. — Многие уже говорят, что пора срубить тропаял под корень прежде, чем они придумают оружие, которое уничтожит этот мир.

— Ну полно! — не согласился Стэфан. — Секта Детей Чистоты слишком малочисленна, чтобы собраться с духом и взяться за топоры.

Тут он прав. Идиоты, ратующие за возвращение в темные века, когда никакого прогресса не было, а люди жили в единении с природой (считай, в лесу, грязи, пещерах и без надежды на теплую воду из труб), — слабы, и жителям Больших голов не угрожает ничего, кроме слов. Но рано или поздно отыщется храбрый придурок и придет если не с топором, то с бочкой пороха, и тогда во все стороны полетят сначала щепки, а затем и головы.

В Рапгаре всегда найдутся те, кто недоволен друг другом. Кому-то не нравятся люди, кому-то ка-га, кто-то не выносит завью или фиосс, а кто-то ненавидит лучэров. Нам всем приходится лавировать, словно мы тяжелые паровые броненосцы из флота Князя, запертые в узкой бухте. И не дай Всеединый зацепить друг друга — тут же начнется пальба, в результате которой кто-то может пойти на дно.

Расовая нетерпимость въелась в кости жителей Рапгара, и вытравить ее не получится ни цивилизацией, ни несущимся скачками прогрессом.

Запах черной смолы, идущий от шпал, резкий, но тем не менее

приятный, окутывал маленький вокзал благоухающим коконом, словно дорогие духи жвилья утонченную модницу. Часы, висящие здесь — с белым циферблатом и острыми, похожими на копыя стрелками, вели обратный отсчет. Ка-га гордились своими скорыми поездами — те всегда, во всех без исключения случаях, приходили вовремя.

До «Девятого скорого» оставалось чуть больше десяти минут.

Я прошел по деревянному перрону в вокзальную кассу, возле которой не было ни единой души, и купил билет в первый класс, получив пожелание доброго пути от седовласой старушки-кассирши, закутанной в белую пушистую шаль.

На перроне находилось всего несколько пассажиров, они топтались в самом начале, где должны остановиться вагоны третьего класса. Все были людьми.

Мимо меня прошел пожилой начальник станции. На его синем сюртуке важно поблескивали золоченые пуговицы. Заметив мои глаза и поняв, что перед ним лучэр, он вежливо приложил руку к плоской фуражке с лакированным козырьком.

В тени, под газовым фонарем, сейчас погашенным, сидел чистильщик обуви. Увидев меня, он оживился. За несколько сцелинов юноша начистил мои остроносые туфли, запылившиеся за время пешей прогулки, до зеркального блеска. У мальчишки, продающего газеты, я купил свежий номер «Времени Рапгара» и, свернув газету в трубку, подошел к краю платформы, привлеченный суматошным цыплячьим писком.

На чугунных рельсах царило суетливое оживление — делегация маленького народца встречала поезд. Эти разнообразные создания, которых не счесть по количеству типов и разновидностей, были поражены прогрессом куда больше всех остальных. Паровоз ка-га они считали чем-то вроде огромного и ужасного божества. Поэтому частенько собирались маленькими демонстрациями, выбирались на рельсы, чтобы приветствовать гремящее чудовище, и, разумеется, гибли десятками, раздавленные многотонной машиной и ошпаренные паром. Никто не собирался экстренно тормозить из-за каких-то безымянных блох, выбравшихся на пути.

Малыши по случаю торжественной встречи обрядились в парадные наряды, сплетенные из цветов и травы, а малышки напялили свои лучшие платица, сотканые из дымчатой паутины и обрывков одежды огородного пугала. Один кудрявый карапуз не нашел ничего лучше, как проделать в коробке из-под махорочного табака «Магарский ванильный» отверстия, просунул туда руки и ноги и, очень гордый собой, махал разноцветным

флажком.

— Могучий дымледым! Шипящий паропар! — пищали они, прыгая кто во что горазд. — Трясущий рельсоход! Гремящий чух-чух-чух! Великий ту-ту-ту!

— Эй! Вы! — сказал я, подобрав самый грозный и сердитый из множества своих голосов. — Уходите прочь! Немедленно!

Они тут же притихли. Одна из малышек, с пурпурными стрекозиными крылышками, ойкнула и упала с рельса. Остальные тут же опустили флаги, цветы и серебристые конфетные фантики. Все воззрились на меня, раскрыв рты, словно кролики на удава.

— Живо! — прикрикнул я, для острастки сверкнув глазами. Несколько козявок начали расстроено хлюпать носами, а та, у которой юбочка была сшита из желтого березового листочка, разревелась.

— Ну во-о-о-от, — расстроено пропищал кудрявый паренек в коробке из-под махорки, кажется, самый главный в этой компании.

Он чихнул, вытер курносый красный нос кулачком и с трудом слез с рельса. Следом за ним, ревя точно белуги, потянулись все остальные.

— И чтобы я вас здесь больше не видел! — крикнул я им вслед. — Ни сегодня, ни завтра, никогда!

Они не ответили и, шурша, словно мышки, скрылись в сухой траве.

— Какое тебе дело до этой мелочи? — спросил Стэфан.

— Не хочу, чтобы у меня на глазах в небытие отправилось больше трех десятков душ.

— Тоже мне души, — проворчал амнис. — Всех в один наперсток уложить можно и другим накрыть. Не понимаю я этих таракашек. Не могут найти себе более легкий способ для самоубийства? Вечно лезут то под поезд, то под трамвай, то на провода пикли.

— Они слишком наивны, добры и доверчивы, чтобы понимать, какую опасность представляют все эти штуки, — вздохнул я, отходя от края.

Я люблю маленький народец. Во всяком случае, большинство из них. Мне неприятно видеть, как погибают эти создания Всеединоного. В последние годы их смерть превратилась почти в стихийное бедствие, но окружающим ровным счетом плевать на какую-то едва видимую под ногами мелюзгу, когда есть дела поважнее и покрупнее.

Семь с половиной лет назад я думал примерно так же, но шесть лет размышлений и лицезрения печати Изначального пламени в корне поменяли мою точку зрения. Я понял, что любое дело важно, даже самое мелкое и, на первый взгляд, незначительное. Маленький камешек тянет за собой в пропасть огромные глыбы, и от такого камнепада невозможно

укрыться.

Банальный пример? Возможно. Спорить не буду. Вот только моя цель в жизни сейчас зависит не от глыб, а от мелочей. И когда я их наконец-то обнаружу, буду надеяться, что случившийся камнепад похоронит под собой тех, кто так ловко и без спроса перекроил мою жизнь.

Из-за поворота показался поезд. Черный четырехцилиндровый паровоз с выписанными на боках алыми молниями и алыми колесными центрами, пыхтя и сопя, легко тащил за собой вереницу вагонов — синих, зеленых и желтых, ^[11] выплевывая в чистый воздух клубы черного угольного дыма.

— И вот он сошел с небес в пару и дыму, сыпля искрами и воя, точно вырвавшийся из Изначального огня низший, — продекламировал Стэфан.

— Какая-то запрещенная книга? — любопытствовал я.

— Речь Князя на предпоследнем военном параде, повествующая о том, что Рапгар не собирается отказываться от своих дальних колоний в угоду шейху Малозана, — рассмеялся амнис.

— А... — протянул я, разом потеряв всякий интерес к цитате.

Поезд, уже полностью сбавив ход, шипя, прополз мимо меня, и я прочитал на двери будки машиниста белые буквы: «Рапгарская северная железная дорога. № 9. Скорый».

Вагоны с лязгом остановились, начало платформы окутало клубами белого пара, и люди посторонились, пропуская выбравшегося из тендера с углем махора. Гигант, измазанный черной пылью от макушки до пяток, сопя, подошел к подводе, на которой его дожидались деревянные ящики. Увалень посмотрел на них, задумчиво пожевал тяжелыми челюстями, почесал одну из двух своих рогатых голов и повернул ее за разъяснениями в сторону паровоза.

Из будки высунулся длиннющий, похожий на гнилую волосатую морковку нос ка-га, обложил помощника трехэтажным загибом, смысл которого заключался в том, что пора отправляться, и вновь скрылся. Махор тяжело, словно слон, вздохнул, повел могучими плечами, подцепил первой парой рук сразу половину груза, а второй — другую половину и, пыхтя от натуги, грузно зашагал к паровозу. Доски перрона под его увеличившимся весом жалобно скрипели.

Я направился к своему вагону — одному из двух, предназначенных для первого класса. На этой станции я был единственным пассажиром, решившим путешествовать до Рапгара с комфортом.

Кондуктор-мяурр, увидев меня, снял фуражку, предупредительно поклонился, блеснув посеребренными усами:

— Пожалуйста, чэр. Я провожу вас до вашего мрряуеста. Следуйте за

мной.

— Благодарю вас.

Я прошел за Полуденным, ^[12] гадая, за что его лишили хвоста. Сын Луны ^[13] мог сделать это по массе причин, но верной я так никогда и не узнаю, потому что спрашивать о подобном, даже если перед тобой слуга, невежливо.

В вагоне оказалось шесть купе, мое было четвертым. Кот распахнул дверь из орехового дерева, отошел в сторону, пропуская меня.

— Чэр позволит взглянуть на его билет?

Я сел на кожаный диван, молча протянул розовую карточку, на которой золотыми буквами была оттиснута девятка с крылышками. Кот достал из футляра, висевшего у него на поясе, серебряные щипчики и пробил корешок.

— Спасибо, чэр. Поезд прибывает на Центральный вокзал без четверти одиннадцать. Если вам что-нибудь понадобится, просто сообщите мрряуне.

Глава 2

ПО СЕВЕРНОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ

Не успел я разместиться, как прозвучал сигнальный рожок начальника станции, извещающий об отправлении. Спустя секунду раздался длинный паровозный гудок, и поезд тронулся. Я смотрел в окно, наблюдая, как картинка за стеклом все больше и больше сдвигается, проваливаясь назад.

Вот промелькнула платформа, белые домики с алой черепицей, яблоневые сады, и начались желто-охряные, уже убранные поля, изредка перемежающиеся оранжево-алыми рощами. Мы набирали ход, с каждой минутой двигаясь все быстрее и быстрее. «Девятый скорый» на прямых участках пути и при хорошем угле развивал серьезную скорость, и дорога до Рапгара занимала намного меньше времени, чем если бы я воспользовался коляской.

Вагон мягко покачивало, и цветы в хрустальной вазе — темно-бордовые астры — кивали пушистыми головками в такт стуку колес. Купе первого класса было отделано ореховым деревом, покрытым золотистым лаком. Металлические поверхности сияли позолотой, хрустальный бар в углу искрил гранями, когда внутрь заглядывали солнечные лучи.

Здесь было просторно, два кожаных дивана с дутыми спинками напротив друг друга, закругленный стол, накрытый дорогой магарской скатертью, чуть дальше — дверь в душ, шкаф для одежды с резными дверцами, барс напитками. Ради интереса я заглянул туда, оценил подбор хорошего дубового виски, вина кохеттов и жвилья, колониальный кокосовый ром высшего качества, по двенадцать фартов за бутылку, граппа в прозрачном графине и кальвадос. Я вытащил темно-зеленую бутылку с узким хрупким горлышком, взглянул на сине-фиолетовую этикетку.

— Не рано ли начинаешь? — В голосе Стэфана сквозило явное неудовольствие.

— Даже не собирался. — Я стукнул ногтем указательного пальца по запечатанной пробке. — Чисто практический интерес. Кальвадос здесь подкачал. Короткая выдержка в дубовых бочках — слишком резок, на мой взгляд.

Я убрал напиток обратно в бар, закрыл хрустальную дверцу, на которой стекольщик вырезал райских птиц, сел обратно на диван, бросив мимолетный взгляд на свою трость, расположившуюся в специальной

подставке, недалеко от стола.

Черное лакированное эбеновое дерево, серебряные кольцообразные вставки для усиления конструкции и тяжелая серебряная рукоятка-набалдашник в виде головы сварливого старикана. Лысый череп, хитрющие глазки, кустистые брови, острый нос и костлявый подбородок. Старица Стэфан предпочитает именно этот образ, хотя у него в рукаве есть еще несколько, но пользуется он ими крайне редко. Что бы там амнис ни говорил о том, что ему, духу, рожденному Изначальным пламенем, претит физическая оболочка, он очень трепетно относится к своему внешнему виду и несколько раз заставлял очищать металл от черного налета. Мол, тот придает его облику излишне неряшливый оттенок.

Трость, заботящаяся о том, как она выглядит, — вполне обычная вещь в нашем сумасшедшем мире.

Я прошел мимо зеркала, которое на мгновение отразило чэра лет тридцати, с темными, несколько длинными для нынешней моды волосами и пепельно-серыми глазами, облаченного в светло-серый костюм-тройку. Узел на шейном платке немного изменил форму, и я вернул его в прежнее состояние, про себя отмечая, что веки у меня сегодня слишком красные, а морщинки в углах глаз предупреждают любого, что я вот-вот готов рассмеяться, хотя это и не так.

Многие, особенно незнакомые, глядя на мое лицо, считают меня неплохим и несколько ироничным парнем. Это впечатление усиливается, когда я начинаю говорить. Я не люблю повышать голос, и обычно это создает образ некой расслабленности и неопасности. Что меня вполне устраивает.

— Стоило взять с собой вещи, — отвлек меня Стэфан. — Хотя бы маленький дорожный саквояж.

— К чему? — удивился я, откидываясь на приятную кожаную спинку. — Предпочитаю путешествовать налегке. Позже пришлю кого-нибудь за ними к Зинтринам.

Я развернул «Время Рапгара»... В отличие от многих, я предпочитаю начинать читать утренние газеты с последней страницы, той, где публикуют некрологи. На мой взгляд, любая, даже самая горячая новость часа, включая внезапную кончину Князя, или очередное восстание в очередной колонии, или находку очередных сапфировых приисков, может подождать, в отличие от смертей жителей Рапгара.

У меня в этом свой интерес. Я все еще продолжаю надеяться увидеть в списках трех братцев Клариссы, чэров Патрика эр'Гиндо, Мишеля эр'Кассо и чэру Фиону эр'Бархен — членов справедливой Палаты Семи, ^[14] господ

старших инспекторов Грея и Фарбо, а также ублюдка Шольца из «Сел и Вышел». Ну и безымянного садовника, будь он проклят Изначальным огнем за погубленную поляну анемонов, что росли возле моего дома с момента основания Рапгара.

Кажется, никого не забыл.

— Ничего? — Стэфан был в курсе моих привычек и моей ненависти.

— Ничего, — холодно ответствовал я и прочел, подражая ленивому голосу Данте, когда тот цитирует фразы из скучной книжонки: — «Добрый сын», «хорошая сестра», «любящий муж». Ни одного мерзавца, подлеца и труса. Эти господа все еще имеют честь дышать воздухом Рапгара в совершенно возмутительных количествах.

Он усмехнулся.

— Что? — тут же спросил я, отрывая взгляд от строчек.

— Ты как хапlopелма,^[15] мой мальчик. Только жители Паутинки могут столь терпеливо выжидать в засаде. Прошло полтора года, но ты даже не щелкнул жвалами, словно тебе и дела нет до всего этого.

— И?...

— Ты сильно изменился. Перестал играть. Стал менее порывист и более осторожен. Слушаешь, наблюдаешь и не тревожишь гнездо фиосс. Такой, признаться честно, ты мне нравишься больше, чем прежний. Становишься похож на своего деда. Он тоже всегда ждал до последнего.

— Ну тебе лучше знать. — Я растянул губы в вежливой улыбке и вновь уткнулся в газету.

— Эта тактика не сработает, Тиль. Он не объявится, — вкрадчиво сказал амнис.

— Ты о ком?

— О том, кто за всем этим стоит. Иначе ты бы уже хоть что-то узнал. Выжидать он может дольше, чем ты.

Я пожал плечами, скользя глазами по ставшим вдруг невидимыми строчкам. Не хочу и не буду верить в это, иначе моя и без того хлипкая надежда обернется прахом. Порой, просматривая некрологи, я начинаю думать: а вдруг это он, здесь, среди черных букв, оттиснутых на дешевой бумаге печатной машиной? Что гнусная сволочь спряталась за «любящим отцом», или «верным другом», или «храбрым офицером», а я даже этого не узнаю и так и останусь ни с чем. В такие минуты я начинаю испытывать нехарактерные для меня приступы страха.

— Считаешь, что я не прав? — Стэфан не стал отказываться от разговора.

— Верно. Так я и считаю. — За окном плыли пушистые облака и

мелькали золотистые деревья. — Потому что семь с половиной лет назад он уже сделал свой ход. Отступать и прятаться поздно. Его ищу не только я. Верю, что Князь лично заинтересован в поисках виновного, а значит, серые ищейки Скваген-жольца работают.

— Тем более. Ты хочешь опередить профессионалов?

— Я? Ничуть, — солгал я. — Что касается их умения работать — сомневаюсь, что они смогут найти искомое по остывшим следам, раз у них не получилось это сделать по горячим. Впрочем, давай закроем тему. Она мне неприятна.

— Как тебе угодно.

Я начал листать газету задом наперед, словно какой-то малозанец.

— Что интересного пишут? — Стэфан всегда был жаден до новостей.

— «Команда университета Йозефа Кульштасса в третий раз подряд выиграла соревнования по академической гребле у университета Маркальштука, проплыв по каналу Мечты от залива Тихой стоянки за рекордное время. Победители отправятся на мировое спортивное студенческое первенство защищать честь родного города», — прочел я спортивную колонку под рисунком восьмерки обнимающихся гребцов.

— Ну да. Ну да. Махать веслами — все же не мозгами шевелить. Лучше бы учились, бездельники!

— Ты похож на сварливого старика.

— Я и есть старик. А от такой жизни вполне можно стать сварливым. Там о грядущих беспорядках и драках в Старом парке между студентами враждующих университетов ничего не сказано?

— Ни строчки, — серьезно ответил я ему.

— Так я и думал. Помяни мое слово, Тиль. К вечеру случится грандиозная буча. Опять побьют все фонари.

— Лучше фонари, чем лица. После предыдущих соревнований было шестеро или семеро погибших болельщиков.

— Это если не считать десятка тех, кто застрелился, проиграв пари, — подхватил Стэфан. — Давно пора запретить все эти игрища. Или же отправить оболтусов на Арену. Если умрут, то с толком.

У амниса было свое мнение о некоторых спортивных состязаниях.

— Кстати, что там с Ареной? — оживился дух. — Сезон ведь открывается на следующей неделе! Не хочешь приобрести билет? Я с интересом окунулся бы в боевой азарт и поболел за Крошку Ча.

— Прости мне мою необразованность, но кто такая Крошка Ча?

— Ты словно и не лучэр. Совсем перестал интересоваться популярными азартными играми. Крошка Ча — это он. Лучший

управляющий паровой машиной за всю историю Рапгара. Победил всех соперников. Он уже пять лет является абсолютным чемпионом. Никто против него и не ставит, хотя, если он когда-нибудь проиграет, кто-то озолотится.

— Вам, амнисам, только и надо, что потратить немного фартов ваших хозяев, — неодобрительно сказал я.

— Азартные игры у нас в крови, — не стал отрицать Стэфан. — Но ты же знаешь, мой мальчик, я этим не злоупотребляю.

— В отличие от моего брата, — нахмурился я еще сильнее.

— Не хочешь с ним поговорить?

— Нет. Ты же знаешь, чем обычно заканчивается подобное. Мой кошелек скудеет на пару десятков фартов. Виктор обладает уникальной способностью вытягивать деньги из родственников и спускать их в одночасье.

— Может, начнешь читать с первой страницы? Там все самое интересное.

— И не подумаю! Как тебе новость? «Вчера Городской совет выступил с заявлением, что дьюгони смогли полностью восстановить городскую дамбу, частично поврежденную после весенних паводков и поднятия уровня воды в озере Мэллавэн. Угроза затопления для западных районов Рапгара миновала». Нет, ты слышал? Если бы дамбу прорвало, то половину города смыло точно. Уровень воды в озере выше, чем в море, футов на восемьдесят. Если что и уцелеет, то лишь Холмы да Каскады.

— Что ты хочешь от Городского совета? — делано удивился Стэфан. — Ляпни они что-нибудь неутешительное, и мэр бы раскатал их быстрее, чем Палата Семи раскатала бы его. Дьюгони работали очень неспешно — почти четыре месяца. Если бы летом начались затяжные дожди, как три года назад, дамба могла и не выдержать.

— Ну дьюгоням это как раз все равно. Вода — их стихия. И они не слишком довольны политикой мэра. В последнее время заводы и фабрики Копоти, Сажи, Дымка и Пепелка сбрасывают им в воду кучу дряни. Они уже несколько раз подавали протест в Городской совет.

— Толку-то? — фыркнул амнис. — У детей рыб ограниченное гражданство. Их никто и слушать не станет.

Я посмотрел в окно — мы замедляли ход, подъезжая к очередной станции.

— Они не рыбы, кроме того, Глас Иных и Народная палата^[16] на их стороне. И ты не прав, что их не станут слушать. Я уверен, что дамба повредилась не просто так. Несложно предположить, что на этот раз

дьюгони ее не доломали. Следующая попытка будет удачнее. Если затопит Кошачий приют, мяурры поднимут такой вой, что даже владельцам фабрик придется прислушаться. Если не к ним, то к Князю. Он благоволит котам. Так что давно пора проводить сливные трубы через Соленые сады в реки.

— По мне, так уж сразу в грунт к тропееллам. Тогда цветочки мгновенно придумают, как очистить грязную воду от мусора, — Амнис рассмеялся дребезжащим смехом.

На станции мы стояли всего ничего, поезд вновь тронулся, и я углубился в чтение.

— ...Что еще интересного? — не выдержал Стэфан минут через тридцать.

— Смотри-ка. Через месяц в город приезжает оперный театр жвилья. Ожидается аншлаг.

— Неужели тебе это интересно? Особенно после той интрижки с балериной? — изумился он.

— Не слишком. Точнее, совсем неинтересно. Но к этому событию обещают наконец-то дотянуть трамвайную ветку до Маленькой страны. А вот это уже куда важнее! — Я перелистнул страницу. — Обострение дипломатических отношений с Малозаном. Очередной виток.

— Кирус? — тут же догадался амнис.

— Верно. Кирус. Попросил у Рапгара помощи в защите меры от малозанских фанатиков. Здесь не хотят поклоняться солнцу. Князь ввел на остров Двадцать четвертый полк легкой пехоты, Семнадцатую роту магической безопасности и отправил к берегам союзника Второй флот. В том числе и броненосцы «Пламя», «Светлячок» и «Чэра Мария-Александра».

— Да ну? Она же была возле Магара! В порту Кальгару.

— И малозанцы, наверное, так думали. И вот тебе сюрприз: недалеко от их берегов — три тяжелых корабля. Того и гляди пальнут по дворцу шейха.

— Как ответил Малозан?

— Пока никак. — Я дочитал заметку, завершившуюся слащавой патриотической чушью. — Но южане непременно обидятся на ввод наших войск и устроят какую-нибудь пакость. Кирус — свободное государство, а не наша колония. Так что действовать следует ювелирно. Не уверен, что наши военные справятся. Вполне возможно, что к зиме начнется война.

— Вся эта защита веры — жалкое прикрытие. И Рапгар, и Малозан порвут глотки за черную кровь, найденную в белой земле острова.

Это точно. Кирус лет четыреста находился под протекторатом южной

империи, пока отец нынешнего Князя не посоветовал прежнему шейху отвалить в свою пустыню, к финиковым пальмам, подобру-поздорову. Наши колониальные войска быстро переломили упрямство малозанца, и с тех пор остров свободен и независим, хотя многие его и называют негласной четырнадцатой колонией Рапгара.

Но год назад в горах Кируса нашли то, что называли черной кровью. Не знаю, что это за дрянь, возможно, она осталась еще с того времени, когда мир населяли предки лучэров, но обнаружили ее исключительно в одном месте — на маленьком острове посреди Срединного моря.

Тут же пошли слухи, что тропаеллы, едва увидев черную кровь, отложили пору цветения на неопределенный срок, заперлись в лабораториях Больших голов и корней с чашелистиками оттуда не кажут. Либо нас в скором времени ждет очередной виток прогресса, от которого и так уже некуда деваться, либо я ничего не понимаю в этой жизни.

Маги тоже заинтересовались неизвестной субстанцией и уже успели сообщить, что потенциал некоторых заклинаний, в особенности тех, что запрещены Палатой Семи и разрешены лишь некоторым Благородным чэрам и алым^[17] жандармам, при использовании черной вонючей жижи увеличивается вчетверо.

Разумеется, Малозан тоже захотел припасть к новому источнику власти и могущества, вновь заявил территориальные претензии на остров и начал подтягивать к морским границам крылья армий, впрочем пока избегая открытых нападок и ограничиваясь завуалированными, дипломатическими, оскорблениями.

Эта возня меня не слишком интересовала, поэтому я не стал читать мнения авторитетных людей и уважаемых жителей города и добрался до первой страницы. Где-то минуту изучал огромную надпись с кучей восклицательных знаков, затем с мрачным видом показал ее Стэфану:

— Твой пророк был прав, старая ворона. Все только начинается. Убийца и не думает успокаиваться. Его уже называют Ночным Мясником. Сегодня произошло третье убийство. И ты не поверишь — он все-таки выбрался из Ямы.

— Где? — односложно спросил амнис.

— Восток Соленых садов. Парень, кем бы он ни был, решил не сидеть на месте и отправился в путешествие по Рапгару. Если жандармы его не поймают, он того и гляди доберется до Небес или Золотых полей. Погиб... опять благородный господин. Имя не сообщается. Какое чувство такта! Не думал, что оно есть у наших газетчиков.

— Возможно, кто-то известный. Думаю, еще пара смертей, и серые

мундиры Скваген-жольца возьмут под контроль прессу, иначе начнется паника.

— Все к этому и идет. А вот это уже интересно! Слушай. «Как сообщает достоверный источник, рядом с телом убийца оставил некую надпись, но представители западного отдела Скваген-жольца, в том числе и старший инспектор Грей, ведущий это дело, по поручению начальника жандармерии чэра Гвидо эр'Хазеппа отрицают такую информацию. Наш журналист видел, как несколько жандармов несли воду и краску, чтобы смыть надпись, хотя официальные лица Скваген-жольца отрицают и это, отмечая, что воду и краску использовали, чтобы удалить кровь и не пугать местных жителей. Нам остается лишь догадываться о том, какое послание оставил Рапгару жестокий убийца и почему власти скрывают его от общественности».

— Грей ведет дело? Они не найдут даже объедков! Правда, меня больше интересует, не что написал убийца, а как он убил, — заявил Стэфан.

— Говорю же, ты слишком кровожаден. Даже для амниса. — Я, потеряв интерес к газете, бросил ее на стол и встал, решив догулять до вагона-ресторана, находившегося по соседству с моим вагоном.

Разумеется, можно было заказать еду и сюда, но я не люблю попусту гонять людей и Иных, когда что-то можно сделать самому.

В коридоре меня едва не сшибли с ног. Два господина неслись по проходу со скоростью летящего в пропасть паровоза. Один очень походил на представителя народа жвилья — нос с горбинкой, карие глаза и тонкие губы. Одет он был куда лучше, чище и изысканнее своего товарища. Во всяком случае, у меня не полезли глаза на лоб от сочетания несочетаемого. Чего я бы не сказал о его приятеле. Клетчатый потертый пиджак, ало-фиолетовый галстук, желтая рубашка и шляпа, на которой, казалось, основательно потоптался какой-нибудь махор, а может быть, слон.

Мужчина с потным красным лицом втоптал бы меня в ковер, если бы я не успел посторониться. Он, явно разочарованный тем, что случайная жертва ускользнула от него, буркнул в мой адрес нечто нелестное. Жвилья, немного запыхавшись, снял на ходу шляпу, и извиняясь, вежливо улыбнулся:

— П'остите моего д'уга, чэ. Он поте'ял кошелек.

Когда он говорил это, его темные глаза были холодными, колючими и отнюдь не вежливыми, в отличие от его слов. Я знавал такие взгляды — успел повидать их у некоторых заключенных во время своей кратковременной экскурсии в рапгарскую тюрьму. Здесь главное — следить

за руками такого человека. Стоит зазеваться — и кусок стали войдет тебе в печень, почку или шею.

Они появились и исчезли, словно выбравшийся из трущоб тру-тру. Я пожал плечами и, тут же забыв о них, дошел до ресторана, выпил кофе и вернулся к себе в купе, где Стэфан начал ворчать, что хочет спать.

Здесь меня насторожил странный шорох из шкафа. Я нахмурился. Крыса в вагоне первого класса — редкое явление. Резко распахнув дверцу, я едва избежал удара стилетом в грудь, отпрянув в последний момент и перехватив тонкое запястье.

Не слишком церемонясь, я рванул руку напавшего книзу, одновременно выкручивая ее, и услышал жалобный вскрик. Пришлось выволочь содержимое шкафа на свет, чтобы рассмотреть того, кто едва не испортил мой пиджак и все, что находится под ним.

«Содержимым» оказалась молодая женщина.

Ее заплаканное лицо было искажено болью, отчаянием и страхом. Впрочем, когда она разглядела меня, там появилась и еще одна эмоция — неземное удивление.

— О Всеединый! — прошептала она. — Вы не они!

— Очень своевременное наблюдение, — сказал я, забирая из ее разом расслабившейся руки стилет. — Не знаю, кого вы ожидали повстречать в моем шкафу, но их здесь нет.

Стэфан благоразумно молчал.

— Отпустите, — попросила девушка и добавила совсем жалобно: — Больно.

Я поразмыслил над ее предложением и, решив, что хуже уже точно не будет — вряд ли в ее сумочке можно спрятать что-то крупнее пилочки для ногтей, — разжал пальцы.

— У вас медвежья хватка, — сказала она, все еще стоя на коленях и растирая запястье. — Простите, чэр. Мне нет оправдания за это нападение. Я увидела, что купе открыто, и подумала, что оно пустует. Я... я... мне нет оправдания... позвольте мне уйти.

Она бросила затравленный взгляд на дверь, ведущую в коридор. Было понятно, что выходить туда ей очень не хочется. Мое решение созрело мгновенно:

— Садитесь, — указал я на диван. — На полу холодно. Девушка поколебалась, нервно коснулась красивой булавки в виде химеры, приколотой к ее жакету, но приглашение приняла, присев на самый краешек.

— Кто вы, чэр?

— Извините мои плохие манеры, леди. Я не успел представиться. — Я постарался, чтобы в моем голосе не было иронии.

— Мое имя Тиль эр'Картия.

— Эрин.

— Эрин? — Я поднял брови, подразумевая, что должно быть еще.

— Просто Эрин, — сказала она и разрыдалась.

Этого еще только не хватало! Когда начинают плакать женщины, я чувствую себя совершенно беспомощным.

Я протянул ей свой носовой платок и позвал кондуктора, спрятав стилет под газету. Мяурр вопросительно посмотрел на всхлипывающую незнакомку, затем на меня, ожидая разъяснений.

— Эта леди — моя гостья. Пожалуйста, принесите ей чаю и какое-нибудь пирожное.

У него хватило чувства такта не проверять ее билет, решив заняться этим несколько позже. Кот вернулся меньше чем через минуту с подносом, на котором стоял чайник, чашка с блюдцем, кувшинчик с молоком, сахарница и нечто сладкое, воздушное и украшенное кремом — очередная кулинарная драгоценность от поваров жвилья.

Я дал кондуктору несколько фатов, что его полностью удовлетворило, так как кошачья рожа стала совершенно довольной, и он откланялся, аккуратно прикрыв за собой дверь.

— Пейте, — сказал я, наливая в чашку темного чая. — Это вас успокоит.

Эрин благодарно кивнула и улыбнулась. Улыбка у нее оказалась обворожительной. Да и сама девушка, несмотря на заплаканное лицо, надо отдать ей должное, была симпатичной. Утонченное личико с маленьким аккуратным носиком, большие, чистые, прозрачные голубые глаза, густые ресницы, на которых все еще блестели слезы. Карминовые губы казались чуть припухлыми, изящные каштановые завитки волос падали на лоб из-под очаровательной шляпки.

Фигура у этой невысокой прелестницы была преотличной, и со вкусом подобранная одежда лишь подчеркивала это. Узкая юбка-тальер плотно облегла бедра, расширяясь внизу наподобие лилии, консервативный жакет делал талию тонкой, подчеркивая грудь, а узкая сорочка с тугим воротничком и женским темно-кремовым галстуком давали простор для слишком неумного воображения. Такого, как у меня, например.

— Мне до сих пор страшно. Ведь я едва не убила вас, чэр! — Она поежилась, словно от зябкого ветра. — С моей стороны было очень необдуманно приходить сюда.

— От кого вы прятались? — поинтересовался я. Девушка тут же помрачнела:

— От друзей моего жениха. Моего бывшего жениха. Я разорвала помолвку и сбежала за день до свадьбы, а они поклялись во что бы то ни стало вернуть меня под венец.

Лгала она тоже совершенно очаровательно, и я не верил ни одному ее слову, даже несмотря на широко распахнутые, прекрасные, невинные глаза. Смею надеяться, что Эрин действительно сожалела, что хотела проткнуть меня этой острой штукой, но вся история про жениха не стоит даже самой худосочной лапки фиоссы. Если каждая сбежавшая невеста будет тыкать стилетом в грудь очередного друга суженого, то мужское население Рапгара вымрет в течение года.

— Я не буду досаждать вам своим обществом, чэр эр'Картиа. На следующей же станции я непременно сойду.

Я хотел сказать, что ее общество меня нисколько не утомляет, но не успел. Меня прервали самым бесцеремонным образом.

Дверь едва не слетела с петель, девушка испуганно вскрикнула, вжавшись в стенку, а в проеме появилась красная потная рожа уже знакомого мне амбала, за которым маячил жвилья и еще какой-то усатый уродец, похожий на хорька в человеческом обличье.

— Вот она! — рывкнул красномордый, брызгая слюной, и, не обращая на меня ровным счетом никакого внимания, бросился к Эрин, выхватив нож.

Я с детства не люблю грубиянов. Их вульгарная бесцеремонность и мнение, что можно переть без спросу, всегда утомляют и раздражают. В данном случае я был хозяином этого купе и сам решал, кто будет здесь моим гостем, а кто вылетит отсюда.

Я без всяких экивоков ткнул тростью в живот ворвавшегося мужлана. Тот, не ожидавший от меня столь решительных действий, охнул, согнулся, схватившись за больное место, и округлил и без того выпученные глаза. Мне показалось, что этого мало для того, чтобы он запомнил простую истину — в дверь чужой собственности требуется стучать, поэтому я ударил наглеца серебряным набалдашником по шее, и тот рухнул на пол с достаточно ощутимым грохотом.

Находящийся в дверях жвилья взял быка за рога, выхватив пистолет и направив его мне в лицо. Прищуренные карие, холодные, как у змеи, глаза, напряженный палец на спусковом крючке, темное восьмигранное дуло в пяти шагах от меня — чтобы все это увидеть, мне хватило доли секунды. Сработал не мозг, а мои оставшиеся от предков инстинкты — я принял

Облик, отпрянул в сторону, и в этот момент грохнул выстрел.

Электрическая пуля ярко-голубой молнией ударила в стекло, разбив его на сотни мелких осколков, и ворвавшийся ветер подхватил оранжевые занавески. Человек наугад повел дулом, надеясь зацепить меня, но я уже был рядом, рубанул тростью по его руке, пистолет подскочил, и пуля проделала в потолке дыру с рваными краями.

Я швырнул трость, словно копье, в третьего, вновь стал самим собой, схватил стрелка за грудки и выкинул в окно вместе с револьвером и изумленным воплем. Меня нисколько не смутило, что внешне парень выглядел несколько тяжелее и массивнее меня. Все-таки лучэры чуть сильнее людей, так что в моем поступке не было ничего экстраординарного. Надеюсь, что жвилья влетит головой в какое-нибудь дерево, благо мы как раз на полной скорости неслись через лес.

Третий из этой компании — тот самый не понравившийся мне усатый хорек — решил, что отправляться в окно ему совершенно не хочется, и бросился от меня прочь, прижимая к груди левую, поврежденную брошенной в него тростью, руку. Не знаю почему, наверное, исключительно из-за желания отвесить тумака по его костлявому задку, я рванул следом, на ходу подхватывая Стэфана.

Нагнал я беглеца в соседнем вагоне и тут же отпрянул назад, заметив у него в руке обмотанный медной проволокой револьвер с мерцающим барабаном. В этот миг мимо меня пролетела синяя молния, продырявив дверь тамбура, словно та была из бумаги. И сразу же за ней — вторая. Я отступил подальше и оказался прав. Следующие две пули оставили два рваных отверстия там, где я только что прижимался к стене.

Эти новомодные электрические пугачи — та еще дрянь. Хуже них лишь магнитные винтовки с рельсовыми стволами, совсем недавно поступившие на вооружение Князя. Мой приятель Талер, человек, знающий оружие не понаслышке, говорит, что новые стрелялки совсем скоро причинят нам всем массу неудобств. На мой взгляд — они уже причиняют. Вот прямо здесь и сейчас.

Я не забывал считать, и когда мимо просвистел шестой росчерк, а затем раздался сухой щелчок, выскочил в коридор, желая свернуть человеку шею, прежде чем он поменяет барабан с патронами, но тот меня опередил. Он провел дулом разряженного пистолета по полу, рисуя на ковре черную черту.

— Стой! — заорал Стэфан, но я уже грудью наткнулся на невидимую стену и, отлетев назад, упал на бок.

Меня накрыла волна тошноты, я справился с ней, вскочил,

рассерженно тряс головой, но незадачливого убийцы уже и след простыл, лишь хлопнула дверь тамбура.

— Кому говорил «стой»! — рассерженно рычал амнис. — Совсем ослеп, мальчик! Темное начало нарисовано на полу! Такого, как ты. Это может и убить! Хорошо, что он не успел начертить знак полностью, иначе ты бы изжарился!

— И без тебя знаю! — огрызнулся я, все еще ошеломленный тем, что столкнулся с одним из изначальных магов, и раздосадованный, что эта сволочь умудрилась сбежать.

Я с мрачным видом посмотрел на черные полосы, испортившие прекрасный магарский ковер. Незаконченный логос и цапля, вписанная в многоугольник, — точно такая же печать Изначального огня, правда горящая, когда-то лишила меня свободы на долгие годы.

Я поднял с пола свою шляпу, на ходу отряхнул испачканную тулью, водрузил себе на голову и поспешил назад. С этой глупой погоней я непростительно забыл об Эрин.

В моем вагоне из соседних купе выглядывали испуганные, побледневшие пассажиры, все спрашивали друг у друга, что произошло и почему стреляли. Кондуктор-мяурр со вздыбленной шерстью и выпущенными когтями пытался их успокоить. Мне он тихо сказал:

— Простите, чэр, но на станции придется вызвать жандармов.

Я остался бесстрастен. Заглянул в свое купе. Красотка Эрин пропала, а красномордый здоровяк лежал с воткнутым ему в сердце стилетом.

Глава 3

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ВОКЗАЛ

— Сегодня не твой день. Один идиотский поступок за другим.

— Ты злишься потому, что тебе не дали выспаться? — Я чувствовал раздражение от всего случившегося.

— Нет! Я злюсь исключительно из-за того, что ни один из этих криворуких господ тебя не убил! Иначе я бы давно уже обрел свободу и не торчал здесь с таким...

— Осторожнее, амнис! — В моем голосе появилась сталь. — Я не в настроении.

— Извини... хозяин, — тут же сбавил тон Стэфан. — Но разве ты не видел, что девушка та еще штучка?

— Видел. Если она невеста, а те грубые ребята — женихи, то мне становится страшно за таинство брака.

Нападение, попытка убийства, стрельба, маг и убийство — и это все за неполных десять минут. Таинственная Эрин появилась и тут же исчезла, оставив после себя труп одного из своих преследователей. Кто она на самом деле? Чего хотела? От кого убегала? Кто на нее напал? И почему она так внезапно ушла?

Можно строить догадки до бесконечности, но все они — песчаные замки на морском берегу. Ответов я все равно не получу. Лучшим вариантом было бы забыть это маленькое дорожное приключение как можно скорее. Выкинуть из головы всю случившуюся суету, как жвилья через окно.

Но у меня не слишком получалось. Во-первых, я по природе своей любопытен. Во-вторых, крошка Эрин привлекла мое внимание. Она была интересной. Казалось, в этой девушке есть что-то такое... живое, что ли? Да, пожалуй, именно это слово. Рядом с ней впервые за семь с половиной лет я почувствовал, что пробуждаюсь и становлюсь прежним собой. Тилем эр'Картиа. Таким, каким его знали до событий, случившихся на вилле «Черный журавль».

Эрин, таинственная девушка с карминовыми губами, была слишком непохожа на Клариссу и дам из высшего света. И, признаться честно, мне бы хотелось увидеть ее еще раз.

Я достал часы, покачал их на цепочке перед глазами, глядя на

гравировку на крышке.

«Тилю, в которого я всегда верил, несмотря ни на что. Дядя».

Порой я чувствую себя большим подлецом. Я принял подарок, но так и не нашел в себе сил прийти и извиниться перед ним за те слова, что сказал ему после того, как славный судья Дикстоун огласил решение Палаты Семи.

Откинув крышку, я посмотрел на стрелки. Никогда не опаздывающий «Девятый скорый» впервые за свою историю задерживался на несколько часов.

После случившегося паровоз остановился на первой крупной станции — Лайльеге, и за дело принялись господа из Скваген-жольца. Перво-наперво они все оцепили, провели тщательную проверку, но Эрин и усатого мага и след простыл. Оставалось лишь предполагать, как им удалось покинуть несущийся на всех парах поезд.

Синие мундиры допрашивали пассажиров, в том числе и меня. На мое счастье, кондуктор подтвердил, что я всего лишь жертва обстоятельств и не причастен к убийству того господина. Пока поезд стоял, рабочие со станции успели поменять стекло в моем купе, убрали труп, вынесли окровавленный ковер. Машинист ка-га шипел и плевался кипятком почище парового котла.

— Возмутительно! — верещал он, подпрыгивая перед жандармом и явно считая, что это действие придаст ему значительности. — Такая задержка! Дайте! Дайте справку с печатью, иначе профсоюз оторвет мне голову!

Стэфан тихонько фыркнул, возвращая меня к действительности.

— Что? — не понял я, перестав смотреть в окно.

— Тот жвилья. Его глаза. Клянусь Всеединым, они были крайне изумленными, когда ты принял Облик. Он явно не ожидал от тебя ничего подобного, мой мальчик.

Надо думать. Каждого жителя Рапгара с самого детства учат одному простому правилу — по возможности не задирать лучэров с красными и янтарными глазами. Это старая кровь, сохранившая в себе память предков и, в отличие от остальных Детей Мух, ^[18] способная использовать и Облик, и Атрибут. Лишь Всеединый знает, кем они станут, когда вы нападете, и что они с вами сделают.

Все остальные чэры — свежая кровь, дети лучэров и людей, утратили древнее знание. И с ними можно уже не быть настолько вежливыми.

Мои глаза не алые и не желтые — они пепельные, но кровь моего отца оказалась сильна. У меня есть мой Облик и есть Атрибут. Конечно, им

далеко до того, что имеется у Данте или того же Князя, но порой и этого достаточно, чтобы выиграть схватку. К примеру, в такой день, как сегодня.

Я выглянул в окно.

Мы уже проехали окраины Рапгара и Вольный город и теперь, миновав разветвление железнодорожной колеи, уходящей налево, к туннелю, проложенному под Холмами, приближались к вокзалу.

Рапгар, это огромное чудовище, раскинувшееся на двух берегах морского фьорда и окрестных островах, западной оконечностью упирающееся в пресноводное озеро Мэллавэн, выростал из-за горизонта бесконечными домами, дорогами, постройками и трубами далеких заводов и фабрик. Наш славный город — это одна большая братская могила мертвых, не совсем мертвых, не слишком живых и тех, кто делает вид, что он жив.

Он притягивает и отвращает одновременно. Столица страны многогранна, словно раздавленный калейдоскоп, из которого высыпались разноцветные стеклышки — зеленые, синие, красные и черные. Все вперемешку. Здесь можно найти настоящее сокровище и смрадный мусор, уютный уголок и отвратительную ночлежку, отыскать друга и обрести массу врагов, начать новую жизнь или же распрощаться с ней навсегда. Рапгар — страна множества рас, королевство богачей, царство нищих, мир пара и электричества, пропахший гарью, порохом, испражнениями скангеров, утонченными духами, свежим морским бризом, Королевством мертвых и персиковыми садами.

Районы Иных, плотно застроенные, с теснящимися друг к другу домами, темными крышами, серыми стенами, высокими шпилями старой застройки тянулись по обе стороны от железной дороги. Здесь, как всегда, царили оживление и сутолока. Люди и нелюди спешили по своим делам, торговали и заключали сделки. Наперегонки с поездом отправились несколько фиосс. Судя по бледным полоскам на брюшках — совсем еще дети, каким-то чудом умудрившиеся вырваться из-под назойливой опеки родного роя.

Пузатый молодняк, весело жужжа, летел рядом с моим вагоном. Один из них заметил, что я наблюдаю за этой гонкой, помахал мне черной лапой и растянул зубастую пасть, что означало дружелюбную улыбку. Я помахал в ответ, и он, довольный вниманием, поднажал еще сильнее, надеясь если и не обогнать паровоз, то хотя бы позлить машиниста ка-га.

Они отстали от «Девятого скорого», лишь когда начался университетский район Маркальштука — ухоженный, с подстриженными газонами и золотыми парковыми рощами — прекрасный оазис среди

диколесья южных районов Рапгара. Гордость университета — огромная обсерватория, купол которой в хорошую погоду был виден даже с противоположного берега, — на секунду закрыла собой половину неба, а затем сгнула, уступив свое место университетским корпусам.

— Ты хотя бы осознал, что тебя могли убить? — нарушил молчание Стэфан.

Я хотел ему ответить, что как-то поздно трепыхаться по поводу собственной смерти, но решил не раздражать по-пустому.

— Внимание жандармов тебе ни к чему, — продолжал давить амнис.

— Перестань! — отмахнулся я от него. — Ничто в этом мире не способно испортить мою репутацию. Нечего уже портить.

Поезд тем временем выехал на мост Разбитых надежд — самый длинный и высокий в Рапгаре. Он соединял южный берег с Сердцем — крупным островом, который был связан с другими, более мелкими островами и северным берегом. Висячий мост построили почти двадцать лет назад, и тогда никто не верил, что это огромное стальное сооружение длиной почти в полторы мили, с уходящими в воду опорами, взлетающими на недостижимую высоту алыми крыльями и натянутыми стальными тросами, горящее ночью электрическим светом, — простоит хотя бы день. Но он выдержал, несмотря на то что до сих пор казался многим слишком изящным, хрупким и воздушным.

Кроме железной дороги по мосту проходила и обычная — для экипажей и пешеходов. Предприимчивые ка-га обо всем позаботились и постоянно тянули плату из города за право пользования своим детищем. Уже пару раз случались ситуации, когда мэр пытался протащить в Городском совете предложение о национализации важного для города объекта. Но Глас Иных и забастовки ка-га, а также недовольные акционеры из числа уважаемых жителей Рапгара на корню пресекали эти попытки градоначальника перевести денежный поток в свои руки.

Впрочем, мост Разбитых надежд так назывался не потому, что он не рухнул в первый же час после завершения строительства, на чем букмекеры потеряли кучу наличности. И не оттого, что у мэра так и не получилось взять власть над этой золотой жилой. Просто последние двадцать лет прыжок с моста — чаще всего используемый способ расстаться с жизнью.

Сюда приходят все — проигравшиеся в Яме, несчастные влюбленные, лишенные гражданства, потерявшие работу, расставшиеся со всеми надеждами и просто уставшие от сумасшествия нашего мира.

Четыре с небольшим секунды свободного падения — и покойника,

если тому повезет попасть в течение и всплыть, через несколько дней баграми вытаскивают из воды лодочки или жандармы. Или же, если они не поспешили, набежавшие скангеры или выползший из темной норы тру-тру оприходуют несвежее мясо по-своему. Падальщики и людоеды чувствуют мертвых гораздо лучше, чем живые.

Далеко на западе в голубоватой дымке виднелась широкая серая ребристая полоса — дамба дьюгоней, отделяющая огромное озеро Мэллавэн от фьорда, вода в котором была чем дальше от преграды, тем солонее. Перед дамбой раскинулся низкий, застроенный домами длинный остров. Я бы на месте жителей его районов — Паутинки, Хвоста и Гетто Два Окна — нервничал. Чуть ли не каждый год газеты писали, что по всем математическим расчетам выстроенная дьюгонями плотина не выдержит напора воды и зальет Рапгар по крыши. Если такое случится, то Паутинка и иже с нею утонут первыми в течение нескольких минут.

Правее от дамбы располагались самые грязные заводские и фабричные районы. Очаровательная четверка: Пепелок, Дымок, Сажа и Копоть. Я в жизни там не был и надеюсь, что никогда не попаду, так как у меня нет запасных легких.

Многочисленные трубы предприятий, работающих на благо города и страны, пачкали небо бесконечными столбами дыма самых странных и нелепых цветов, вплоть до алого и зеленого. При ясной погоде, когда начинался закат, из-за этих выбросов в воздух солнце окрашивалось во все оттенки радуги, а его лучи создавали и вовсе не виданные оптические эффекты. Боюсь, таких перемешанных палитр не мог бы изобрести даже воспаленный мозг лунатика, который обожрался наркотика мяурров.

На счастье жителей Рапгара, роза ветров, властвующая над городом, была такова, что весь дым сносило на запад, на озерный край и начинавшиеся за ним леса. В противном случае вся столица давно бы успела зарости сажей и провонять вплоть до старых катакомб.

Мы миновали мост, под которым спокойно проплывали корабли, и въехали в Сердце — деловой центр Рапгара, пристанище крупных банков, представительств компаний, посольств, магазинов, Академии доблести и Скваген-жольца. Дома здесь были не в пример выше, красивее и чище тех, что остались на южном берегу, а улицы широки и просторны.

Поезд начал замедлять ход, миновал небольшой туннель, проложенный под проспектом, где располагался любимый ресторан Данте, и не прошло и двух минут, как мы оказались на Центральном вокзале.

Вагон остановился у перрона, я встал и уже собирался покинуть купе, когда мое внимание привлек маленький желтый лоскуток, торчащий между

спинкой и кожаной подушкой дивана, на котором недавно сидела Эрин.

— Что это? — нахмурился я, подошел поближе, и в руках у меня оказался женский шелковый платок.

Он был канареечно-шафранным, с витиеватыми оранжевыми разводами и едва уловимо пах духами Эрин — красный мандарин, ваниль и свежесрезанные цветы.

— Забыла, когда убегала в спешке? — высказал предположение Стэфан.

— Тогда бы он просто лежал на сиденье. Или на полу. Нет. Она его спрятала. Разве не видишь?

— Вижу. Но не понимаю. Что ценного в обычном, пускай и шелковом, платке?

— Если бы я знал. Но Эрин, похоже, опасалась держать его при себе. — Я посмотрел ткань на свет, но ничего интересного не нашел, немного подумал и убрал вещь в карман брюк.

— Что ты делаешь? — тут же забеспокоился амнис.

То, что считаю нужным. Здесь он точно пропадет. Возможно, мне когда-нибудь представится возможность встретиться с ней еще раз.

— Глазам своим не верю! — Если бы у Стэфана были руки, он бы ими непременно всплеснул. — Ты решил, что не стоит забывать эту смазливую убийцу!

— Ну здесь, положим, надо разобраться, — неохотно ответил я, направляясь к выходу. — Ее стилет в груди того жмурика еще ничего не значит.

Я распрощался с поклонившимся кондуктором и неспешно пошел по перрону, стараясь избегать сутолоки, устроенной пассажирами, и носильщиков с телегами, нагруженными чемоданами, коробками и корзинами.

К запаху смолы от шпал здесь примешивались ароматы ванили, корицы и сдобы. Чуть дальше, прямо на перроне, мальчишка из народа кохеттов торговал булочками.

Десять платформ вокзала были накрыты застекленным куполом, сквозь который проникал дневной свет. Под куполом мелькали крылатые тени — голуби и носящиеся по делам и поручениям фиоссы. Они благоразумно не залетали в основное здание вокзала, не желая сталкиваться со своими вечными врагами — хапlopелмами. У двух этих рас были стародавние счеты, и, зная некоторую вспыльчивость хапл, поведение фиосс можно было назвать очень разумным.

— Не люблю этот вокзал, — между тем ворчал Стэфан. — На месте

прекрасного дубового парка и фонтанов Городской совет выстроил это убожество, сделанное из стекла, кирпичей и стали. Теперь оно смотрится как какая-то язва на Сердце. Чем политикам не угодила прежняя стоянка паровозов?!

— Не приукрашивай, — попросил я его. — Старый вокзал очень давно не справлялся с людским потоком. Хорошо, что построили новый.

— Тебе же хуже. Теперь приходится добираться до дома через половину города.

Возле паровоза я стал свидетелем безобразной драки между тремя ка-га. Двое чиновников с золотыми цепями членов профсоюза, сопя, мутузили вопящего и размахивающего справкой машиниста опоздавшего поезда.

Ка-га похожи на толстых, объевшихся кротов, которые не смогли проглотить большую морковку, и теперь она торчит у них из пасти. Эти ребята ростом чуть выше моего пояса, приземистые, с лоснящейся, покрытой складками, черной шерстью, с широченными розовыми руками, маленькими пороссячьими глазками и длиннющим носом, который как раз и похож на морковку.

— Я тебе такую справку покажу! — пискляво вопил один из чиновников, пытаясь пнуть машиниста короткой ножкой. — Репутация всей железной дороги мяурру под хвост! Акции компании упали на четырнадцать пунктов!

Машинист, понимая, что бумажкой с печатью делу не поможешь, ловко саданул представителя компании «Железные дороги Рапгара» по носу.

— Ах вот ты как?! — взвизгнул тот, и началась форменная свалка.

Вокруг стали собираться зеваки, подбадривая драчунов выкриками и смехом. Дерущиеся ка-га — зрелище довольно забавное. Несколько фиосс, оставив дела, сели на окрестные фонари, решив насладиться бесплатным представлением. Какой-то человек с карандашом, как видно, журналист одной из газет, строчил в блокноте, в красках описывая драку.

Я вошел в зал ожидания вокзала, где на огненном табло горели данные обо всех отправляющихся сегодня поездах. Людей и нелюдей здесь тоже было достаточно, но, по счастью, обошлось без толчеи.

Привычно подняв взгляд к куполообразному потолку, я увидел двух хахлопелм, находящихся на службе у Скваген-жольца и патрулирующих вокзал. Эти прекрасные создания — лучший гарант отсутствия преступлений. Ни один карманник, вор и убийца не решится заниматься своим ремеслом под взглядом множества глаз огромных пауков.

Мне показалось, что одна из хапл смотрит на меня. Вот уж кого не

люблю, так это жителей Паутинки, даже несмотря на то, что это лучшие солдаты в гвардии Князя. Хаплопелмы — крайне агрессивные и жестокие существа. А когда над тобой нависает озверевший паук восьми футов в высоту и четырнадцать футов в длину, с огромными жвалами и скоростью, в три раза превосходящей скорость охотящегося мяурра (а это о чем-то да говорит!), — надо быть начеку.

Впрочем, следует отдать должное — хаплы редко нападают первыми, конечно, если ты не являешься представителем народа фиосс или кровососов завью. Пауки не любят летающих существ.

— Осторожно! — поспешно сказал Стэфан, и через секунду передо мной уже находилась спустившаяся с потолка хаплопелма.

Огромная головогрудь с четырьмя большими, мохнатыми, суставчатыми лапами, маленькое пузатое брюшко, две пары коротких проворных «ручек» с двумя когтистыми пальцами и очень внушительные хелицеры и педипальпы,^[19] каждая из которых заканчивалась острым ядовитым когтем. Вся хапла, а, судя по насыщенному кобальтовому цвету, это оказалась самка, была покрыта толстым слоем волосков, очень похожих на шелковистую шерсть.

В общем, очаровательное зрелище, особенно для неподготовленных умов. Даже если заглянуть в каждый из шести блестящих агатовых глаз, никогда не поймешь, что на уме у этого существа. Оставалось лишь надеяться, что тебя не перепутали с мухой.

Она раскрыла страшные жвалы, и я услышал:

— Чэр эр'Картиа? — Тихий шелест исходил из ее утробы.

— Совершенно верно, — сказал я, глядя ей прямо в «лицо». В общении с сотрудниками Скваген-жольца до поры до времени следует сохранять вежливость.

— Следуйте за мной... Пожалуйста.

Решив, что этого достаточно, она развернулась на месте и с изяществом трамвая поперла вперед, заставляя посетителей вокзала пошевеливаться и расходиться в стороны, уступая дорогу.

Мне не оставалось ничего иного, как идти следом, хотя, конечно, можно было спросить, в чем дело и куда меня ведут. Но проще и быстрее дойти, чем пытаться препираться с кобальтовой красавицей. Я не слишком-то спешил, и хаплопелма сбавила прыть, принаравливаясь к моей походке.

Мы прошли весь зал насквозь и оказались на улице, напротив большой площади Сумок. Здесь меня ждал старший инспектор Фарбо. Он несколько не изменился за годы, что мы не виделись. Все те же широченные плечи, едва помещающиеся в дешевый полосатый пиджак, бульдожья морда,

заросшая редкой рыжеватою щетиной, и пронизательные голубые глаза, сверкающие из-под полей надвинутой на лоб шляпы.

— Старший инспектор, — холодно приветствовал я его, не сочтя нужным касаться шляпы. — Какая честь.

— Чэр эр'Картия, — прогудел Фарбо. — Доброго дня. Простите, что пришлось искать с вами разговора столь оригинальным способом. Я боялся, что вы воспользуетесь другим выходом и мы с вами разминемся.

Я сделал вид, что поверил в эту чушь. Цепной пес Скваген-жольца вполне мог встретить меня возле поезда, раз уж ему так хотелось побеседовать. Для этого ровным счетом ни к чему было отлавливать меня с помощью хапlopелмы. Фарбо знал, что делал — не упустил возможности мне досадить, к тому же его, в отличие от паучихи, я мог бы и проигнорировать.

— Благодарю вас, офицер, — сказал он, отпуская хаплу, и та бесшумно скрылась в здании вокзала.

Эдакое чудовище на службе порядка и закона Рапгара.

— Не желаете пройтись? — Старший инспектор приглашающим жестом указал в сторону площади.

Фарбо старался показать свою любезность, но и я, и он знали, что друг друга нам обмануть не удастся.

— К сожалению, у меня нет на это времени, — сказал я. — Если вас что-то интересует, то я предпочел бы разобраться с этим как можно скорее.

— Ну что же, — не стал спорить инспектор и вытащил потрепанный блокнот. — Давайте здесь, раз вас это не смущает. Наши сотрудники успели передать сообщение в Скваген-жольц о случившемся в «Девятом скором». Как я понял, вы были свидетелем произошедшего. И в вас, кажется, даже, — Фарбо заглянул в блокнот, — стреляли.

— Совершенно верно.

— Хотелось уточнить — именно поэтому вы убили одного из нападавших?

Я посмотрел в его хитрые глаза и улыбнулся:

— Нет. Такого не было. Думаю, свидетели подтвердят мои слова.

— Конечно. — Он что-то зачеркнул. — Но стоит решить все неясности и недомолвки сразу. Прежде чем газеты разнесут эту информацию по городу. Преступление слишком громкое, чтобы мы могли его скрыть. У вас есть какие-нибудь заявления, чэр? Быть может, что-нибудь еще вспомнили?

— Увы, нет. Всю надлежащую информацию я оставил жандармам.

— Жаль. — Он захлопнул блокнот, убрал его во внутренний карман пиджака. — Ну что же — не смею вас больше задерживать.

Я, не прощаясь, пошел своей дорогой, но инспектор меня тут же окликнул:

— Чэр эр'Картиа. Откуда вы приехали?

— Это имеет значение? — надменно поинтересовался я, размышляя, почему он вдруг решил проявить такой интерес.

— К случившемуся в поезде? Нет. Просто, для отчета.

— Был на охоте в поместье Зинтринов.

— То есть прошлую ночь вас не было в Рапгаре?

— Верно. — Я прищурился. — Станный вопрос.

— О! Ничего странного. — Человек натужно и неестественно рассмеялся. — Просто стараюсь понять картину целиком.

Фарбо врал, меня это, разумеется, насторожило, но узнать я все равно ничего не мог. Этот старший инспектор, несмотря на кажущуюся доброжелательность, гораздо хуже своего более резкого приятеля — Грея.

— Мы обещаем разобраться с этим делом. Синий отдел Скваген-жольца взял его под свой контроль.

— Отрадно слышать. Значит, настоящий преступник окажется в ваших руках совсем скоро.

Я специально выделил слово «настоящий», и его лицо стало уже не таким улыбчивым. Никто, даже такая хитрая, черствая гадина, как Фарбо, не любит, чтобы ему тыкали в нос ошибками прошлого.

Особенно если они дурно пахнут.

Глава 4

ДОМ НА УЛИЦЕ ГИАЦИНТОВ

— Мне не нравится эта встреча, — сказал Стэфан, когда я пересекал площадь Сумок. — Он не случайно здесь оказался.

— Знаю, — мрачно ответил я, пропуская двух прогуливающихся дам с зонтиками от солнца. — Я считал, что Фарбо вместе с Греем. А его интерес и правда не случаен. Постараюсь узнать у Влада, что к чему.

— Так он тебе и расскажет.

— Ну он все еще чувствует свою вину за то, что сделал. Так что я бесцеремонно собираюсь этим воспользоваться, — сказал я, рассматривая свои руки в кожаных перчатках.

— Хотелось бы мне взглянуть на то, как ты выбиваешь информацию из палача Скваген-жольца! — рассмеялся амнис.

На небе появились тучки, но людей на площади оставалось достаточно. Все магазины работали допоздна, кафетерии были открыты, и ни одного свободного столика в округе не виделось. Площадь Сумок, хоть и была привокзальной, пользовалась у горожан популярностью.

Жители Рапгара что-то горячо обсуждали, спорили, пили кофе, глазели на высокое терракотовое здание с тремя шпилями, возвышавшееся над всем Сердцем. Несмотря на то что Скваген-жольц, берлога жандармерии, был на противоположной стороне острова — казалось, что до него каких-то двести-триста футов.

— Ночной Мясник! Уже третья жертва! Город в опасности! — кричали разносчики газет. — Новый специальный выпуск «Срочных новостей»! Интервью со старшим инспектором Греем!

Газеты пользовались спросом, и не проходило полминуты, чтобы кто-нибудь из прохожих не покупал номера, сляпанного на скорую руку на некачественной желтой бумаге.

Довольно большая толпа собралась у фонтана, изображающего первого Князя, молотом выбивающего живительный источник жизни из земли. Там ораторствовал очередной, Всеединый знает какой по счету, пророк нашего несчастного, раздираемого противоречиями города. Он начал нести чушь меньше минуты назад, но послушать его уже хотели многие, потому что долго ему поговорить не дадут — за жандармами даже посылать не надо, сами скоро будут. Представителей секты Свидетелей

крови — а парень, судя по багряным одеждам, был как раз из них — Скваген-жольц не жалуется.

Секта ратует за отмену власти лучэров и Князя над страной и передачу правления людям, как более чистой и не запятнавшей себя крови. Всех остальных, непохожих на них, предлагалось понизить в правах и лишить гражданства. Свидетели с удовольствием хлебали замешенный на политике бульон большой ложкой расовой нетерпимости и расплескивали его на всех желающих. Обычно раз в квартал серый отдел Скваген-жольца устраивал облаву и чистку, отправляя состоящих в секте за решетку, но спустя какое-то время появлялись новые фанатики. Этот яд нельзя было вытравить никаким способом. Разве что поймать лидера оппозиции, даму, скрывающуюся за прозвищем Багряная леди, но жандармам и шпионам уже пять лет не везет напасть на ее след.

— Когда мир был юн, пришли они из Изначального огня!

И были их глаза красны, а деяния безумны, и подчинили темные твари всех разумных существ на земле, управляя демонами, амнисами и другими чудовищами!

Я заметил в толпе еще нескольких фанатиков — их легко определить по безумному взгляду и той гадливости, когда они смотрят на тебя или на представителя любой другой расы, отличающейся от человеческой.

— Властвуя тысячи лет, наводя жестокий порядок, убивая всех, кто был против них, темные твари сковали этот мир оковами рабства! А затем ушли обратно в Изначальное пламя и слились с ним в единое целое, оставив властвовать после себя своих потомков — мерзких, неудобных Всеединому лучэров!

Угу. Как же. С учетом того, что темные твари и Всеединый — одно и то же лицо и создал он не только лучэров, но и всех остальных, — история, рассказанная парнем в багряном, выглядит ужасно смешной.

— Он наделил их Обликами и Атрибутами, чтобы с их помощью они управляли нами и считали всех своими рабами!

Многие в толпе загомонили, закричали, замахали руками, засвистели и заулюлюкали, несогласные с этими словами. Кто-то предложил залезть на фонтан, стянуть оттуда психа и как следует его проучить. Но другие на них зашикали, желая послушать, что тот скажет дальше. Впрочем, были и такие, пускай и в меньшем количестве, кто согласно кивал, поддерживая оратора.

— Но приходит рассвет! Рассвет эры людей! И солнце свободы по имени Багряная леди указало путь всем ненавидящим Детей Мух гражданам! Настанет час, когда мы возьмемся за оружие и столкнем

старую власть и всех, кто поддерживает ее, в Изначальное пламя! Князь и те, кто протягивает ему руку, дают истинную, чистую кровь людей! Грядет! Грядет новая война с мирным и дружественным Малозаном за черную земную жижу, оставшуюся от темных тварей! А кто будет гибнуть на земле Кируса за власть потомков чудовищ? Лучэры? Нет! Мы! Люди!

Угу. Люди. Но в первую очередь мяурры и хапломелмы — они всегда в наших передовых отрядах. И не тебе, любезный господин, говорить о том, что лучэры прячутся за чужими спинами. Этого никогда не было и не будет! Мы такие же граждане Рапгара, как и все остальные.

Я решительно начал протискиваться сквозь толпу, чтобы снять этого урода и совершенно не по-чэровски затеять грязную уличную драку.

Он, словно почувствовав это, протянул руку в мою сторону и заорал, брызгая слюной:

— Ты! Благородный чэр! Твой отец, словно завью, пил кровь из трудового народа! Он такой же ублюдок и чудовище, как ты!

Неважно, кем был мой отец. Важно, каким я его помню. И он не был похож на чудовище. Я хотел сказать это безумцу, когда буду ломать его кости, но в этот момент подоспели запоздавшие синие мундиры, сделавшие за меня всю черную работу.

Разумеется, сторонники сектанта пытались им помешать, но пущенные в ход дубинки успокоили самых активных. Я заметил, что один из фанатиков в толпе держит руки в карманах и сквозь ткань его одежды тускло просвечивает голубой свет. Готов поставить четверть своего состояния, что там револьвер с электрическими пулями.

Так и оказалось. Когда он выхватил оружие, я уже был рядом и с удовольствием воспользовался тростью, выместив на нем свое дурное настроение и ногой отбросив оружие подальше. На помощь незадачливому стрелку подбежал другой участник секты, но его скрутило зелеными жгутами и что есть сил несколько раз ударило о брусчатку.

Я снял шляпу и благодарно кивнул мужчине в черном мундире с золотыми эполетами — военному магу из Академии Доблести. Офицер также ответил мне кивком.

С другой стороны площади раздались выстрелы — кто-то из сектантов пытался скрыться и заставить жандармов оставить погоню. В поднявшейся суматохе он едва не улизнул, но его в три удара сердца догнала выглянувшая из вокзала на шум кобальтовая хапломелма. Беглецу удалось попасть в нее, но это не смутило сотрудника Скваген-жольца. Прыжок, укус — и идиот забился в судорогах.

— Яд? — поинтересовался я.

— Не думаю, чэр. Разве что он ее очень разозлил. Скорее всего, парализовала, — сказал маг в черном мундире. — Пойду, посмотрю ее рану. Было приятно иметь с вами дело.

— Удачного дня, — пожелал я, отправляясь своей дорогой и давая возможность остальным зевакам насладиться зрелищем и пообсуждать проворство паука.

— Не знаю, на что они рассчитывают, давая каждый раз такое представление, — проворчал я, выходя на прямую улицу Катафалков. — Такое впечатление, что резервы Багряной леди безграничны.

— Лучше пусть проповедуют, чем взрывают, — не согласился со мной Стэфан. — Впрочем, эти люди, в отличие от секты Детей Чистоты, не так безобидны. И рано или поздно они дойдут до чего-нибудь более серьезного.

— Они уже совершали политические убийства. Хорошо, что серые мундиры Скваген-жольца смогли накрыть ту ячейку.

— Слишком поздно, на мой взгляд — многих-то все равно убили. Ты решил идти домой пешком?

— Нет. Хочу взять коляску на противоположном конце улицы.

— Ну слава Всеединому, что не трамвай. Я бы на твоём месте не слишком спешил в родную обитель.

— Почему? — удивился я, рассматривая в витрине горшки с цветами из дальних колоний.

— Анхель должна быть в ярости, что ты не взял ее с собой. Если она только узнает о твоих приключениях...

— Не узнает. Если, конечно, ты не расскажешь.

— Я-то не расскажу. Но она узнает. И будет в ярости. Я расстроено цокнул языком.

— Что же. Приложу все усилия, чтобы помириться с ней как можно быстрее.

— Было бы очень хорошо, если бы ты так сделал. Потому что в твоей беспечности, как всегда, обвинят меня.

У одного из домов я увидел представителей маленького народца. Рыжие и очень чумазные малыш и малыш, обряженные в конфетные фантики и сшитые из газет башмачки, пели песенку, прося подаяние:

— Во-о-от идет хаплопелма по горо-о-оду. Охотится-а-а на фио-осс, — тоненьким голоском пела крошка, трогательно сложив ручки.

— Думала, что мухи! — подхватил ее партнер.

— И во-во-о-от она на-апала на большой трымывай! И съе-ела его-о-о!

— Думала, что муха! — уточнил мальш.

— А в трымнывае еха-ал пи-икли-и-и! И ужалил хапло-пелму мо-о-олнией!

— Дума-ал, что муха!

— А хапломелма поду-умала, что это муха то-о-оже!

В маленькой шляпе совсем не было денег, что и неудивительно, если учесть их репертуар и тихие голоски. Я бросил туда один трестон, чем вызвал целую бурю восторга и писков, которые не прекращались, пока я не свернул за угол.

Дорога в коляске с поднимающимся верхом, запряженной парой лошадей, заняла у меня минут сорок. Проехав Сердце насквозь, по мосту Бунтарей экипаж перебрался на остров Пустоголовых, а уже с него на северную, материковую часть Рапгара.

Мой дом расположен в южной части района, который называется Олл. Улица Гиацинтов — это замечательное тихое место, территория частных домов и особняков, окруженная множеством вязов и практически изолированная от той суматошной и безумной жизни, что властвует в более многолюдных частях Рапгара. Олл — маленький островок в штормовом океане. Жить здесь удобно, приятно и в большей степени легко.

Разумеется, это не Золотые поля, элитное местечко наших небожителей: прославленных офицеров, известных звезд оперы и театра, святых клириков, успешных магнатов, ярких политиков, игроков на бирже, ловких дельцов, счастливых наследников и всех тех, кто смог дотянуться до удачи, схватить ее и удержать при себе, несмотря ни на что. На Золотых полях неважно, кто ты — лучэр, человек, мяурр или даже скангер. Пока у тебя есть деньги и ты на коне — все двери для тебя открыты. В противном случае — добро пожаловать в реальный Рапгар, быть может, даже в трущобы, в Гетто Два Окна или вовсе на Пустыри и Ржавчину, даже если в тебе течет чистая кровь Всеединого.

Впрочем, я не помню ни одного лучэра, который бы жаловался на жизнь. Во всяком случае, в финансовом смысле этого слова.

В наследство от дражайших предков мне досталось вполне хорошее состояние, включающее в себя не только счета в банках и кое-какие синие ценные бумаги электрических компаний пикли, но и три дома, расположенные в Золотых полях, Небесах и здесь, в Олле.

Я терпеть не могу Золотые поля — в этом застойном пруду можно ощутить вселенскую скуку менее чем за час. Те, кто имеет счастье здесь существовать, несмотря на свое баснословное богатство, при ближайшем изучении частенько оказываются пустоголовыми существами с желаниями,

не превышающими мечты обыкновенной болонки. Их речи недалеки, стремления невысоки, а помыслы и того ниже. Так что ни за какие сокровища мира я бы не переехал в эту малонаселенную, застроенную огромными дворцами и вилами с тысячами акров лесов и полей золоченную клетку.

Небеса — неплохой райончик. Во всяком случае, так пытается меня убедить Данте. Но мне не по нраву жить там, где вершится большая политика. Остров Туманов — не то место, где я могу ощутить комфорт. На мой взгляд, когда у тебя под боком дворец Князя и колосс Палаты Семи, а окна с одной стороны особняка смотрят на казармы гвардии, а с другой стороны — на жуткий Темный уголок — землю, откуда когда-то в наш мир появился, а затем ушел обратно Всеединый, никакой спокойной жизни быть не может. Согласитесь, любезные чэры, — мало приятного, когда ты становишься рабом той или иной политической обстановки.

Уж лучше залезть в бочку со взбешенными пикли, тропееллой и тру-тру и каждому совершенно нелюбезно высказать все, что ты о нем думаешь, чем влачить существование в центре абсолютного зла — рядом с политиками.

Хотя Данте, например, нравится смотреть, как тигры дергают друг друга за усы. Он наслаждается этим зрелищем, а затем подсчитывает, скольких из них сожрали джунгли Рапгара. Последние восемьдесят лет своей жизни он считает это одним из лучших развлечений в мире, исключая, конечно, опиум, абсент и безудержные любовные связи со всякими мало-мальски разумными существами.

Мой третий дом, самый маленький из всех — всего-то два этажа — мне по нраву. Под боком прекрасный уютный парк с высокой оградой, старыми вязами, всегда подстриженными газонами и овальным прудом, в котором плавают древние зеркальные карпы и где всегда возятся утки. В районе более-менее нормальные соседи и никаких неприятностей. Здесь жизнь больше всего похожа на сельскую. Хотя бы тишиной.

Олл — мой приют, кто бы что об этом ни говорил...

Я попросил извозчика остановиться в начале улицы, расплатился с ним и не торопясь пошел по тенистой золотой аллее. Здесь, как обычно, было пустынно. Казалось, что вся улица погружена в вечную дрему. Лишь изредка проедет экипаж или патруль жандармов. Возле статуи, изображавшей какого-то пса, без имени, таблички или хоть какого-нибудь ориентира, по которому можно было бы понять, в честь чего она здесь стоит, я остановился, поднял с земли красноватый ребристый лист, понюхал его и улыбнулся — запах осени в этом месте всегда казался мне

сильнее, чем в других частях Рапгара.

— Кажется, мои слова о том, чтобы не торопиться домой, ты воспринял совершенно буквально, — проворчал Стэфан.

— С каких это пор ты стал таким домоседом? — улыбнулся я.

— Я слишком стар для путешествий. Мне гораздо приятнее на подставке из красного дерева.

— Пока меня не было, ты спал годами. Мог бы успеть отдохнуть.

— На такой работе отдыха не бывает.

Я вздохнул, разжал пальцы, и лист, подхваченный ветром, пролетев над позеленевшим бронзовым памятником, упал под деревьями.

Мой особняк расположен в самом конце улицы Гиацинтов, в двух минутах ходьбы от парка, и северо-западным концом, ограда в ограду, граничит со старым кладбищем Невинных душ. Не слишком веселое соседство, но, по крайней мере, постояльцы древних могил не тревожат мой покой, за что я им очень признателен.

Моими ближайшими живыми соседями являются полковник МакДрагдал и чэра эр'Тавиа.

Полковник раньше командовал Третьим сводным колониальным пехотным полком. Он половину жизни провел в Магаре, воевал с местными раджами в джунглях и болотах и был из тех, кто захватил Кальгару для нашего Князя. Теперь полковник давно уже на пенсии, но продолжает носить мундир со всеми наградами и каждое утро поднимает у себя на участке бело-золотой стяг Рапгара.

Мы долго не могли найти общий язык со стариканом. Он считал меня бездельником, ведущим жизнь, недостойную настоящего мужчины, так как я «не нашел в себе сил пойти служить в армию». Я, в свою очередь, видел перед собой недалекого старого солдафона, помешанного на традициях, фыркающего в седые усы, стоило ему лишь увидеть меня. У нас не было никакого желания общаться друг с другом довольно долгое время.

Все изменилось, когда я попал в то неудобное местечко, которое некоторые в шутку прозвали Обителью размышлений. Первым ко мне пришел именно полковник, совершенно чужой человек, чем сильно поразил меня. Кстати говоря, я до сих пор не знаю, чего ему стоило пробраться ко мне. Это было непросто даже для Данте, лучэра старой крови из уважаемого рода, что уж говорить о человеке?

Полковник поддержал меня в трудную минуту, когда многие друзья отвернулись и предпочли забыть обо мне.

После моего возвращения мы опустошили с МакДрагдалом не одну бутылку кальвадоса, который он, как оказалось, любил ничуть не меньше,

чем я. Во время долгих разговоров, мне довелось услышать, как пехотный батальон удерживал перевал в снежных Гримлах, как гибли солдаты в душных джунглях, как вспыхнуло восстание сигов, как горел порт Кальгару, когда княжеские броненосцы входили в западную гавань, обстреливая дворец раджи из всех орудий.

Дом полковника — серый, похожий на крепость, по крышу увитый пожелтевшим плющом, с развевающимся на флагштоке полотнищем — сейчас казался пустым. МакДрагдал уже месяц гостил у племянников на юге, и мне начинало не хватать наших бесед и игры в шахматы.

Что касается чэры эр'Тавии, чей пряничный домик находился напротив моего, то эта старушенция, отметившая в прошлом году свой двухсотый день рождения, жила особняком, водя дружбу лишь с многочисленными кошками, которые каждую весну будили воплями всю округу. Про эту почтенную госпожу можно было сказать старой пословицей: любовь, в отличие от соседей, слепа. Чэра эр'Тавиа проводила все свободное время, неся дозор возле окон. Слежка за округой — ее хобби и страсть всей жизни. Вот и сейчас я разглядел ее кривоносый профиль в окне второго этажа. Как обычно, снял шляпу и, как обычно, не дождался ответного приветствия. Я совсем не обижаюсь на такое к себе отношение — в двести лет вполне простительно быть несколько... эксцентричной.

Возле ворот моего особняка я встретился с кошкой. Она лежала прямо на дорожке, перекрывая мне путь. Обычная, серая, худая, но с чистым блестящим мехом и ясными, чуть зеленоватыми глазами. Возможно, это была питомица чэры эр'Тавии, а быть может, просто вольная путешественница. В таком случае — она счастливица. В Рапгаре мало бродячих животных. В «высоких» районах их поиском и отловом занимаются городские службы, а в бедных кварталах жрут скангеры, или оголодавшие тру-тру, или проводящие темные ритуалы чернокожие оганы.

Увидев меня, кошка неохотно встала, потянулась, зевнула и посмотрела мне прямо в глаза. Взгляд у нее был отнюдь не кошачий. Мне он показался слишком разумным. Так что я, ощущая, как по спине пробежали мурашки, снял шляпу, приветствуя зверька. Та благосклонно прищурилась и в несколько маленьких шажков отошла в сторону, на газон, засыпанный пожелтевшими, шуршащими листьями, завалилась на бок с явным намерением поспать часок-другой.

У нас, лучэров, есть легенда, что, когда Всеединый вновь ушел в Изначальное пламя, он оставил после себя свою первую соратницу — Великую двуххвостую кошку, ту самую, которой поклоняются ее дети — мяурры, называя Лунной кошкой, чьим обликом считают луну. Так вот,

поверье у моего народа очень простое: Двухвостая ходит по миру, живет рядом с нами в образе такой вот незатейливой светло-серой мышеловки, гуляющей сама по себе. Но когда лучэр умирает, именно она провожает его душу в Изначальное пламя, где ту ожидают все радости новой жизни, родственники и Всеединый в придачу.

Не скажу, что я религиозен. Скорее наоборот — молчаливый атеист, не лезущий в чужую веру, никого не учащий, как следует жить, чему поклоняться и в кого верить. Я уважаю все религиозные конфессии, даже такие многообразные, как у магаров, такие странные, как у хапллопелм, и такие темные, как у оганов. Во всяком случае, до тех пор, пока меня не стараются обратить в чью-либо веру, я остаюсь очень терпимым чэром.

Еще раз напомним — я стараюсь быть атеистом, хотя и знаю, что Изначальный огонь, Всеединый и прочая, о чем говорят святые отцы во время воскресных месс, — правда. Но вот в Двухвостую верю безоговорочно, даже в наш безумный век прогресса, железных дорог, электричества и рельсовых орудий. Да и как в нее не верить, когда она в любой момент может прийти за мной? Чэр Тиль эр'Картиа давно уже живет в долг.

Так что я стараюсь быть почтительным с племенем ночных охотников и никогда их не обижаю.

На крыльце меня ждал очередной «сюрприз». Фиалки из ближайшего цветочного горшка оказались безжалостно вырваны и разложены в хаотичном беспорядке вперемешку с яблочным огрызком, шестью дубовыми листьями, клубком перепутанных ниток и вскрытой консервной банкой из-под сгущенного молока.

Я счел возможным выругаться вслух.

— Эти вандалы не успокаиваются, — хмыкнул Стэфан. — Мне кажется, их развлечения зашли слишком далеко. Пошла вторая неделя. Быть может, стоит все-таки вызвать жандармов?

— И что я им скажу? — проворчал я, с мрачным видом изучая загаженное крыльцо. — Что кто-то рвет герань и фиалки, выкладывая перед моей дверью гербарии вперемешку с мусором?

— Думаю, это чэра эр'Тавиа. Она еще с твоим отцом ругалась.

— Не надо возводить напраслину на бедную старушку, — возразил я. — Максимум, на что она способна, — разбить камнем окно. Да и то в лучшие годы своей жизни. Сейчас она не так проворна.

Амнис хмыкнул, явно сомневаясь в моих словах.

Я не знал, кто пачкает мое крыльцо. Это продолжалось уже девять дней, и Бласетт, мой слуга и по совместительству дворецкий, устал убирать

мусор. Пару раз он пытался организовать засаду, чтобы поймать вандалов, но его ждала неудача. Он упускал тот скоротечный момент, когда на крыльце оказывались битые стекляшки от винных бутылок, листья, трава, цветы или обглоданный рыбий скелет.

Я постучал в дверь и прождал почти три минуты, пока мне открыли.

— Чэр эр'Картиа? — Бласетт был удивлен до глубины души. — Но разве вы не должны были вернуться во вторник?

— Мои планы изменились, — сказал я, входя в большой полутемный холл. — Опять экономишь электричество?

Он ухмыльнулся:

— Не считаю, что следует платить пиклям излишне много, чэр. Позвольте вашу трость.

Я молча протянул ее и начал разуваться. Слуга крутанул трость вокруг запястья, словно заправский жонглер из цирка-шапито, находящегося в окрестностях Маленькой страны.

— Но-но! — возмутился Стэфан. — Нельзя ли поделикатнее, человеке?!

Я передал его слова дворецкому.

— Ах, простите, ваша милость! — подобострастно сказал Бласетт. — Я совершенно забыл, с кем имею честь общаться!

Ему доставляло удовольствие подразнить амниса, особенно если я не возражаю против этого.

— Лучше бы тебе вспомнить, и поскорее! Иначе ты рискуешь лишиться пальцев! — пробубнил Стэфан. — Хватит топтаться на месте! Давай уже! Отнеси меня на подставку. Нет! Не в кабинет, дубина! Я не собираюсь общаться с Анхель сию минуту! В библиотеку. Как, кстати говоря, тут обстановка? Я вновь поработал переводчиком между ними.

— Предгрозовая. Ее милость рвет и мечет.

Мило «беседуя», они удалились, оставив меня в одиночестве. Амнис не шутил насчет пальцев. Однажды один жулик, привлеченный серебром, пытался украсть трость, и живо лишился руки. Старина Стэфан счел, что еще не пришло время менять хозяина.

Слуга обернулся в мгновение ока и помог мне снять пиджак.

— Полли опять наготавливает? — спросил я, принимаясь к доносящимся из кухни запахам.

— Она всегда ждет вашего возвращения, чэр.

Бласетт не похож на остальных дворецких, что служат богатым семьям Рапгара. Он не чопорный, не цедит слова, не кажется исполнительным и подобострастно вежливым. Мой слуга — плут, картежник и шулер.

Разумеется, все это осталось в далеком прошлом, но старые привычки тяжело изжить. Быстрые, цепкие глаза, ловкие руки и большая сообразительность никуда не делись. Он служит у меня уже больше десяти лет, с тех пор, как какой-то местный барон из Ямы захотел переломать Бласетту кости за паленую игру и бывшему игроку в Княжеский покер потребовались пристанище и защита.

Мой дворецкий невысок ростом, кругл, как воздушный шар, и кажется эдакой булочкой, пышащей румяным энтузиазмом. Его лицо с пухлыми лоснящимися щеками, лукавыми бледно-зелеными глазами и тонкой полоской усов над не менее тонкой верхней губой — живое и подвижное. Несмотря на свою полноту, Бласетт, когда надо, быстр, ловок и проворен, точно охотящийся за коброй магарский мангуст. Одет он обычно несколько небрежно, можно сказать, даже вызывающе — чистая светло-серая рубашка, васильковый галстук с незатянутым узлом, жилет в светлую коричнево-желтую полоску и точно такие же брюки. На носу — золотое пенсне.

Клоун, а не дворецкий. Впрочем, мне нет дела до его гардероба до тех пор, пока Бласетт выполняет свои обязанности. А выполняет он их идеально, и жаловаться мне не на что.

— Я забрал ваш смокинг из чистки, чэр. Прибывшая корреспонденция на вашем столе. — Он шел за мной, отчитываясь о проделанной работе. — Спешу вам напомнить, что завтра у чэры эр'Тавиа день рождения. Двести один год.

— Думаю, будет любезным послать ей цветы.

— Как скажете, чэр. Но прошлый букет она вышвырнула на помойку.

— Это не повод быть невежливым, Бласетт. Возможно, ей не понравились розы. Давай на этот раз попробуем хризантемы. Белые и желтые. В достаточном количестве. Купи их у цветочницы на улице Модисток. И отправь с курьером.

— Что написать в записке?

Я на секунду задумался, изучая в окно пожелтевший сад, за которым скрывалась кладбищенская ограда.

— Ничего особенного. От чэра эр'Картиа с почтением и уважением.

— Старая ведьма этого явно не заслуживает, да простит мои слова чэр. Никогда не забуду, как этот божий одуванчик засветил булыжником в окно обеденного зала. Возможно, мусор — ее рук дело.

— Вы со Стэфаном просто сговорились, — возмутился я, — Очерняете несчастную старуху. Она и мухи не обидит.

— Осмелюсь возразить, чэр. Сто лет назад ваша соседка была замужем

за одним из Палаты Семи. Это все знают, и, как говорят, без нее не принималось ни одно важное политическое решение в Рапгаре. К тому же у этой леди есть причины рассыпать на вашем крыльце мусорное ведро — ведь у вас неплохие отношения с господином МакДрагдалом.

— Не вижу связи.

— Она считает, что полковник пнул одну из ее кошек, чэр.

— А он пнул?

— Конечно нет, чэр! — возмутился Бласетт. — МакДрагдал предпочитает пинать только врагов Рапгара. Но попробуйте объяснить это «почтенной» чэре!

Он достал из кармана жилета золотой «Мьядо-хуэр» — мой подарок ему в честь десяти лет безупречной службы. Дворецкий ужасно гордится ка-гаскими часами и всегда находит причину посмотреть на стрелки.

— Приказать подать чай, чэр? Как всегда? В Дубовом зале?

— Да, благодарю. Через полчаса. — Я подумал, что до этого времени стоит сходить в кабинет.

— А что делать с ужином? Не раньше восьми?

— Пожалуй.

— На одну персону? Госпожа Мьяка вновь не придет? — спросил он словно бы невзначай.

— К сожалению, — сухо ответил я.

Прима-балерина национального театра мне давно надоела, на поверку она оказалась скучной и немного вульгарной особой, так что мы разбежались после трех встреч, опечалив всех моих домашних. Слуги все еще тешат себя надеждой, что я найду замену Клариссе и, чего доброго, наконец-то женюсь. Бласетт как-то обмолвился, что дому давно нужна хозяйка. Мне кажется, он сговорился со Стэфаном и Полли.

— Купи мне завтра свежий номер «Времени Рапгара».

— Он будет у вас на столе утром, чэр.

— Это все. Хотя нет. Крыльцо требует уборки.

Дворецкий закатил глаза и, сетуя, что пора поставить капканы на хулиганов, удалился по увешанному охотничьими трофеями коридору.

Я решил, что будет вежливым заглянуть на кухню, поприветствовать Полли. Она всегда рада меня видеть. Войдя в Дубовый зал, я посмотрел на стеклянный потолок, заваленный листьями, сквозь который проникали тусклые, золотистые, нежгучие лучи осеннего солнца.

Когда один из моих предков проектировал этот дом, он пожалел одиноко стоящий молодой дубок и выстроил особняк вокруг дерева. Спустя века дуб вырос, и теперь его ствол торчит прямо посередине зала. На высоте

двадцати футов дерево окружает стеклянная крыша, а над ней колышется крона.

Пару раз во время сильных зимних ветров оторвавшиеся ветки падали, разбивали стекло, приходилось делать ремонт, но на дуб я не в обиде. Он такой же член моей семьи, как и остальные немногочисленные жильцы огромного дома. Я лазал по этому дереву еще мальчишкой...

С кухни раздавался приглушенный гул камнепада. Оба голоса Полли ни с чем не перепутаешь.

— Я так тебе скажу, моя девочка. Приготовление блюд — это искусство. И, как всякое искусство, оно содержит в себе маленькие тайны. Те же самые чудосочные жвилья. Не смотри, что люди, а их кухня славится на весь мир. Мол, она изысканна, бесподобна и очень пикантна. А знаешь почему? У стряпни жвилья, у этой высокой кухни тоже есть секрет. Не нужно много ума, чтобы приготовить зеркального карпа с чесноком и тмином, или булгонскую утку, или хорошую кохеттскую пасту с ветчиной, или гусиную печень в мадере с тмином. С этим справится и криворукий поваренок. Все дело в соусах. Жвилья знают их пятьдесят тысяч и по праву гордятся этими рецептами. С хорошим соусом можно съесть все что угодно.

Грохот посуды на мгновение заглушил слова поварихи.

— Даже тот ужас, что готовят в кафе и ресторанах Сердца, считающихся лучшими в Рапгаре. Так что мой секрет прост — вкусная еда и еще более вкусный соус. Кстати, ваша магарская пища тоже не лишена приятности, но, на мой взгляд, излишне остра. Все эти тонны перца, карри и лимонов на одну небольшую тарелку хороши, чтобы убить заразу, встречающуюся в дикой стране, но вовсе не для того, чтобы порадовать желудок гурмана.

Я остановился в дверях, наблюдая, как моя кухарка одной парой рук рубит здоровенным поварским тесаком салатный лук, а другой парой взбивает в прозрачной плошке яичные белки с сахаром.

Полли из племени махоров. А это значит, почти девять футов роста, сила слона, грация бегемота, четыре руки и две рогатые головы. Ее родовое имя не выговорит даже такой полиглот, как Стэфан, поэтому все предпочитают называть повариху приближенным к первому из сорока ее имен — Полли.

Не кривя душой, могу сказать, что она — одна из лучших мастеров кухни в Рапгаре. Махорша работает на нашу семью со времен юности моего отца, и я вырос на ее замечательных блюдах. Много раз Полли приглашали в самые модные рестораны жвилья, а также к благородным

чэрам в Небеса и Золотые поля, но она всегда отвечала отказом, даже несмотря на обещанные горы фартов. Этот дом давно стал для нее родным, и менять его на что-то новое на старости лет она не собиралась.

Правая голова махорши внимательно следила за приготовлением еды, в то время как левая беззаботно общалась с Шафьей и Эстер.

Почувствовав движение, Полли обернулась, и оба ее морщинистых серокожих лица расплылись в счастливой улыбке.

— Тиль! Мой мальчик! — Ей единственной из слуг позволено обращаться ко мне так, как в детстве. — Когда ты вернулся?!

— Здравствуй, Полли. Привет, Эстер. Доброго дня, Шафья. Только что приехал.

Стафия растянула зубастый рот, что означало бурную радость, а служанка отвлеклась от мытья посуды, подняла голову и гортанно сказала:

— Доброго дня, саил^[20] Картия.

— Ты еще не видел Анхель? — невинно поинтересовалась правая голова моей кухарки.

— У тебя есть еще какие-нибудь темы для разговоров? — Я чувствовал некоторую вину за случившееся.

— Их очень немного. — Левая голова всегда и во всем поддерживала правую. — Вот столько.

Обе пары рук свелись настолько, что я едва различил небольшой зазор.

— Она рвала и метала. Надеюсь, Стэфан успел спрятаться подальше. Анхель сочла, что это его злая шутка не предупредить ее о твоей поездке. Так что несколько часов нам всем, в том числе и мне, — обе головы недовольно нахмурились, — приходилось ходить на цыпочках. Поэтому никаких свиных отбивных с чабрецом и кремовым соусом на ужин никто не получил. Пришлось довольствоваться перепелиным супом и фрикадельками с лорванскими травами. Мне не слишком нравится быть гостьей на своей кухне, Тиль. Я уже стара для таких потрясений. Не мог бы ты все-таки впредь брать ее с собой? А то когда-нибудь все домочадцы останутся без обеда.

Я улыбнулся, кивнул. Анхель порой вспыльчива, и здесь главное переждать бурю и не показываться ей на глаза. Потом ей самой частенько бывает стыдно за свою несдержанность. Но это *потом*. А до него еще следует дожить.

— К полуночи Эстер удалось ее убедить, что тебе ничего не угрожает и ей не следует так сильно переживать из-за такого пустяка.

Эстер растянула черные губы в еще большей улыбке, превратившейся в сплошные зубы. Из-под спутанных соломенных, сотни лет не мытых

волос холодно горели маленькие угольки красных глазок.

Она единственная, кто не дрожит перед порой излишне крутым нравом Анхель. Что и неудивительно — ей терять нечего. Эстер — стафия. Призрак, живущий в этом доме с момента его основания. Один из моих кровожадных красноглазых родственничков, истинных лучэров, замуровал в фундамент кости неизвестной и ни в чем не виноватой женщины, а затем провел надлежащий темный ритуал. Раньше в моем роду было полно волшебников.

Стафия — фантом-охранник. Нет лучшего защитника для имущества и тех, кто живет под крышей, чем зубастое чудовище, способное проходить сквозь стены и равнодушное к любым видам земного оружия, исключая лишь некоторую магию. Так что несколькими залетным воришкам, от случая к случаю заглядывающим на огонек, довелось испытать пару-тройку крайне обворожительных минут общения с фамильным призраком.

В данном случае поговорка о том, что дом держится не на земле, а на женщине, приобретает несколько иной смысл.

Однажды, когда я еще только стал владельцем особняка на улице Гиацинтов, я предложил Эстер вытащить ее останки и похоронить честь по чести, но она наотрез отказалась, и больше мы эту тему не поднимали.

— Как там у Зинтринов? — Полли высыпала лук в фарфоровую салатницу. — Старый Роже все такой же криворукий повар, как и раньше? Опять готовил свой никчемный омлет с белым трюфелем и сыром «Празуу»?

— На этот раз нет. Было что-то из жаркого. Если честно, не запомнил что. — Я потянул носом и заглянул в одну из кастрюль. — М-м-м... сегодня нас ожидает маленькое пиршество?

— Как и каждый день, — хмыкнула кухарка. — Только ради этого я и надрываюсь.

— Перестань, — рассмеялся я. — Тебе это нравится. От плиты тебя не оттащишь никакими уговорами.

Она что-то добродушно проворчала и оттиснула меня от плиты, чтобы я больше не лез в кастрюли и не испортил себе сюрприз. Помню, когда я вернулся домой после своего долгого шестилетнего «путешествия», во время которого познавал себя, мир и окружающих, Полли закатала такой пир из моих любимых блюд, что я неделю выползал из-за стола до неприличия обожравшимся.

Что поделать — я люблю вкусно поесть, различить тонкие оттенки аромата и вкуса, догадаться, какие хитрости использовал повар. И пускай чревоугодие — один из грехов (во всяком случае, так проповедуют

некоторые жирные клирики), на моем телосложении и здоровье, хвала Всеединому, это никак не сказывается. Обо мне можно сказать — не в тру-тру корм.

На деревянной доске лежал отличный, заправленный чесноком, покрытый укропом и свежими оливками окорок. Его уже нарезали и подготовили к выкладыванию на блюдо, я не утерпел и попытался сцапать с доски один кусок, но дорогу преградила Полли.

— Молодой человек! — возмутилась кухарка. — Что сказал бы покойный чэр эр'Картиа?!

— Не перебивай себе аппетит перед едой! — отозвался я суровым, металлическим голосом отца, усмехнулся, попрощался и покинул кухню.

Когда я поднимался по широкой лестнице, застеленной темно-бордовым, порядком истрепавшимся за время своей жизни ковром, из Дубового зала раздался негромкий звон посуды — Бласетт накрывал к чаю.

Мой кабинет находится рядом с библиотекой, направо от Лиловой спальни и в некоторой изоляции от гостевых комнат, пустующих вот уже не один год и находящихся в противоположном крыле, в которое можно попасть через короткий широкий коридор, где в больших кремовых цветочных горшках Шафья разводит маленький зимний сад.

Дверь с тяжелой золоченой ручкой в виде сжатой орлиной лапы была приоткрыта на четверть дюйма. Я набрал в легкие побольше воздуха, словно кирусский ныряльщик, отправляющийся на дно за губками, и, распахнув дверь, шагнул внутрь, ожидая грома, молний и явления Всеединого в придачу. Но бури не случилось, хотя в помещении был разлит целый океан яростного напряжения, от которого у меня волосы на голове едва не встали дыбом.

— Привет, — сказал я Анхель, запирая за собой дверь. Напряжение усилилось, затем немного спало, начиная сменяться холодным презрением.

Я вздохнул, посмотрел на старый глобус в углу, на картину, изображавшую несущийся по степи табун черных лошадей, на тяжелый письменный стол, на котором ожидала своего часа стопка корреспонденции.

— Я виноват. Признаю.

Те же самые эмоции, только раза в три сильнее. Моя вина ее несколько не интересовала. Она и так знала об этом.

— И я очень прошу меня извинить. Обещаю, что впредь в случае долгого отсутствия я буду брать тебя с собой.

Теперь к презрению добавилось еще и недоверие.

— А вот это уже слишком! — укорил я ее. — Я всегда держу свое

слово. Ты прекрасно это знаешь.

Некоторое смягчение настроения. И тут же Анхель вновь воздвигла между нами ледяную стену. Но мне все-таки удалось почувствовать еще одну ее эмоцию — страшную обиду. Малышка была оскорблена в своих лучших чувствах.

— Да, я поступил очень гадко по отношению к тебе, — согласился я с ней, заложив руки за спину и подходя к окну понаблюдать сквозь полупрозрачные оранжевые занавески за тем, как по дороге ползет телега, нагруженная битым кирпичом — на том конце улицы рабочие ломали старый, вот уже год пустующий дом. — Я пренебрег собственной безопасностью в угоду своей лени. Мне нет оправдания.

Накал немного спал, и я понял, что опасность взрыва полностью миновала. Анхель продолжит дуться еще какое-то время, но, во всяком случае, не развалит в припадке гнева дедовский письменный стол или несчастное гранатовое дерево в перламутровом горшке — третье по счету.

— Прошу меня простить. — Я не видел ничего ужасного в том, чтобы извиниться перед собственной служанкой. Я ведь действительно был виноват.

Она оттаяла еще немного, хотя конечно же продолжала обижаться на мой идиотизм. Анхель считает, что мне всегда угрожает опасность. Особенно после случившегося на вилле «Черный журавль».

— Очень справедливое замечание. — Я сел в свое кресло и посмотрел на нее. — Именно сегодня я попал в переделку.

Три эмоции — совсем немного радости оттого, что она оказалась права, глубочайшее чувство тревоги за мою жизнь и страшная злость на Стэфана.

— Ну он-то в этом точно не виноват, — защитил я амниса. У нее было свое мнение на этот счет. Мол, будь со мной она, а не этот старый мешок с костями, ничего страшного бы не случилось! Я как мог защитил свою трость, но Анхель была непреклонна. Меня она считала слишком молодым, а оттого несколько беспечным и легкомысленным, следовательно, Стэфан, как более опытный, должен был остановить хозяина от необдуманного поступка. Под последним имелось в виду то, что Анхель осталась дома, а не отправилась к Зинтринам вместе со мной.

Я вновь посмотрел на нее, цокнул языком, тем самым выражая одновременно и сожаление, и сомнение, и вину. Она пропустила этот звук мимо ушей, и я ощутил, что ей страшно интересно, что с нами случилось. В одно мгновение Анхель поменяла форму, и теперь на раскрытой книге вместо сине-черного керамбита^[21] лежал маленький изящный нож для

открывания писем. Черепаховая рукоять, розовый перламутр и зеркальный клинок цвета индиго, в глубине которого извивались сотни темно-фиолетовых волнистых линий — домашняя форма моею второго, малоразговорчивого, но такого эмоционального амниса.

Пока я пересказывал случившееся, она молчала, слушая с деланным равнодушием, но я чувствовал, что девушка вновь закипает от ярости. Теперь уже не на меня и Стэфана, а на тех неизвестных господ, что чуть не отправили меня в Изначальный огонь.

Разговаривая, я на всякий случай еще раз глянул на дверь, убедился, что она заперта, и только теперь снял перчатки, отстраненно изучая тонкие черные линии, бегущие по моим ладоням, иллюзорными кольцами обхватывающие пальцы и заканчивающиеся тонкими браслетами возле начала запястий. Я не люблю показывать эти «шрамы» кому бы то ни было. Частенько обыватели реагируют на подобное излишне неадекватно.

Когда история была завершена, Анхель «сказала» лишь одно — она надеется, что эти неприятности были первыми и последними. Я тоже надеялся на это, но не слишком сильно.

Достав из кармана желтый платок, я задумчиво покрутил его в руках, а затем убрал в ящик стола, решив разобраться с этим, когда придет время.

Глава 5

ЖЕНАТЫЙ НА ПИСТОЛЕТАХ

...Ветер безумствовал, рвал голые кроны старых платанов, стегал по уставшим деревьям холодной мартовской водой, гнал тучи, полностью скрывшие за собой бледный, тонкий, похожий на волос, остророгий молодой месяц.

Ненастная погода целиком и полностью соответствовала моему настроению — в жилах бурлил расплавленный гнев.

Барабани кулаком в дверь виллы «Черный журавль», я думал, что Стэфан, как-то сказавший, будто сильные страсти порождают еще более сильную ненависть, был прав. Я соглашусь с этим. Сейчас я был готов убить этого подлеца, несмотря на его родство с сильными мира сего.

Дверь распахнулась, и меня залило ярким светом. Пришлось на мгновение зажмуриться...

— Опять вспоминаешь прошлое? — Трость вернула меня в действительность.

— Да. Пытаюсь понять, что я упустил в ту ночь.

— Ты снова беспокойно спал сегодня.

Я лишь пожал плечами. Возможно, и так. Не помню, да и не хочу вспоминать.

Он, чувствуя мое дурное настроение, заворчал глухо, словно раздраженный цепной пес, но, зная, что выжать из меня ничего не удастся, отстал.

Стэфан находился на подставке из красного дерева, установленной в Лимонной гостиной, и отчаянно делал вид, что Анхель не существует. Та, в свою очередь, не замечала Стэфана. Моя трость и мой нож, два доставшихся мне в наследство амниса, мои самые верные слуги и хранители, дулись, игнорируя друг друга, общаясь исключительно со мной и демонстративно изображая, будто «коллеги» поблизости нет.

Я в их дела не лез, понимая, что два существа из Изначального пламени, живущие друг с другом бок о бок уже которую сотню лет, разберутся сами, без неуклюжих попыток «сопливого тридцатилетнего мальчишки» примирить их.

Развернув свежий номер «Времени Рапгара», я пробежал глазами по строчкам, а затем, сложив газету пополам, бросил ее на стол.

— Ничего интересного? — Стэфан страдал от скуки.

— Лишь пустые слова.

История в «Девятом скором» произошла два дня назад. На следующее утро газеты проявили незначительный интерес к событиям в экспрессе. Краткая заметка о непредвиденной задержке, о скандале в центральном офисе железной дороги и грандиозной драке между ка-га. Про убийство — всего пара строк. Стэфан даже возмутился, но я лишь усмехнулся:

— Жителям нашего славного города интересен исключительно Ночной Мясник. Так что все остальные преступления, а также покойники, которые отправились на тот свет не по воле этого сумасшедшего полудурка, не интересуют ни журналистов, ни обывателей.

— Какая жестокая ирония, — притворно вздохнул Стэфан, и я почувствовал легкую насмешку, исходящую от Анхель.

— Ничего не поделаешь. Даже вселенская драка между студентами получила гораздо лучшее освещение.

— Возможно, это произошло потому, что освещавшему событие господину из газеты хорошенько засветили в глаз.

Я усмехнулся, Анхель фыркнула. Учащиеся двух вечно конкурирующих университетов Рапгара — Кульштасса и Маркальштука — устроили грандиозную бучу в Старом парке по случаю окончания соревнований по академической гребле. Жандармам пришлось разгонять господ студиязусов водометом.

Впрочем, меня это несколько не беспокоило, как и падение акций ка-га еще на шесть пунктов, нота протеста от Малозана для нашего правительства, очередной рейд жандармов в поисках Багряной леди и прочая, прочая, прочая. Сейчас меня интересовала лишь загадочная Эрин, но она, исчезнув из моего купе, казалось, исчезла и из мира.

Женщина с каштановыми волосами и голубыми глазами, сам не пойму как, запала мне в сердце, и я то и дело вспоминал о ней, хотя видел ее всего ничего. Со мной давно такого не случалось, и я пытался хоть как-то объяснить себе внезапный интерес.

Что это? Обычное любопытство, желание разгадать тайну, которой, вне всякого сомнения, владела Эрин, или нечто большее? Зачем мне эта невысокая заплаканная незнакомка? Почему я так хочу встретиться с ней еще раз?

Последние слова я произнес вслух и сразу почувствовал тихое неодобрение Анхель. Она чуяла, что эта история плохо пахнет, раз люди, замешанные в ней, без колебаний могут убить. И не понимала, зачем я лезу в неприятности.

— Наверное, от скуки, — серьезно подумав, ответил я ей. — Вы удивитесь, насколько тоскливо и пресно мне жить последнее время в этом унылом городе.

— О Всеединый! — проворчал Стэфан. — Сейчас он начнет ныть о том, что следует уехать из Рапгара и поселиться где-нибудь поблизости от Отумхилла.

— Хорошая идея, — одобрил я слова амниса. — Возможно, смена обстановки — это то, что мне нужно.

— Да перестань! — отмахнулся он. — Самый последний скангер в городе знает, что ты никогда не оставишь фамильное гнездо. Яд Рапгара в твоей крови, он впитался с молоком матери. Что касается скуки, то здесь все просто. Раньше ты был азартным игроком, и, прошу заметить, очень удачливым и умелым азартным игроком. Теперь же не подходишь к игральным картам и на мило, не говоря уже о таких невинных шалостях, как орлянка, ставки на скачках и гребной спорт. Я уважаю твердость твоего характера, но до сих пор уверен, что тебе следует несколько ослабить те путы, в которых ты себя держишь. Скоро начнутся игры на Арене. Поставь на Крошку Ча.

— Тебе ли не знать, что неинтересно ставить на того, кто все время выигрывает? — покачал я головой, поглядывая на конверты, скопившиеся возле малахитовой чернильницы.

Я уже несколько дней не разбирал корреспонденцию.

— Ну давай. Скажи, что гадать, кем является эта девица со стилетом — гораздо интереснее, чем сражения на паровых машинах! — обиделся амнис.

Ответить я не успел, так как Анхель неожиданно поинтересовалась, насколько красива Эрин, раз любезный чэр все еще о ней думает? Вопрос-эмоция был обращен к Стэфану, который, услышав его, едва не впал в столбняк. Анхель первой вступила на тропу примирения.

— Ну... — Он прочистил горло. — Ну... я бы сказал, в ней что-то есть. Но это отнюдь не внешность. Встречал я на своем веку и более красивых женщин. Та же Кларисса...

Он счел, что позволил себе лишнее, и продолжать не стал. Меня резануло острой, как нож, ненавистью Анхель. Она до сих пор не могла простить ту, с которой я когда-то хотел связать свою жизнь. Кларисса для амниса являлась предательницей, бросившей меня в самую трудную минуту.

Я тоже когда-то так считал и очень переживал по этому поводу. Потом, со временем, все забылось. Страсти, обида и ненависть погасли. От

пламени костра остался лишь серый пепел. Во всяком случае, я хочу так думать.

— Извини, Тиль.

Я поднял бровь, услышав от Стэфана ненужное извинение:

— За что? Я давно уже не реагирую на имя Клариссы так, как раньше.

Эмоции Анхель с первого раза расшифровать мне не удалось. Затем я понял, что она считает, будто у Клариссы никогда не было ко мне любви. Лишь страсть.

Чрезмерная страсть не приносит двум людям ни славы, ни удовлетворения, ни счастья. Ведь она не так многогранна, как любовь. Страсть нечто иное, местами более сильное, более дикое, примитивное и в то же время яркое. Порой она заставляет кипеть кровь и заводит почище, чем пузырьки розового шампанского жвилья. Беда лишь в том, что, когда это чувство у кого-то из двоих проходит, на коже остается лишь соль, песок да зола.

— Мое мнение таково, — трость думала уже совсем о другом, — стоит послать Бласетта за «Срочными новостями».

— Зачем? — нахмурился я. — Эта пустая газетенка жарит новости на огне, только и успевая переворачивать, чтобы не подгорали. Я давно не доверяю этому изданию.

— Да мне неважно, доверяешь ты ему или нет, Тиль! Возможно, они, в отличие от «Времени», написали что-нибудь о пророке из района Иных.

— По-твоему, они только и делают, что сидят рядом с пророком и слушают его откровения о том, где случится новое убийство? — рассмеялся я.

— У газетчиков свои источники информации. Помнишь же, как во время суда...

— Помню, — перебил я. — А еще помню, что даже такая пустозвонная пустота, как «Срочные новости», гнет спину перед мэром и Городским советом, иначе у них быстро отберут лицензию. С учетом того, что из-за поиска Мясника на ушах стоят все городские службы, я уверен — твоего странного пророка давно ищут синие жандармы, чтобы задать ему парочку вопросов. И если кто-то из газетчиков скроет информацию о том, где прячется этот любезный господин, но опубликует статейку, то Скваген-жольц возьмет газету за горло и вытрясет из нее всю душу, несмотря на объявленную Князем свободу печати, так сильно вредящую частной жизни порядочных граждан.

В дверь постучали.

— Минуту! — сказал я, надел перчатки и только после этого открыл

дверь и позволил служанке войти.

— Саил Картиа, вы заняты? Я хотела прибраться, но могу прийти попозже, — сказала Шафья.

— Ерунда. — Я встал с кресла, убирая Анхель в карман и подхватывая пачку писем. — Гостиная в твоём распоряжении. Стэфан составит тебе компанию.

— Спасибо, саил. — Её подведенные сурьмой карие глаза, как всегда, остались серьезны, а вот красивые губы на прекрасном смуглом лице с тонким точеным носом тронула едва заметная вежливая улыбка.

Шафья родом из Магара, и она вдова. В этой варварской стране женщина, потерявшая мужа, считается ничуть не лучше таракана на обочине дороги. Если ей повезет, она станет изгоем. Если не повезет — ей придется взойти на костер следом за умершим.

Эти дикие обычаи магарцы, верящие в тысячу с лишним разномастных божеств, притащили и в Рапгар. Шафье удалось избежать пламени, но она стала мертвой для своего народа. Я встретил её в Соленых садах, недалеко от Складского берега, в районе, очень недоброжелательном к чужакам. Местные «крысы» решили поразвлечься с испуганной девушкой, и мне, как чэру, пришлось за неё вступить. С тех самых пор уже почти год Шафья находится в моём доме. Она отлично вписалась в нашу маленькую семью, словно жила здесь десятилетиями.

Я перебрался в кабинет, рухнул на мягкий диван и ножом стал вскрывать конверт за конвертом, слушая, как в коридоре старые часы приглушенно отбивают десять утра. Письма я читал через строчку, совершенно невнимательно, быстро пробегая глазами, сминая листы и ловкими бросками отправляя их в корзину для бумаг, одиноко стоящую у противоположной стены.

Раньше у меня было множество тех, кого принято называть друзьями, но теперь редко кто из них интересуется мной. Разумеется, когда пришло время, они сочли приличным прислать мне свои самые теплые пожелания, чем вызвали у меня горький смех. Это было забавно, особенно если учесть, что последнее воспоминание о них — это отводящие взгляды, не желающие замечать меня господ. Начитавшись газет и наслушавшись сплетен, они отвернулись от меня, как и все ваше хваленое высшее общество.

Тогда на моей стороне осталось совсем немного людей, и среди них трое самых близких друзей: Данте, Талер и Катарина. Они не отказались от меня ни тогда, ни теперь, и я, Тиль эр'Картиа, Тиль Пересмешник, Тиль Не Имеющий Облика, буду благодарен им по гроб жизни. Потому что понял —

ничто так не ценно в этом мире, как доверие. Они верили в мою невиновность с самого начала и до самого конца этой гнусной истории, несмотря на факты и показания многочисленных свидетелей. И я обязан им за эту веру, что поддерживала меня и питала каждый день, когда я открывал глаза и видел перед собой печать Изначального огня.

Мое воспоминание пробудило злость Анхель. Она злилась на тех, кто устроил все это. А еще на меня за то, что в ту ночь на виллу «Черный журавль» я не взял с собой ни ее, ни Стэфана, которые могли защитить меня или остановить, остудив ярость. Ну и, разумеется, больше всего она злилась на себя, что не смогла быть со мной в трудную минуту.

— Оставь, — попросил я ее, сменяя бледно-голубой конверт-приглашение. — Поздно сожалеть о том, что давно уже прошло. Надо жить настоящим.

Она ворчливо порекомендовала мне жить не только настоящим, но и будущим, несмотря ни на что. Анхель упрямая. Я тихо рассмеялся, отмечая тем, что понял ее эмоции, но не согласен с ними, хотя и не собираюсь спорить. Она в ответ с яростью вскрыла конверт, едва не оттяпав мне палец. И тут же виновато извинилась.

Письмо было от президента клуба «Шесть четверок». Элитное местечко, куда можно попасть, только заручившись рекомендацией трех постоянных членов этой благородной обители вечных бездельников. Многие господа из Золотых полей спят и видят себя в «Шести четверках». Некоторые даже убить готовы за членство в клубе, так как там можно завести воистину важные знакомства и начинают отворяться такие двери, которые ранее не открывались даже золотым ключом.

Раньше я тоже был среди тех, кто собирался в комнатах, обитых дубовыми панелями, потягивал кальвадос, коньяк и виски, курил колониальные сигары, ловко загонял шары в бильярдные лузы и тасовал колоды игральных карт, проигрывая и выигрывая за ночь в княжеский покер целые состояния. Затем, разумеется, меня исключили из столь достойного и чистоплотного общества. Потому что я «не соответствую званию честного чэра, а следовательно, не могу состоять в клубе „Шесть четверок“ вне зависимости от моих прежних заслуг, так как мое имя может повредить репутации столь уважаемого заведения».

Теперь, когда все изменилось, клуб «Шесть четверок» был бы счастлив видеть благородного чэра эр'Картия среди самых уважаемых граждан великого Рапгара и хотел заверить в своем самом добром отношении: «По единогласному решению правления клуба, его президента, а также самых почетных членов для вступления в „Шесть четверок“ чэру эр'Картия не

нужны рекомендации других членов, а достаточно лишь его согласия».

— Какая любезность, — сухо кашлянул я, рассматривая печать.

Раньше, когда я был еще мальчишкой и видел среди бумаг на отцовском столе документ с подобной печатью, это вызывало у меня настоящий трепет. Теперь же — никаких особых эмоций. Разве что недоумение.

Анхель спросила — которое это письмо по счету? Третье?

— Четвертое. За последний год. Они все еще надеются меня переупрямить, хотя я и не понимаю, зачем им это нужно. Пожалуй, если они продолжают настаивать и пришлют пятое, мне придется перестать быть вежливым.

Эмоции моего ножа спросили, не задумывался ли я о том, что в «Шести четверках» могут просто сожалеть о случившемся?

— Мы всегда поспешны в своих решениях и слишком часто жалеем о них, пытаюсь исправить то, что исправлять давно уже не следует, — скривился я, смял бумагу и отправил ее в корзину. — К сожалению, не все это понимают.

Многие бывшие «друзья» прислали мне вежливые письма, где говорилось, как они рады, что все обошлось, и приглашали меня на чай, обед, ужин, семейное торжество и даже свадьбу. Я счел правильным отвечать вежливым отказом, пока мне это окончательно не надоело, и я, забыв о манерах и воспитании, не стал выбрасывать все в корзину, несмотря на недовольство Стэфана, считающего, что чэр должен оставаться вежливым до конца. Мне же было жаль чернил, бумаги и своего времени, так что упреки амниса я пропустил мимо ушей.

Через час с корреспонденцией было покончено, и у меня в руках остался лишь один конверт, в котором содержалась небольшая записка:

«Тиль, привет! Катарина с мужем устраивают большой прием в честь десятилетия своей свадьбы. Если ты не помнишь — 8-го. В 20.00, в летнем особняке на улице Волчьей луны. Ты, разумеется, должен быть. Она привозила твое приглашение Зинтринам, но ты уже уехал.

Заеду за тобой в пять.

P.S. Не забудь о смокинге. Black Tie.

P.P.S. Купил себе новую игрушку. Покажу при встрече.

Талер».

Я вспомнил, какое сегодня число, и выругался. Прием у Катарины начнется через несколько часов.

— Я счел возможным подготовить этот смокинг, чэр, — сказал Бласетт, придирчиво разглядывая меня в зеркало. — Он единственный

вернулся из чистки. Все прочие оставлены вами в поместье у Зинтринов. Их дворецкий до сих пор не распорядился переслать ваши вещи.

— Меня вполне устраивает этот. Спасибо, Бласетт.

Смокинг был отличным, несмотря на недовольное ворчание слуги. Черный цвет, шалевый атласный воротник, обтянутые атласом пуговицы. Плотная сорочка из чистого хлопка, черная бабочка, черный однобортный жилет, лаковые туфли и шляпа с излишне жесткими полями.

Единственное, что портило мой вид, — это перчатки из тонкой черной кожи. На таких приемах перчатки, да еще и в сочетании со смокингом — отличительная особенность стюардов. Но, думаю, Катарина простит мне мою эксцентричность.

— Предупреди Полли, что я не вернусь к ужину.

— Уже сделано, чэр. — Он протянул мне тонкий черный плащ. — На улице похолодало. Хочу спросить вас, свободен ли я на этот вечер?

— А что такое? — Я захлопнул крышку часов, убрал их в карман жилета.

— У сестры сегодня праздник в честь посвящения моей маленькой племянницы Всеединому.^[22] Могу ли я уйти?

— Конечно, — кивнул я. — И купи ей хороший подарок. Я оплачу расходы.

— Чэр, вам вовсе не стоит...

— Я так хочу, — отрезал я. — Маленькие девочки достойны того, чтобы получать хорошие подарки. Загляни в «Мир игрушек Доббса» в Сердце. Думаю, найдешь что-нибудь подходящее.

— Я так и поступлю, чэр. Благодарю вас. — Он блеснул стеклами пенсне и поспешил вниз, ответить на стук дверного молотка.

— Это господин Талер! — крикнул я дворецкому. — Проводи его в Охотничью комнату!

Я взял со стола Анхель, убрал ее в маленькие жесткие ножны, прикрепленные сзади к моему поясу, выдвинул ящик, достал стопку фартов, коснулся аккуратно сложенного желтого платка Эрин и, подхватив Стэфана, начал спускаться по лестнице.

Охотничья комната располагалась на первом этаже, сразу за большим холлом. Ее стен не было видно из-за висящих на них старых кремневых ружей, охотничьих секир, щитов с гербами и конечно же множества голов разнообразных животных, подстреленных еще моим дедом. Сам я к охоте не проявляю ровным счетом никакого интереса и несколько раз порывался очистить свой дом от залежей мертвых зверей. Меня удручает этот пылесборник покойников. Но Стэфан сразу же начинал ныть, что я не чту

память предков и выбрасывать столь достойную коллекцию — просто кощунство.

Так что в итоге я махнул рукой на это помещение, как и на галерею с охотничьими трофеями. Раз амнису нравится этот мусор — пусть наслаждается.

Талер в отличие от меня любил Охотничью комнату и с удовольствием рассматривал древние ружья, цокая языком, гладил полированные ореховые приклады, щелкал колесцовыми замками и заглядывал в дула.

Мой друг, как и все мы, немного сумасшедший. У него в жизни единственная страсть — огнестрельное оружие. Он просто помешан на всем, что гулко стреляет и дырявит пулями ни в чем не повинную плоть. Талер «женат» на своих многочисленных пистолетах. Так что ничего удивительного, что его увлечение в итоге стало профессией — мой старый друг работает в Западном крыле Академии Точных Наук. Там самом, что сотрудничает с тропееллами в разработке новых систем вооружений.

Я, чувствуя, как предвкушающе усмехается Стэфан, на цыпочках подкрался к комнате и осторожно заглянул туда. Так и есть. Талер вертел в руках старинный мушкетон, из которого в последний раз стреляли чуть ли не при Всеедином. Дружище все мечтает пальнуть из него новой, электрической картечью и посмотреть, что из этого получится. Он несколько раз умолял меня позволить ему провести эксперимент, но я наотрез отказываюсь. Не хочу, чтобы старую рухлядь разорвало у него в руках.

— Бах! — Я скопировал звук выстрела, и в тишине он прозвучал словно гром среди ясного неба.

Талер подскочил примерно на фут, юркнул за стол и выхватил из карманов плаща два пистолета внушительного вида. На этот раз даже я, знающий привычку приятеля носить при себе одновременно пять-шесть пугачей, был впечатлен.

Заметив мою ухмыляющуюся рожу, он выругался:

— Сгоревшие души! Так и до могилы можно довести, Пересмешник! Я чуть не умер!

Он выбрался из-за стола, отряхнул штаны:

— Мы все-таки не на первом курсе университета, чтобы так шутить! А если бы я запаниковал и выстрелил?

— Не выстрелил бы. Я прекрасно знаю, как быстро ты можешь оценить обстановку.

— Почему из всех возможных Атрибутов, достающихся лучэрам, ты получил самый дурацкий — подражание голосам других?

— Ты знаешь, я частенько задаюсь тем же самым вопросом, — рассмеялся я. — И Атрибут, и Облик могли бы быть и получше, но что теперь с этим поделаешь?

Он криво усмехнулся.

Талер чуть ниже меня, но худой, как скелет, поэтому его старый, латаный-перелатанный болоньевый плащ болтается на нем как на вешалке. Непослушные волнистые волосы Талера еще длиннее, чем у меня. Он отказывается стричь их коротко с пятого курса университета, когда проиграл какое-то пари, о котором не желает распространяться до сих пор.

Бледная кожа, впалые щеки, длинный нос, каштановые усики и борода клинышком, а также большие, цвета змеевика глаза — вот что такое господин Талер. Его взгляд, внимательный, смотрящий вглубь, быстрый, пронзительный до мурашек, совершенно не вяжется с немного неряшливым видом и тщедушным телом. Впрочем, именно такой взгляд и должен быть у хорошего стрелка.

Сколько себя помню — мой университетский однокашник еще ни разу не промахнулся, стреляя по мишеням. В отличие от вашего покорного слуги, давным-давно забросившего такие развлечения.

— Как прошла охота в поместье Зинтринов?

— Стреляли вальдшнепов, — коротко ответил я, избегая рассказа о том, что никто из-за излишне выпитого ни разу не попал в цель. Талер как заядлый охотник болезненно воспринимает промахи и ушедшую от пуль добычу.

— Пора идти. Я нанял коляску. — Движения у него излишне резкие, кажущиеся незнакомым людям нервными и суетливыми. — Куда ты спрятал Шафью?

Он вытянул тощую шею, оглядывая пустой холл за моей спиной, а затем с укоризной посмотрел на меня.

— Никуда я ее не прятал! — отмахнулся я от него. — Твоя паранойя когда-нибудь сведет тебя в могилу, мой друг. Если девушка не хочет с тобой общаться, значит, на то у нее есть какие-нибудь причины. Нет! Даже не думай. Я спрашивать, а тем более принуждать ее ни к чему не буду.

Когда Шафья только появилась в моем доме, старина Талер, одиночка Талер, нелюдимый Талер, любитель оружия, никогда раньше особо не замечавший женщин, заинтересовался красотой магарки, но дальше этого интереса дело не пошло. Затем однажды, когда я, он и МакДрагдал убили пузатую бутылку кальвадоса, изрядно захмелевший полковник, на дух не переносивший магарцев, то ли в шутку, то ли всерьез назвал Шафью одной из ревари. Те являлись жрицами Гарвуды — огромной небесной птицы,

которой поклоняются в Центральном Магаре. Мол, эти жрицы — лучшие наемные убийцы и частенько служили раджам.

Далее последовала история о том, как в розовом городе Джайджарате, где располагалось несколько пехотных полков перед первым ударом на Кальгару, две ревари уничтожили почти все командование, прежде чем солдаты пристрелили врагов.

— Шустрые бестии! — Покрасневшее от выпитого лицо полковника было гневным. — Проворнее мяурров. Чик-чик своими кривыми ножиками — и куча трупов! Да еще и магия защитная! Они даже от пуль уклонялись какое-то время!

История о пулях запала Талеру в душу, несмотря на то что на следующий день полковник все отрицал и лишь делал круглые глаза.

— Какая ревари? — рокотал он в седые усы и недоуменно щурил глаза. — Эта девчонка в цветастом сари с кучей браслетов на руках?! Она?! Ты с ума сошел, мальчик! Да мало ли что я говорил! С кем не бывает!

Но Талер не успокоился, проверил эту историю по военным архивам, однако ничего о гибели офицеров в Джайджарате в открытых источниках не нашел, а к секретным его не допустили. В общем, какое-то время он относился к Шафье очень настороженно, чем вызывал у меня улыбку. А затем стал просить ее показать, как следует убегать от пуль, чем перепугал бедную девушку до смерти.

Когда Талер начинает наседать, он становится похож на тощего коричневого спаниеля. Такой же настырный и ошалевший от собственного буйного воображения.

Пришлось попросить его оставить Шафью в покое и перестать корчить из себя идиота. Он страшно обиделся, но умерил свой пыл. С тех пор прошло уже несколько месяцев, но служанка старается не попадаться моему другу на глаза. Так. На всякий случай.

Бласетт ждал нас у двери. Помог мне надеть плащ и вручил моему гостю его старую вельветовую шляпу.

— Удачного вечера, господа. — Он распахнул дверь и обреченно вздохнул: — Опять!

На крыльце лежали: плохо обглоданная цыплячья ножка, прокомпостированный и порядком испачканный трамвайный билет, пустая катушка от ниток, дырявый башмак, ворох алых кленовых листьев и подшипник.

— Ну вчера было хуже, — философски заметил я, нахлобучивая шляпу.

— Вчера? — удивился мой друг. — У тебя что — мусорная свалка?

— Видимо, именно так кто-то и считает, господин! — Лицо Бласетта было мрачным, на скулах появился румянец. — Вчера была окоченевшая крыса на венке из роз. Последний, судя по надписи, был украден с кладбища Невинных. А позавчера — целая горка стекла и еще какая-то дрянь. Чэр эр'Картиа! Я же от двери никуда не отходил. И никого не услышал! Только что, гады, положили!

Талер склонился над кучей мусора, и его острый нос едва не уткнулся в дырявый башмак.

— Быть может, какая-то черная магия, Тиль?

— Вряд ли, — возразил я. — Стэфан бы почувствовал.

— Верно, — отозвался все это время державший рот на замке амнис. — Нет волшебства. Какие-то хулиганы.

— Без сомнения, это чэра эр'Тавиа. — У Бласетта была лишь одна теория.

— Старушка-соседка? — изумился Талер. — Полно! Она безобидна. Правда, помнится, в наши студенческие годы едва не оприходовала меня своей клюкой, когда заметила, что я целюсь из пистолета в одну из ее кошек. Я пытался ей объяснить, что оружие не заряжено, но...

Он с трагическим видом развел руками. Наверное, помнил, как его гоняли по всей улице.

— Бласетт бьется с вандалами уже не первый день, — объяснил я другу.

— Если хотите поймать хулигана, поставьте ловушку. Капкан, например. Или противопехотную мину. У меня есть знакомые на армейских складах. В принципе могу достать.

— Спасибо, — усмехнулся я. — У тебя, как всегда, радикальные способы решения проблем. Боюсь, мой дворецкий замучается оттирать стены от крови. К тому же пострадают фасад и окна.

— Ну как хочешь. Идем. Коляска ждет.

Я попрощался с Бласеттом и поспешил за Талером.

— Ты посмотри, какой красавец! Семь патронов в барабане! Дальность прицельной стрельбы — двести тридцать футов! — Талер от восхищения глотал слова и то и дело поправлял вельветовую шляпу, съезжающую ему на глаза. — Держи. Оцени вес!

Он пихнул мне новую звезду своей коллекции — вороненый револьвер производства компании «Лугг и Хаувер», начав расписывать его достоинства. Я вежливо поддакивал в нужных местах. Талер частенько занимал у меня деньги, чтобы купить себе очередную игрушку. Я без проблем одалживал — мне не жалко.

— Чем он стреляет?

— Любой боезапас, — Мой друг просто сиял. — В том числе и последние разработки тропаелл. Разумные опалы, например.

Я удивленно поднял бровь, но Талер сразу скорчил загадочную физиономию. Было понятно, что это тайна и пока он не готов о ней рассказать.

Иногда я поглядывал по сторонам, гадая, успеем ли мы добраться до дома Катарины к положенному сроку. Она вместе с мужем жила на самом востоке Кайлин-ката — района, находящегося севернее Золотых полей.

Когда мы миновали мост Праведности, соединяющий Олл и Кайлин-кат, уже стемнело. В отличие от других районов Рапгара на востоке города следили за освещением, и на улицах здесь горели электрические фонари. Разумеется, они стояли не так часто, как в Небесах или Золотых полях, но достаточно для того, чтобы лошадь не продвигалась на ощупь.

Талер закончил хвастать, забрал у меня пистолет, спрятал его в карман плаща, и мы разговорились о Ночном Мяснике, строя предположения, кто это может быть и когда наконец господа из Скваген-жольца смогут хоть что-то сделать для его поимки.

— Быстрее! — обратился мой приятель к извозчику. Ползли мы действительно излишне медленно.

— Запрещено, господин. Нельзя, — виновато ответил тот.

— С каких это пор?! — вскинулся Талер.

— Со вчерашнего дня, господин. Городской совет издал закон. В темное время суток теперь положено ехать медленно, чтобы патрули жандармов могли рассмотреть пассажиров.

— Не поможет, — сказал мне Талер. — Если они думают, что Мясник перемещается на колясках, то как они смогут узнать его? Он что, в крови с головы до ног или носит у всех на виду топор?

Я лишь пожал плечами. Ни одного патруля за всю дорогу мы так и не встретили.

Коляска катила по прямой улице, проходящей с запада на восток через весь остров Рыбы. Кайлин-кат состоит из конгломератов маленьких кварталов, находящихся отдельно друг от друга и разделенных большими дубовыми рощами и прекрасными лугами, все еще сохранившимися в нашем заросшем домами, заводами и грязью городе. По своей престижности Кайлин-кат гораздо выше, чем Олл, но недотягивает до Золотых полей, а тем более Небес. Основной процент живущих в этой части города — хорошо обеспеченные Иные: ка-га, богатые семьи мяурров, ранее служивших в армии и гвардии, и, разумеется, пикли. Именно в

недрах Кайлин-ката спрятаны машины, с помощью которых пикли даруют Рапгару электричество.

Здесь же находится Раковина — завитое спиралью перламутровое здание, и днем и ночью освещенное тысячью фонарей. Оно второе по яркости в Рапгаре и уступает лишь княжескому дворцу. Несколько минут назад мы как раз проехали мимо Раковины. На улице не было ни души, пикли всегда рано ложатся спать и встают чуть свет.

Дорога тоже была пуста, последний экипаж мы встретили минут десять назад.

— Не люблю здесь бывать, — проворчал Талер, поднимая воротник плаща.

Район с домами пикли, так похожими на морские раковины, остался позади. Началась парковая зона, за которой располагался восточный Кайлин-кат, где жили преимущественно люди, которым не по карману купить виллу в Золотых полях, но которые побогаче и повлиятельнее всех остальных.

В рощах на электричестве экономили, несмотря на то что местечко было не из дешевых. Фонарей здесь имелось раз-два и обчелся. Светили они тускло, и стоило миновать ближайший, следующий казался маленькой искоркой — до него следовало ехать футов шестьсот. Так что в ночном осеннем мраке лошади ползли еще медленнее, и, если бы не два масляных фонаря на коляске, экипаж, боюсь, и вовсе бы остановился.

— Старина. Быстрее. Заплачу двойную цену, — сказал я извозчику.

Тот вздохнул, повозился, посмотрел по сторонам, явно ожидая, что в ближайших кустах прячется патруль синих мундиров, и неохотно чмокнул губами, подгоняя лошадей.

— Мы не успеем даже к перемене вторых блюд, — пробубнил Стэфан.

Анхель сохраняла полное спокойствие. Судя по идущим от нее ощущениям — она спала. Я ответил трости, Талер вопросительно посмотрел на меня, сообразил, что я разговариваю с амнисом, и нахохлился. Он тоже понимал, что мы крайне неприлично опаздываем. И нам будет очень неудобно перед Катариной.

Я задумался всего на несколько мгновений и пропустил момент, когда ситуация на улице изменилась.

— Что это за дрянь?! — с отвращением спросил Талер, вжимаясь в спинку сиденья.

Он на дух не переносил насекомых, а сейчас перед нами вилось целое облако из этих созданий.

— Светлячки, — пожал я плечами, наблюдая за суесящимися

светящимися жучками.

И тут же нахмурился:

— Постой... откуда они взялись осенью?

— Вот и я не знаю. Стэфан напряженно сказал:

— Они созданы с помощью магии.

Спросить «кому это понадобилось?» и «для чего?» я не успел, так как ответ пришел почти мгновенно. Серебристый росчерк прилетел издали, разрезал ночь и врезался в извозчика, который тут же мешком повалился на землю.

Лошади испуганно остановились, а мы с Талером, не сговариваясь, выпрыгнули из коляски и спрятались за деревьями по разные стороны дороги.

— Однако на грабеж это не слишком похоже. — Стэфан на удивление был спокоен.

Анхель тоже собралась и готовилась к действиям. Что же — если стрелявшему хватит ума пойти врукопашную, у нее появится шанс повоевать. Я, стараясь успокоить бешено колотящееся сердце, посмотрел на труп возницы и выглянул из-за ствола. Почти сразу же рядом с лицом в древесную кору ударила пуля, и я отшатнулся назад.

— Спаси Всединый! — Весь налет спокойствия мигом слетел с моей трости. — Ты что, сдурел, голову высовывать?!

Препираться с ним не было ни времени, ни желания. Облако светляков дрогнуло и разделилось на две части. Одна поползла туда, где спрятался Талер, другая повисла у меня над головой, источая зеленоватый свет и прогоняя скрывающую меня темень.

Я скрипнул зубами:

— Талер! — тихо позвал я.

— Ну? — с придыханием ответил он.

— Сейчас буду у тебя. Не стреляй. Я в Облике.

— Угу.

Я принял Облик и быстро перебежал дорогу. Талер, держащий в каждой руке по револьверу, барабаны которых мерцали рубиновым, подвинулся, освобождая мне место:

— Оказывается, твоя невидимость годится хоть для чего-то, кроме студенческих шалостей.

Кривая усмешка пробежала по худому лицу моего друга. Доставшийся мне Облик — это его отсутствие. Ровно шесть секунд полной невидимости. Ужасно мало, на первый взгляд, но иногда этого бывает достаточно. Особенно в драке, когда даже самая малость может склонить чашу весов в

твою пользу. Так уже бывало, и не раз.

— Они нас подсвечивают. — У Талера было большое желание расстрелять барабаны в насекомых.

— Но их можно обмануть. Как и стрелка.

Тот не заметил смены моей позиции, а волшебные светлячки так и вовсе впали в ступор, не понимая, куда я исчез, и остались висеть над пустым местом.

— Их двое, — возразил Талер. — Или же он один, но все время перемещается. Дерьмо скангеров! Где эти жандармы, когда они так нужны?!

Я думал об испачканных осенней грязью туфлях, одновременно размышляя, как быть дальше.

— Эй! Лучэр! — донесся едва слышный крик. — Скажи нам, где девчонка, и мы от тебя отстанем! Или же в следующую нашу встречу пуля найдет твою голову! Подумай над этим!

— О-о-о! — протянул Талер. — Так это какие-то твои знакомые?

Не дожидаясь ответа, он отважно высунулся из-за дерева и трижды выстрелил. Дубовая роща и дорога озарились рубиновыми вспышками, а ответная пуля пробила его вельветовую шляпу, сбив ее с головы.

— Один готов, — по-собачьи ухмыляясь, сказал Талер, с сожалением ощупывая поднятую шляпу.

Эта была его любимой.

— Ты уверен? Ведь стрелял практически вслепую, — удивился я, успокаивая рвущуюся в бой Анхель и не слушая верещаний Стэфана о «разумной осторожности».

— А то! — Он был очень доволен собой. — Вторая пуля во что-то попала. И это было явно не дерево.

Я помню, что слух у него такой же, как у мяурров и завью. Порой мне кажется, что Талер способен в грохоте фабричных станков различить звук мушиных крылышек.

— Мы не можем стоять здесь вечно! — сказал Стэфан. — Если у них только хватит мозгов нас обойти...

Дальше он продолжать не стал, предоставив мне самому сделать выводы.

— Дай мне пистолет, — сказал я.

Талер, ничего не спрашивая, убрал свой револьвер в карман плаща и вытащил из-за пазухи пузатого короткоствольного уродца. Протянул мне:

— В барабане пять обычных пуль. Осторожно со спусковым крючком — очень чувствителен.

Я кивнул, с неохотой снял плащ, думая не о том, как избежать пули, а о том, как не испачкать смокинг перед встречей с Катариной.

— Собираешься воспользоваться Обликом?

— Готовлюсь к этому.

У каждого лучэра свои отношения с его Обликом. Мой, как я уже говорил, держится всего шесть секунд, и, чтобы принять его вновь, следует прождать чуть больше минуты.

— Не высовывайся, — на всякий случай предупредил я приятеля. — И не пали куда ни попадя. Мне мой смокинг еще дорог. Я позову тебя, как только все проверю.

— Хорошо. Осторожнее.

— Тот, в кого ты попал, был справа или слева от дороги?

— На той стороне.

Я кивнул, отдал ему недовольного Стэфана, взял в левую руку Анхель и, приняв Облик, быстро двинулся вперед. За имеющиеся у меня секунды я преодолел достаточное расстояние и спрятался за очередным деревом. Посмотрел назад — как я и думал, бледное пятно света от светлячков так и осталось висеть над Талером.

Эмоции Анхель предупреждали меня о том, что в рукаве у изначального мага могут быть и более серьезные фокусы. Я, помня встречу в поезде, прекрасно это знал. Нет никаких сомнений — это те же люди, что бесцеремонно ворвались в мое купе в «Девятом скором».

Думая об этом, я медленно продвигался вперед, стараясь держаться за деревьями и не шуметь. Последнее оказалось очень непросто. Листья под ногами то и дело предательски шуршали. Ладонь, удерживающая пистолет, стала влажной. Даже уверенный в том, что стрелявший не знает, что я продвигаюсь к нему, я каждую секунду ожидал услышать гром выстрела.

Один раз нервы не выдержали — мне послышался шорох справа, и я принял Облик, шарахнувшись в ту сторону и держа Анхель наготове. Но там никого не оказалось, я остановился, прислушался к ветру, затем прошел вперед еще немного, вплотную подобравшись к дороге. И здесь, на одном из деревьев, обнаружил прекрасную древесную развилку, куда можно было положить ствол тяжелого ружья, чтобы хорошо прицелиться. Стрелка, конечно, уже не было и, к сожалению, оказалось слишком темно, чтобы понять, остались ли на земле какие-нибудь следы.

Я проявил осторожность, дождался, когда вновь можно будет воспользоваться Обликом, перебежал дорогу и, оказавшись на противоположной стороне, почти сразу же наткнулся на брошенное ружье.

Но расслабляться было рано, поэтому я постарался исследовать как

можно больше территории, пока не убедился, что опасность миновала. Мой нож был того же мнения — неизвестные ушли, отчего-то оставив оружие.

Я окликнул Талера. Он подошел в сопровождении светляков, вернул мне Стэфана, склонился над землей:

— Шальная пуля, если честно, — неохотно признался он. — Я его ранил. Видишь кровь? Оба, как я понимаю, убрались от греха подальше.

— С учетом того, что в нас нет дырок, так и произошло.

— Что-нибудь хочешь мне рассказать? — Он забрал у меня свой пистолет, сунул его за пазуху.

— От смазливой девки из поезда одни лишь неприятности! — возмутился Стэфан.

— Расскажу чуть позже. Думаю, сейчас нам стоит уйти как можно дальше. Пока кто-нибудь не подъехал или жандармы не появились.

— Нарушим наш гражданский долг? — усмехнулся Талер, подняв с земли ружье убитого и с интересом его разглядывая. — Пожалуй, это разумно. Мы и так опоздали. Катарина вряд ли будет в восторге.

— Нам повезло, что они промахнулись.

— По коляске? Из этого? — Он кивнул на ружье. — Не думаю. Это «Лайтнер-200» — очень точная штука. И дальнобойная. Скажу даже больше — вышла ограниченной серией исключительно для одного пехотного полка и гвардии Князя. На черном рынке это оружие практически не появлялось. Стоит целую кучу фартов. Промануться из него, особенно с таким прицелом, да еще с такого расстояния — очень сложно. Да еще когда у тебя над головой эта светящаяся дрянь. Так что они попали туда, куда хотели.

— Это было всего лишь предупреждение, Тиль, — сказал Стэфан.

Анхель разделяла его мнение.

— А то я не догадался, — буркнул я.

— Я не знаю, кому ты перебежал дорогу, Пересмешник, но это очень серьезные ребята, раз с ними маг и такие штуки. — Талер с сожалением бросил ружье на землю.

Мне ничего не оставалось, как кивнуть. Могу только гадать, зачем Эрин понадобилась этим людям. Но явно не для того, чтобы отвести ее под венец.

Глава 6

ПРИЕМ У КАТАРИНЫ

— Слушай, перестань. — Из-за отсутствия шляпы и поднявшегося ветра непослушные волосы Талера растрепались и перепутались. Теперь он на ходу пытался привести их в порядок и не отстать от меня. — Рапгар, конечно, огромен, но лучэров не тысячи. Достаточно лишь проверить списки пассажиров поезда, а их, уверяю тебя, жандармы написали, и дело в шляпе. Проклятье! И надо было им подстрелить мою любимую шляпу! Я на нее шесть фартов угрохал!

— А теперь угрохали ее. Оставь. Куплю тебе новую. В качестве подарка.

Я рассказал другу об Эрин, и теперь его въедливый разум строил теории. Каждая следующая была хуже предыдущей.

— То есть ты хочешь сказать, что эти умники забрались в Скваген-жольц... — с усмешкой начал я, но он меня перебил:

— Совершенно не обязательно. Можно было подкупить одного из тех, кто был на станции. С другой стороны, если у них в руках был «Лайтнер-200» с полуавтоматической подачей патронов, с которым они расстались без всякого сожаления, потому что эта штука слишком тяжела для бега, то им ничего не стоило и в Скваген-жольц войти. И не только войти, но и выйти. Потому что люди, покупающие такие игрушки лишь для того, чтобы припугнуть, найдут деньги и для других целей.

У Талера есть еще один конек, кроме оружия. Теория заговора. Слава Всеединому, он редко забирается на эту лошадь, но если уж залезет, то из седла его выбить не так-то просто. Помню, еще в университете он горячо уверял меня, что Князя уже давно нет в живых и всем заправляет Палата Семи.

Как-то я рассказал об этом разговоре дядюшке. Он хохотал так, что то и дело менял Облик, а затем сжал кулак и поднес его к моему носу:

— Вот где мы у Князя, племянник. В кулаке! Каждый из Семи!

Талер придерживался своего мнения, впрочем, спустя какое-то время он сменил теорию на диаметрально противоположную. За время нашего знакомства таких идей у него было больше, чем зубов в пасти тру-тру.

— А уж узнав, кто ты, найти тебя не представляло никакой сложности. Личность ты известная...

Я в ответ болезненно поморщился. Подобные «комплименты» мне никогда не нравились.

— А то, что они организовали засаду на дороге... — Талер поежился от ветра и сгорбился еще сильнее. — Ну, зная, где ты живешь и куда едешь, много ума не надо, чтобы вычислить дорогу. Я бы тоже там ждал.

— Я не считаю этих господ настолько всемогущими, чтобы они знали о вечере Катарины и о том, что я там буду.

— Ну и зря! — опечалился он, оглядывая пустую улицу в поисках извозчика. — Информация всегда лежит на поверхности, главное — видеть, где ее подобрать. Кто был в курсе, что ты туда поедешь? Ну, во-первых, я. — Он глупо хихикнул. — Во-вторых, слуги. В-третьих, домашние Катарины. В-четвертых, все остальные, кто знает, что ты ни за что не пропустишь это празднество.

Мы наконец увидели закрытую повозку, медленно ползущую по параллельной улице. Догнали ее, я назвал адрес, и через пятнадцать минут мы уже стояли возле особняка Катарины.

У ее мужа огромный и прекрасный дом с внушительным участком леса и пристанью на морском берегу. Господин Гальвирр, как и я, не слишком жалуется Золотые поля, поэтому и обосновался именно здесь, хотя мог жить хоть в Небесах, по соседству с Данте, благо и денег, и власти ему не занимать.

Белый трехэтажный дворец был освещен огнями. С открытой веранды, где в жаровнях пылало пламя, доносилась мелодия симфонического оркестра. Судя по всему, если мы и опоздали, то ненадолго — к воротам до сих пор подъезжали экипажи. Мы вышли, и Талер, несмотря на мои отчаянные возражения, расплатился.

— Давай войдем не через парадный? — Он шмыгнул носом и стал похож на того забитого нескладного парня, которого я знал еще в университете. — Ты не против?

— Это неприлично! — возразил Стэфан. — Гостей должны встречать хозяева!

— Успокойся! — одернул я амниса. — Катарина и Рисах нас, разумеется, простят. Это не такой уж и страшный проступок. Идем.

Талер благодарно кивнул и поспешил первым. Я двинулся за ним.

Мой друг до сих пор чувствует себя не в своей тарелке, приходя на такие приемы. Высший свет его сильно тяготит. Талер не может похвастать ни благородной кровью, ни положением, ни огромными деньгами. Он обычный человек, которым вход на подобные приемы заказан. Такие могут лишь смотреть на все это со стороны, сквозь решетку забора, но никак не

входить в залы, где хлещет шампанское, дорогое вино, на серебряных тарелках лежат деликатесы из дальних колоний, а наряженные в вечерние платья дамы носят на шеях целые состояния.

Талер здесь лишь потому, что он один из двух близких друзей Катарины (кто второй, догадайтесь сами) и проучился с ней в университете за одной партой семь лет. Они, несмотря на разное положение в обществе, заботились друг о друге, словно родные брат с сестрой, и были не разлей вода. И теперь, спустя годы, двери дома Кат всегда открыты для него.

Мой друг не любит акцентировать внимание на своей персоне. У большинства из присутствующих здесь хватает чувства такта не смотреть на худого человека в нелепом плаще так, словно тот — заглянувший на огонек митмакем. Но не все любезные господа хорошо воспитаны, и Талер, ненавидящий подобное отношение, вместо того чтобы взяться за пистолеты, сжимался и старался стать еще более незаметным, чем сейчас.

Мы зашли через восточное крыльцо, где вдыхал ночной аромат моря один из охранников Гальвирров. Заметив нас, он подобрался, затем узнал и поклонился:

— Доброй ночи, чэр. Доброй ночи, господин.

Мы ответили тем же и прошли в предупредительно распахнутую дверь. Прислуга у Катарины вышколена до высочайшей степени. Не успели мы оказаться внутри, а одному из трех дворецких огромного дома уже было об этом известно. Он тут же очутился рядом и поклонился:

— Позвольте ваши плащи и... — Дворецкий замешкался, увидев голову Талера непокрытой. — Шляпу.

Слуга помог нам раздеться, забрал верхнюю одежду, мою шляпу и трость. Стэфан, пребывавший в дурном настроении и хотевший спать, ничуть не возражал.

— Спасибо, Вэйверли, — поблагодарил я дворецкого. Тот остался доволен, что его имя помнят.

— Осторожно, — попросил Талер слугу. — Там пистолеты.

— Как я могу забыть, господин? — невозмутимо произнес Вэйверли. — С вашего позволения, я сообщу хозяевам о вашем приходе.

— Это будет очень любезно с вашей стороны, — сказал я, оглядывая ярко освещенный зал.

Огромные хрустальные люстры отражали электрический свет и переливались как бриллианты. Люди ходили по просторному залу, останавливались, здоровались друг с другом, общались. Оркестр играл «Шестую симфонию Рапгара».

Под плащом моего друга оказался вполне приличный смокинг, так что,

не удержавшись, я поднял бровь. Он заметил мое удивление и неловко улыбнулся:

— Взял напрокат на этот вечер.

— А попросить у меня не мог? — покачал я головой. — Купить его было не проблема.

— Он мне нужен лишь на один вечер. Зачем тратить деньги? Если тебе их некуда деть, то дай в долг. Я присмотрел у одного коллекционера отличный двухзарядный «Болтсс» прошлого века.

Я закатил глаза и покачал головой. Горбатого могила исправит.

— О! Кат! — Талер от избытка чувств помахал рукой. Мне иногда кажется, что он относится к ней совсем не по-братски, но успешно это скрывает.

Катарина шла к нам со стороны огромного банкетного зала. Со времени нашей учебы она немного располнела, а ее глаза перестали быть наивными и все чаще казались усталыми, но улыбалась она так же искренне и приветливо. Высокая статная шатенка в прекрасном дорогом вечернем платье и очаровательной шляпке со страусиным пером...

— Ни слова Катарине о случившемся, — прошептал я, отвечая на ее улыбку.

Талер обиженно хмыкнул, словно я посмел заподозрить его в предательстве.

— Тиль, Талер, как я рада, что вы пришли!

От нее восхитительно и едва ощутимо пахло иланг-илангом и жасмином. Катарина — консерватор и не изменила своим любимым духам за все прошедшие годы. Она протянула руку для поцелуя, я едва заметно коснулся ее губами. Талер сделал то же самое, немного покраснев.

— Ты, как всегда, обворожительна, Кат, — искренне сказал я.

Она тихо рассмеялась и покачала головой:

— Уже не так, как раньше. Прежде я могла остановить драку в Старом парке между нашими и Маркальштуком одним движением брови.

— Думаю, тебе подвластно это и сейчас, — улыбнулся Талер, немного нервно поглядывая по сторонам.

— В какую историю вы опять влипли? — Ее глаза вдруг прищурились.

— С чего ты так решила? — невинно поинтересовался я. Она взяла нас под руки и не спеша пошла вперед, к гостям, свету, музыке и льющемуся шампанскому.

— Как будто я не знаю вас, мальчишки! К тому же это выглядит достаточно странно. — Она ткнула пальчиком в плечо Талера. — Ты не мог бы избавиться от этого, мой друг? Иначе госпожа Алинкат вновь хлопнется

в обморок. Она до смерти боится насекомых.

Талер посмотрел на свое плечо, увидел там светлячка, последнего из тех, что вредили нам в роще, тихо выругался, смахнул его на пол и раздавил подошвой.

— Так что произошло?

— Ничего, стоящего твоего внимания в такой замечательный день! — рассмеялся я. — Позволь нам с Талером поздравить и тебя и Рисаха со столь знаменательной датой. Я протянул ей маленькую перламутровую коробочку:

— Это от нас с Талером.

Тому хватило ума скорчить соответствующую случаю вежливую мину.

— Вам, право, не стоило... — сказала хозяйка великолепного дома, распахивая крышку, и на мгновение задохнулась от восхищения, услышав рокот моря:

— Всеединый! — ахнула она, округлив глаза. — Поющая жемчужина Кунгуни! Рисах пытался достать ее целых два года! Это же величайшая редкость! Где вы ее умудрились найти?!

— М-м-м... — загадочно промышчал Талер.

— Для нас это была пара пустяков, — скромно улыбнулся я. Разумеется, достать эту штуку для Катарины было совсем не пустяком, пришлось побегать, но теперь я наслаждался произведенным эффектом. Я помню, что она, обожающая море и воду, очень хотела получить подобную безделушку. Мало того что шумит приятно, так еще и для здоровья полезна. Такие штуки кидают в ванну, и они превращают обычную воду в целебную. Говорят, поющие жемчужины очень полезны для кожи. Богатые леди с ног сбиваются, чтобы добыть для себя всего одну и сохранить молодость.

— Знаю, какая это «пара пустяков». — Она вернула нам улыбку и захлопнула крышку. — Прошу меня простить, стоит уделить внимание другим гостям. Я скоро вернусь, а пока пришлю Рисаха. Он отдувается за нас двоих возле парадного входа. Очень рада, что вы в этот вечер со мной.

Еще раз лучезарно улыбнувшись, она, едва слышно шурша юбками, величественно уплыла, по пути тепло здороваясь с гостями и оставив с нами аромат своих духов.

— Мог бы и предупредить заранее насчет подарка, — пробурчал Талер, проводив ее взглядом. — Я выглядел идиотом.

— Вовсе нет.

— Не думал, что нужно дарить подарок, — обреченно вздохнул он.

— Ну обычно это прилично, особенно если юбилей свадьбы, —

серьезно отозвался я.

Он кивнул, потоптался на месте и сказал:

— Слушай, я голоден, как тру-тру. Вроде в зимнем саду накрыты столы для фуршета. Ты не против, если я тебя на какое-то время оставлю?

— Конечно. Только учти, что еще будет ужин для самых близких гостей. Смотри не набивай живот.

— Боюсь, что ужина я не дождусь, — виновато произнес Талер, понизив голос. — Скоро ночное заседание стрелкового клуба «Паровая пуля». Не хочу пропускать.

— Ну объясняться с Катариной тебе, а не мне. — Я едва заметно кивнул проходящему мимо знакомому.

Талер прочистил горло и осторожно сказал:

— На самом деле в этом вопросе я рассчитывал на тебя. Понимаю, что без прощания уходить невежливо, но ты же знаешь Кат...

Я вздохнул:

— Ладно, Стрелок. На что еще нужны друзья?

Он ухмыльнулся, хлопнул меня по плечу и, немного ссутулившись, поспешил заглушать урчащий желудок. Я медленно прошел вдоль стены, изучая картины, которые и так знал наизусть. Здесь меня и поймал стюард, но я лишь покачал головой. Ни аперитива, ни шампанского не хотелось. Алкоголь, даже в маленьких количествах, притупляет разум, а когда ныряешь в бассейн, в котором плавают акулы, надо держать ухо востро.

Все еще продолжая держаться особняком, я рассматривал входящих в зал гостей, негромко беседующие между собой группки людей и тех, кто, не задерживаясь, шел дальше — в банкетный зал, в зимний сад, на веранду или в комнаты для азартных игр.

Муж Катарины, как и она, человек, но его должность и влияние были таковыми, что к нему в дом не гнушались приезжать самые высокопоставленные, известные, успешные и популярные жители Рапгара, включая лучэров из древних и уважаемых семейств.

Некоторые из тех, что были здесь, ненавидели меня. Другие искренне боялись. А потому тоже ненавидели. Но большинство относилось ко мне со странной смесью любопытства, сожаления и... равнодушия. В этом все наше высшее общество — им плевать на тебя до тех пор, пока ты не появишься рядом. Только после этого тебя вспомнят и ты станешь для них интересной персоной на несколько жалких минут. А затем тебя снова забудут.

Наш свет заостенел в равнодушии, которое нельзя разбить никаким молотом. Все, что интересуется почти каждого из находящихся здесь — это

он сам. Все остальные могут гореть в Изначальном огне хоть до второго пришествия Всеединого.

Но мне грех жаловаться. Я бы вряд ли сдержался, если бы эти господа встречали меня с распростертыми объятиями. Меня, чего доброго, стошнило бы прямо на их дорогие смокинги.

Восемь слуг в нежно-голубых ливреях, украшенных золотой вышивкой и крупными аметистовыми пуговицами, ввезли в помещение огромный круглый аквариум. Тяжеленный поддон был заполнен какими-то цилиндрами, крутящимися шестеренками и мигающими огоньками. Рядом с колесами мирно гудел генератор.

В воде, в окружении многочисленных поднимающихся со дна пузырьков, наполовину высунувшись из емкости, восседал дьюгонь. Я тихо рассмеялся и подошел к нему:

— Привет, Арчибальд. Ты все-таки не утерпел и вылез из своего золотого бассейна?

Он близоруко посмотрел на меня заплывшими глазками, потянул носом воздух, встопорщил жесткие длинные сомы усы и наконец узнал:

— А-а-а... эр'Картиа... Давно не виделись... Вот... Решил размяться... Не мог пропустить праздник у Гальвирров.

В горле у него, как всегда, kloкотало, словно он говорил, погрузив рот в воду. Верхней частью тела дьюгоны похожи на очень упитанных тюленей — лоснящаяся, вся в складках жира черная шкура. Нижняя часть больше всего напоминает туловище угря: сплюснутое с боков, с длинным плавником. Руки с перепонками, а голова вытянутая, с маленькими глазками, широким носом и двумя похожими на лопаты резцами. Эти ребята прекрасно чувствуют себя на суше, во всяком случае, достаточно проворны для того, чтобы спилить зубками пару деревьев и утащить их для своих построек. Бобры по сравнению с водной цивилизацией озера Мэллавэн — сущие дети.

— Как продвигается твое творчество? Закончил пьесу?

Он грустно булькнул, подозвал стюарда, взял с подноса сразу два бокала с мартини, одним движением влил их себе в глотку, задумчиво пожевал оливки и проглотил их вместе с косточками.

— У меня творческий кризис, мой... друг. Из-за бытовых проблем не могу писать... вот уже месяц. А публика ждет...

Арчибальд — белая ворона среди своего племени. Но очень богатая белая ворона. Он — лучший драматург в Рапгаре, и его творения пользуются бешеной популярностью. Так что и Национальный театр, и Княжеский театр, и Дворец искусства платят ему хорошие деньги за его

сочинения.

В нашем кругу не принято жаловаться на жизнь, здоровье и неурядицы. Все всегда должно быть хорошо. Неприлично утомлять людей своими проблемами. Но у дьюгоня, взявшего человеческий псевдоним, было совершенно иное мнение на этот счет. Сколько мы знакомы — он всегда любил понуть, особенно если есть благодарный слушатель.

— Моя подруга вновь хочет мальков... и я не могу ее убедить, что это плохо... скажется на моей карьере. Опять придется перетаскивать... икринки туда-сюда. — Он схватил очередной бокал, на этот раз с шампанским. — Солнца побольше, соли поменьше... направь на них течение, дорогой... не сопи, не плавай быстро... прекрати пить алкоголь, это портит воду... Вы ведь знаете этих женщин, эр'Картия! — Он обреченно махнул рукой. — Совсем с ума сходят... как только появляется потомство. Куда ей еще детей?! У нас их и так уже... четырнадцать. Или... пятнадцать?... И все... бездарности! Ни у одного нет интереса к... театру.

Я вежливо улыбнулся. Арчибальд влил в пасть шампанское, подержал его во рту, оценивая вкус, и всколыхнул волну в аквариуме:

— Я известная творческая личность, эр'Картия... но мне суждено было родиться дьюгоном... что толку в популярности, славе... успехе и богатстве... если нет полноценного гражданства? С ограниченным я все равно что бесправен...

— Ну полно, — укорил его.

— Вам легко говорить. — Арчибальд зачерпнул бокалом воду из аквариума и меланхолично вылил ее обратно. — Только представьте... какое унижение испытывает такая грандиозная... творческая личность... как я. Лучэры, рожденные в Рапгаре люди, мяурры, пикли, тропееллы и даже эти... ка-га с хаппопелмами и махорами! — Его белые усы гневно задрожали. — Получают такое право если не с рождения, то за заслуги! А здесь... несешь свет настоящего искусства... в этот город... А в ответ — дьюгони, ограниченные в правах. Вы знаете, какой налог приходится мне платить?! Фарты... придут и уйдут... и Всеединый с ними! Но... что я оставляю своим детям после себя, кроме памяти о... моем грандиозном таланте и гении?! У них даже не будет наследного права быть... полноправными гражданами в Рапгаре! Я сокрушенно цокнул языком:

— Ты не пробовал напрямую обратиться в Комитет по гражданству? Ты ведь не последняя личность среди деятелей искусства.

— А что толку? — уныло спросил он, проводив взглядом даму в платье с открытой спиной. — Комитет по гражданству... напрямую подчиняется мэру. А я, когда был молод и глуп... высмеял его, пока он еще

служил в Городском совете... и никто не думал, что прежнего мэра убьют... теперь расплачиваюсь.

От огорчения дьюгонь погрузился с головой, выпустил пузыри, всплыл и влажной рукой вальяжно поманил к себе метрдотеля.

— Бутылку мартини, голубчик! Времена наступают... суровые, эр'Картиа. Просить что у мэра, что у... Комитета — бесполезное занятие. Дьюгони после... истории с дамбой... у городских властей на плохом счету. Но нельзя же всех мерить одной... одной паровой линейкой... целый народ! Такие таланты... как я... не должны страдать из-за темного... образования рабочего люда плотины! Это же парадокс! Спасибо, голубчик.

Он присосался к горлышку бутылки, громко похрюкивая и помахивая лапой какому-то своему знакомому. Ясно, что он здесь делает. Пришел к Рисаху. Тот способен поговорить и с мэром, и с представителями Комитета. И не только поговорить. Он может заставить себя услышать. Муж Катарины — ближайший советник Князя по финансам и ходит у главы государства в больших любимчиках.

— Кстати говоря, эр'Картиа! — прохлюпал губами дьюгонь. — Я слышал, вы... с Мьякой больше не вместе?

— Как быстро частная жизнь становится общественной, — холодно сказал я.

— Да перестаньте! — фыркнул он так, что тысячи мелких капелек вылетели из его носа, счастливым образом миновав мою одежду. — В творческой среде основная пища... это сплетни. Все друг про друга всё знают...

Он вновь погрузился в воду, утянув с собой на дно наполовину опустошенную бутылку мартини. Анхель посоветовала мне поискать иного собеседника. Почти тут же представилась такая возможность.

— Чэр эр'Картиа. Добрый вечер, — раздался позади меня голос.

Я обернулся, небрежно кивнул малознакомому молодому лучэру, которого я встретил на приеме у Зинтринов, пытаюсь вспомнить его имя. Это удалось:

— Чэр эр'Рапи. Здравствуйте.

Его черные глаза обратились на аквариум:

— Мне, право, неловко вас об этом просить, но не могли бы вы меня представить Арчибальду? Я поклонник его пьес с самого детства.

— Думаю, это можно устроить.

Дьюгонь как раз вынырнул, оставив бутылку в пучинах своей пузырящейся ванны.

— Арчибальд, — сказал я. — Позволь представить тебе юного чэра

эр'Рапи. Он большой любитель театра и твоего таланта. Чэр эр'Рапи, это — знаменитый Арчибальд.

— Правда?! — оживился водоплавающий боров, его усы встопорщились, а сам он перевалился через край аквариума, протянув лапу для рукопожатия и едва не перевернув всю конструкцию. — И какая же пьеса... у вас самая любимая?

— «Любовь розы в лунном свете», — заворуженно сказал молодой человек. — Она так же прекрасна, как «Мяурр-торгаш».

— Ого! — воскликнул на весь зал Арчибальд. — А вы и вправду большой ценитель... настоящего искусства!

Я не стал слушать их беседу, откланялся и пошел прочь, любезно здороваясь с теми, кто не отводит глаза. Откровенно говоря, я скучал, но продолжал смотреть по сторонам, пытаюсь поймать взгляд каждого и, быть может, прочесть в нем то, чего мне так хотелось.

Анхель сочла это бесполезной тратой времени. Если тот, кто все это сделал со мной, здесь, я никогда этого не узнаю.

— Порой ты хуже Стэфана, — сказал я ей. Она «вздохнула» и замолчала.

Три немолодые дамы, что стояли возле входа на балкон, обсуждали Ночного Мясника, обмахиваясь внушительными веерами. Одна из них, пожилая, похожая на обвешанную бриллиантами воблу, переживала, что это дикое чудовище может забраться к ней через окно. Вторая леди согласно закатывала глаза, тогда как третья, курившая трубку, грубо оборвала первую:

— Перестань нести чушь, Агата! Скажи на милость, на кой ты сдалась кровавому ублюдку?! Он найдет себе мясо посвежее твоего!

Агата довольно глупо хихикнула, прикрыв лошадиные зубы веером.

— Мне кажется, это заговор, — сказала вторая мадам, толстощекая, с неприличным вырезом и атласной лентой на шее.

Анхель с раздражением подумала, что, кажется, никто больше ни о чем и думать не может, кроме как о сумасшедшем убийце и призрачных заговорах.

— Ты так считаешь, Мадлен? — громким шепотом произнесла Агата.

— Конечно! Это сынок мэра, помяни мое слово! Он всегда был того... со странностями! Режет людей, а папаша его прикрывает. Скваген-жольц не на стороне горожан, а на стороне власти.

— Помолчите! Обе! — рассвирепела женщина с трубкой и, наклонившись к ним, прошипела:

— Хватит привлекать внимание пустыми разговорами!

Тут они заметили меня, и их спины стали такими прямыми, словно женщин заставили проглотить палки. Госпожа Мадден опустила голову так, чтобы я не видел ее лица за широкими полями шляпки и перьями, госпожа Агата отвернулась, и лишь неизвестная мне по имени дама с трубкой ответила на мое приветствие холодным кивком.

Когда я миновал их, за спиной раздалось едва слышное «шу-шу-шу». Жаль, у меня нет слуха Талера, но уверен, что теперь не только сынок мэра претендует на почетное звание «Лучший убийца года». Старым воронам, простите за столь невежливые слова в адрес почтенных дам, есть что обсудить. Чэр эр'Картиа явно не входит в их список благонадежных господ.

Я поздоровался с одним из братьев Рисаха, он пригласил меня в компанию мужчин, обсуждавших скорое начало игр на Арене. По всему выходило, что и в этом сезоне Крошка Ча разнесет машины соперников на винтики и шестеренки. Если только не появится какой-нибудь более талантливый боец или конструктор, но шансов на это мало. Так что букмекеры вряд ли потеряют денежки.

Кажется, все гости уже собрались, я увидел счастливую Катарину, дающую метрдотелю последние распоряжения. Оркестр заиграл что-то легкое и воздушное. Я огляделся в поисках Талера, не увидел его, обогнул игровую комнату, откуда доносился мужской смех и пахло сигарным дымом, и вышел на восточную веранду.

Окна были распахнуты, но холода я не почувствовал. Облокотившись на подоконник, я стал смотреть на море, на тонкий месяц, плывущий сквозь разрывы туч. Ночь прекрасна, а жизнь странная штука. Маленький сцелин то падает на ребро, и ты на многие годы зависаешь над бездной, летишь в нее, то внезапно показывает тебе «Князя» или «Пламя»,^[23] позволяя вернуться в обычную жизнь, где тебя ждут волны, желтые листья и теплый весенний дождь.

Иногда мне начинает казаться, что лишь стоит закрыть глаза, и все это исчезнет. Не будет ни дорогих костюмов, ни оркестра, играющего «Бирюзовую радугу», ни приглушенного смеха, ни запаха осени, ни друзей, ни... жизни. Не будет ничего, кроме пылающей печати, на которой изображены лотос и цапля, запаха тлена и тихих шорохов за стеной.

От мысли, что мне все снится, что это только сон, а я все еще там, меня пробирает озноб. Я боюсь этого даже сильнее, чем бездарно потраченных дней своей жизни, за время которых я так и не смогу найти ответ — кто, почему и зачем это со мной сделал. В такие моменты, когда волна ужаса, словно Белый шквал, накатывает на меня, следует побыть одному и подышать свежим воздухом. Надо поверить, что я все еще жив.

Что я все еще существую.

Иногда сделать это не так уж и просто.

Я почувствовал движение, отвлекся от созерцания ночи и увидел женщину. Она стояла на противоположном конце веранды, стояла, как видно, уже давно, и я не заметил ее лишь потому, что она оказалась скрыта полумраком и не двигалась. Кажется, не только мне нравится быть в одиночестве.

Я выпрямился и вежливо поклонился. Она поколебалась, внимательно посмотрела на меня, затем едва заметно склонила голову, отвечая на приветствие, и крупный изумруд сверкнул на ее прекрасной шее. Женщина направилась в зал, едва слышно шелестя широкой юбкой. Я успел лишь заметить, что платье у нее черное, под стать волосам, а она сама, насколько это позволяло понять приглушенное освещение, молода, очень красива, но лицо у нее печально.

Я проводил ее взглядом, постоял еще немного и увидел, как на веранду входит другая женщина. Та, встретить которую я бы хотел лишь в гробу. Чэра Фиона эр' Бархен собственной персоной.

— Чэр эр'Картиа. — У нее была гнусная привычка растягивать гласные, а милая улыбка не вязалась с алыми глазами, глядящими на тебя из-за квадратных очков. Казалось, что этот взгляд может вынуть из тебя саму душу. — Я не рассчитывала застать здесь вас.

Возможно, она лгала и эта беседа не случайна. А быть может, в ее словах нет обмана. Анхель была напугана, а это состояние для нее достаточно редкое. И одновременно кипела от ярости. Перед нею был Бич Анисов, та, что раньше подчиняла себе таких, как Анхель.

«Вот уж где ненависть, — отстраненно подумал я. — Не чета моей».

Одна из Палаты Семи протянула мне руку для поцелуя, и на ее пальце матово блеснул черный оникс. Я проявил вежливость и даже сказал:

— Чэра эр'Бархен, вы оказываете мне честь.

Иногда я сам себя не узнаю, таким лицемером становлюсь. Ведь всего два года назад мне хотелось лишь одного — Всадить ей пулю в голову. А теперь «искренне» улыбаюсь и остаюсь вежливым.

Старушке Фионе чуть больше ста семидесяти, но выглядит она всего на сорок. Очень моложавая, очень ухоженная, прекрасно следящая за собой женщина в полном расцвете сил. Я не рискну назвать ее красавицей — слишком большие глаза, слишком худое лицо, слишком капризные губы. Ее волосы — соль и перец — аккуратно спрятаны под очаровательным бархатным беретом, и видна лишь одна прядь над левым ухом.

— Как поживает ваш замечательный дядюшка, чэр эр'Картиа?

— Прекрасно, — сказал я.

— Передайте ему привет. — Она улыбнулась. — С его уходом от нас жизнь стала более... тусклой.

— Я бы осмелился вас поправить, чэра. Скорее всего, с тех пор, как он оставил Палату, жизнь стала более спокойной и простой.

У нее оказался очень приятный и мелодичный смех. И ей было над чем посмеяться — когда у тебя есть враг, с которым сражаешься без малого век, а затем он проигрывает из-за глупости родственника-мальчишки, это хорошо.

— И все-таки, Тиль. Я ведь могу вас так называть? И все-таки, Тиль, она стала тусклой, пусть и более спокойной. Пропала острота соперничества. Полагаю, ваш дядя думает то же самое.

Возможно, так и есть, но мне это неизвестно.

— Неужели вы, любезная чэра, жалеете о прежних временах?

Ее глаза за стеклами очков прищурились, она явно услышала скрытый подтекст фразы:

— Я никогда и ни о чем не жалею, мой милый мальчик. И даже в вашей истории руководствовалась не враждой с вашим дядей, а буквой закона и интересом государства.

— Я ни на миг не сомневался в этом, чэра. — Я лгал, как дышал, и не чувствовал от этого никаких угрызений совести.

Анхель рычала. Она бы с радостью убила хитрую гадину, вместе со своими сторонниками обрекшую меня на «новую жизнь».

— Ваш амнис очень эмоционален. — Чэра Фиона, разумеется, не знала, чего хочет Анхель, но прекрасно чувствовала ее. — С учетом того, что у вас нет при себе трости, полагаю, это нож? Я прекрасно помню его. Несколько дюймов отличной стали и невыносимый характер.

Мне показалось, что ножны мелко завибрировали от ярости.

— Это вы создали его? — вопреки всему, я заинтересовался.

— Мой учитель. Он был куда лучшим магом, чем я. Амниса обуздали по заказу вашего предка. — Она вздохнула. — Раньше, когда закон Князя еще не запрещал этой области магии развиваться и создание амнисов не было взято под жесткий контроль государства, из рук волшебников выходили настоящие шедевры.

Анхель не желала быть шедевром. Она жаждала крови, и мне пришлось приказать ей взять себя в руки.

— Я знаю вашу позицию насчет создания новых амнисов, — кивнул я. — Газеты неоднократно об этом писали.

— Вы не разделяете такой взгляд? — Она по-птичьи склонила голову,

и в этом жесте читалась скрытая насмешка.

Я покачал головой:

— Мое отношение к магии нейтральное, чэра. Впрочем, как и к развивающимся технологиям. В том смысле, что я не считаю, будто одно обязательно должно дозвлет над другим.

— Я удивлена. — В ее глазах появилось нечто похожее на проблеск интереса. — Ваш дядя был иного мнения и убедил Князя принять несколько не слишком популярных среди магов законов. В том числе и о запрете создания новых амнисов.

Она предложила мне сесть возле столика, где горели высокие пальмовые свечи. Я отодвинул стул, кляня почему свет эту госпожу, и, дождавшись, когда она усядется, сел напротив.

— Лучэры веками пользовались помощью амнисов и магов. Я не вижу в этом особого вреда. Мир не рухнул в Изначальное пламя, Двухвостая кошка не пришла за нами, и жизнь продолжилась как раньше. Но, к сожалению, в первую очередь к вашему сожалению, волшебство не способно дать то, что мы получаем от пара и электричества. Вы и сами это видите. Мы слишком сильно полагались на помощь потусторонних существ и заклинания, а то, что дал нам Всеединый, давно забылось. Остались лишь крохи, и наша цивилизация остановилась в развитии.

— И поэтому технологиям решили дать шанс, — горько сказала Фиона, ее глаза смотрели на меня, но не видели.

— И вы не будете отрицать, что за сто прошедших лет перемены с городом, страной и миром произошли разительные.

— Не буду, — согласно кивнула она. — Но вот к добру ли это — ответить не смогу.

Конечно, любезная чэра. Для вас — не к добру. Такие, как вы, природные маги из влиятельных семей потеряли слишком много власти и денег от вето, наложенного на «Закон о создании амнисов», и двенадцати поправок к законам, которые взяли магию под жесткий контроль государства.

— Некоторые артефакты были так сильны и находились в столь ненадежных и неразумных руках, что это могло привести к множеству бед, — нейтрально ответил я ей.

— К такому же количеству, как взрывчатка, эти чудовищные паровые машины и яд, что теперь портит наш воздух? — Ее тонкие бесцветные брови нахмурились. — Вечная беда всех цивилизаций, вставших на новый путь и считающих, что все, что было в прошлом, опасно, — гибель. А если и не гибель, то потеря жизненно важных знаний.

О да. С этим не поспоришь. Создатели амнисов — древние чудовища, от которых постепенно остаются лишь огни над могилами. Рано или поздно вы все окажетесь в Изначальном пламени, и часть искусства, над которым вы так дрожите, канет в прошлое. Хорошо это или плохо — не знаю.

— Скажите, чэр, могу ли я посмотреть вашего амниса?

— Боюсь, чэра, что это невозможно, — прохладно ответил я. — Она не желает, чтобы вы брали ее в руки.

— Она? — удивилась самая влиятельная волшебница Рап-гара. — Интересно. Амнисы женского рода очень редко попадают к нам. Они гораздо сильнее мужских существ и вселить их в такую стабильную и жесткую субстанцию, как металл, не так-то просто. Что же, я вполне понимаю вашу служанку. Но удивлена, что вы идете у нее на поводу, Тиль. Этим созданиям следует показывать, кто в доме хозяин, иначе они обязательно выйдут из-под контроля. Это вопрос времени.

Ни я, ни Анхель не были с этим согласны, причем последняя выражала свое мнение настолько ярко, что чэра эр'Бар-хен опасно прищурилась. Я помнил, что она на дух не переносила, когда кто-нибудь из амнисов переставал быть к ней уважительным.

— Спасибо за совет, чэра, — поблагодарил я ее. — Но у меня с моими подопечными несколько иные отношения, чем это обычно принято в Рапгаре.

— А вы интересный лучэр, — неожиданно сказала она мне, вставая с кресла и протягивая руку. — Не такой, как другие в нашем обществе.

— Каждой личности приходится сражаться для того, чтобы ее не поглотило собственное племя, — ответил я ей.

— Кто это сказал?

— Мой амнис.

Она рассмеялась, и я вновь удивился, насколько молодой смех у этой благородной старухи.

— Благодарю вас за беседу. Мне было очень приятно узнать вас поближе.

— Взаимно, чэра.

Она оставила меня, проскользнув в зал, где гремела музыка и слышался гул голосов, а я постоял у окна еще немного, думая, к чему был этот разговор и что действительно нужно благородной чэре.

Когда я вернулся с веранды, никаких особых изменений не произошло. Светский вечер был в самом разгаре. Мимо меня несколько стюардов провезли столики с новыми порциями холодных закусок. Я заметил икру на

льду, кирусских омаров и свежие устрицы.

В дальнем конце зала, там, где собралась молодежь, рекой лилось шампанское и слышался смех. Вокруг аквариума Арчибальда собрались истинные ценители театра, и дьюгонь, уже основательно набравшись, декламировал отрывки из своей новой, пока еще не законченной пьесы.

Талер как сквозь землю провалился, вполне возможно, что дорвался до оружейной комнаты и теперь его оттуда сможет вытащить только Катарина. Я посмотрел по сторонам, желая отыскать незнакомку, которая так быстро покинула веранду, но не увидел ее среди гостей.

Две очаровательные девушки с легким вызывающим загаром на коже, явно только что вернувшиеся в город вместе с родителями из какой-то южной колонии, с интересом слушали лучэру средних лет с блондинистыми волосами, в которые были вплетены живые лилии. Все трое с интересом посмотрели на меня, вежливо присели в реверансе, когда я поклонился, и продолжили беседу. Я услышал краем уха:

— Этот всевидящий из района Иных вновь сказал свое черное слово. Ночной Мясник не успокоится, и следующая жертва будет известным человеком. Кто-то из тех, у кого есть власть или кто служит городу, — загадочно произнесла блондинка.

— Это может быть кто угодно, — ответила ей одна из девушек. — В Рапгаре много людей, занимающих должности.

— Я тоже склоняюсь к тому, что рано верить словам неизвестного пророка, — поддержала ее сестра. — Он может оказаться обычным шарлатаном.

— Пока все, что он говорил относительно убийцы, было правдой, — не согласилась их более старшая собеседница.

Ночной Мясник всколыхнул Рапгар. На него обратили внимание все, в том числе и власть имущие. И это при том, что ни Скваген-жольц, ни газеты не спешат сообщать кровавые подробности. Но, несмотря на это, известность неведомого сумасшедшего растет час от часа.

Я зашел в бильярдный зал, где вокруг шести покрытых зеленым сукном столов господа загоняли шары в лузы, беседуя о последних политических новостях, финансовых потоках, предстоящих играх на Арене, конном клубе и, разумеется, Ночном Мяснике.

В комнате, где шла серьезная игра в Княжеский покер, разговоры были точно такими же, как и в других частях дома. Я хотел уйти, но заметил своего старого знакомого — господина Чирре. Он, что следует из имени, был из народа кохеттов — черноволосый, немного склонный к полноте и очень болтливый. Раньше мы частенько сидели вместе за игральным

столом, и я опустошал его кошелек.

— Чэр эр'Картиа. — Он энергично потряс мою руку, едва не раздавив кости своей лапищей. — Решили тряхнуть стариной?

— Я здесь случайный гость, — улыбнулся я, разглядывая тех, кто сидел за столом.

— Жаль, — искренне огорчился он. — Без вас эта игра потеряла большую долю своего азарта. Вам сопутствовала удача.

— Как обычно это в жизни бывает — везение рано или поздно заканчивается и ты перестаешь быть счастливым судьбы.

— Это вы о том, что с вами произошло? — тут же помрачнел Чирре. — М-да-а. Лучше каждый день проигрывать в карты, чем услышать подобное решение Палаты Семи.

Он понял, что допустил бестактность, извинился и перевел разговор на игру:

— Я выбыл. Остались только сильнейшие.

За столом сидели четверо игроков. Посол Жвилья, госпожа Валентина Баух — одна из главных членов попечительского совета университета Йозефа Кульштасса, старый полковник-мяурр с подранным левым ухом и мой «добрый друг» — старший инспектор Грей.

Зрители столпились за спинами играющих, наблюдая за партией и переговариваясь друг с другом тихим шепотом. Я оценил расклад фишек на столе:

— Мяурр — на коне.

— Последние две партии, — охотно подхватил Чирре. — Инспектору Грею сегодня весь вечер не везет. Две сотни фартов как не бывало.

— Это еще цветочки, — сказал я, наблюдая, как на миг стрельнули глаза госпожи Баух. — Эту партию он тоже проиграет, несмотря на свой самоуверенный вид.

— Вы так думаете? Почему?

— Госпоже Баух пришла карта. Если не «князья», то по крайней мере «леди». Я знаю ее манеру игры. Посмотрите. Видите, как она поменяла их местами?

— Выиграть можно и «десятками», не обязательно держать на руках картинки.

— Конечно, — не стал спорить я. — Выиграть можно и «четверками», но их только что сбросили, а судя по двум черным «стражам», что ушли два хода назад, «десяток» в игре тоже уже нет. Если у любезного полковника в подушечках от когтей не припрятаны «огни Всеединого», госпожа Баух возьмет банк.

— Ваш глаз — алмаз. Уверены, что не хотите сыграть? Это было бы интересное зрелище.

— Благодарю, но сегодня не мой вечер, — сказал я.

— Испэкто'. — Посол Жвилья положил на стол алую «колесницу». — Вы ведь ведете это дело? Можэтэ сказать нам что-нибудь обнадеживающее по поиску жестокого убийцы? Даже в моем посольстве взволнованы пе'спективами.

— К сожалению, нет! — Голос у Грея всегда был резкий, а общение грубым. — Могу лишь заверить уважаемое сообщество, что жандармы Рапгара делают все возможное и невозможное для того, чтобы поймать преступника. Покупаю две.

— Но газеты гово'или о надписи, — продолжал держаться темы посол, сбрасывая одну из карт. — Вы в ку'се? Почему нельзя сообщить общественности п'авду?

— Газеты любят врать, — Лоб инспектора разгладился, и я смекнул, что здесь не обошлось без «огня Всеединого» — это единственное, что сейчас могло бы улучшить настроение Грея. — Заверяю вас, господа, что это совершеннейшая ерунда!

— Во времена, когда каждый лжет, сказать правду все равно что пойти против Князя, — сказал я в тишине.

Все тут же посмотрели на меня.

— Тиль, здравствуйте, — улыбнулась госпожа Баух. — хотите, я уступлю вам свое место, и вы покажете всем нам как следует играть в княжеский покер?

— Благодарю за столь щедрое предложение, госпожа Баух. Но я привык уступать женщинам, а не наоборот, — улыбнулся я, кланяясь ей и наслаждаясь перекошенным лицом старшего инспектора. — Уверен, что вы играете ничуть не хуже, чем я.

— Все свое вы уже проиграли! — резко сказал Грей. — Что вы имели в виду, чэр, когда говорили эту фразу и отвлекали меня от игры?!

Анхель спешно предупредила, что Катарина меня убьет, но я решил подергать «мяурра за усы»:

— Всего лишь то, что, полагаю, на этот раз газеты не соврали.

— То есть считаете, что лгу я? — вскинулся он.

— Разумеется, нет. Как можно обвинять столь уважаемого господина во лжи? — изумился я, услышав несколько одобрительных смешков — неприятного человека из Скваген-жольца любили далеко не все. — Просто вы, скорее всего, не в курсе ситуации и можете чего-то не знать, в отличие от источников журналистов.

Я увидел, как мяурр поднял ставку, а госпожа Баух ее поддержала, а затем, немного подумав, удвоила, к вящему разочарованию всех сидевших за столом.

— Между прочим, чэр, если вам неизвестно, то именно я веду это дело! — едва сдерживаясь, сказал инспектор. — Готов поднять еще и открыться!

— Пас, — сказал посол, бросая свои карты на стол.

— Тогда и я, и все присутствующие господа удивлены, что вы играете здесь, в уютном доме госпожи Гальвирр, а не ловите страшного убийцу на темных улицах.

Госпожа Баух громко и совершенно неестественно хихикнула, но эффект это возымело, и красный от ярости инспектор, едва стерпевший эту шпильку, практически не думая, сдвинул все фишки в центр стола:

— На все!

— Пожалуй, не в мрряуем праве так рисковать, — покачал лохматой головой старый полковник. — На этот раз я пас. Посмотрим, какие карты у вас, господа.

— «Огонь Всеединого» и четыре «духа» — «Изначальное пламя». Если у госпожи Баух нет «князей», будьте добры подвинуть мой выигрыш, — холодно обратился Грей к крупье.

— Вы забываете, инспектор, что есть два более внушительных расклада, — сказал я, несмотря на одобрительные аплодисменты и возгласы восхищения в адрес удачной игры жандарма. — Давайтеждемся дамы.

Госпожа благодарно мне улыбнулась и в оглушающей тишине показала все шесть карт. Четыре «леди», черный «князь» и «ключ» — «Отцы-основатели». Сильнее только «Рука Всеединого». Зал взорвался возгласами и поздравлениями. Я, довольно улыбаясь, вышел, прежде чем они опять начали бы меня упрашивать сыграть партию.

Надеюсь, инспектор Грей получил от этой игры точно такое же удовольствие, как и я.

Глава 7

ЧЭР МЕРТВЕЦ

Муж Катарины нашел меня, когда я, несколько утомленный музыкой и беседой с членом Комитета по гражданству о миграции Иных в городскую черту, поднимался на второй этаж.

Он заметил меня снизу, прошел через весь зал, где вальсировали пары, и вступил на лестницу. Я смотрел, как он поднимается, одновременно кивая и принимая поздравления от проходящих.

Рисах — из племени сынов Иенала. Того поколения, которое в городе называется Создателями Печати. Они были первыми из своего народа, кому Князь разрешил поселиться в черте Рапгара. Раньше сынам жить в столице запрещалось.

Рисах — человек современных правил и принципов. Он не так религиозен, как его братья по крови, не носит бирюзовые мантии, не жалеет о Лакмии — последней потерянной иенальцами крепости, после чего начался их великий исход из страны, захваченной Малозаном, не поклоняется цветущему посоху и ведет светский образ жизни. Для ортодоксов его веры муж Катарины является чем-то вроде отступника от заветов предков, тогда как обычные иенальцы считают его благодетелем общины.

Рисах богат, честлюбив, логичен до мозга костей, жесток с врагами, ему покровительствует Князь, и перед его силой и властью заискивают многие. Из больших достоинств этого человека могу назвать то, что он самозабвенно любит Катарину и своих детей.

— Тиль. Я рад, что ты пришел. — Он протянул мне руку, и на его пальце сверкнул огромный бриллиант. — Спасибо. Это честь для нашей семьи.

У него хищное лицо с тонким носом, широкими ноздрями и глубоко запавшими глазами. Тонкая ухоженная бородка и усы. Как и все иенальцы, Рисах носит в левом ухе серьгу в форме цветущего посоха. Правда, не все сыны могут себе позволить использовать для этого золото, бриллианты, рубины, изумруды и сапфиры.

— Спасибо, что пригласили меня, — сказал я в ответ, обмениваясь с ним рукопожатием.

Мы друг друга на дух не переносим. И он, и я дали это друг другу

понять еще во время нашего знакомства. Рисах не любит таких, как я. Я не жалую таких, как он. Мы — люди разных взглядов и разного отношения к жизни.

Но, несмотря на это, наши взаимоотношения смело можно назвать равными. Во-первых, потому что мы оба достаточно воспитанны для того, чтобы уметь контролировать свою неприязнь и вести себя прилично и в обществе, и в беседах с глазу на глаз. Впрочем, это не главная причина нашего спокойного общения друг с другом. Основная — это, конечно, Катарина.

Я знаю, что ей будет больно, если ее друг будет врагом для ее мужа. Он знает, что его любимой женщине будет очень неприятно, если он будет плохо относиться ко мне. Поэтому, ради Кат, мы ведем себя как воспитанные господа. Насколько я понимаю, она даже не догадывается о том, что мы с Рисахом, мягко говоря, недолюбливаем друг друга, но для счастья одной женщины забываем об этом.

— Катарина рассказала мне о твоем подарке. Я благодарю тебя и хочу сказать, что впечатлен. Поющая жемчужина — драгоценность, достойная Князя.

— Я никого не оскорблю здесь, если скажу, что Катарина достойна ее не меньше, — любезно ответил я ему.

Он вежливо улыбнулся, склонил голову, показывая, что принимает комплимент.

— Надеюсь, у тебя все в порядке? — Его темные глаза светились показной заботой.

— Разумеется. Вечер прекрасный. Все замечательно. Извини, что я веду себя слишком нелюдимо.

— Ты абсолютно свободен. — Он развел руками. — Еще раз хочу сказать, что для моего дома честь, что ты почтил нас своим визитом. Пойду к гостям. Если тебе что-нибудь потребуется — я в твоём полном распоряжении.

Мы раскланялись, и он стал спускаться вниз. Мажордом громогласно объявил приезд мэра.

Я вошел в галерею, заглянул в оружейную комнату, но Талера не было и здесь. Пожав плечами, я решил вернуться, поискать его внизу, чтобы все-таки попытаться убедить остаться, так как мне совершенно не хотелось огорчать Катарину, но тут дорогу мне преградил старший инспектор Грей.

— Какая встреча! — умилился я. — Вы решили оставить покер, чтобы побеседовать со мной?

— Я проиграл из-за вас! — Он говорил все так же резко, его глаза

метали молнии, а левая половина рта кривилась от гнева. — Вы вывели меня из себя, публично оскорбили, и я требую публичных извинений!

Я с удивлением посмотрел на него и покачал головой:

— Не знаю, чего в вас больше — трусости или наглости, господин жандарм.

— Как вы смеете...

— Смею! — холодно перебил я его. — Смею, господин Грей. Если речь идет о публичных оскорблениях, то требовать извинений вы можете только публично, а не в пустом коридоре, где нас никто не слышит.

Он лишь вращал глазами и сжимал кулаки.

— Разговариваете вы со мной здесь потому, что, попроси вы извинений прилюдно, а я ответь вам отказом, у вас не осталось бы выбора и пришлось вызывать меня на дуэль.

— Я не собираюсь губить свою жизнь из-за пустых слов какого-то преступника! — прошипел он, разбрызгивая мелкие капельки слюны.

А вот это он уже зря. Анхель угрожающе вздохнула, и я почувствовал, как на ее клинке собирается *сила*.

Как я уже однажды говорил, мой голос достаточно тих для того, чтобы меня считали опасным, поэтому, когда я внезапно оказываюсь рядом, беру за грудки, приподнимаю над полом и впечатываю в стену, людей это... ошеломляет.

— Вы, старший инспектор, глупы и невежественны, что не раз и не два доказывали всем окружающим. Я с радостью бы выбил мозги из вашей пустой головы, если бы вы нашли в себе хоть капельку смелости подтолкнуть меня к этому. Позвольте освежить вашу память — преступником я был исключительно по вашей вине и вине господина Фарбо. Погоня за должностью, инспектор, сыграла с вами злую шутку. И спустя шесть лет вы стали посмешищем для всего города. Ума не приложу, почему чэр Гвидо эр'Хазеппа назначил на поиски опасного убийцы такое бездарное убожество, как вы.

Он что-то полузадушенно пискнул, и я понял, что переусердствовал. Оторвал его от стены, поставил на пол и, разжав пальцы, поправил лацканы помятого смокинга.

— Вы пожалеете! — Его вот-вот должен был хватить удар.

— Я уже жалею, — любезно ответил я ему, испытывая ощущение, что только что по собственной воле вляпался в кучу навоза. — Будьте так добры избавить меня от своего назойливого общества.

Он дернулся, хотел что-то сказать, передумал и, развернувшись на каблуках, пошел прочь.

— Опасную вы игру затеяли, чэр эр'Картиа, — сказал бы мне Стэфан, будь он здесь.

Я и сам был не рад, что не сдержался. Истинный чэр должен держать себя в руках, даже если разговаривает с личным врагом.

Я ощутил неодобрение Анхель. Она моих эмоций не разделяла и искренне считала, что один из тех, чей некролог я ежедневно ищу в «Времени Рапгара», должен был получить хорошую трепку.

— Извини, но лоск цивилизации еще не полностью с меня слетел. К тому же затевать столь вульгарную драку в доме Катарины мне не позволит совесть. Не хочется их дискредитировать. Господин Грей не стоит этого.

Амнис имела свое мнение на этот счет, но, понимая, что я все еще не в духе, оставила свои мысли при себе.

В коридоре появился взволнованный Вэйверли, дворецкий Гальвирров.

— Что-то случилось? — участливо спросил я его.

— Нет, чэр, просто я обратил внимание на старшего инспектора. Он спускался по лестнице и, как мне показалось, был чем-то недоволен. Я решил проверить, все ли в порядке.

Я уверил его, что все в порядке и, не спеша возвращаться в зал, попросил принести мне кофе в малую гостиную. Я частенько провожу там время, когда устаю от приемов. Ни Катарина, ни Рисах ничего не имеют против этого.

Один из стюардов принес мне поднос с кофейником, сахарницей и чашкой, поставил все на маленький шахматный столик, спросил, желаю ли я еще чего-нибудь, и, не получив утвердительного ответа, поклонившись, вышел.

Я, все еще злясь на свою горячность, которую, как мне казалось, давно из себя изжил, выпил чашку и налил еще одну. Если меня кто и хватится, то не раньше чем через полчаса.

Я совершенно не хотел подслушивать, но окно оказалось распахнуто, и до меня долетели обрывки громкого разговора.

— Иные совсем распоясались, Ацио! Того и гляди сядут нам на шею, — сказал надменный молодой голос.

— Это естественный процесс ассимиляции, Тревор, — не согласился его собеседник, мужчина с более низким голосом. — Комитет по гражданству положил доклад об этом на стол прошлому Князю еще четыре столетия назад. Иные сейчас такая же часть Рапгара, как и люди с лучэрами.

Они стояли внизу, прямо под окнами, кажется, на маленьком балконе,

откуда открывался вид на море и часть парка.

— Не вижу в этом ничего замечательного.

— Я знаю твою националистическую позицию, мой юный друг. Но ты слишком долго был в западных колониях. Там относительно чисто — ни стоунов, ни фиосс, ни махоров. Понимаю, что за пятнадцать лет владения изумрудными копиями ты привык к определенному укладу, но Рапгар город интернациональный, так что рекомендую тебе умерить пыл, пока кто-нибудь не оскорбился.

— Думаешь, я боюсь? — возмутился Тревор.

— Стоило бы. Мяурры и хаплопелмы не любят подобных взглядов. А пикли вообще не станут церемониться. К тому же многие лучэры и люди благоволят Иным. И это достаточно влиятельные господа, чтобы испортить жизнь даже такому богатому человеку, как ты. — Ацио, судя по акценту, из народа кохеттов, говорил несколько насмешливо, но в его словах чувствовалась не издевка, а участие. — Да и я как представитель Комитета по гражданству не на твоей стороне. Привыкай к законам и населению родного города. Не все Иные плохи, что бы об этом ни говорили секты Свидетелей крови и Носящих красные колпаки.

— В последнюю я бы с удовольствием всту... — Собеседник охнул и приглушенно заворчал.

— Это уже перебор, Тревор. Надеюсь, нас никто не слышит. За такие слова серые жандармы берут в оборот, не глядя на регалии. В Красных колпаков стреляют без предупреждения.

Это точно. Выродки из числа лучэров здорово разозлили Князя, когда убили бригадного генерала мяурра и совершили несколько покушений на влиятельных Иных. Они объявили войну власти, и та согнула преступников в бараний рог. Без жалости и церемоний. Последние полгода об этих чэрах ничего не было слышно, и самые большие оптимисты поспешили объявить, что организация вырезана под корень.

А вот Талер не так в этом уверен. Он считает, что основную ячейку Колпаков уничтожить не удалось, и теперь они сидят в какой-нибудь дыре, вроде Копоти, и строят очередной заговор. Впрочем, от моего друга тяжело было бы ожидать какого-то иного мнения.

— Я знаю, что вы друг чэры эр'Бархен, но и она не сможет спасти вас от надзора Скваген-жольца. Серые — не синие. Они подчиняются напрямую Князю, а тот дал приказ совершенно однозначный. Так что прошу вас — не надо запрещенных названий, особенно когда нас могут слышать.

— Хорошо, — вздохнул этот Тревор, кем бы он ни был. — Вы

совершенно правы. Извините мою горячность.

Я встал, намереваясь закрыть окно, считая, что услышал и так достаточно того, что не предназначалось для моих ушей, но следующие слова господина Тревора заставили меня остановиться:

— Скажите, Ацио, кто был тот лучэр, что так замечательно испортил игру старшему инспектору Грею?

— А-а-а, — протянул мужчина, едва заметно усмехнувшись. — Его зовут чэр эр'Картия. У него с господином старшим инспектором старые счёты. Вы разве не в курсе этой истории?

— Разумеется, нет. В колонию новости порой совсем не доходят, особенно если они светские и незначительные.

— Я бы не сказал, что история незначительная. Сигару?

— Извольте.

Чикнули ножницы, зашипела химическая спичка. После этого кохетт сказал:

— Громкое было дело. Газеты едва не захлебнулись от восторга. Знаете, что произошло на вилле «Чёрный журавль»? Неужели не слышали?! Ну дела! Ваши изумрудные поля совсем оторваны от мира! Если кратко, то эр'Картия из тех людей, кому сопутствовала удача. Влиятельная фамилия, ещё более влиятельные родственники, в том числе и в Палате Семи. Кстати говоря, они враждуют с чэрой эр'Бархен, которая вам покровительствует.

— Очень интересная информация, — поблагодарил Тревор. — Но продолжайте. Я вас внимательно слушаю.

— Эр'Картия в то время был азартным игроком. Я бы сказал — лучшим из тех, кто садился за карточный стол. Он жил «Княжеским покером», но в конце концов удача от него отвернулась. Если честно — не возьмусь говорить со стопроцентной уверенностью, основные слухи поступали из газет и сплетен, но это было что-то связанное с карточным долгом. — Ацио на мгновение замолчал, наверное выдыхая сигарный дым. — Тогда к этому много чего приплели. Короче, между двумя игроками вспыхнула ссора, которая через несколько дней закончилась смертью должника.

— Чэр убил его?

— Так считали.

— С каких пор убийство в Рапгаре считается громким делом? — хохотнул Тревор. — В славном городе только и делают, что убивают друг друга. Ночной Мясник тому пример.

— Не скажите. Ночной Мясник и эр'Картия — случай особый.

Ну спасибо, любезный господин из Комитета по гражданству, что сравнили меня с этим психопатом!

— Убийство убийству рознь. Лучэр убил другого лучэра. Да еще и зятя Князя.

Пораженный Тревор тихо выругался и сказал:

— Тогда что он делает на свободе?! Здесь?!

— Я говорю — темное дело. Свидетелями ссоры были очень многие. Все произошло на ежегодном осеннем балу. Убитый — чэр эр'Фавиа — отказался возвращать долг, аргументируя это тем, что эр'Картиа жульничал. Разразился громкий скандал. Молодой чэр дал должнику пощечину прилюдно. Затем он пошел на виллу, где тогда жил эр'Фавиа и самая младшая из дочерей Князя. Слуги видели его. Слышали новую ссору. А затем нашли тело хозяина и господина эр'Картиа, который был без сознания, весь в крови убитого и с ножом.

— Ясно.

— Князь был в бешенстве.

— Могу себе представить.

— Нет. Не можете, — сказал Ацио. — Свидетели были единодушны. Слуги и друзья убитого под присягой подтвердили, что эр'Картиа угрожал. Нож, кровь. Разбор дела не занял много времени. Следствие провели два младших инспектора — Грей и Фарбо. Они много чего раскопали. Не отмажешься. Палата Семи практически единогласно признала лучэра виновным в жестоком убийстве. Все остались довольны.

— Кроме эр'Картиа, — усмехнулся заинтересованный Тревор.

— И его друзей, — подхватил кохетт. — Гальвирры, кстати говоря, к ним относятся. Обвиненный до последнего отрицал свою вину, но так и не смог внятно объяснить, что там произошло. Впрочем, из-за того, что Князь требовал разобраться с делом как можно быстрее, к нему мало кто прислушивался.

— Удивляюсь лояльности Владыки. Я слышал, что у него крутой нрав. Убийцу мужа дочери он мог бы задушить голыми руками, без всякого суда. Никто бы ему и слова не сказал.

Ацио издал звук, который я расценил как согласное хрюканье.

— Верно. Но газеты пронюхали раньше, дело получило серьезный общественный резонанс, так что процесс получился публичным и показательным.

— Так что же случилось с эр'Картиа? Он не показался мне преступником.

— Мне тоже. В отличие от судьи, следователей, Палаты Семи,

газетчиков и публики. Его признали виновным и казнили.

Я вздрогнул, а за окном повисла тишина.

— То есть... — Тревор прочистил горло. — Вы намекаете на то...

— Ну да. Палач Скваген-жольца исполнил приговор. Вы же знаете, как это происходит с лучэрами, если власть не хочет немедленной смерти. Перерубают поток той энергии, что тянется к каждому из Детей Звезд из Изначального пламени. И все. Остальное — вопрос времени. Не знаю, почему с эр'Картиа поступили столь гуманно. Возможно, не хотели лишней крови. Не знаю. Эр'Картиа отправили в тюрьму. Где он и просидел целых шесть лет.

— Так почему же чэр Мертвец оказался на свободе?

— Он не виновен.

— Что?!

— Дело еще более темное, чем прошлое, — неохотно сказал господин Ацио. — У Скваген-жольца нашлись неопровержимые улики на этот счет. Сам эр'Хазеппа, нынешний глава этой организации, докладывал Князю. И свидетели стали отказываться от показаний. Палате Семи пришлось пересмотреть дело и пойти на попятную. Случился очень большой конфуз.

— Представляю! — воскликнул Тревор. — Почему же Грей и тот... второй, которого вы назвали, до сих пор не разжалованы до регулировщиков движения?!

— За них, кажется, заступился мэр. Да и сам Князь понимает, что тогда торопил события и просил любых доказательств виновности. А вы знаете, что, когда Владыка просит, обычно исполняют. Так что верных собак бить за службу не было большого резона. Впрочем, мой друг, это всего лишь домыслы. В общем, эр'Картиа выпустили, и его репутация полностью восстановлена, хотя некоторые до сих пор считают его виновным.

— Выпустили... — проворчал Тревор с внезапной злостью. — Я ненавижу этот темный город всем сердцем! Какой толк в свободе, если твоя жизнь может оборваться в любую минуту, а на имени все равно останется пятно?

Я вышел из гостиной в коридор, направившись к лестнице. Старина Тревор, кем бы он ни был, — прав. Мы испытываем стыд не потому, что допустили ошибку, а потому, что наш позор видят другие.

Мое доброе имя окунули в грязь, моя жизнь сломана и недолговечна, но чэр Мертвец не успокоится до тех пор, пока не найдет настоящего убийцу чэра эр'Фавиа.

Внизу меня отыскал Талер и, сунув в руку бокал с кальвадосом, с

тревогой заглянул в лицо:

— Кого ты встретил? Призрака?

— Мертвеца. — Должно быть, улыбка была у меня кривой и неприятной, потому что мой друг иронии не оценил и нахмурился еще сильнее. — Я думал, ты ушел.

— Решил пропустить клуб. — Он дернул плечом. — Все-таки праздники у Кат бывают не каждый день. Сегодня стрелки обойдутся и без меня.

— Разумно. Кто этот невежа?

Какой-то офицер в алом плотном мундире с золотыми погонами и несколькими наградами на груди, явно принявший лишнего, рассказывал при дамах пошлую историю. Двое его сослуживцев, гораздо более крепко стоящие на ногах, пытались сгладить возникшую неловкость.

— Ты сегодня явно не в ударе, приятель, — сказал один из них, нарочито весело хлопнув вояку по плечу. — Нам пора уходить.

От выпитого физиономия у вульгарного шутника была такой же алой, как его мундир, отчего ярко-голубые глаза под пшеничными бровями казались двумя драгоценными камешками.

— Совсем скоро я умчусь на фронт, отправлять в пламя проклятых малозанцев! Но вначале найду ее! И попрошу руку, сердце и...

Приятели подвыпившего военного, увидев направляющуюся в эту часть зала хозяйку дома, оставили церемонии, подхватили дружка и силой уволокли его в курительную комнату, от греха подальше. Когда надо, у крошки Кат проявлялся крайне крутой нрав, перед которым пасовал даже такой опытный в политике человек, как Рисах, и всякие оболтусы, не исключая тех, что понюхали порошу, старались с ней не связываться.

— Хочешь, я тебя от него избавлю? — спросил я у Катарины.

— Не стоит, — вздохнула она, провожая людей в мундирах взглядом. — Все-таки гость.

— Вечер просто замечательный, — сообщил я ей, и она расцвела.

— Скоро ужин, мальчики. Вы, разумеется, остаетесь?

— Конечно, — обрадовал ее Талер. — Я не прочь попробовать шедевры твоего повара.

— Он превзошел сам себя. — Катарина бегло осмотрела зал и сделала незаметный жест, привлекая внимание метрдотеля.

Тот приказал стюардам принести еще шампанского.

— Рисах нашел тебя, Тиль?

— О да. Твой муж, как всегда, был очень гостеприимен.

— Извините.

К ней подошел мажордом, склонившись, что-то прошептал на ухо, и лицо Катарин тут же застыло.

— Кто-то умер? — участливо поинтересовался Талер, давно научившийся угадывать ее настроение.

— Хуже. Кларисса явилась с одним из своих братьев, хотя их никто не приглашал!

Кат едва не метала молнии, превратившись из гостеприимной хозяйки в настоящую фурию.

— Послушай, Катарина, — как можно мягче сказал я. — Это не проблема для меня. Тебе вовсе незачем...

— Еще как есть зачем! Я выгоню ее!

— Это неприлично, — еще мягче сказал я, и Талер, соглашаясь со мной, сурово кивнул.

— Плевать на приличия! Этой женщины в моем доме не будет!

Я хотел привести весомые аргументы, но она не пожелала выслушать их и, привстав на цыпочки, как делала это во времена нашей учебы, ткнула меня в грудь пальцем, отчеканив:

— Чэр эр'Картия! Спасибо за ваши доводы, но я пока еще хозяйка в своем доме и не собираюсь пускать на порог всякую гнусь! Что бы и кто бы по этому поводу потом ни думал! Сейчас я вернусь.

Сказав это, она, прихватив с собой мажордорма, направилась к лестнице.

— Не завидую я Клариссе, — пробормотал Талер.

Я ответил ему согласным кивком, все еще хмурясь, оглядывая зал и надеясь, что сцена выйдет не слишком уж безобразной. Впрочем, мысли об этом достаточно неприятном событии мгновенно вылетели у меня из головы, когда я увидел лучэру в черном платье. Она стояла прямо напротив меня, вполоборота, негромко разговаривая с самим чэром Патриком эр'Гиндо — нынешним главой Палаты Семи и еще одним господином, к которому я бы с радостью пришел на похороны.

О нет. Я не настолько злобное существо, как кажется. Просто не слишком люблю прощать тех, из-за кого оказался в одиночной камере тюрьмы с ироничным названием «Сел и Вышел». Как я успел убедиться, сделать первое, оказавшись там, гораздо проще, чем второе. Некоторые лучэры, попавшие туда за свои преступления, так и остались наедине с печатью Изначального пламени ждать прихода Двухвостой кошки.

Судя по спесивому лицу чэра эр'Гиндо, он был явно недоволен тем, что девушка отвлекла его, и отвечал ей надменно и раздраженно. Она что-то пыталась объяснить, но он бесцеремонно и совершенно невежливо

прервал ее, отвесил небрежный поклон и грубо повернулся спиной, начав беседу с неизвестным мне господином. Молодая лучэра, казалось, сейчас расплачется.

У нее были прекрасные зеленые, очень растерянные глаза, высокие скулы, губы, вылепленные лучшим скульптором Всеединого, густые черные волосы, собранные в высокую, немного легкомысленную прическу, отлично подчеркивающую длинную шею, на которой висел изумрудный кулон.

Я не назвал бы ее черное, в тон волосам, платье откровенным, особенно по нынешней моде, когда вновь стали популярны глубокое декольте и открытые спины, но оно оказалось столь идеально подобрано к ее фигуре, что взгляд отвести было буквально физически невозможно.

В который раз я подтвердил для себя собственное же утверждение — чэр Патрик эр'Гиндо недалекий дурак, раз отворачивается от такой красавицы. Подобные болезни мозга современная медицина лечить еще не умеет.

— Ты знаешь ее? — Я указал на лучэру Талеру. Она пыталась улыбаться, общаясь с какой-то престарелой парой.

— Нет. Впервые вижу, — после недолгого молчания ответил он. — Мне кажется или ее талию действительно можно обхватить одной рукой?

— А того господина, что сейчас донимает эр'Гиндо, ты знаешь?

— Этот? — Талер на мгновение надул щеки. — Да. Припоминаю. Винчесио Ацио. Кохетт. Кажется, работает в мэрии. В Комитете по гражданству.

Я посмотрел на высокого сидящего мужчину с длинными руками и несколько желтоватым лицом курильщика новым взглядом. Так вот кто говорил обо мне под окнами!

— И что тебе о нем известно?

— Да в общем-то ничего особенного. Я встречал его на одном приеме у Катарины. Рисах, кажется, приглашал. А также помню, что господин Ацио состоял в клубе «Пистолет и нож». У него, как говорят, небольшая коллекция антикварного оружия.

— Почему его исключили?

— Что? — не понял он.

— Ты сказал, что он состоял. Это предполагает прошедшее время.

— А-а. Нет. Его никто не исключал. Он сам ушел, очень давно. Просто перестал приходить на заседания. Потерял интерес. Такой господин... несколько эксцентричный и со странностями. Любит Иных больше, чем людей. Везде с ними носится, словно они какие-то сокровища.

— Вот только еще среди друзей мне расистов не хватало, — проворчал я, но Талер не смутился.

— Я просто передаю то, что говорят. Сейчас он завел дружбу с Мишелем Тревором. Молодым богачом из Эльсурии. Тот недавно вернулся из этой колонии. Ацио взял над ним шефство по просьбе чэры эр'Бархен. Показывает Рапгар, знакомит с нужными людьми.

Я кивнул, украдкой продолжая наблюдать за незнакомкой.

— Ты смог меня удивить, мой друг.

— Это еще почему? — У Талера тут же сделался подозрительный вид.

— Знаешь все последние новости, в отличие от меня.

— Тебе просто чаще надо общаться с Катариной, — тихо рассмеялся он, ставя допитый бокал на поднос проходящего мимо слуги.

Между тем лучэра, завершив беседу, еще раз с надеждой посмотрела на главу Палаты Семи, но тот делал вид, что страшно занят разговором с окружившими его чиновниками, и, поняв, что больше ее слушать не будут, очень расстроенная девушка поспешила к выходу. Опечаленная, она не смотрела по сторонам, а потому не видела, как за ней последовал хмельной офицер. Я нахмурился, провожая их взглядом, и, предчувствуя, что все это добром не кончится, пошел следом. Талер, смекнувший, что к чему, присоединился ко мне.

Между тем военный на глазах у всего зала с хохотом подхватил юную леди на руки, закружил и, повысив голос, крикнул:

— Руку и сердце, чэра! От меня так просто не уйти! Звонкая пощечина эхом разлетелась по погружившемуся в тишину особняку. Чэра, как бы молода она ни была, знала, как следует ставить наглецов на место. Женщины лучэров пусть ненамного, но сильнее женщин людей, так что удар открытой ладонью по красной физиономии возымел должный эффект.

Ошеломленный военный отпустил даму и отступил назад, ошарашенно тряхнув головой. Впрочем, почти мгновенно его удивление сменилось лютой яростью, лицо стало еще более красным, чем раньше, и он замахнулся в ответ.

Сразу несколько мужчин в зале бросились к нему, чтобы остановить. Мне повезло быть первым. Я перехватил его руку, успев отметить про себя, что девушка не только не сжалась, но даже взгляда не отвела, и вывернул ему запястье, заставив человека согнуться от боли.

Все нормы правил и воспитания нарушены. Бить женщину в ответ на пощечину способно только животное, и с такими ни к чему церемониться.

Он очень грубо выругался, попытался вырваться, его друзья бросились ему на помощь, но несколько господ преградили им дорогу, посоветовав

умерить пыл.

— Бить дам непозволительно, господин, — сообщил Талер попавшему в тиски моих пальцев военному.

Я с радостью сломал бы ему руку, но лишь оттолкнул прочь, как раз к двум его сконфуженным друзьям. Кажется, урок впрок не пошел, потому что господин офицер, явно считавший, что попал на поле боевых действий, рванулся ко мне, но на этот раз товарищи впились ему в плечи и не пустили.

— Прекратить, капитан! — повысил голос полковник мяурр.

Удивительно, но команда старшего по чину возымела хоть какой-то эффект. Вояка перестал вырываться и прорычал:

— Я вызываю вас! Стреляться! Немедленно! — Господин понимал, что все внимание зала сконцентрировано на безобразной сцене, которую он устроил.

— Вы безнадежно пьяны, — вежливо ответил я ему. — Общество никогда не простит мне, если вы умрете сейчас. Протрезвейте, любезный.

— Вы трус! — Из-под пшеничных усов блеснули зубы. Анхель в раздражении фыркнула. Подобных выходов она на дух не выносила.

— Как вам угодно, — поклонился я. — Надеюсь, вы повторите мне это завтра. На трезвую голову. Тогда я готов счесть это оскорблением.

— Что здесь происходит? — Темные глаза Рисаха метали молнии ничуть не хуже, чем это получалось у пикли. — Капитан Витнерс! Вы все еще в моем доме! Извольте извиниться перед чэрой!

Он появился очень вовремя, потому что по виду идущей за ним Катарины можно было предположить, что она бы разорвала военного, как броненосец канонерскую лодку. Капитан, кажется, мгновенно протрезвел, во всяком случае, пришел в себя настолько, чтобы сообщить, что ничего дурного не хотел. У меня и многих окружающих было несколько иное мнение на этот счет.

— Но вызов брошен. — Спесивая рожа Патрика эр'Гиндо оказалась рядом.

У этого чэра такая досадная особенность — появляться там, где он совершенно не должен быть.

— Это ничего не значит, — возразил Рисах.

— Если только господин Витнерс заберет вызов, — мягко опроверг его глава Палаты Семи.

Янтарные глаза этого «достойного» чэра мне совершенно не понравились.

— Разумеется, мое желание прострелить голову этому чэру никуда не

делось! — Капитан яростно сверкнул глазами — голубыми шальными пуговицами. — Это дело чести!

И вновь по лицам окружающих было видно, что они считают господина Витнерса в подобном деле совершеннейшим профаном. Девушка стояла с выпрямленной спиной — высокая, гордая и в то же время немного напуганная, что из-за нее происходит столь грандиозный скандал.

— Как вам угодно, — вновь повторил я, протягивая свою визитку одному из его друзей.

— Я улажу все вопросы, — вызвался Талер. Никто не возражал.

— Вам лучше уйти, офицер, — холодно произнесла Катарина.

— Мои друзья свяжутся с вами, — бросил тот мне и, слегка пошатываясь, направился прочь.

Гневно хмурящая брови Катарина сделала знак дирижеру, чтобы вновь звучала музыка. Разговоры в зале возобновились, все обсуждали случившееся. Чэр эр'Гиндо наконец-то нас оставил.

— Извини, Тиль, — сказал Рисах. — Очень неприятная ситуация. С военными, как только они видят шампанское, всегда возникают проблемы. Витнерс вечно ведет себя как петух. Нам не стоило его приглашать.

— Ерунда. Думаю, к завтрашнему дню он сто раз передумает.

— Он не передумает, чэр, — сказала незнакомка, грустно покачав головой. — Я знаю такую породу людей.

— Простите мне мои манеры, — всплеснула руками все еще расстроенная Катарина. — Чэра Алисия, позвольте вам представить ближайшего друга нашей семьи чэра Тиля эр'Картия.

— Я рада познакомиться с вами, чэр. — Ее голос был очень красив. Раньше я подобных никогда не слышал. Чистейшее сопрано.

— Тиль, позволь представить тебе чэру Алисию эр'Рашэ. Я молча поцеловал ее руку, не обращая внимания на эмоции Анхель, после Клариссы подозрительно относящейся к любым женщинам, оказывающимся рядом со мной.

— Простите меня за все это, — сказала мне Алисия. — Я благодарна вам за помощь, чэр, но, право, не стоило. Теперь я чувствую себя виноватой в скандале. Вашей жизни угрожает опасность. Быть может, я смогу... убедить капитана не стреляться с вами.

— Вам совершенно нечего тревожиться по этому поводу, чэра, — успокоил я ее.

— Я тоже тревожусь, Тиль. — Катарина хмуро посмотрела на мужа: — Ты сможешь утрясти эту ситуацию?

— Нет, — тут же ответил он. — Витнерс очень упрям, это не первая

его дуэль, и слушать он будет только эр'Гиндо. Тот покровительствует его отцу.

Услышав о главе Палаты Семи, Талер с большим сожалением покачал головой:

— Боюсь, что этого чэра убедить в чем-либо также не получится.

— Совершенно верно, — подтвердил Рисах. — Особенно у меня, даже несмотря на то, что он в моем доме. Я провел мимо него два невыгодных для его семьи закона о предоставлении больших финансовых свобод ка-га и выделении Адмиралтейству средств на постройку нового броненосца.

— Не стоит беспокоиться, Рисах, — дружелюбно улыбнулся я. — Вообще не стоит об этом думать. Особенно сегодня, когда у вас такой праздник.

Было видно, что Кат хочет возразить, но, поняв, что это бесполезно, она с какой-то беспомощностью посмотрела на эр'Гиндо, опять затеявшего беседу с Винченсио Ацио, тяжело и вздохнула и улыбнулась:

— Ты прав. Но я не оставлю этого, Тиль. Так и знай. Неприятность произошла в моем доме, и я чувствую свою ответственность за происходящее. После того как закончится вечер, я подумаю, что можно сделать. Чэра Алисия, вы уже нас покидаете?

— К сожалению, да, — сказала девушка. — Прошу простить меня за столь поспешный уход.

— Сейчас поздно. Я предоставляю вам коляску и слугу для сопровождения.

— Если вы позволите, я возьму на себя эту приятную обязанность, — предложил я.

Анхель вновь начала меня подозревать, но я не испытывал к девушке никакого особого интереса, кроме разве что любопытства. Просто вызваться помочь и проводить гостью твоих друзей — это прилично.

— Чэру эр'Картиа совершенно не стоит связывать себя такой обузой. — Алисия благодарно улыбнулась. — Я способна добраться до дома самостоятельно.

— Но он совершенно прав, дорогая чэра. Ночной Рапгар, даже если это касается Небес, сейчас небезопасен. По улицам бродит Ночной Мясник, а с чэром эр'Картиа вы будете как за каменной стеной, — возразила Катарина. — Раз Тиль считает, что это ему несложно, я буду только рада.

— Для меня станет истинным удовольствием довезти вас до дома, чэра, — сказал я, подавая зеленоглазой девушке руку.

— Благодарю, — просто ответила она.

Наша поездка сквозь ночь стала сама по себе интересной историей.

Чэра эр'Рашэ для своих восемнадцати лет оказалась достаточно умна, чтобы не говорить глупости. К тому же она неплохо разбиралась в книгах и театре. Оценки, которые она давала некоторым произведениям, были ироничны и очень точны. Кроме того, девушка умела слушать других, а это в наше время несомненное достоинство.

Несколько раз она смеялась моим шуткам, но глаза у нее оставались грустными и встревоженными. Было видно, что хоть она и поддерживает беседу, но ее беспокоят какие-то проблемы.

Дом чэры располагался на северо-востоке Небес, в трех кварталах от набережной, с которой открывался вид на Скалу — маленький каменный островок в проливе, где у пиклей была одна из их лабораторий — закрученная спиралью башня, вокруг которой и днем и ночью летали шаровые молнии. Над островом постоянно случались сильные грозы, эдакое локальное стихийное бедствие, но никто особо не жаловался, разумеется исключая студенческие команды по академической и индивидуальной гребле, проводящие в канале Мечты отборочные туры.

Особняк Алисии на улице Желтых топазов оказался старым зданием начала прошлого века. Серая каменная глыба высилась среди серебристых, уже голых рябин. Светилось лишь маленькое окошко под самой крышей.

Она заметила мой взгляд, когда я помогал ей выйти из коляски и, запахнув накинутую на обнаженные плечи теплую шаль, пояснила:

— Мою старую экономку, как всегда, мучает бессонница.

— Большой дом. — Мы подошли к воротам.

— С тех пор, как отца не стало, здесь мало кто бывает. Слуг я почти не держу, и особняк приходит в запустение.

— Соболезную вашей утрате. Надеюсь, его огонь будет гореть вечно.

Она грустно улыбнулась и взялась рукой за один из прутьев калитки:

— Мой отец был человеком, чэр.

Со времен Всеединого среди лучэров все так перепуталось, что даже мы не всегда можем узнать полукровок. Таких, как Алисия или я. Алые и янтарные глаза — старая кровь, истинные лучэры, имеющие Облики и Атрибуты, но и те, у кого глаза серые и индиго, не обязательно имеют в своей родословной человеческих предков. О том, что лучэр был в связи с человеком, говорят лишь черные глаза, а с нами, средними, как называют тех, у кого глаза цвета пепла, синей сливы или изумрудной зелени, — вечная путаница.

Пойди разберись. Особенно с первого раза.

— Это неважно. Как говорили мои предки — огонь горит вне зависимости от того, кто ты — лучэр, человек или мяурр. Ведь пламя не

над надгробной плитой, а в сердце.

— Спасибо, — сказала она.

— За что, любезная чэра?

— За ваши слова. Вы хороший чэр. Я бы не хотела, чтобы вас убили на глупой дуэли.

— Этого не случится, — уверил я ее, хотя сам такой уверенности не ощущал.

Возможно, иногда я становлюсь легкомысленным, но вполне осознаю угрозу. Если неизбежное все-таки произойдет, то капитан — не клерк и не кочегар с парохода. Он знает, с какой стороны следует заряжать пистолет.

Она заглянула мне в глаза и с удивлением сказала:

— Это правда — то, что о вас говорят.

— И что же?

— Вы не боитесь умереть. Я невесело рассмеялся:

— Все боятся умереть, чэра. Даже те, кто уже мертв. Любое разумное существо должно любить и ценить жизнь, иначе оно перестает быть разумным.

— Я буду волноваться за вас.

— Польщен. Обещаю вам, что сделаю все возможное, чтобы избежать неприятностей. Надеюсь, это не последняя наша встреча.

— И я надеюсь. — Она протянула руку для поцелуя. — Доброй ночи, чэр эр'Картиа.

— Доброй ночи чэра эр'Рашэ.

Я смотрел, как она идет по каменной дорожке к двери, отпирает ее ключом и, бросив на меня последний взгляд, скрывается в доме.

— Ну а теперь мог бы мне кто-нибудь объяснить, что за тьма здесь происходит и о какой дуэли вы говорили?! — раздался ядовитый голос Стэфана.

— Ты не бережешь свои ноги. Шататься пешком, когда коляска Катарины была в твоем распоряжении — глупость. Шататься пешком ночью — еще большая глупость. Шататься, когда все ловят этого убийцу, — просто идиотизм.

— Еще замечания будут? — с живым интересом спросил я, прикидывая про себя, сколько примерно осталось идти до улицы, с которой я могу повернуть в сторону кладбища Невинных душ.

С догадками были большие проблемы, видимость тоже была плохой, и приходилось лишь надеяться, что я не пропустил нужный поворот — эта часть Олла изменилась до неузнаваемости. Высокие дома, бесчисленное количество переулков и лестниц, ведущих то вверх, то вниз. Местность

возле моря была почти такой же неровной, как в Каскадах и Холмах.

От воды быстро поднимался густой туман, выползал на улицы, затекал в переулки, обволакивал древние парки, укрывал старые кладбища и захватывал квартал за кварталом, с каждой минутой становясь выше и плотнее.

Электричества, несмотря на то что пикли производят его в невероятных количествах, все же не хватает для того, чтобы осветить весь Рапгар, — основное уходит на заводы, фабрики, трамвайную ветку, университеты, правительственные учреждения, дорогие рестораны, банки и дома богатых граждан. Все оставшееся, а это жалкие крохи, раскидывают по центральным улицам самых важных районов Рапгара — Сердца, Небес, Кайлин-ката и Золотых полей. Остальным приходится довольствоваться газом, маслом или химической дрянью, что течет по подземным трубам из лабораторий тропеалл.

Впрочем, от уличных фонарей сейчас не было никакого проку — их слабый свет едва пробивался сквозь туман, совершенно не освещая улиц.

— Не будет больше никаких замечаний, — буркнул Стэфан. — Я уже все сказал вам обоим.

Это точно. Его брюзжание и нравоучения после того, как он узнал о том, что произошло у Катарины, оказались просто невыносимым испытанием. Меня он облил едкой желчью по самые поля шляпы, а Анхель сказал, что с ней меня нельзя отпускать даже на минуту, потому что подобным образом могут опростоволоситься лишь безответственные существа, а не опытные амнисы, которым поручено защищать хозяина.

Разумеется, они вновь поругались, даже прежде, чем я успел поинтересоваться у пребывающей в дурном настроении трости, как она представляет мою защиту на приеме? Что Анхель должна была сделать? Отрастить крылья, вылететь из ножен и отсечь головы половине присутствующих? Конечно, было бы неплохо, если бы так и случилось — разом избавиться от кучи врагов. Но все-таки в подобных ситуациях следует быть реалистом, а не мечтателем.

— Мы полчаса как прошли мост. Пора уходить с набережной.

— Спасибо за ценное замечание, но, пожалуй, я лучше останусь на свету, чем ползу во мрак.

— Наворотил, ты дел, Тиль. Я хмыкнул:

— Совсем молоденькая девчонка, Стэфан. Этот бугай едва не ударил ее в лицо. Я должен был вмешаться. К тому же, не успею я, это сделал бы кто-то другой. Слава Всеединному, в доме у Гальвирров, несмотря ни на что, было много достойных господ.

По пути я четырежды встретил патрули пеших жандармов и один раз конный разъезд. На мундиры у них были наброшены теплые шерстяные синие плащи с эмблемой Скваген-жольца — золотое око в кругу Изначального пламени, а на головах — крепкие шлемы. В руках служители закона несли квадратные стеклянные фонари, где с помощью магии плясали пульсирующие в такт биению их сердец волшебные огни.

На меня они смотрели настороженно, затем понимали, что перед ними лучэр, и теряли интерес. Последний из патрулей спросил, не нужно ли мне сопровождение до дома.

— Улицы сейчас безлюдны, чэр, — сказал усатый сержант, поигрывая шоковым жезлом.

По его виду было понятно, что он и сам бы не прочь остаться дома, если бы не проклятая служба.

— Олл — безопасный район. Но за предложение спасибо.

— Будьте осторожны, — сказал он напоследок, приложив два пальца к шлему, ремешок от которого плотно впился в его небритый подбородок. — Если что — кричите. Сейчас здесь много жандармов. Все ловят этого сожранного сгоревшими душами Ночного Мясника, будь он неладен!

Не знаю, на что надеются в Скваген-жольце. Наверное, исключительно на удачу. Жандармов, конечно, в столице предостаточно, но Рапгар слишком велик. Каждую улицу все равно не возьмешь под контроль. Дыр в городе, как в решете — велик шанс, что если убийство и произойдет, то синие его все равно пропустят...

Наконец-то я увидел нужный мне перекресток, дождался, когда мимо проедет повозка, груженная пустыми бидонами из-под молока, и, когда туман полностью поглотил стук копыт, свернул в переулок.

Здесь было еще темнее, чем на набережной. Один только раз я услышал стрекот выбравшихся из канализации скангеров, кажется, они дрались за отбросы, забравшись в мусорные ящики, но затем вновь наступила тишина, нарушаемая лишь глухим стуком моих каблуков.

Немного подумав и решив, что Всеединый бережет тех, кто сам о себе заботится, я вытащил Анхель из ножен и переложил ее в правый карман, продев указательный палец в кольцо на рукояти ножа.

Стэфан, перебравшийся в левую руку, посетовал:

— Следовало брать извозчика.

— Где я тебе его найду в такую ночь? — недовольно отозвался я, поглядывая в полумрак, сгустившийся возле спящих домов. — Все попрятались. Ручаюсь, что сейчас жизнь бурлит только на западе Рапгара, в районах, где смертью никого не испугать. Коляску и с Изначальным

пламенем на ладони не сыскать. К тому же я обожаю гулять в тумане. Это так загадочно. В тюрьме мне не хватало прогулок. Ты же знаешь.

— О да. И поэтому ты за последние полтора года исходил пешком Рапгар вдоль и поперек! Давно пора устать.

Полумрак в углу зашевелился, и на более-менее освещенную улицу выступил завью. Гротескный скелет семи футов ростом, закутанный в сизые лохмотья, с движениями резкими и дергаными, словно у марионетки, которой управляет невидимый кукловод. Вытянутый, похожий на малозанскую дыню, покрытый легким пушком череп заканчивался зубастым птичьим клювом. Глаз в провалах видно не было, но я знал, что на них два бельма — завью видят совсем иначе, чем другие разумные существа. Как — не знает никто, кроме них.

Я остановился, ожидая продолжения.

Кровосос распахнул сизые лохмотья, превратившиеся в огромные дымчатые крылья, демонстрируя висящую на груди, горящую желтым металлическую бляху на медной цепочке — официальное разрешение городских властей на ночную охоту.

— Немного крови, добрый господин? — проскулил вампир.

— Нет, — безапелляционно заявил я ему.

Он опечаленно вздохнул и уполз обратно во мрак. Ждать того, кто захочет разделить с ним трапезу и удовольствие.

На мой взгляд — бесполезное занятие для нынешней ночи. Особенно в этом районе — извращенцы, готовые поделиться своей кровью с завью, для того, чтобы вступить с ним в ментальную связь и испытать то, что не дает никакой опиум, иодятся в Яме и в районах победнее. Те богачи, что любят отправиться в скоротечное путешествие по мирам и нырнуть в водопад своего сексуального воображения, обычно живут с завью в симбиозе, а не бродят возле дома в поисках кровососа с лицензией.

Данте как-то рассказывал мне, что в молодости он пару раз пробовал делиться с этими существами кровью и буквально «улетел» от их слюны, попавшей в рану, но ему не понравилось зависеть от этой привычки, и с подобными экспериментами, несмотря на то что все его чувства пребывали в полном восторге, он быстренько распрощался.

— Совсем это племя измелечало, — сказал Стэфан. — Помню, когда первая стая только прилетела в Рапгар и при мэрии еще не создали Комиссию по контролируемой охоте, они вели себя не так добродушно по отношению к одиноким прохожим.

— Если ты опять станешь мне рассказывать историю, как однажды мой прадед отбил от пятерых озверевших с голодухи завью, я выкину

тебя в сточную канаву и забуду, где находится это место, — закатил я глаза. — К тому же бесконтрольные до сих пор еще попадают. Из консерваторов первого гнезда. Они не признают власти, и встреча с ними вполне может закончиться плачевно.

— Угу. Раз в год. Как только такое случается, их отстреливают в первые часы после рассвета, потому что когда они переедят крови, то «улетят» точно так же далеко, как их уже умершие жертвы. Для завью кровь живых существ такой же наркотик, как для вас — их слюна. Так что не составляет особого труда найти подобных идиотов, мой мальчик.

Я был несколько иного мнения. В Городе-куда-не-войти-не-выйти орудуют несколько бесконтрольных завью, и туда не решаются заходить даже хаплопелмы, ненавидящие кровососов ничуть не меньше, чем фиосс.

Дорогу мне перебежала кошка. Обычная, серая, худая, с чистым блестящим мехом и ясными, чуть зеленоватыми глазами. Мы встретились с ней взглядами, она несколько раздраженно взмахнула хвостом и юркнула в подвальное окошко.

— Чэр эр'Картиа. Я рада с вами познакомиться, — задумчиво произнес я голосом Алисии, проводив зверька взглядом.

Анхель скептически хмыкнула. Стэфан казался обескураженным:

— Ты хорошо себя чувствуешь, Тиль?

— С разумом у меня все в порядке, если ты об этом. Мне просто понравился ее голос. Он очень красив. Не находишь?

— Да. Соглашусь.

Я хотел добавить кое что о своих впечатлениях, но раздавшийся из узкого проулка всхлип заставил меня умолкнуть и прислушаться.

— Вы слышали? — спросил я у амнисов.

— Ну и что? — тут же забеспокоился Стэфан. — Мало ли кто... Может, скангер или еще какая тварь. Иди себе мимо. Не хватило тебе неприятностей за один день?

Я колебался, еще раз заглянул в узкий проулок между двумя домами. Оттуда на меня смотрела кромешная тьма. Ни звука, ни шороха. Вообще ничего. Лишь туман, казалось, стал еще гуще, и газовый фонарь дальше по улице походил на маяк для одинокого корабля. Он призывно манил меня к себе, и я уже почти поддался внутреннему голосу, твердившему мне поспешить домой, когда услышал новые звуки, словно мелкий дождь капал на камни.

— Даже если там кто-то есть — это не твое дело.

— Если бы я не знал, что ты сильно беспокоишься обо мне, то подумал бы, что трусишь.

— Ты с самого рождения был самым любопытным из лучэров, которых я знал.

— Это Олл, Стэфан. Олл — район, где ни с кем никогда не случается ничего плохого. Будь это Яма или Холмы, возможно, я бы прошел мимо. Но не тогда, когда до дома двадцать минут пешком. И да, я просто умираю от любопытства, — сказал я, доставая из кармана руку с керамбитом, и, повыше подняв Стэфана над головой, сделал шаг туда, где мне быть совсем не следовало.

— Свет, — тихо попросил я.

Моя трость мигнула один раз, другой, третий и засияла ровным, пускай и несколько тусклым рубиновым светом. Его было вполне достаточно, чтобы я почти сразу же разглядел картину. Мозгу потребовалось долгих пять мгновений, чтобы осознать увиденное и понять, что все это не шутка, не розыг-рыш и, что самое досадное — реальность.

Если честно, будь у меня свободными руки, я бы с радостью ущипнул себя, чтобы попытаться проснуться.

Однажды, еще будучи подростком, я видел тело несчастного, попавшего в лапы голодного тру-тру. Зрелище было столь отталкивающим, что я просыпался от кошмаров почти два месяца и потом еще полгода не мог смотреть на свежее мясо. Так вот по сравнению с увиденным сегодняшней ночью тот ужин людоеда казался не более чем милой шалостью.

Я не знаю, сколько в существе должно быть силы, жестокости и безумия, чтобы такое сотворить с человеческим телом. Плоть, органы и конечности были повсюду, но у меня бы язык не повернулся назвать это беспорядком. Во всем этом была какая-то своя система, хотя оценить ее не хватало разума. Тягучие капли стекали со стен, падали на мостовую и лужами собирались вокруг останков. Рубиновый свет из трости не добавлял ужасному зрелищу спокойствия. Запах, какой бывает у свежеевыпотрошенной курицы, сводил с ума.

Есть такая пословица в Рапгаре: родители не говорят детям, что сгоревшие души существуют. Ведь дети и так уже знают это. Родители рассказывают детям, что сгоревшие души могут быть уничтожены.

Я бы очень хотел, чтобы душу этого сумасшедшего мясника уничтожили. И как можно скорее.

Удивительно, но мой желудок даже не запротестовал. Я остался хладнокровен. Лишь в ушах немного шумело, да сердце колотилось, как паровая машина в руках неумелого ка-га.

— Надо убираться! — вновь сказал Стэфан. — Он еще может быть

рядом.

Теперь его голос был холоден и сосредоточен. Я чувствовал, как он пытается сплести вокруг меня кокон защиты. Анхель была согласна со своим партнером, и ее серповидный клинок изменил цвет на ослепительно-белый. Амнис стягивала силу.

— Еще минута, — сказал я, делая шаг вперед и стараясь не наступить в кровь. — Больше света. Сколько сможешь.

Я разглядел на стене дома корявую надпись огромными кровавыми буквами: *Алья-сс шафуун иж чарвэ*.

— Язык первых лучэров, — прошептал Стэфан. — Язык Всеединого. На таком писались канонические тексты.

— Что сказано?

— Домой.

— И только? Столько слов...

— Не о том думаешь! — резко оборвал он меня. — Этого несчастного убили только что. Ты уверен, что убийце не потребуется вторая жертва?

Он все верно сказал, так что я начал отступать и на беду свою увидел голову. Точнее, то, что от нее осталось.

Этот пророк из квартала Иных, утяни его в Изначальное пламя сгоревшие души, вновь оказался прав. У мертвеца была власть, он служил городу и был даже известен некоторым читателям «Времени Рапгара». Потому что убитым был не кто иной, как старший инспектор Грей.

В отдалении зазвучали тревожные свистки жандармов.

— Вляпались! — простонал Стэфан. — Мальчик, убирайся! Тебя пристрелят прежде, чем ты успеешь хоть что-то сказать!

— Опасность! — во весь голос звонко крикнула Анхель. Огромная тень мелькнула у меня перед глазами, и туша Ночного Мясника рухнула откуда-то сверху так, что от удара я выронил трость. Меня спасла защита амниса, отбросившая чудовище, но потерявшая свою силу. Я принял Облик, шарахнулся в сторону, но тварь, видно услышав звук, ринулась на меня вслепую, мелькнули страшные лапы, я, ведомый Анхель, уклонился, взмахнул клинком, и узкий проулок заполнил оглушительный визг-скрежет.

— «Попал!» — мелькнуло у меня в голове прежде, чем убийца навалился на меня.

Я почувствовал резкую боль в левом бедре, мир закружился, тело сделалось словно из воздуха, и последнее, о чем я успел подумать, — до чего досадно испачкать в крови инспектора Грея только что вычищенный смокинг.

Глава 8

НЕМНОГО СЕРОГО ЦВЕТА

— К чэру эр'Фавиа, — сказал я, когда дворецкий распахнул дверь и усталился на меня, придерживающего шляпу от резких порывов весеннего ветра.

— Чэр сегодня никого не принимает. — Лицо у слуги было бледным, но решительным.

— Он не может прятаться от меня вечно. Это вопрос чести, так ему и передайте! И если мы не решим его сегодня, то завтра я его вызову и убью!

Дворецкий нахмурился, но в холл меня все же пустил.

— Ждите здесь, чэр эр'Картиа. Я доложу о вас господину. Неодобрительно посмотрев, он взял со стола канделябр со свечами и ушел по длинному холлу, оставив меня наедине со вставшим на дыбы чучелом белого медведя. Я, все еще кипя от ярости, нетерпеливо ждал, не обращая внимания на лужи, что натекли на пол с моих туфель и плаща.

Мальком эр'Фавиа, богатый и популярный романист Рапгара, чьи предки-лучэры восходили к одному из древнейших родов, очень удачно подцепил младшую из четырех дочерей Князя и обеспечил себе будущее. Как говорят, он талантлив, словно ему на ухо шепчут сгоревшие души, и книги его пользуются огромной популярностью.

А еще эр'Фавиа — азартный, но не слишком умелый игрок. Он плохо считает карты и еще хуже просчитывает тех, кто сидит с ним за одним столом. Но основная беда зятя Князя в том, что он слишком сильно предается эмоциям, а потому проигрывает достаточно крупные суммы.

Все изменилось с тех пор, как он вошел в высочайшую семью Рапгара. Старина эр'Фавиа продолжал играть, но теперь редко возвращал долги. Он весьма разумно полагал, что, находясь под защитой Князя, можно не заботиться о таких мелочах, как возвращение фартов тем, кто обыграл тебя в покер.

Уважаемые люди, теперь неспособные отказать влиятельному чэру в партии, понимали, что лучше потерять незначительные деньги, чем благорасположение тех, кто стоит у власти. Лично мне было интересно, знает ли Князь о том, как ведет себя его зять?

Для меня деньги никогда не имели большого значения, их всегда было в досталь, и забыть о долге можно было бы, если бы я не пообещал

Клариссе, что добуду для нее то прекрасное коралловое ожерелье, на которое однажды решил сыграть проигравшийся в пух и прах эр'Фавиа. Отчего-то он был уверен, что принадлежащая его жене безделушка останется при нем.

Я выиграл ожерелье в честном поединке, на глазах у всех, но он отказался его отдать, повел себя грубо, выставил меня мальчишкой и дураком перед всем обществом, а главное — перед Клариссой и ее семьей.

Эр'Фавиа обвинил меня в жульничестве, за что и получил причитающееся, хотя от большинства глупостей меня удержали Талер и Влад, но теперь я хочу потребовать возвращения долга. Это уже деле чести. Мне и так пришлось ждать, когда этот негодяй выберется из дворца и приедет в свое старое родовое гнездо — на виллу «Черный журавль». Он отдаст мне долг, иначе я перестану быть с ним вежливым.

Вернулся дворецкий, а вместе с ним еще один плечистый слуга.

— Простите, чэр, но господин не желает вас видеть и говорит, что занят, — сказал дворецкий.

Я мгновенно вспыхнул от гнева. Это уже слишком!

— С дороги! — прорычал я.

— Если вы продолжите настаивать, нам придется вышвырнуть вас из дома, чэр! — с угрозой в голосе сказал плечистый слуга.

Уже не помня себя от гнева, я ринулся на них и, оказавшись рядом, принял Облик. Они явно этого не ожидали. Кулак громилы, который должен был разбить мне лицо, пролетел мимо. Парень начал озиаться, пытаюсь обнаружить, куда я делся. Я ударил его ребром ладони по кадыку, он захрипел, рухнул на колени. Вновь став видимым, я вырвал из рук ошеломленного дворецкого канделябр.

Тот попытался бороться, но я не стал с ним церемониться, хотя он уже и был немолод. Просто постарался не покалечить. А затем вернулся ко второму, все еще находящемуся в сознании типу, и опустил канделябр ему на голову.

Выбросить меня?! Это уже верх неприличия!

Трясаясь от бешенства, я пошел по коридору, заглядывая в каждую комнату, пока не нашел кабинет, из-под двери которого лился теплый желтый свет. Я взялся за ручку и резко распахнул ее, лишь для того, чтобы спустя секунду свет обволок меня, схватил и втащил внутрь...

Во рту была неприятная сухость. Я с трудом разлепил веки и тут же сморщился. В глаза словно песка насыпали. Рядом с кушеткой стоял полупустой жестяной кувшин с водой, так что я умылся и напился.

Стало гораздо легче, но голова все еще кружилась. Я снова брызнул в

лицо водой и сел, прислонившись к стене. У меня не было никаких вопросов о том, где я нахожусь.

Небольшая комната с железной кроватью, прикрученной к полу, грязно-зеленые стены, кафель на полу, куполообразный покатый потолок с потрескавшейся штукатуркой, электрическая лампа накаливания за стальной сеткой, ржавый умывальник в углу и стальная дверь с решеткой.

Камеры в Скваген-жолыде за семь с половиной лет не претерпели никаких изменений. С одной стороны, это обнадеживало. Гораздо неприятнее было бы очнуться в «Сел и Вышел», увидев на двери печать Изначального пламени. С другой стороны — ничего хорошего от жандармов я не ждал.

Я вспомнил нападение Ночного Мясника, вспомнил о боли в бедре, но вместо ножевого удара увидел лишь красную кожу и маленькую ранку. Судя по тому, что я здесь, жандармам не удалось поймать убийцу. Они сочли, что меня им будет вполне достаточно, следовательно, мне предстоит не слишком приятный разговор со служителями правопорядка.

Моей старой одежды не было — ее заменил серый тюремный комбинезон. Голова стала кружиться сильнее, начался мелкий озноб, и я пожалел, что здесь нет одеяла.

Сейчас мне оставалось только ждать, и я подумал, что ситуация страшно напоминает то, что произошло со мной семь с половиной лет назад. Тогда я тоже потерял сознание, а очнулся за решеткой с целым возом обвинений в убийстве на шее. Очень несправедливо было бы получить от жизни вторую такую игральную карту.

Пока я здесь лежал, мне вновь снилась та ночь, которая изменила всю мою жизнь. Тогда я слишком много играл, был молод, глуп, вспыльчив и горяч. Влюбленный и оскорбленный идиот решил, что все сойдет ему с рук, полез туда, куда не следует, и получил по полной.

Мое сердце все еще бьется, но мое имя в таких пятнах, от которых нельзя отмыться и за тысячу лет. Я посмотрел на свои руки, сейчас лишенные перчаток, и вспомнил казнь в Скваген-жольце. От нее на ладонях и запястьях остались тонкие шрамы, говорящие о том, что я никогда не проживу, как другие лучэры, сто, а быть может, и двести лет.

Если мне повезет, я протяну еще лет пять, а потом сердце, лишенное энергии Изначального пламени, остановится, а мозг уснет. Если не повезет — умру в любое мгновение. Я живу в долг, и каждый день жду Двухвостую кошку, стараясь не думать о ней.

Вот будет забавно, если жандармы найдут чэра эр'Картиа бездыханным, объявят, что страшный убийца мертв, а спустя пару дней

Ночной Мясник прибьет еще кого-нибудь, например, старшего инспектора Фарбо.

Жаль, что сейчас рядом нет Стэфана и Анхель. Они бы отвлекли меня от тяжелых мыслей, бесполезного самокопания и попыток представить, как бы сложилась моя жизнь, настоящая жизнь, которой я оказался лишен из-за собственной глупости и горячности.

Впрочем, вряд ли бы я тогда изменился так сильно. Так бы и остался недалеким ершистым дураком, отлично играющим в карты и не способным видеть дальше своего носа. Удивительно, как меняет некоторых лучэров смерть, стоящая за плечом. К примеру, Данте все еще не может привыкнуть ко мне. Однажды он даже пошутил, что большинство жителей Рапгара следует посадить в тюрьму, так как это должно повлиять на них в лучшую сторону. Тогда я рассмеялся вместе с ним, поддержав шутку и нисколько не чувствуя себя обиженным. Любая грубость в устах старины Данте перестает таковой казаться.

Шаги нескольких человек я услышал минут через десять, когда озноб стих и у меня начался жар.

В решетчатое окошко заглянула усатая рожа, загремел замок, и в камеру протиснулся старший инспектор Фарбо. Его бульдожья морда была мрачна, а голубые глаза лишь на мгновение задержались на мне и вновь уткнулись в тарелку с горячей лапшой, которую он держал в руке. За спиной начальника переминались двое тюремщиков.

— Оставьте нас на минутку, — сказал Фарбо, помешивая лапшу ложкой. — Как вы себя чувствуете, чэр эр'Картиа?

— Все зависит от того, в чем меня обвиняют и почему здесь держат. Если не случилось ничего страшного, мое здоровье резко пойдет на поправку.

Фарбо тяжело вздохнул и запихнул в пасть лапшу. Задумчиво прожевал, пошевелил широченными плечами, запакованными в полосатый пиджак, вот-вот готовый лопнуть по швам.

— Если вы о том, предъявили ли вам обвинения, то обрадую вас — нет, — наконец сказал он и зачерпнул еще лапши. — Но радоваться вам рано, чэр. У нас к вам множество вопросов.

— Если обвинений нет, я не понимаю, что здесь делаю. — В моем голосе появилась сталь.

Он вежливо поднял рыжеватые брови:

— А куда нам было вас девать, извольте полюбопытствовать? Отвезти домой? В таком заведении, как Скваген-жольц, существует определенный порядок и процедуры, которые мы не смеем нарушать даже ради столь

уважаемого чэра, как вы.

В слове «уважаемый» слышалась явная издевка, но в данный момент я равнодушно пропустил ее мимо ушей.

— К тому же, — он вытянул губы трубочкой и втянул в себя длинную лапшину, — к тому же вас застали на месте преступления, рядом с телом слуги правопорядка. Обычно после этого везут не до дома. И вы все равно были без сознания. Так что у нас хватило времени проверить все хорошенько, прежде чем принимать решение.

— Из всего этого, как я понимаю, следует, что вам не удалось поймать убийцу.

— Если было, кого ловить. — Мне его улыбка не понравилась. — Но, как я говорил, вас пока ни в чем не обвиняют.

— Жандармам следует быть чуть порасторопнее, господин Фарбо. Тогда убийца оказался бы в ваших руках уже сегодняшней ночью.

— Да ну?! — Его ложка стукнула о дно миски. — Я хочу сказать, с чего вы так решили?

Было видно, что он не собирается быстро отказываться от теории, что преступник — я.

— Я ранил его.

— Вы ошибаетесь, чэр. Ваш амнис всего лишь отрубил лапу хаплогелме, которая патрулировала район. Но она была столь любезна, что не разорвала вас в клочки, а всего лишь ужалила.

Я выругался про себя. Сгоревшие души и Изначальное пламя! Вот уж действительно, у страха глаза велики! На меня напала хаплогелма!

— Так что от обвинения в нападении на офицера Скваген-жольца вы не отвертитесь. — Он мстительно улыбнулся.

— Перестаньте, — отмахнулся я. — Она упала на меня с крыши. Почти в кромешной темноте, и мне не оставалось ничего другого, как защищаться, потому что я был испуган увиденным. Это докажет любой адвокат. Ваши обвинения так же глупы, как те, что вы вместе с покойным Греем предъявили мне семь с половиной лет назад.

Его лицо тут же окаменело, но я плевать на это хотел:

— Так что давайте от угроз сразу перейдем к делу. Что вам нужно, инспектор?

Он пожевал челюстями, явно прикидывая, не сможет ли запереть меня здесь еще хотя бы на недельку, и с сожалением вздохнул:

— Нам нужно знать все, что вы видели. Сейчас вам принесут вашу одежду, и мы поговорим. — Он подал знак своим людям, собираясь уходить.

— Кстати, инспектор, — окликнул я его. — На этот раз в Скваген-жольце очень быстро разобрались в происходящем и не стали вешать убийство на невинного чэра. Я удивлен. С чего к моей персоне такое доверие?

Он мрачно посмотрел на меня:

— Пока вы валялись на кушетке, он убил еще одного. В Старом парке. Одевайтесь.

Мой смокинг пришел в полную негодность — почти весь был в крови, так что я проигнорировал эту одежду, оставшись в комбинезоне, и обул лишь туфли. Мне вернули все личные вещи, включая бумажник, но амнисов среди них не было.

— Вы получите их позже. — Фарбо ждал меня в коридоре.

Он не был удивлен, что я оставил окровавленную одежду. Мы миновали темный квадратный коридор с камерами предварительного заключения, прошли две решетки, которые нам отперли охранники, и оказались в холле, где по рельсам вверх вниз ходил паровой подъемник. Не сказав друг другу ни слова, мы встали на платформу, инспектор четырежды прозвонил в бронзовый звонок, под ногами рассерженно зашипело, и поршень толкнул нас вверх. Мы начали подниматься, с каждой секундой все более ускоряясь.

Стеклянная кабина, похожая на большой желудь, проползла в каменной кишке, вырвалась из подземелья и оказалась в стеклянной трубе, идущей по восточной стороне колоссального здания Скваген-жольца. Отсюда открывался завораживающий вид на богатые районы Рапгара и море, из-за которого едва-едва показался тусклый краешек осеннего солнца.

Было раннее утро, над кварталами города, золотыми парками и густым Лесом благородных висела сизая дымка. Фарбо молча стоял, прислонившись к стенке, и по старой привычке пожевывал челюстями. Было видно, что он о чем-то усиленно размышляет и ему не до красот города. Я же смотрел на утренний Рапгар с высоты птичьего полета и щурился на тусклый солнечный свет.

Глаза продолжали болеть, а головная боль только усилилась. Парализующий яд хаплопелмы все еще циркулировал в моей крови.

Наконец лифт, выпустив из-под днища пар, с шипением замедлил ход и остановился. Фарбо плечом толкнул двухстворчатые двери и вышел, не пригласив меня присоединиться. Я последовал за ним.

У входа в лифтовую кабину на карауле стояли двое жандармов в парадных мундирах и с точно такими же ружьями, как были у тех

неизвестных, что напали на нас с Талером в роще по дороге к Катарине. Я отметил этот факт про себя, стараясь не глазеть по сторонам уж слишком явно.

В этой части башни я никогда не был. Суд и место для казни находились в другом крыле, и это помещение кардинальным образом отличалось от того, каким я привык видеть Скваген-жольц. Просторные холлы, большие панорамные окна, деревянные панели, пушистые ковры на полу, хрусталь и золото.

Здесь было тихо и пустынно, хотя, казалось бы, с учетом того, что сегодня Мясник забрал двоих, все должны бы бегать по потолку и работать, несмотря на раннее утро. Или хотя бы делать вид, что бегают и работают.

— Вам повезло, что все на рабочем совещании, чэр, — сказал Фарбо, даже не обернувшись. — Здесь редко появляются люди в костюмах заключенных и туфлях за две сотни фартов.

Я хотел сказать, что в прошлое свое посещение гостеприимного Скваген-жольца уже просидел три дня в одежде, запачканной чужой кровью, и теперь не имею никакого желания повторить прежний опыт, особенно если это кровь старшего инспектора Грея. Но решил, что разумнее будет не нервировать и без того обозленного жандарма. Даже идиоту понятно, что убойному отделу бросили циничный вызов, убрав одного из тех, кто вел самое громкое дело. И теперь кому-то придется очень быстро шевелиться, если, конечно, он не желает стать посмешищем для всего Рапгара и газет, а также сохранить свою должность.

— Прежде чем займемся убийцей, нам следует разрешить еще некоторые вопросы, чэр.

— Удивительно, что у вас голова занята еще какими-то вопросами, кроме того больного потрошителя, что убил вашего коллегу.

— Просто оказываю любезность серому отделу Скваген-жольца, — нехорошо улыбнулся Фарбо и толкнул дверь, возле которой в большой кадке стояла пальма.

Слова о сером отделе мне не понравились. При чем тут тайная жандармерия? Дело этих ребят — заботиться о здоровье Князя, ловить заговорщиков и уничтожать опасные для населения секты. Против Князя я никогда не выступал и ни в каких организациях не состоял.

В комнате, куда привел меня старший инспектор, хорошо обставленной, но не слишком просторной, сидели трое. Один был мне не знаком — светловолосый, кудрявый, совсем еще молодой чэр с глазами цвета индиго. Двух других я сразу же узнал. Тот самый хорек-маг, что едва не пристрелил меня в поезде и ловко сбежал, и старина жвилья, которого я

с таким удовольствием выкинул в окно.

Полет явно пошел ему на пользу: лицо — один сплошной синяк, а руки в гипсе.

— Какая встреча, — сказал я, разглядывая их, а они меня. — Примите мои поздравления, старший инспектор. Вам удалось меня удивить. Вы все-таки поймали этих... господ.

Фарбо осклабился, как акула, словно его мои слова позабавили, и вышел, плотно закрыв за собой дверь. Белокурый чэр в ответ на мое высказывание иронично поднял брови и встал из-за стола:

— Позвольте представиться, чэр эр'Картиа. Я Владимир эр'Дви. Должно быть, вы обо мне слышали.

Он протянул руку, мы обменялись рукопожатием. Разумеется, я слышал о страшном начальнике серых жандармов, но никогда не предполагал, что он настолько молод. По его располагающему к себе внешнему виду, дружелюбной улыбке и золотым очкам в тончайшей оправе никак нельзя было сказать, что именно этот лучэр является тем, кто бережет покой королевства от всяких недружелюбных сил, будь то внешние враги или внутренние.

— Присаживайтесь. — Он указал мне на единственное свободное кресло. — Позвольте вам отрекомендовать моих сотрудников. Лейтенанта Жофру, командира седьмого подразделения, работающего под прикрытием, и изначального мага второй категории господина Чокача.

Мир кардинальным образом изменился и встал с ног на голову. Выходит, эти господа никакие не задержанные, и в «Девятом скором» я оказал сопротивление сотрудникам правопорядка.

— Хотите что-нибудь сказать? — любезно поинтересовался эр'Дви.

— В общем-то нет.

Он рассмеялся и протянул мне высокий стакан, стоявший рядом с ним. Жидкость была бледно-голубого цвета и внешне очень походила на коктейль «Голубой океан», который так любит Катарина.

— Пейте. Это избавит вас от яда. На вас лица нет.

Да. Избавит от яда, а быть может, развяжет язык. Впрочем, чувствовал я себя действительно очень неважно, а потому не колебался. В стакане и впрямь оказался «Голубой океан», во всяком случае, вкус у него был точно такой же — мята, гвоздика, миндаль и цедра апельсина. Головную боль как рукой сняло.

— Вы много чего натворили за последнее время, чэр. — Белокурый начальник выдвинул ящик стола и вытащил оттуда объемную желтую папку. — Два раза за неполную неделю напали на сотрудников Скваген-

жольца при исполнении.

Жвилья, закованный в гипс, пронзил меня нехорошим взглядом.

— Один был грубо выброшен в окно и едва не погиб, другой умер, и еще неизвестно, по чьей вине. К тому же сегодня ночью вы покалечили офицера. Теперь месяца четыре хапле придется отращивать новую ногу.

— Попрошу учесть, что ваши сотрудники не сочли нужным мне представиться, — мягко напомнил я ему. — Я действовал по обстоятельствам, защищая свою жизнь.

Лучэр вздохнул, постучал пальцем по папке:

— За вами тянется длинный след, чэр эр'Картиа. Если вы считаете, что прошлое забыто, это не так.

— Поверьте, чэр эр'Дви, я буду последним, кто это забудет, — тем же тоном ответил я ему.

— Охотно верю. Я в курсе вашего дела, хоть и не вел его. Синий отдел и лично начальник Скваген-жольца дали мне его для ознакомления. Скажу сразу — у нас несколько иные задачи, чем у криминальных отделов, и они вам прекрасно известны. Но убийство чэра эр'Фавиа попало в сферу наших интересов, потому что это дело было связано с Князем. Тогда на вас было собрано досье. Хотите взглянуть?

Он вновь выдвинул ящик стола, вытащил новую папку, на этот раз серую, очень тонкую, и протянул через стол мне. Я с любопытством открыл и увидел чистый белый лист.

— Ничего, — прокомментировал начальник серого отдела жандармерии. — Вообще ничего. Идеальные характеристики, ровные социальные взгляды. Вы даже предпочитаете не обсуждать политику в разговорах. Она вам неинтересна. Не состояли ни в каких радикальных студенческих обществах, прошли мимо организаций, проповедующих чистоту крови лучэров, хотя вас и пытались туда заманить. Вы просто идеальный гражданин, чэр эр'Картиа, если, конечно, не считать того неприятного обвинения в убийстве и шести лет в застенках. Наши психологи говорят, что с тех пор ваш характер изменился, вы отказались от множества старых привычек и знакомств, ведете себя как затворник, практически ни с кем не дружите, кроме очень ограниченного количества преимущественно уважаемых в Рапгаре лиц.

— У вас отличные информаторы, — хмыкнул я.

— Благодарю.

— Если бы так работали в синем отделе, думаю, Ночной Мясник уже бы гнил в тюрьме.

— Не обольщайтесь, — отмахнулся блондин. — Этим делом

заинтересовался Князь, так что все наши резервы отданы в помощь отделу убийств. И поверьте — тоже ничего. Кем бы ни был этот зверь, следы он замечать умеет. Даже скрываясь от таких опытных людей, как серые жандармы. Но мы отклонились от темы, дорогой чэр. Ваша выходка в поезде поставила под сомнение содержимое этой тонкой папки. Вас начали подозревать в связях с организациями, которые в Рапгаре вне закона.

— С удовольствием послушаю ваши разъяснения столь нелепых обвинений.

— По словам моих сотрудников, вы оказали препятствие в задержании опасной преступницы. Но прежде чем принимать какое-то решение по данному вопросу, я хотел бы услышать вашу версию.

— Я всего лишь защищал перепуганную женщину от трех головорезов, двое из которых без колебаний применили оружие.

— Мы сочли вас ее пособником! — гневно сказал жвилья.

— А я счел вас убийцами, — пожал плечами я. — Для этого и создан этикет, господа. Вначале следует представляться. Или хотя бы стучать в дверь, а не сносить ее с петель, иначе вас неправильно поймут и возникнут всякие неприятные... казусы.

Вид у обоих моих бывших противников был такой, словно они проглотили тухлую крысу.

— Могу я узнать, в чем обвиняют эту девушку?

— А что она вам сама сказала? — любопытствовал эр'Дви.

Я рассмеялся:

— Что она сбежала с собственной свадьбы и ее преследуют мстительные друзья жениха.

— И вы поверили? — В глазах чэра появилось сомнение в моих умственных способностях.

— Разумеется, нет! Но это не значит, что ее испуг был ложным.

— О чем вы с ней говорили?

— Ни о чем. Я заказал ей чая с пирожными, она только начала успокаиваться, когда в мое купе бесцеремонно ворвались эти господа. Один, едва достав пистолет, отправился в окно, другой бросился в соседний вагон, я погнался за ним. Когда вернулся назад, девушки не было, а тот человек, которого я ткнул тростью, лежал мертвее мертвого.

— Хороший был сотрудник, — вздохнул эр'Дви. — Это он нашел ее...

— Так в чем же обвиняют девушку? — вновь спросил я.

— Оставьте нас, — попросил начальник.

Маг помог жвилья подняться, и они покинули кабинет.

— Все сказанное не должно покидать этот кабинет, чэр. Надеюсь, вы

понимаете?

Я молча склонил голову.

— Вы, разумеется, в курсе того, что несколько месяцев назад жандармы удачно расправились с боевой ячейкой Носящих красные колпаки?

— Да. Газеты об этом писали.

Ребята перешли границы дозволенного, в один день взорвали бомбы возле здания Комитета по гражданству, генератора пикли и в районе Иных. А затем подстрелили еще с десяток жандармов, прежде чем их перебили. С тех пор принято считать, что Колпаки Рапгар больше не побеспокоят.

— Эксперты в моем отделе считают, что нам удалось уничтожить лишь боевую группу, но верхушка, лидеры все еще на свободе.

Я пожалел, что здесь нет Талера. Он бы был рад, если бы это услышал. Наконец-то хоть одна из его нелепых теорий заговора сработала.

— Они легли на дно, но вряд ли отказались от своих идей. Вам ничуть не хуже меня известно, чэр эр'Картиа, что Рапгар многонациональный город. Мы все давно стали друг от друга зависеть, и розни, которую хотят посеять Носящие колпаки, никому бы не хотелось. Может пострадать спокойствие жителей, обостриться застарелая ненависть. Это прямое покушение на власть и порядок. У моего отдела и так полно дел, особенно если учитывать обострение отношений с малозанцами. Я вновь кивнул и вытянул ноги. Пока белокурый лучэр не сказал ничего такого, о чем бы я не догадывался.

— К нам поступила информация, что Колпаки готовят новый удар. На этот раз куда более серьезный, чем прежде. Поэтому нам важно найти и уничтожить их до этого момента.

— Очень похвальное и благородное дело, чэр. Но при чем та девушка?

— Эрин Виллоу, так она назвалась, хотя ни в одном списке граждан и в переписях населения такая не числится, до последнего времени являлась личным секретарем одного высокопоставленного чиновника.

По его серьезным глазам я понял, что имя он не назовет.

— Удивительно, — после недолгого молчания ответил я ему. — Каким образом на такую должность взяли не гражданку? Она что, не проходила стандартную в таких случаях проверку?

— Проходила, — неохотно сказал чэр эр'Дви. — Но не по нашей линии. А синие... синие остались удовлетворены предоставленными документами, которые конечно же оказались фальшивыми. Она проработала какое-то время, и один Всеединый знает, какие государственные тайны ей стали известны. Мы считаем, что Виллоу имеет

связи с руководящей верхушкой Носящих колпаки и может вывести на них. Когда девушка поняла, что обман раскрылся, то бросилась в бега. Но наша группа организовала преследование, и она со страху, видимо, не придумала ничего более умного, чем сесть на поезд, направляющийся обратно в Рапгар.

— С чего вы взяли, что девушка — преступница? Он начал загибать холеные пальцы:

— Подделка документов при поступлении на государственную должность — преступление. Воровство у начальника — пропали его личные вещи. Бегство от сотрудников серого отдела. Оказание сопротивления и, наконец, убийство одного из моих людей. Согласитесь, все это говорит само за себя.

— Разумеется, — сказал я, вспоминая мертвеца в своем купе. — Но я спрашивал о причастности к организации, которую в газетах принято именовать не иначе как террористической. Если за все преступления, названные вами ранее, ее ждет пожизненный срок в тюрьме, то за причастность к Колпакам — смертная казнь, практически без всякого намека на суд.

— У нас есть свои источники. Во-первых, так говорит ее начальник, а его слову, поверьте, достаточно весомому в этом городе, нет причин не верить. Во-вторых, один из наших агентов, внедренных в боевую ячейку, ту самую, что мы с его помощью уничтожили, опознал эту девушку по рисунку. Она встречалась с главарями организации. Так что вы, как настоящий чэр и верный гражданин Рапгара, — он обезоруживающе улыбнулся, — очень поможете следствию, рассказав все, что помните об этой девушке.

— Нет ничего проще, чэр, — сказал я и поведал ему историю нашего знакомства с Эрин, благо она не заняла много времени.

— Она называла вам какие-нибудь имена? Быть может, названия улиц или домов?

— Нет.

— Передавала какие-нибудь вещи?

— Нет. — Я даже глазом не моргнул.

Он разочарованно кивнул, посмотрел на исчерканный листок:

— Не видели ли вы у нее при себе украденных вещей? Янтарных бус, золотого кольца с алмазом или желтого шелкового платка?

— Видал платок.

Я опять не врал, но и не собирался говорить о том, что теперь эта вещь у меня.

— Что же, — сказал эр'Дви, вставая и протягивая мне руку. — Не смею вас больше задерживать, чэр.

Только тут до моего затуманенного мозга дошло одно несоответствие, но я, разумеется, промолчал. Рассказывать Владимиру эр'Дви о том, что на нас с Талером напали в роще, не слишком дальновидно. Тогда я считал, что за всем этим стоят те же самые люди, что устроили мне приключение в поезде, но если в экспрессе были агенты серой жандармерии, то кто стрелял в нас по дороге к Гальвиррам?

Вполне возможно, что кто-то из серых хотел меня припугнуть. Старина Талер ухватился бы именно за эту теорию. Изначальный маг, дорогое оружие — вполне подходит под теорию заговора. Но я не могу отбросить вариант, что Эрин интересовался еще кто-то, кроме тайной жандармерии Рапгара. Например, те же самые Колпаки. Хотя что-то не припомню, чтобы у носящих дурацкие колпаки было в привычках пугать. Они обычно без колебаний сразу брали махора за рога.

В любом случае среди этих господ был кто-то из волшебников. Это малоприятно, особенно если они приступят к более решительным действиям.

Но, как я уже говорил, сообщить что-то тайному отделу я не желал. Чэр эр'Дви очень прыткий и деятельный господин. Если его люди не стоят за спектаклем в роще, он обязательно приставит ко мне пару десятков назойливых соглядатаев, и моя жизнь будет испорчена на веки вечные.

Глава 9

НАЧАЛЬНИК И ПАЛАЧ

Фарбо скучал за дверью, дожидаясь меня. Когда я вышел, он придирчиво изучил чэра эр'Картиа и явно остался разочарован увиденным. Акула эр'Дви не оторвала мне ни руки, ни ноги, ни голову. Я был цел, невредим и в гораздо лучшем состоянии, чем когда входил в кабинет. Все-таки «Голубой океан» подействовал на меня благотворно, и парализующий яд хаплюпелмы (будь она неладна за то, что перепугала меня почище чем сгоревшая душа!) перестал меня донимать.

— Идемте, чэр. Здесь недалеко.

Он толкнул тяжелую соседнюю дверь, окованную медью. Пройдя насквозь две богато украшенные комнаты и еще одни медные двустворчатые двери, мы оказались в большом зале со стенами, оплетенными толстыми медными проводами, по которым, словно белки в колесе, носились пурпурные, наполненные молниями шары. Под полом глухо гудели генераторы, и я чувствовал их тепло даже через подошвы туфель.

Мы попали в так называемую катушку пикли, только в тысячу раз увеличенную. Эта штука буквально высасывала из тех немногих, кто владел магией, их способности, лишая возможности использовать волшебство в течение нескольких часов. В «Сел и Вышел» есть специальное крыло, где держат преступников-магов. Генераторы там работают безостановочно.

Чтобы пересечь зал, следовало пройти почти двести шагов под прицелами двух стационарных метателей пуль, за которыми несли стражу несколько жандармов в парадной форме. Пока добежишь до противоположных дверей, получишь в грудь и голову несколько фунтов свинца. Караул тоже был серьезный, словно я шел на прием к Князю.

Под взглядами охраны мы подошли к дверям, Фарбо по-приятельски поздоровался с офицером, вытащил из кобуры пистолет, опустил в жестяной ящик. Туда же отправились запасная обойма и нож.

— У чэра ничего с собой нет.

Офицер кивнул, но все-таки предложил мне пройти через сияющую желтым магнитную рамку, подключенную гофрированными шлангами к каким-то пыхтящим от пара цилиндрам. Таких штук я раньше не видел и

счел, что это новая разработка тропаелл.

Захлопнувшиеся за нами двери начистую отрезали гул генераторов.

— Пожалуйста, вашу левую руку, чэр, — попросил жандарм за маленьким столом.

Я заметил в его руках половинку браслета, на котором были лотос и цапля — переносная печать Изначального огня.

— И не подумаю! — нахмурился я и резко обратился к Фарбо: — Вы бы все-таки определились, старший инспектор, — подозреваемый я или нет!

— Успокойтесь, чэр эр'Картиа, дело совершенно не в этом, — миролюбиво развел он руками, хотя по глазам было видно, что он очень хочет, чтобы я оказался именно подозреваемым. — Стандартные правила законодательства, о которых вы просто не знаете. Из-за участвовавших в последние годы покушений на высших чиновников Рапгара введены беспрецедентные меры безопасности. Это всего лишь браслет, способный заблокировать ваш Облик и Атрибут, мы знаем, что вы ими владеете. И, как можете заметить, это не наручники и уж тем более не кандалы, которые вы должны помнить.

Я начал жалеть, что старший инспектор не составил компанию своему коллеге Грею.

— О да. Я очень хорошо их помню, — холодно сказал я ему, протягивая руку жандарму.

Тот приказал мне положить ее на специальный постамент, в углублении которого лежала нижняя половина браслета, и наставил на запястье верхнюю половину:

— Не шевелитесь, пожалуйста.

Он повернул тумблер, сверху опустилось что-то вроде выпуклой наковальни, полностью скрыв мое запястье. Заработал паровой поршень, раздалось два щелчка, и наковальня уехала в потолок. Полный браслет, половинки которого были скреплены клепками, оказался у меня на руке.

Все-таки некоторые господа слишком много внимания уделяют своему здоровью. Тот же эр'Дви, глава серых, ненавидимый всеми недовольными властью господами, и то пренебрегает столь надежной защитой. А уж ему-то стоит побережиться, в отличие от множества других бездельников у власти.

В следующем холле был еще один лифт. Мы поднялись на три этажа, слушая, как скрипят поднимающие кабину вращающиеся шестеренки. Фарбо хранил мрачное молчание до того, как не распахнул двери и не ввел меня в огромный кабинет, казалось занимающий весь этот этаж.

Кабинет этот был слишком дорог для обычного, пускай и старшего,

инспектора.

— Садитесь, — буркнул мой провожатый. — Диван у стола. Сейчас вас примут.

Окна здесь напоминали проемы в командной рубке броненосца, куда однажды мне довелось подниматься на экскурсию, когда я еще учился, — одно длинное, чуть выпуклое стекло тянулось вдоль стены. Отсюда открывался вид на Сердце, море, мост Разбитых надежд, противоположный высокий и скалистый берег Рапгара и расположенные там районы. Грузовой поезд, с такой высоты похожий на миниатюрную игрушку, оставляя за собой сизый шлейф дыма, пересекал мост.

Основную площадь помещения занимал неглубокий бассейн. Вместо воды на дне находился макет столицы, словно ты смотришь на нее с огромной высоты. Был виден каждый остров и каждый квартал. Сейчас в миниатюрном городе, точно так же, как и в настоящем, наступало утро и была осень. Если бы по улицам еще ползли миниатюрные точки — жители, то макет ничем бы не отличался от реального Рапгара.

Над столом, удивительно небольшим и невыразительным для такого огромного помещения, висел портрет Князя. Я сел на диван, и почти сразу же лифт звякнул. В кабинет вошел чэр Гвидо эр'Хазеппа, начальник Скваген-жольца.

Это был высокий, сильно лысеющий мужчина, с брюшком, заметным даже несмотря на плотный мундир. Густые баки и борода скрывали подбородок, но не мешали увидеть, сколь слабовольным и нерешительным казалось его лицо.

Эта вечная маска, которую эр'Хазеппа носил всю свою жизнь, не раз и не два служила ему отличной защитницей и помощницей в большой политике Рапгара. С самого начала его подъема по лестнице власти враги и конкуренты всегда отсеивали, на их взгляд, более сильных и опасных, оставляя «неопасного» старину Гвидо на закуску, и сами оказывались в пасти тру-тру. Гвидо был достаточно коварен, чтобы ударить в спину и не сдержатъ обещаний, если считал, что они идут во вред ему или его делу.

— Тиль, доброе утро. Хотя оно конечно же совсем не доброе. — Его лицо было таким же темным, как воздух в Дымке.

Он прошел мимо меня, едва заметно склонил голову на приветствие Фарбо и сел за стол, став мрачнее тучи.

— Два убийства за одну ночь, Тиль. Грей, располагавший сведениями больше всех нас и хоть сколько-то продвинувшийся вперед, мертв. Мы опять в самом начале пути.

Я знаю эр'Хазеппу с детства. Лучэр учился вместе с моим отцом и

дядей, дружил с ними всю жизнь, и для меня не секрет, что эту должность он получил не без помощи моего дядюшки, к вящему недовольству чэры эр'Бархен и чэров эр'Гиндо и эр'Кассо — той самой коалиции в Палате Семи, с которой так любил сталкиваться лбами мой родственник.

Во главе жандармерии эр'Хазеппа встал за двадцать лет до того, как меня обвинили в убийстве. Всей его власти тогда не хватило, чтобы вытащить меня из болота, в которое я угодил. Правда, в этом не было ничего удивительного — Гвидо хоть и чиновник высшего ранга, но не указ Палате Семи, а уж тем более Князю.

Когда я угодил за решетку, в дело влезла большая политика и Гвидо на время просто отодвинули в сторону. Так что, забыв в некоторой степени о благодарности тому, кто поставил его на эту должность, он не стал связываться с более серьезными хищниками. Эр'Бархен и ее банде было невыгодно упускать такой случай, чтобы не поквитаться со старым врагом.

Держу ли я за это на эр'Хазеппу зло? В первые месяцы заключения оно во мне было. Двое его лучших инспекторов, которых он назначил по приказу Палаты, оказались теми, кто, по сути, сфабриковал мое дело. Разумеется, у начальника Скваген-жольца не было выбора, это стандартная фраза тех, кто закрывает глаза и не хочет, чтобы его расплющил паровой каток интриг высшего света, но ведь выбор у нас есть всегда, правда? Впрочем, я не ищу некролог этого лучэра в газетах, на том и покончим.

Гвидо поднял на меня янтарные глаза, прищурился:

— Как поживает Старый Лис?

— Должно быть, хорошо.

— Вы так и не поговорили? — Он осуждающе наморщился.

— Как и вы. Когда вы в последний раз общались с дядюшкой, Гвидо?

— За день до того, как тебя казнили. Он сказал, что снимает с себя полномочия главы Палаты Семи.

Я промолчал. Что, собственно говоря, на это скажешь? Дядюшка был сердит, что из-за моей глупости и увлечения азартными играми пост, который он занимал столько лет, он может потерять в одно мгновение. Я, как всякий молодой эгоист, был зол, что Старый Лис слишком много думает о своей власти, а не о ближайшем родственнике. Так что мы расстались не в самых лучших отношениях.

— Ладно, — вздохнул эр'Хазеппа. — Давай не будем об этом сейчас. Есть гораздо более серьезные и не терпящие проволочек дела. Рассказывай, что случилось на улице.

Я рассказал, и Фарбо, стоявший у окна, иногда сверялся со своим драным блокнотом, внося туда поправки.

— Жуть какая, — скривился Гвидо. — У тебя железный желудок, Тиль. Мне хватило одного посещения прозекторской, где лежали останки предыдущих жертв, чтобы я на три дня забыл об обедах.

Начальник Скваген-жольца, который, когда мне было пять лет, катал меня на закорках, оглушительно ржа, словно обезумевший мерин, скрипнул зубами.

— Мы не будем предъявлять тебе обвинения. Как бы это кошунственно ни звучало, но тебе очень повезло, что этот проклятый Всеединым ублюдок убил сегодня еще одного человека.

— Если только они не работают в паре, — тут же заметил Фарбо.

— Мы не можем исключать такой возможности.

— Ну спасибо, — ровным голосом сказал я.

— Я думаю, ты и сам понимаешь, что следует проверить все версии, Тиль, — примиряющее пророкотал эр'Хазеппа. — Я знаю тебя с пеленок и дружил с твоей семьей. Именно поэтому мы не стали держать тебя в камере положенное по закону время. Хватит. Ты и так за свою жизнь натерпелся достаточно. Но я не стану закрывать глаза. Поэтому дай мне слово, что не покинешь Рапгар до окончания расследования.

— Слово чэра.

— Мне этого достаточно, — обрадовался тот. — Я распорядился, чтобы тебе купили одежду. Уходить отсюда в таком виде, — Гвидо ткнул толстым пальцем в тюремный комбинезон, — слишком вызывающе.

У Фарбо был такой вид, словно он проглотил кислый лимон:

— Хочу напомнить вам, чэр, что Грей следил за чэром эр'-Картиа.

— Вот как? — оживился я. — Так вот почему я нашел его тело. Он шел за ложным Ночным Мясником, а наткнулся на настоящего.

— Из имени Гальвирров от него пришла записка, что он нащупал след. И умер через несколько часов, в десяти метрах от вас!

— Старший инспектор, вы подозреваете не того, — печально вздохнул я. — Жизнь вас так ничему и не научила, и вы второй раз загоняете себя в ту же ловушку. Вместо того чтобы заниматься поимкой настоящего убийцы, в совершенно оскорбительной форме обвиняете меня, только для того, чтобы доказать всему обществу, что и в деле «Черный журавль» вы не ошиблись.

Его лицо стало багровым:

— Вы...

— Я глубоко соболезную, что вы потеряли друга, господин Фарбо, — в моем голосе не было слышно ни капли этого самого соболезнования, — но не собираюсь терпеть необоснованных подозрений. То, что меня застали на

месте преступления, не значит, что я убийца. Даже несмотря на наличие у меня амниса, способного вырезать из плоти воздушные замки. Думаю, вы и сами понимаете, что у вас недостаточно улики.

— Это пока.

— Что же, — еще сильнее опечалился я. — Можете и дальше терять время, тратить на меня бесконечные резервы Скваген-жольца, а настоящий убийца в этот момент отправит в Изначальное пламя еще десяток ни в чем не повинных жертв. От себя хочу сказать, что, как и в прошлый раз, я не виновен.

Не знаю, что пытался доказать Грей и зачем за мной шел. Возможно, хотел припугнуть после нашей ссоры в доме Катарины. Но об этом я жандармам рассказывать не собираюсь. Фарбо и так скоро все узнает.

— А у тебя самого есть какие-то соображения о том, что случилось? — мягко поинтересовался эр'Хазеппа.

Несмотря на миролюбивый дружеский тон, глаза у него были неприятно-пронзительными.

— Вы о том, что делал рядом со мной старший инспектор Грей? Не имею ни малейшего понятия.

— А о самом убийстве? Ведь ты внимательный, возможно, заметил что-то, ускользнувшее от нас.

По лицу Фарбо было видно, что от него уж точно ничто не могло ускользнуть, но спорить с начальником он не стал и, засунув блокнот в карман пиджака, вновь уставился в окно, заложив руки за спину.

— Убийца, кем бы он ни был, не довел задуманное до конца.

Эти двое переглянулись, словно я только что сказал, будто знаю слова, которые способны распахнуть двери Княжеских усыпальниц. Старший инспектор подобрался, словно охотничья собака, почуявшая дичь. Того и гляди бросится.

— Почему вы так решили? — резко бросил он.

— Потому что я его спугнул, — пожал я плечами. — Он услышал меня и дал деру. Обычно в такие моменты чего-то обязательно не успеваешь. С учетом того, что это... существо любит порядок, пускай и несколько... хаотический, мне кажется, что он не достиг на этот раз... совершенства в этом вопросе.

— Ты прав, — кивнул Гвидо. — Он не успел разобраться с головой. Раз ты его спугнул... Вы приказали оцепить и прочесать район, старший инспектор?

— Не было нужды, чэр, — хмуро ответил ему Фарбо. — Все считали, что хаппопелма поймала Ночного Мясника. Констебль, который

присутствовал при задержании, уже принимал поздравления с присуждением звания и награды. Когда я прибыл на место, было уже поздно что-то предпринимать.

— Он опять от вас ушел! — внезапно рявкнул эр'Хазеппа и шарахнул кулаком по столу так, что подскочила чернильница. — Сгоревшие души, Александр! Вы понимаете, что и ваша, и моя карьера висят на волоске?! И мэр, и Князь требуют решительных действий! А этот господин ускользает от вас после каждого убийства! Просачивается сквозь пальцы, словно призрак! Весь Скваген-жольц станет посмешищем для города! Уж газеты этого не упустят, вам ли не знать! Если смерть Грея просочится в прессу, это будет форменным позором!

— Мы делаем все возможное...

— Значит, недостаточно делаете! С сегодняшнего дня я подключаю к расследованию серый отдел, раз криминальный не может справиться с этой задачей!

Фарбо, понимая, что спорить бесполезно, лишь кивнул. Он был не слишком рад, что я стал свидетелем того, как его ругает начальство.

— Вот, Тиль. — Главный чиновник Скваген-жольца подписал бумагу и протянул мне. — Это пропуск. Постарайся поменьше ходить ночами. Потому что, если тебя еще раз встретят поблизости от трупа, даже моей власти не хватит, чтобы тебя выпустили.

Фарбо, еще более молчаливый, чем обычно, проводил меня до самого первого этажа, где мне дали одежду — очень приличный костюм, сшитый словно по моим меркам. Судя по ткани и качеству работы, Гвидо выделил на него собственные деньги. Что же, такой жест доброй воли заслуживает моей благодарности.

— Когда переоденетесь, чэр, вам прямо по коридору. Покажете дежурному жандарму пропуск, — на прощание сказал старший инспектор.

— Благодарю. Где мне забрать моих амнисов?

— Их выдадут вам на проходной, чэр. Доброго дня. — Ему не терпелось покинуть мое отвратительное общество.

— Старший инспектор, — окликнул я его, когда он уже закрывал дверь. — Откройте секрет. Почему я оказался на свободе?

— У вас влиятельные друзья, чэр, — натянуто улыбнулся тот.

— Семь с половиной лет назад их влияния не хватило, чтобы сохранить мне жизнь и свободу.

— Но вы свободны и покамест живы.

— Мое оправдание до сих пор находится под покровом тайны. Что случилось? Почему Скваген-жольц изменил свое решение?

— Разве вам не хорошо от того, что последние годы жизни вы проведете не в тюрьме?! — резко спросил он, утратив всю вежливость. — Послушайте, чэр эр'Картиа. Буду с вами откровенен. Вы не любите меня, я не люблю вас, но даю вам совет — не влезайте в государственные тайны. Даже я не имею к ним доступа и удовлетворился теми же обтекаемыми и ничего не значащими формулировками, что и вы. Появились неопровержимые улики, и точка. Всего доброго, чэр.

Он ушел, оставив меня в одиночестве и задумчивости. Я переоделся в костюм, в котором не стыдно показаться на люди, и пошел к западной проходной, той, что сразу выводила на Церковную набережную, менее многолюдную, чем центральный выход.

Старенький жандарм провел меня в хранилище, проверив выписанную эр'Хазеппой бумагу, достал из-под стола специальный ящик, истыканный блокирующими печатями, выдернул из крышки медные гвозди.

Меня тут же затопило ощущение невероятного облегчения, что я жив. Анхель, ненавидящая замкнутые пространства, забыв о своем раздражении, радовалась, что со мной не случилось ничего страшного.

— Ну наконец-то! — ворчливо воскликнул Стэфан, когда я вытащил его из узилища. — Я уже начал предполагать самое худшее! Как ты смог их убедить?

— Потом, — односложно ответил я ему и попросил жандарма: — Снимите браслет.

— Кладите руку, чэр. — Старик кивнул на аппарат. Вновь зашипел пар, и я потер освободившееся запястье.

— Благодарю.

— Распишитесь в журнале.

Я взял гусиное перо, поставил автограф:

— Всего доброго.

— Всего доброго, чэр. Не забудьте пропуск. Отдадите его офицеру у выхода.

Теперь, немного отойдя от беспокойства за меня и понимая, что все гораздо лучше, чем она предполагала, Анхель затряслась от негодования. По ее мнению, у жандармов вообще не было причин задерживать меня и вести себя столь бесцеремонным образом. Стэфан как можно деликатнее напомнил соратнице, что она оттяпала лапу хапле и сотрудники Скваген-жольца поступили еще очень демократично. Но Анхель проигнорировала его слова, с ожесточением сказав, что жалеет лишь о том, что не оттяпала паучихе голову.

Уже возле самого выхода я нос к носу столкнулся с Владом.

— Пересмешник! — пробасил он, «сверкнув» щербатой улыбкой, которая показалась мне немного неловкой. — Я услышал, что ты здесь с визитом.

— Встретил Фарбо по дороге? — Я пожал его лапищу.

— Он мрачен и зол. Я слышал о Грее. Жаль его, хоть инспектор и был порядочным ершом. Всех мало-мальски важных персон вызвали на экстренное совещание подразделений. Судя по доставленному фиоссой сообщению, к нам присоединят серых.

— В данной ситуации это неплохо.

— Ты просто не знаком с Владимиром эр'Дви. Он пьет кровь, словно десяток завью.

Влад выше меня на полторы головы, шире в плечах и выглядит грузным, начинающим оплывать толстяком, мышцы которого постепенно превращаются в жир. Ходит он всегда осторожно, чтобы ненароком никого не задеть и не пришибить. Его руки, каждая толщиной с добрый жвильский окорок, без труда сгибают штуки пожестче подков, и о физической силе лучэра, который, как и мой славный дядюшка, избрал для своего жительства пустующую улицу в Темном уголке, ходят легенды. К тому же, несмотря на свои очень внушительные габариты, мой друг отличается удивительным проворством и реакцией. Однажды на спор он поймал за хвост мяурра, без труда прошедшего Круг Когтей. А это о чем-то да говорит!

Одет он, по обыкновению, неброско, а его коричневые ботинки, как всегда, не чищены.

— У тебя неприятности? — Его гладкое, слишком красное лицо, чем-то напоминающее лицо младенца, которого лишили бровей, выглядело обеспокоенным.

— Нет. Ну во всяком случае, я на это надеюсь, — сказал я, не спеша ничего рассказывать.

Он и сам обо всем узнает.

— Могу я чем-то помочь?

— Эр'Хазеппа уже взял эту почетную обязанность в свои руки, — улыбнулся я. — Как сам?

— *Buvons, chantons et aimons*,^[24] как говорят жвилья, мой друг. Все как всегда. Работы, на мое счастье, немного. Рогэ скучает.

Я бросил мимолетный взгляд на торчавшую из-за широкого плеча друга длинную, оплетенную черной кожей рукоять меча. Амнис Влада никогда мне не нравился. Эта надпись, протянувшаяся вдоль всего

клинка, — Jus vitae et necis^[25] внушала мне некоторую... неприязнь.

— Хотел у тебя спросить — ты не в курсе, сейчас Скваген-жолыц ставит на учет всех изначальных магов?

— Мало того. Quod principi placuit, legis habet vigorem.^[26] Князь давно прибрал всех к рукам. А в чем дело?

— То есть таких, кто не на учете или не служит государству, не существует? — продолжал любопытствовать я.

— Послушай, Пересмешник, — нахмурился Влад, и его пепельно-серые глаза стали очень подозрительными. — Мне не нравится твой интерес. Что задумал?

— Праздное любопытство.

Он пронзил меня еще одним недоверчивым взглядом и расстегнул верхнюю пуговицу грубой рубахи:

— Знаю я, куда приводит такое любопытство.

Он заворчал, словно раздраженный медведь, и неохотно ответил:

— Я не лезу в дела департамента по учету магии Рапгара. Академия Доблести не любит праздного любопытства. Но насколько слышал разговоры — незарегистрированных не существует. Конечно, не все работают на нас, или армейских, или мэрию. Есть те, кто вышел на пенсию. Рогэ вот уточняет, что если маг прошел регистрацию, то та же Фиона эр'Бархен без труда проверит, использовал ли тот волшебство. Ты же знаешь, в последние годы все эти чудеса не на очень хорошем счету.

Я кивнул. Анхель, невзлюбившая Рогэ за то, что этот амнис со мной сделал, хранила ледяное молчание, хотя в былые годы они были не разлей вода.

— Надеюсь, я смог ответить на твой вопрос.

— Вполне, — сказал я, не став продолжать «допрос».

— Тогда я с твоего позволения пойду. — Он промокнул вспотевшую лысину платком. — До встречи, Пересмешник.

— Доброго дня, Влад.

Он поспешил к лифту, а я пошел своей дорогой, на выходе показав пропуск дежурному и думая о том, что мы за те месяцы, что я обрел свободу, так толком и не встретились. Что, впрочем, и неудивительно при той смешной ситуации, что нам приготовила жизнь.

Мы не могли называться друзьями, скорее, очень хорошими товарищами, несмотря на то что Влад был старше меня на пятнадцать лет. Мы многое делали по жизни вместе, часто встречались в одних шумных компаниях, играли в карты и в общем-то относились друг к другу с

должным уважением. Пару раз я выручал Влада из неприятностей, однажды он не дал одному кохетту в Яме проломить мне голову железным прутом.

Затем случилось та неприятность в «Черном журавле», суд и казнь. Единственный палач лучэров Влад эр'Лио и его амнис — меч Рогэ, созданный для того, чтобы лишать таких, как я, благословения Изначального огня, выполнили вердикт суда и предписание Палаты Семи.

Я до сих пор помню глаза Влада — единственное, что не было скрыто черной маской. Он очень не хотел это делать, но не мог отказаться. Вся ситуация была достаточно жестокой по отношению к чэрам, которые хорошо знали друг друга.

После Влад несколько раз приходил ко мне в тюрьму, но беседы у нас так и не получилось. Он чувствовал свою вину в том, что убил меня, пускай и отсроченной смертью. Я пытался уверить его, что уж на кого не держу зла, так это на палача Скваген-жольца, но ему от этого не было легче.

В сложившейся ситуации мы стараемся избегать друг друга и не тревожить старые воспоминания. С учетом того, что Влад живет достаточно закрытой жизнью и почти не выходит в свет, это несложно.

Я вышел на улицу, посмотрел на небо. Оно было таким же пасмурным, как мое настроение.

Глава 10

ДАНТЕ

— «Лугг и Хаувер» производит хорошие модели, но не уверен, что имеет смысл использовать их в предстоящей дуэли. Точность на большом расстоянии тебе не понадобится. Здесь лучше хорошая убойная сила. Возможно, подойдет что-то из короткостволов. Но точно не «И-грех». Кохетты не умеют делать нормальные пистолеты. Та дрянь, что они продают малозанцам, опасна для самих владельцев, а не для их противников. Возможно, тебе стоит остановить свой выбор на «На-рхе» и...

— Талер, заткнись, пожалуйста! — попросил я его. — У меня от тебя сейчас голова взорвется. Ты совсем помешался на оружии.

Он нервно облизал губы и осторожно сказал:

— Я понимаю, что тебе тяжело, но хочу всего лишь помочь.

— Мне не тяжело. Мне невыносимо. Ты уже больше часа без остановки перечисляешь модели и особенности каждого из существующих в мире пистолетов. Умоляю тебя — оставь это. Я целиком и полностью доверюсь твоему выбору в этом вопросе, мой друг. Для этого совершенно не обязательно рассказывать мне родословную каждого оружейника.

На самом деле настроение мое нельзя было назвать отличным. Как это говорится в Рапгаре — Талер подстрелил парочку подкинутых ему ворон. Разумеется, я не рассчитывал, что капитан Витнерс откажется от дуэли, и нисколько не боялся того, что должно было произойти. Истинному чэру не стоит бояться таких мелочей, как выяснение вопросов чести. Но я хотя бы рассчитывал на то, что вокруг нас не соберется толпа из богатых зевак. А именно это и случится по тому соглашению, что заключил старина Талер.

Дуэль назначена на завтра, сразу после боев на Арене, и будет проходить в Доме Чести, а худшего места просто не найти. Все, что творится внутри, станет достоянием всех любопытных Рапгара. Витнерс решил устроить показательный спектакль, и наивный Талер, в отличие от меня, счел эту идею превосходной.

— Думаю, это неплохая идея — свидетели. Никто не посмеет тебя потом обвинить, что ты ведешь нечестную игру.

— Я не рад, что с помощью магии картинку происходящего увидят все желающие!

— В этом есть свои плюсы. Когда ты победишь...

— То есть ты уже априори считаешь меня победителем? — удивился я.

— Ну... — Он помялся. — Я на это надеюсь.

— Осторожнее с надеждами, они приводят к разочарованиям, — сказал я, наматывая себе на ладонь желтый платок Эрин.

Я часто думал об этой девушке. Не знаю, насколько был прав Владимир эр'Дви насчет нее и Колпаков, но мне вся эта история казалась полным бредом. Что-то здесь не сходилось. Я нюхом чуял какую-то фальшь.

— Меня несколько беспокоят твои навыки, Пересмешник. Когда ты последний раз практиковался в стрельбе?

— Вчера, — тут же, не думая, ответил я ему и глазом не моргнув.

Скажи я что-нибудь иное, и он точно испереживается за мою дальнейшую судьбу.

— Ладно врать-то, — проворчал Талер и с тоской посмотрел на опустевшую тарелку, где совсем недавно лежала целая гора еды. — Слушай, можно еще кофе и сэндвич?

Несмотря на свою худобу, мой приятель лопает так, словно у него вместо желудка бездонная дыра.

— Конечно, — сказал я и позвал Шафью.

Она пришла, как всегда босиком, облаченная в ярко-желтое сари, с серебряными браслетами на запястьях и щиколотках, пахнущая ароматическими маслами своей далекой страны. Талер тут же плотоядно на нее уставился.

— Попроси, пожалуйста, Полли накормить страждущего.

— Конечно, саил. — Она стрельнула в Талера темными, густо подведенными сурьмой глазами и вышла.

— Как ты думаешь, полковник все-таки был прав?

— У тебя просто мания какая-то, — усмехнулся я. — Будь она ревари, мне пришлось бы повысить ей жалованье. Я в жизни не видел, чтобы она держала в руке нож.

Он разочарованно вздохнул и потер виски. Иногда мне кажется, что Талер вовсе не спит. Вот и сегодня он пришел в гости ни свет ни заря, подняв меня с постели. Кстати говоря — это еще одна причина, почему мое настроение нельзя назвать превосходным. Погода была не ах, и я собирался хорошенько выспаться.

— Я навел справки: капитан семь раз входил туда, один раз вернулся ни с чем, пять раз дело закончилось трупами, один раз — его ранением. Так что, в отличие от тебя, Витнерс будет там чувствовать себя как дьюгонь в

озере.

— Прекрасно понимаю.

— Два пистолета у каждого. По шесть зарядов в барабане и еще шесть патронов дополнительно. Пули на твой выбор. Никаких Обликов, никаких Атрибутов, никакой магии.

Вернулась Шафья с подносом, на котором стояла тарелка с яичницей, приготовленной с зелеными мидиями и лорски-ми травами, тосты с джемом, сыром «Парвэ» и яйцом и полный кофейник. Талер степенно поблагодарил и не начинал есть, пока девушка не ушла. Все это время он пожирал ее восхищенным взглядом.

Мы проговорили еще минут сорок, когда мой друг вспомнил об очередном важном деле и вскочил с места:

— Увидимся завтра. На Арене. Катарина, кстати говоря, тоже будет. Спасибо за завтрак.

— Постой, — попросил я его, сходил в кабинет и вернулся с подарком:

— Твоя новая шляпа.

— О! — обрадовался он. — В точности как моя прошлая! Даже еще лучше! Спасибо.

Довольный и сытый, он ушел, а я посидел в задумчивости еще с минуту, затем пошел в кабинет, обсудил со Стэфаном последние новости, убрал платок Эрин в стол и решил нанести визит в берлогу к старине Данте. Мы не виделись уже две недели, и я рассчитывал, что его пытливый ум хоть сколько-то поможет мне решить загадки. Обычно беседы с ним наводят меня на новые мысли.

В Дубовом зале я встретился с Эстер. Стафия заворуженно смотрела на то, как с ветвей падают листья. Она у нас еще та созерцательница. Падающие листья, пламя на кончике свечи или капли воды заставляли ее предаваться размышлениям. Я бы дорого дал за то, чтобы узнать, о чем думает и что вспоминает фамильный призрак, но тактично ни о чем не спрашивал. Вот и сейчас неслышно прошел мимо, не потревожив ее.

Бласетт восседал в холле, перед дверью, сторожа неуловимых преступников и раскладывая на шахматном столике карты.

— Смотрю, твои руки не забыли прежних навыков, — сказал я ему.

Он подскочил, поправил пенсне, стараясь скрыть смущение. Уши у него стали такими же бордовыми, как парадные мантии сынов Иенала.

— Старые привычки тяжело забыть, чэр. Порой до сих пор еще тянет сыграть. Я гораздо более слаб духом, чем вы.

Я ничего не сказал старому шулеру. Не было нужды, да он и сам все понимал. Прежние страсти требуют обуздания, и не всегда возможно

набросить на них крепкий поводок.

— Когда вы вернетесь, чэр?

— Не могу сказать, Бласетт. Не раньше обеда. Он взглянул на часы:

— Хорошо, чэр. Я передам Полли насчет обеда. Доброго дня.

— Доброго дня, Бласетт.

Он распахнул дверь, секунду ошеломленно молчал, разглядывая гербарий из осенних листьев, нескольких кусочков отбитого кирпича и лопнувшего рыбьего пузыря, а затем со страданием в голосе произнес:

— Это крысы, чэр. Несомненно, гадские крысы.

— Ты так считаешь? — Я поднял бровь и перешагнул через мусор на крыльце. — Меня начинает интересовать, кому я так мелочно насолил, если он так мелочно пачкает мою окружающую действительность.

Бласетт кликнул Эстер, возмущаясь, отчего она, хранящая дом, никак не может поймать гнусного хулигана, но стафия так и не появилась. Ее работа — ловить тех, кто забрался в особняк, а не тех, кто шныряет по улице.

Выйдя из ворот, я посмотрел на пряничный домик чэры эр"Тавиа и конечно же обнаружил, что почтенная дама наблюдает за мной в окно. Я снял шляпу, приветствуя старую леди, и, как всегда, не дождался никакого ответа.

— Старая вешалка, — проворчал Стэфан. — Совсем выжила из ума. А в молодости она была писаной красавицей.

— Охотно верю. — Я подождал, когда мимо проедет повозка, нагруженная строительным мусором.

Рабочие продолжали безжалостно разламывать старый дом в конце улицы.

Миновав несколько парков, где почти не было людей, я вышел на широкий проспект, ведущий в сторону Академии Точных Наук, и добрался до трамвайной остановки, хотя у меня была возможность несколько раз взять свободные повозки.

Стал накрапывать мелкий дождь, несколько незначительных капель упало мне на шерстяной пиджак. На остановке, под навесом, скопился целый выводок лохматых детишек ка-га. Они отчаянно пищали и играли в игру «выпихни соседа под дождик». Один из них, с тяжелым школьным ранцем за плечами, вылетел из толпы, точно пуля, плюхнулся на рельсы. Тут же вскочил и с разгона, словно снаряд, влетел в кучу товарищей. Некоторые из них, не удержавшись на ногах, с визгливым хохотом шмякнулись на мостовую. Возня продолжилась, но дождь, так и не успев начаться, прекратился.

— Свежие ужасающие новости! Ночной Мясник снова вышел на охоту! Кошмарное предсказание таинственного пророка исполнилось! Скваген-жольцу нанесли звонкую пощечину!

— Купи газету! — попросил Стэфан.

— Зачем? Мы и так знаем, о чем там пишут, — возразил я ему, но все-таки подозвал продавца и приобрел «Время Рапгара».

— В Скваген-жольце утечка, — сказал я, изучив первую полосу, — эр'Хазеппе следует проверить своих сотрудников. Кто-то продает информацию журналистам.

— Не удалось утаить убийства? — рассмеялся Стэфан.

— Вот именно. Теперь весь город знает, что Мясник не успокоился и зарезал следователя, который вел его дело. Думаю, Гвидо ждут большие неприятности.

— О тебе что-нибудь пишут?

— Нет, — сказал я, пробежав глазами по строчкам. — Ничего. Мнения авторитетных экспертов о происходящем в городе, карикатура на жандарма, под носом у которого орудует убийца, выступление пресс-секретаря криминального отдела и... пожалуй, все. Ну разумеется, поднимается вопрос о том, что Скваген-жольц не может защитить мирных граждан от преступника.

В этот момент со стороны Каскадов подошел трамвай — желто-алое двухэтажное чудовище, грохочущее на узких рельсах ничуть не хуже паровоза. Дребезжа и трезвоня в звонок, он подкатил к остановке, опустив «рога», которыми держался за электрический провод, висящий над дорогой.

— Уи-и-и-и! — восторженно завопили восседавшие на крыше ребята из маленького народца. — Трясущий рельсоход! Звонящий громкозвон! Искрящий рогомолний!

Во время резкой остановки один из них не удержался и свалился с крыши, но друзья вовремя схватили его за тунику и, пища, словно цыплята в коробке, втянули обратно. Никто на это буйное безумство не обращал внимания.

Но лобовом стекле трамвая был номер «1». Я вошел в него следом за семенящими и похрюкивающими на своем языке детенышами ка-га. Вагоновожатым был седовласый старик в чистом светло-зеленом мундире с золотыми пуговицами. Я купил у него билет первого класса, получил корешок зеленого цвета, пробил его на входе, поднялся по стальной лестнице и сел возле окна. В салоне кроме меня был еще один пассажир — иеналец в бирюзовой мантии. Он читал книгу и даже не поднял глаз, когда

я вошел.

Трамвай дал длинный дребезжащий звонок (на крыше его шумно приветствовали маленькие безбилетники), где-то внизу загудели механизмы, и сложная машина двинулась по улице.

В Рапгаре три трамвайные ветки. Одна начинается в Старом месте, идет через Каскады и Олл в Небеса. Вторая проходит через Кайлин-кат, Золотые поля, Небеса и заканчивается возле порта и старого вокзала. А третья, самая короткая, проходит порт, Старый парк, Проходной остров и завершается в Сердце, возле Центрального вокзала.

Еще пять лет назад фургоны на рельсах таскали лошади, но конкам пришел конец, когда тропеаллы совместно с пикли придумали новый вид транспорта, а предприимчивые ка-га, как это уже бывало раньше, вложили деньги в рискованный проект и теперь получают неплохие дивиденды. Пока по веткам ходит по две электрические машины, но уже к следующему году их количество обещают довести до четырех и протянуть рельсы в Маленькую страну и через мост Разбитых надежд на ту сторону города в Прыг-скак, к университету Маркальштука и к Холмам.

Впрочем, эти грандиозные планы, на мой взгляд, осуществляться очень не скоро. Пикли стараются вовсю, но производимого ими электричества не хватает и на то, что есть, не говоря уже о чем-то большем.

Разумеется, такое расширение новой техники не всем нравится. Особенно извозчикам. Трамвай, конечно, дороже, чем их услуги, но теперь самые экономные предпочитают ездить, вскочив на подножку.

Я перевернул газету, внимательно изучил некрологи. Инспектор Грей был среди тех, кто отправился в гораздо лучшие места, чем Рапгар. Анхель ощутила мое настроение и попросила не унывать.

— Теперь, когда один из них умер, что ты чувствуешь, мальчик? — вкрадчиво поинтересовался Стэфан.

— Ничего. Представляешь? Никакой радости нет и в помине.

— Ее и не должно быть. Только пустота.

— Ты знал, что так будет? — уныло спросил я, глядя в окно.

— Предполагал, — ответил амнис — Твой прадед положил половину жизни, чтобы закопать своего кровного врага. И когда это случилось, он не был рад. Пустота никогда не может заменить цели, Тиль.

Я кивнул, соглашаясь, и тут же сказал жестким, стальным голосом судьи, озвучившим мой приговор:

— Но я не отступлюсь до тех пор, пока не узнаю имя настоящего убийцы. Сейчас это то, что заставляет меня жить.

И он, и Анхель деликатно промолчали, не желая больше ворошить эту

тему.

До того как мы достигли моста Небесных врат, трамвай останавливался на четырех остановках, высаживая немногочисленных пассажиров. Маленький народец каждый звонок приветствовал радостными воплями. Кажется, эти личности могли кататься до посинения или до тех пор, пока у пикли не кончится электричество в их подземных банках.

Трамвай миновал мост через Канал мечты. Над островом Скала вновь бушевала гроза, и шаровые молнии носились вокруг спиралевидной башни пикли, словно карусель в парке аттракционов Прыг-скока.

Я подумал об Алисии, красивой девушке с изумрудными глазами, которая живет недалеко отсюда. Я впервые вспомнил о ней с тех пор, как мы расстались. Это было удивительно, особенно если учесть, что Алисия — это все то, что только может быть нужно мужчине. Но мои мысли занимала Эрин. И вот это было странно. Голубоглазая человеческая девчонка ни по красоте, ни по характеру, ни по своему отношению ко мне ничуть не была похожа на благородную лучэру и проигрывала ей по всем критериям. И вместе с тем я страстно желал увидеться с девушкой из поезда вновь.

Анхель, правильно расценив мои эмоции, холодно отметила, что это всего лишь банальное любопытство, и ничего более. Мой амнис после общения с Клариссой искренне считала, что от большинства женщин ничего хорошего ожидать не приходится.

Когда мы проехали всю северо-западную часть Небес, светлую, ухоженную, дремлющую в червонных объятиях осени, я вышел, и ало-желтый трамвай с маленькими безбилетниками на крыше, прощально звякнув, укатил прочь.

Дом Данте — ослепительно-белый четырехэтажный особняк с мраморными колоннами, высокой лестницей и обширным дубовым парком, пристроился между морем, с которого открывался вид на Сердце, и казармами гвардии Князя.

Большие кованые ворота были, как всегда, открыты. Старина Данте редко запирает двери, считая это совершенно излишней тратой времени. Он искренне верит, что никто без приглашения к нему в гости не заберется и ничего не украдет.

Что же. Его вера основывается на серьезных причинах, и одна из них — Облик лучэра, а другая — два старых каменных господина, что встречают любого проходящего в эту обитель разврата, неги и великосветских бесед.

Прямо перед крыльцом, на квадратных постаментах, восседают две каменные горгульи. Каждая семи футов ростом, тощая, с хищной зубастой мордой-черепом и распахнутыми за спиной огромными крыльями. Они зеркально отражают друг друга, лишь с той разницей, что у одной отбит мизинец на левой руке.

— Явился! — усмехнулась правая и немного изменила свое положение на постаменте, наклонившись ко мне. — Привет, Не Имеющий Облика.

— Здравствуй, Ио, — поздоровался я с амнисом.

Данте, хитрый парень, еще во времена своей молодости разыскал тело мертвого стоуна,^[27] вырубил из него две приличные глыбины и отдал на растерзание Фионе эр'Бархен. В итоге он стал владельцем двух амнисов крайне скверного характера, но, благодаря уникальному материалу, способных самостоятельно передвигаться.

— Гляжу, твоя свита с тобой. Привет, Стэфан. Все еще не в Изначальном пламени? А? — Горгулья расхохоталась.

Стэфан высказался достаточно обидно, и Ио, все еще смеясь, показал ему неприличный жест. Анхель, защищая партнера, послала амнису угрожающее предупреждение, и тот сразу же перестал валять дурака. И Ио, и Зефир ее побаиваются.

— Хозяин дома?

— Вчера был дома. Сегодня вроде не выходил, — пожал плечами Ио. — Слушай, Не Имеющий Облика, оставь газету. Страшно охота знать, чего пишут про убийцу.

— Не слышу слова «пожалуйста».

— Пожалуйста, — сказал он, оскалившись во все восемьдесят с лишним острых зубов, и протянул когтистую лапу.

Я отдал ему «Время Рапгара», и тот, разом забыв о гостях, погрузился в чтение. Горгулья, изучающая свежую прессу, — несколько комичное зрелище. Впрочем, тот, кто видит это впервые, вполне может решить, что он сошел с ума или, по крайней мере, что ему мерещится. Иногда Ио, шутки ради, нацепляет на нос очки и застывает в задумчивой позе с какой-нибудь книгой из многочисленной библиотеки Данте. Неподготовленные гости остаются с открытыми ртами.

Впрочем, невинные шутки Ио не идут ни в какое сравнение с забавами Зефира. Этот частенько любит покинуть постамент, подкрасться ночью к забору и сквозь прутья примитивно крикнуть «Бу!» несчастному прохожему.

— Эй! Зеф! — сказал Ио, когда я уже преодолел половину лестницы. — Гляди, чего писаки напридумывали!

— Пшел ты, — сказал второй амнис, не меняя своего положения. — Я сплю.

— Да ладно тебе! Хватит дуться! Здесь интересно!

— Говорю же — пшел! Я с тобой сегодня не разговариваю!

— Научись считать, тупоумный! Вчера была твоя очередь патрулировать территорию! Я не обязан слезать с пьедестала из-за твоей лени.

— Сам ты недалекий упырок.

Дальнейшие обзывания отрезала захлопнувшаяся у меня за спиной толстая дубовая дверь. Я осмотрел огромный светлый холл с античными статуями и втянул носом воздух. Едва ощутимо пахло опиумом и... кровью.

Нахмурившись, я миновал одно помещение, вошел в следующее, осторожно толкнув тростью дверь. На бирюзово-белом полу в луже крови лежал человеческий труп.

— Крайне рекомендую уйти, — мрачно сказал Стэфан.

— Угу, — сказал я, впрочем не собираясь этого делать. Во всяком случае немедленно. — Он не похож на слугу.

— Я заметил. Но это не повод здесь оставаться. Если Данте опять забыл о лекарстве...

Дальше он решил не продолжать. Я хмыкнул. Анхель с тревогой начала проверять окружающее пространство на предмет опасности. Мертвецу кто-то разорвал горло, причем сделал это без всякой утонченности.

— Он двигается быстрее тебя, — напомнил мне Стэфан. У старины Данте есть одна небольшая проблема. Когда он принимает Облик, то становится немного... опасным для окружающих. Поэтому он пьет лекарство, которое дает ему возможность контролировать себя даже после трансформации. Но частенько, особенно после бутылки абсента и кальяна с опиумом, чэр эр'Налия забывает о предписаниях врача, и тогда желательно находиться от него как можно дальше. Поэтому перед очередным загулом Данте отпускает слуг по домам, так как однажды из-за собственной небрежности лишился отличного шеф-повара жвилья.

Я видел своего друга в Облике лишь однажды и могу сказать, что спасся от этой машины убийства только потому, что стал невидимым и сиганул в окно со второго этажа.

Я начал пятиться назад, к входной двери, выбрался на крыльцо. Ио и Зефир все еще переругивались.

— Эй, ребята! — окликнул я их. — Хозяин опять забыл о лекарстве?

— Ты о мертвяке? — словно сова, повернул ко мне голову Зеф. — Это ворюга какой-то. Сам нарвался.

— Почему вы его не задержали?

— Было гораздо веселее наблюдать, какой сюрприз его ждал внутри, — нехорошо рассмеялся Ио. — Только это не хозяин. После хозяина обычно ошметки приходится с потолка оттирать. Зефир очень любит этим заниматься.

За это он заработал злобный взгляд от своего приятеля.

— Кончайте корчить из себя придурков! — рассвирепел я.

— Да мы и не корчим! Говорим же — не хозяин это. Кто-то из гостей развлекался, — смиренно пояснил Зефир. — Ио. Иди. Выброси тело.

— Сам выброси. Я читаю.

— Хрена ты читаешь, обезьяна!

— Иди вначале яму выкопай, истеричка малолетняя, а потом уже распоряжения давай. — Ио не поднял глаз от газеты.

Я покачал головой и вернулся в дом.

— Глупо, — сказал Стэфан. — Мало ли что они сказали. Вполне шутка в их стиле. Если Данте в Облике и без лекарства, нам лучше прийти в другой раз.

Анхель в кои-то веки была с ним согласна. А вот я — нет.

— Не думаю, что они шутят. Понимают, что хозяин их тогда в мелкие крошки разотрет.

— Тебе уже будет все равно. Твое неумное любопытство... — начал было амнис, но вздохнул, решив, что убедить меня не получится.

Я вернулся в комнату с мертвецом. Судя по всему, убили его еще ночью. Тем вора, что рискуют ограбить лучэра, не позавидуешь.

В гостиной был накрыт большой стол, большинство бутылок из-под вина, виски и абсента стояли пустыми. Вчера здесь проходила шумная гулянка. Я заметил легкое шевеление под столом, и с удивлением увидел двух малышей из маленького народца. Они забрались в зал через распахнутое окно и теперь таскали остатки ужина, объедаясь пирожными.

Меня они проигнорировали. Решив, что Данте не обеднеет, если уличные воришки немного подкрепятся, я, продолжая сохранять осторожность, направился в спальню.

Прислушался к глухой тишине за дверью, на всякий случай, соблюдая приличия, несколько раз стукнул тростью и, в общем-то не ожидая ответа, вошел.

Здесь, несмотря на день за окном, из-за тяжелых портьер царил мягкий полумрак, и глазам потребовалось несколько секунд, чтобы различить

большую кровать с балдахином.

— Если тебя не затруднит,пусти свет в мою обитель, Пересмешник, — обратился ко мне Данте вялым голосом.

— Охотно, — сказал я, открывая окна.

— Который час?

— Достаточно поздно, чтобы покинуть постель, — усмехнулся я.

— Ну значит, так я и поступлю, — раздалось из-под вороха тяжелых одеял, и появилась золотоволосая голова моего друга.

Кудрявые волосы Данте находились в полнейшем беспорядке, а сам он походил на сонного филина.

— Пересмешник, благослови тебя Всеединый. Я едва не проспал день.

— На что еще нужны друзья? — в тон ему ответил я.

Он ухмыльнулся, зевнул, вылез из кровати, совершенно обнаженный добрался до стула и, взяв с него бархатный халат, оделся. На вид Данте не дашь больше пятнадцати — златокудрый подросток с атлетической фигурой, нежным аристократичным лицом и алыми глазами. Он вполне неплохо сохранился для своих ста с лишним лет.

Теперь, когда он вылез из постели, переворотив все одеяла, я увидел в кровати одну существенную деталь, ранее от меня скрытую. Прекрасное бедро, изумительно длинную ногу и великолепную спину, по которой рассыпались огненно-рыжие, длинные, немного вьющиеся волосы.

Рыжая. Что может быть прекраснее рыжей? Я, ошеломленный красотой этого совершенства, покачал головой.

— Познакомься. — Данте небрежно махнул рукой на девушку. — Это Бэсс. Бэсс, это Тиль.

Красотка с живота перевернулась на спину, ничуть не стесняясь, гибко потянулась и, улыбнувшись, распахнула глаза. Я тут же забыл о ее привлекательности, и мое лицо окаменело.

Глаза у девушки были черные, а зрачки вертикальные, как у змеи, и красные. Полукровка. Плод связи лучэра и низшей. То, что обычно живет в Городе-куда-не-войти-не-выйти.

Я не слишком жаловал этих немногочисленных созданий. Они порочны, жестоки, безжалостны и очень опасны, особенно если считают тебя своим врагом, добычей или жертвой. Сущность, спрятанная за прекрасной оболочкой, не всегда очаровательна и мила, хотя я слышал, что бывают и исключения из правил. Но с такими я никогда не встречался.

Присутствие в постели у Данте низшей объясняло мертвеца на первом этаже. Понятно, кто разорвал горло грабителю.

Девушка улынулась полными губами, и я увидел сверкнувшие клыки:

— Я не нравлюсь чэру. — У нее было завораживающее контральто.

Бэсс села, набросила на грудь простыню, с вызовом и насмешкой посмотрела на меня странными глазами. Прекрасное создание, окутанное огненной медью волос, способное в один миг превратиться в безжалостное чудовище.

— Тиль не слишком жалуется ваше племя, это правда. Он считает, что вы слишком любите пускать кровь.

— Ко мне это не относится. Уверю вас, чэр, — искренне сказала она.

Но у меня перед глазами все еще лежал труп с разорванным горлом.

— Идем, Пересмешник. — Данте протяжно зевнул и поманил меня за собой. — Спальня не самое лучшее место для светских бесед. Бэсс, ты не будешь скучать?

— Нет, — ответила низшая. — Я, с вашего позволения, еще поваляюсь.

Не дожидаясь ответа, она зарылась в одеяла.

— Низшая и с рыжими волосами, — пробормотал Стэфан.

— Привет, Стэфан. Привет, Анхель. — Атрибут Данте — способность слышать чужие амнисы. — Ты, как всегда, совершенно прав, мой старый друг. Бэсс состоит в родстве с Крадущей детей. Если быть более точным, она ее дочь.

Крадущая детей — страшная сказка на ночь для всех, кто не слушается маму и папу. Демоническое отродье, иногда приходящая в этот мир из Изначального огня и столь же быстро исчезающая вместе со своими трофеями — маленькими детьми.

— А кто ее отец? — Стэфан было попытался высказать свои размышления на этот счет, но Данте бесцеремонно его перебил:

— Какая, собственно говоря, разница? Главное, что леди хоть куда. Она настоящий товарищ, Пересмешник. Если ты только преодолеешь привычную неприязнь высшего к низшему, сразу это поймешь.

— Извини, но это не так просто.

— Ха! — Полы его халата волочились следом за ним по полу. — После того, что с тобой случилось, ты все еще связан социальными рамками. Не спорю, многие из них вполне хороши, но некоторые очень мешают заглянуть за горизонт. Ты же знаешь эти не слишком умные варианты — «но если я это сделаю, что обо мне подумают окружающие?» А не плевать ли на них, Пересмешник? Какая разница, что думает стадо разумных обезьян, если оно, это самое стадо, хочет испортить тебе жизнь и лишит того, в чем ты так сильно нуждаешься? Лично я бы ни за какие деньги не стал отказываться от того, что мне нравится, лишь для того, чтобы

потешить наше гнилое общество. Чтобы они надули щеки и важно сказали: да, ты все делаешь правильно и тебя одобряет большинство.

— От тебя-то он и набрался революционных идей, — проворчал Стэфан.

— Видно, недостаточно набрался. — Данте привел нас в комнату для гостей и небрежно махнул мне в сторону мягкого дивана. — Он всегда старается судить человека не по его внутреннему состоянию, а по внешности и крови.

— Глупости! — возмутился я, садясь на подушки и кладя трость рядом с собой. — Я сужу по поступкам, а твоя Бэсс убила парня. Мертвец до сих пор валяется внизу и портит твой ковер.

— Что с того? — Данте развалился напротив, лениво пригладил непослушные золотистые кудри. — Ковер всегда можно заменить. Шучу-шучу. Несчастный подонок сам виноват. Влез в чужой дом, попытался спереть фамильное серебро, мешок с его добычей лежит на кухне, можешь убедиться, если хочешь. Было очень забавно наблюдать, как он силится поднять такой вес. Признаюсь честно, я бы даже отпустил его, но он заметил Бэсс и бросился на нее с ножом, решив избавиться от свидетельницы. Что ей было делать? Дать себя зарезать? На это ответить мне было нечего.

— Налить тебе вина? — поинтересовался Данте, вскакивая с места. — Мне вчера доставили пару ящичков великолепного десертного напитка. С Кируса.

— Благодарю, лучше кальвадос, — отказался я.

— Ну как желаешь. — Он налил рюмку кальвадоса мне и бокал сладкого светло-коричневого вина себе. — Кстати, я говорил тебе, что купил виллу на Кирусе? Рядом с Пофисом, прямо на берегу моря.

— Не слишком удачное вложение капитала, — покачал я головой, принимая рюмку. — С учетом внешнеполитических обострений с Малозаном война может начаться в любой день.

— Война — это не повод не покупать недвижимость. Даже если та находится в эпицентре событий. Всегда можно получить хорошую страховку от ка-га.

— От них порой выплат по акциям получить нельзя, а ты о таких вещах, как страховка, рассуждаешь! — рассмеялся я.

Он рассмеялся в ответ, но его алые глаза, вопреки обычаю, были серьезны:

— Если честно, все это начинает мне надоедать. — Он провел рукой в воздухе, словно обводя весь мир. — Эkleктизм царит в умонастроениях.

Люди забывают прошлое, отказываются от него без всякой жалости, без всякого ума и ждут прихода нового, золотого века. Эры открытий. Ждут триумфа науки, не видя, что становится только хуже. Воздух и вода грязнее, войны жестче, цены выше, жизнь хуже. Возьми тот же маленький народец — с началом эпохи прогресса они вымирают тысячами. Им тяжело приспособиться к таким быстрым изменениям мира. Как и многим другим, кстати говоря. Считаешь, что это ворчание старика?

— Нет, — сказал я ему. — Я думаю точно так же. Прогресс, который захватил мир, может вывести нас совсем не такой прямой дорогой, как об этом рассказывают оптимисты и секта Божественных шестеренок. Данте фыркнул, отхлебнул вина:

— Мне не все нравится в магах, видит Всеединый, в них много такого, за что следует сразу отправлять на свидание с амнисом Влада, но мир при них был проще. Здесь я соглашусь с сектой Детей Чистоты, пусть эти безумцы и хотят загнать нас в пещеры и дикие леса. Вот уж где лоно первозданной природы. — Он желчно рассмеялся. — Князя сделали ставку на прогресс и тропеалл и не проиграли. Мы получили десятки удобств, включая то же самое электричество. Но поколение за поколением становится более изнеженным. У меня сохранились воспоминания о прошлых деньках, было множество крови и грязи, но я был уверен, что через сто лет мир не взорвется от очередного изобретения тропеалл. — Он с некоторым ошеломлением покачал головой. — У меня все еще остались знакомые «наверху». Половине из них грядущая война выгодна — заводы и фабрики будут работать на полную мощность. Другой половине это и даром не нужно. Одни рады, что есть кому пустить кровь, другие ропщут. Первые хотят нажиться на найденном в недрах Кируса веществе и дать пинок под зад прогрессу, чтобы тот уже не неся, а летел над землей, уподобившись дирижаблю. Вторые пытаются вставить палки в колеса паровой машине и убедить Князя: что бы ни хранил в себе Кирус — это не причина влезать в крупномасштабный конфликт. Страсти раздирают политиков на части, но почти никто не знает об этом. Газеты заняты примитивным убийцей, Ночным Мясником. Скваген-жолыц ловит его, пытается выстроить систему, понять сумасшедшего, не догадываясь, что зло хаотично. А отвлеченные на бытовые убийства люди даже не видят, что под их носом решается история и судьба мира.

— А ты-то сам на чьей стороне и чего хочешь? Каковы ваши политические взгляды на будущий год, чэр?

— Политика? — Он скривился. — Вот уж уволь! Разумеется, мне иногда доставляет удовольствие посмотреть, как скорпионы дерутся в

стеклянной банке, но это быстро приедается. Меня не устраивает ни один из возможных вариантов. Война — это зло. Проигрыш и укрепление сильного и враждебного соседа — не меньшее зло. Технологии рванут вперед — получим вместо дымящих фабрик еще какую-нибудь серьезную дрянь. Магия сможет укрепить пошатнувшиеся позиции — конфликт разгорится с еще большей силой, а я, разумеется, как и все остальные, потеряю трамвай или горячую воду в трубах. Так что в данном случае Данте эр'Налия решил стать фаталистом, положиться на решение Всеединого и посмотреть, что будет дальше. Вообще я подумываю сбежать из Рапгара на месяц. Рвануть в горы Жвилья. Снег, лыжи, горячее вино и сыр. Минеральные источники. Говорят, они полезны для здоровья и дарят долголетие.

— Вот уж о чем тебе не стоит беспокоиться, так это о долголетию, — рассмеялся я, отставляя пустую рюмку из-под кальвадоса и жестом отказываясь от новой порции. — Но идея сменить обстановку не лишена привлекательности.

— Составишь мне компанию? — оживился он.

— Не могу, — покачал я головой. — Ты же знаешь.

— Считаешь, что все-таки найдешь убийцу, — понимающе кивнул он. — Тиль, давай я скажу тебе то, что уже не раз говорил вместе со Стэфаном. Этот, вне всякого сомнения, гнусный негодяй очень ловок. Пока ты сидел в тюрьме, я потратил целое состояние, чтобы узнать для тебя хоть что-то. Я не смог выведать даже обстоятельств преступления. Дело сразу получило красную метку, ушло в серый отдел и навеки легло в стол Князя. Не вытащишь. Не под что копнуть. Не за что зацепиться. Нет ни одной ниточки, кроме твоих обрывочных воспоминаний, а этого недостаточно. Упаси Всеединый, я не говорю, что надежды нет, надежду кует тот, кто стремится к цели, разрезая волны лжи и обыденности, но за семь с половиной лет ни я, ни ты, ни Скваген-жольц не продвинулись ни на дюйм.

Он задумчиво покрутил серебряное кольцо на среднем пальце левой руки, изображавшее голову Двухвостой кошки с сапфировыми глазами и сапфировой гривой в виде пламени. Данте всегда предпочитает помнить о смерти и о том, что соратница Всеединого ходит где-то рядом.

— Убийца, кем бы он ни был, хорошо спрятался, Пересмешник. Единственный вариант — прийти к Князю и потребовать рассказать все, что ему известно по этому делу. Но вряд ли это разумный поступок. Все настолько секретно, что даже ты не знаешь причин, по которым тебе вернули свободу. Хотя я считаю, что ты-то обязан знать правду. Впрочем, тебе сейчас надо заботиться о завтрашнем дне. Я вопросительно поднял

бровь:

— Тебе уже известно?

— Пфф! Всеу городу известно! Это такой же факт, как и катакомбы под Рапгаром. Только о тебе и говорят. Даже до моей берлоги дошли слухи. Ты не рыцарь в белых доспехах, Тиль, а жизнь — это не сказка. Здесь могут и убить.

— Я, конечно, намного младше тебя, Данте, но не надо учить меня прописным истинам. Я вполне осознаю риск.

— Совсем не осознаешь, — не согласился он. — Иначе бы убил этого грубого господина еще до начала дуэли. Я навел о нем справки — он оставил за собой множество трупов, к тому же является хорошим знакомым так нелюбимого тобой главы Палаты Семи. Впрочем, ты и подлое убийство — это из области тех самых сказок о рыцарях в белых доспехах. Я, когда был молодым, тоже считал себя не таким циничным ублюдком, каковым являюсь сейчас. Буду надеяться, что ты все-таки помнишь, как следует держать пистолет, и, в отличие от того лейтенанта...

— Капитана, — поправил я его.

— Неважно. Буду надеяться, что, в отличие от него, ты все-таки несколько умнее. Потому что тебя обвели вокруг пальца, словно упитанную утку, которую заставили летать над поляной с охотниками. Осталось лишь подняться в небеса, и тебя подстрелят. Возможно, я очень подозрителен и еще более циничен, чем думаю, но, на мой взгляд, эр'Гвидо еще та злобная скотина. Он до сих пор помнит, чей ты родственник, и не прочь отомстить бывшему сопернику, несмотря на прошедшие годы. Фиона эр'Бархен, невзирая на все свои недостатки, не столь мелочна, и порой даже я начинаю жалеть, что она не заняла место эр'Гвидо. Так что держи ухо востро завтра.

Он прервался, так как в комнату вошла Бэсс. На этот раз девушка была полностью одета, а ее прекрасные волосы собраны в два толстенных хвоста и перекинуты на плечи. Длинная вельветовая черная юбка, алая блузка, черный женский жилет, черные перчатки, черная плоская шляпка и алый зонтик. Крупные круглые бусы из черного оникса украшали ее шею. Она была не лишена изящества и обладала прекрасным вкусом.

— Мне пора идти, — обратилась рыжая к Данте. — Увидимся завтра.

— Ты поставила на нашего друга пару лишних фартов? — поинтересовался Данте.

Она таинственно улыбнулась и весело посмотрела на меня:

— Разумеется. Если быть точной, то три сотни.

— Удивлен оказанной честью, — пробормотал я. Сумма действительно была очень приличной.

— Считаю, что у вас есть все шансы помочь моему бедственному финансовому положению.

— О, Тиль не подведет! — Данте все это жутко забавляло.

Ему было очень интересно, когда мои нормы приличий дадут трещину и я поставлю низшую на место, как это сделал бы любой из лучэров. Племя Бэсс в Рапгаре котируется на уровне скангеров и чуть-чуть недотягивает до дна, где живут лишь тру-тру. Многие чэры считают, что низшие полукровки, рожденные от связи с прекрасными порочными тварями, приходящими в наш мир из самого сердца пламени, хуже тараканов и крыс, забравшихся в твою тарелку. В большинстве своем я считал точно так же, мне приходилось сталкиваться с этим племенем несколько раз и не сказать, чтобы я был в восторге от общения с ними. Низшие как дикие звери — никогда не поймешь, какой фокус они выкинут. Любезность может в любой миг закончиться клыками, впивающимися в твое горло.

Но если Данте считает, что я не могу быть вежливым, то он не прав. К тому же лично мне эта привлекательная острозубая девушка ничего не сделала. А свои предрассудки по поводу рас и народов я уже давно научился смирять. Так что я сказал:

— Мне бы вашу уверенность.

Бэсс звонко рассмеялась, надела очки в красной оправе с темными стеклами, чтобы скрыть глаза, и неожиданно наклонилась ко мне, обдав утонченным ароматом духов, в котором смешивались запахи миндаля, фрезии, жасмина и цитрусовых, чмокнув в щеку:

— Я верю в чемпионов и героев. Удачи, чэр Пересмешник. Рыжая бестия оставила нас, прежде чем я успел вымолвить хоть слово. Стэфан возмущенно фыркнул, Анхель хранила удивительное и несвойственное ей молчание, а Данте звонко и восторженно расхохотался:

— Правда, она прелесть?!

— Где ты ее нашел?

— Мы с отцом Бэсс были добрыми друзьями, — сказал он, перестав смеяться.

Я больше не стал поднимать тему Стэфана о лучэре, которого привлекла красота Крадущей детей. Мне ровным счетом неинтересны подобные сплетни. Видно одно — Данте доверяет девушке, а для меня это лучшая рекомендация.

Я заметил на его столе стопку книг, верхняя из них привлекла мое внимание золотым переплетом. Я жестом спросил наливающего себе уже третий бокал вина Данте, могу ли ее посмотреть.

— И ни в чем себе не отказывай. — Сегодня у него было отменное

настроение.

На обложке я разглядел тщательно выписанный многоугольник, точную копию с герба Князя и надпись на языке первых лучэров. Буквы я знал и прочесть их мог, но вот понять — увольте.

— Стэфан, ты как известный полиглот... Что означает *рименендус аф-хашигир*?

Я почувствовал, как Анхель выражает свое сомнение в правильности моего произношения.

— Наверное, там написано рименендас аф-хашидин, — поправил меня амнис.

— Возможно.

— Тебе все-таки стоило бы пройти лингвистический практикум в университете вместо той финансовой ерунды, что ты изучал в перерывах между гулянками, — укорила меня моя трость. — Книга называется «Возвращение».

— Если быть более точным к нюансам, то «Дорога на возвращение». Тиль упустил два артикля, — негромко добавил Данте. — Между прочим, запрещенная книга, и таковой является уже несколько веков. Связана с магией, нашей династией, Всеединым и сгоревшие души еще знает с чем. Случайно обнаружил ее в одном из шкафов вместе с остальными раритетами.

— Решил изучить на досуге?

— Я?! Вот уж чего я не собираюсь делать, так это листать запрещенную литературу, которую к тому же давно прочитал! Просто на меня вышел один любитель подобного барахла. Я решил его осчастливить, благо мне в доме и так хватает пыли. Ты голоден? — оживился лучэр, — Слуг я распустил, но мы можем сходить в «Водоворот». До него всего двадцать шагов. Мне обещали, что сегодня будут отличные морепродукты. Идем?

— С удовольствием.

— Вот и славно! — обрадовался он.

Я ждал, пока Данте переоденется и вернется, и думал о том, в чем разница между чтением запрещенной литературы и вручением ее другим людям. В любом случае внимание серого отдела обеспечено. Я задал этот мучивший меня вопрос, когда мой друг вернулся, облаченный в дорогой бежевый костюм в полоску.

— Разница в том, что в голове не остается ничего запрещенного, — усмехнулся он. — Так что никакой волшебник и никакая лампа чтения тропалл не выудит из моей памяти ничего ценного. Это огромный и

несравнимый плюс по сравнению с банальным штрафом.

— Кстати говоря, всего пару дней назад я уже имел счастье читать на старом языке моих предков, — произнес я и рассказал ему историю о Ночном Мяснике.

Данте слушал, забыв о завтраке, задумчиво щуря алые глаза и то и дело кивая. Наконец он сказал:

— Выходит, этот несчастный ублюдок не только любит кровь, но и старые языки. Интересно. В Скваген-жольце об этом, разумеется, уже знают, а значит, его ищут.

— Что-то не вижу, чтобы они хоть немного продвинулись, — сказал я, спускаясь вместе с ним по широкой, украшенной мифическими грифонами лестнице. — Кто, кстати говоря, сейчас владеет каноническим языком Всеединого?

— Их гораздо больше, чем кажется на первый взгляд. Я и Стэфан — тому примером. Как тебе старина Данте на роль Ночного Мясника? — рассмеялся он.

— Пока ты принимаешь лекарство, я за тебя спокоен. К тому же почти все лучеры старой крови умеют на нем читать. Вряд ли жандармы начнут беспокоить высочайших чиновников, уважаемых граждан и благороднейших из благородных Рапгара, — не согласился я.

Труп мертвеца лежал там же, где и раньше. Ни Зефир, ни Ио и пальцем не пошевелили, чтобы от него избавиться.

— До поры до времени так и будет. — На тело Данте не обратил никакого внимания. — Точнее я бы сказал, что жандармы начнут рыть и копать под всех, но с уважаемыми чэрами постараются проделать все так, чтобы они даже не заметили внимания к своим персонам. К тому же следует проверить и другие категории граждан, знающих такой язык: историков, герольдов, архивариусов, коллекционеров, антикваров, священников, профессоров и преподавателей университетов, лингвистов, возможно, студентов, ну и, наконец, просто странных людей, которые не нашли себе более интересного занятия. Как видишь, мой друг, список очень велик. Есть над чем подумать.

На крыльце тоже ничего не изменилось — амнисы без устали продолжали переругиваться, но стоило появиться Данте, как они оба заткнулись.

— Тело убрать, — негромко произнес мой друг.

— Да, хозяин, — подобострастно сказал Ио и наперегонки с Зефиром поспешил в дом.

— Совсем обленились, — проворчал Данте. — Надо переселить их в

кольцо или курительную трубку. Тогда оценят, что такое сидеть без движения. Сегодня я угощаю.

— В честь чего? — недоуменно нахмурился я.

— В честь твоей завтрашней дуэли. Я желаю накормить свою скаковую лошадь.

— Ты тоже поставил на меня?

— Верно, Пересмешник. Верно. Букмекеры словно с цепи сорвались. Витнерс фаворит, на кону большой куш, так что я не преминул принять участие.

— И сколько?

— Сорок тысяч.

Мне хватило выдержки не споткнуться:

— Ты мне льстишь.

— Я просто умею зарабатывать деньги, мой друг.

Глава 11

АРЕНА

— Не надо так волноваться, — укорил меня Стэфан, когда я доставал запонки для свежей рубашки.

— Я не волнуюсь, — огрызнулся я, посмотрев на свинцовое небо.

Осень в этом году была донельзя хмурой. Право, жаль.

— Можешь обманывать кого угодно, но только не нас, — сказал амнис. — Мы знаем тебя с момента твоего первого крика в этом мире. Не волнуйся. Все будет хорошо.

Анхель постаралась успокоить меня на эмоциональном уровне, но получалось у нее из рук вон плохо. Я редко становлюсь восприимчив к ее попыткам отрегулировать мое настроение.

С бабочкой пришлось повозиться чуть дольше, чем обычно. Я опаздывал и знал это, ругался про себя и на себя, что вожусь так долго, хотя встал еще до рассвета, но внешне старался оставаться спокойным. Во всяком случае, для всех, кроме двух моих самых верных слуг. Когда Стэфан вновь начал говорить мне, что все будет хорошо, я вежливо предложил ему найти себе иное занятие, заметив напоследок:

— Ты вечно забываешь, что я уже не мальчик.

— Это твоя первая дуэль. Да еще в таком месте, как Дом Чести. Совершенно естественно, что тебе немного не по себе.

— Ну у меня не было возможности пострелять в соотечественников из-за того, что на двери моей камеры была печать Изначального огня. Она держит лучера лучше всяких кандалов.

Я чувствовал себя как перед выпускными экзаменами в университете. Сосет под ложечкой и бросает то в жар, то в холод. Такого со мной не было ни во время объявления приговора, ни во время казни.

Я знал, что это довольно быстро кончится, и старался не обращать внимания. В доме повисла тревожная тишина ожидания, хотя я ничего не говорил никому из тех, кто здесь живет. Слухи хуже скангеров. Распространяются со скоростью кровавой чумы.

Наконец, закончив с приготовлениями, надев перчатки и убрав Анхель за пояс, я поспешил на улицу. Там меня ждал фаэтон, любезно предоставленный Данте, и мне не надо было ломать голову над тем, как добраться до воды.

Бласетт протянул мне тонкий шарф из магарской пашмины, который я намотал на шею, помог облачиться в короткое легкое полупальто и, блеснув пенсне, с достоинством произнес:

— Ужин будет накрыт к вашему возвращению, чэр.

— Спасибо, Бласетт.

— Всего доброго и удачи. Полли просила сказать, что помолится за вас Всеединому.

— Передай ей мою благодарность.

Я вышел на улицу, вопреки своим ожиданиям не увидев привычной кучки мусора на крыльце. То ли неизвестному хулигану надоело заниматься одним и тем же, то ли он решил перенести это на более позднее время.

Чэра эр'Тавиа вновь несла вахту возле окна, высматривая тех, кто обижает ее любимых кошек. Меня она проводила тяжелым взглядом, проигнорировав приветствие, словно я был в своем Облике и меня не было видно даже в упор.

Стэфан хранил молчание, Анхель старалась не показывать, как она за меня боится, и ее эмоции сменялись быстрее, чем стрекоза машет крылышками.

Фаэтон достаточно быстро доставил меня до набережной на западе от моста Небесных врат. Здесь было полно частных лодок. Мне следовало всего лишь пересечь залив — это гораздо быстрее и легче, чем ехать через четыре моста, центр города и половину юга Рапгара. Я нанял чернобокую шлюпку на паровом ходу, с двумя «беличьими» колесами по бортам. Суетливый капитан встал к штурвалу, его помощник, молодой махор, на головах которого едва-едва оформились рога, спустился в трюм и начал кидать уголь в топку. Длинная черная труба задымила, колеса неохотно зашлепали по воде.

Задним ходом мы отошли от берега, развернулись и, ускоряясь, поплыли вдоль острова Туманов. Я стоял на носу быстроходной посудины, вдыхая свежий ветер и наблюдая, как туда-сюда по морю, словно водомерки, связывая между собой две части Рапгара — северную и южную, — скользят проворные лодчонки с пассажирами и грузами.

Из гавани порта с помощью раскрашенных в оранжевые полосы буксиров величаво выходил шеститрубный многоэтажный ослепительно-белый лайнер постройки ка-га. Ему предстоял долгий извилистый путь по морскому фьорду, в оконечности которого находился наш город, в открытое море. А затем дальше. В Жвилья, Кохетт, а быть может, одну из наших колоний.

Тяжелые тупоносые баржи, неуклюжие и медлительные, груженные рудой, железом, углем и древесиной, плыли на запад, к Тухлой бухте и Складскому берегу — воротам в Дымок и Пепелок. Обрато ползли баржи с грузом и товарами фабрик и заводов. Мы прошли рядом с одной из них, покрытой копотью и сажей, едко и неприятно пахнущей. На краю ее борта толпились ребята из маленького народца.

— Великий пых-пых-пых! Везучий шлеп-шлеп-шлеп! — Заметив меня, они замахали руками, началась суতোлка, и одна малышка едва не упала за борт.

Я рассмеялся и помахал им в ответ. Все-таки эти создания Всеединогo — одни из самых чистых душою существ среди тех, кто населяет мой город. Во всяком случае, от них не стоит ожидать подлостей.

Капитан моего суденышка начал заворачивать вправо, по широкой дуге обходя остров Нелюбимый, на котором расположился Темный уголок — самый непопулярный и страшный район Рапгара. Острые черные шпили большей частью пустых и заброшенных зданий были похожи на зубы сгоревших душ или на кладбищенский частокол. Места, где по легенде Всеединый вышел в мир и ушел из него, простой люд боится как огня. Я не буду умалять опасность этого района, она, конечно, есть, но гораздо меньшая, чем в западных регионах столицы, где мразь живая намного опаснее мрази потусторонней. Но слухи и легенды создают Темному уголку отличную репутацию, и большинство граждан старается держаться от него подальше.

Справа показался высоченный мост Разбитых надежд. Проплывающие под ним кораблики выглядели сущими крошками. Южный берег приблизился, вырос в размерах. Мы пошли вдоль него, к востоку Прыгскока, в Гавань. Там скал не было, и мне совершенно не нужно будет утруждать себя хождением по бесконечным лестницам или садиться в гондолу веревочного подъемника, ворот которого крутят махоры.

Сильно пахло морскими водорослями. Несколько дьюгоней, наполовину высунувшись из воды, чистили решетку трубы водозабора. Нашу лодку они проводили раздраженными взглядами. Это племя искренне считало, что только они имеют право плавать.

Чашеобразная Гавань — естественная стоянка для больших кораблей в этой части города — была забита до отказа. Во-первых, потому что сегодня открылся новый сезон игр. Во-вторых, из-за того, что здесь пришвартовался «Холм Света» — новейший броненосец Рапгара, недавно спущенный со стапелей и теперь проходивший ходовые испытания. Новый флагман нашего флота, закованный в толстенную броню и грозящий всему

миру огромными орудийными башнями, даже в хмурый день сверкал позолотой и выглядел величественным. Его постройка стоила правительству кучу денег, продолжалась почти пять лет и именно из-за этого корабля Рисах был не в ладах с главой Палаты Семи Патриком эр'Гиндо. Последний считал, что деньги можно было потратить с гораздо большим смыслом, но Князь на этот раз прислушался не к лучэру, а к своему советнику.

Лодка замедлила ход, пристала к берегу, я расплатился с владельцем и поспешил туда, где стояли свободные экипажи. Над водой и берегом летали воронки.^[28] Еще несколько дней — и они, покинув Рапгар, полетят в более теплые края, чем наши.

Возле входа в большой парк, тянущийся вдоль берега через весь Прыг-скок, проповедовал очередной безумец. Их в нашем городе пруд пруди. Этот, судя по черной рясе, красному жесткому воротничку и золотому поясу, относился к новому религиозному течению, появившемуся меньше года назад. Ребята отрицали Всеединого и поклонялись какому-то огненному богу, живущему в пучине моря. Вели они себя неагрессивно, и поэтому никто особо не обращал на них внимания — ни зеваки, ни жандармы. Церковь, разумеется, осуждала еретиков, но как-то вяло. Ее больше беспокоили «Свидетели Курса Праведности» и «Общество Реформации», чем жалкая кучка сбежавших из сгоревшей два года назад клиники Святого Лира, получившей в народе прозвище Безумный Уголек.

— ...Произойдет раскол старой религии, и, не сдерживаемые больше молитвами, вырвутся из узилищ сгоревшие души... — вещал высоченный изможденный пятидесятилетний мужчина с рыжеватой бородкой.

— Почему у всех проповедников одна и та же песня? — пробормотал я, проходя мимо. — Обязательно следует сказать что-нибудь ужасное и пригрозить всеми возможными карами. Это уже начинает надоедать.

— Страх более действенное средство, чем что-то другое, — ответил Стэфан. — Всегда так было и будет. Религия — не исключение. И всегда будут появляться такие вот новоявленные пророки и мессии. Как говорит древняя мудрость — тот, кто объявит себя пророком, будет сбит с ног хохотом Всеединого. На мой взгляд, это судьба всех еретиков, особенно тех, кто отрицает существование вечной души и существа, которому все мы обязаны жизнью.

Мой старый амнис достаточно религиозен, особенно если учитывать тот факт, что, по его словам, он лично знаком с Всеединым, а точнее, той сущностью, что создала этот мир.

Арену построили больше восьмидесяти лет назад на месте бывшего

пустыря, отделяющего Прыг-скок — район среднего трудового класса — от Ничейной земли, где селились малые народности, выходцы из колоний и теперь располагалась большая община малозанцев. Огромное сооружение, способное вместить несколько тысяч зрителей, высилось над двухэтажными домами и приглушенно ревело, гудело и грохотало.

Игры были в самом разгаре, но многочисленные букмекерские конторы до сих пор принимали ставки.

— Поставь на Крошку Ча, — попросил меня Стэфан, впрочем не особо надеясь, что я снизойду до азартных игр.

— И не подумая. Я здесь по делу.

Он проворчал что-то неодобрительное, но ныть не стал. Особенно с учетом того, что Анхель, как и я, теперь относится к подобным играм с удачей резко отрицательно.

Людей и нелюдей здесь было превеликое множество, все они шумели, визжали, рычали, пищали и кричали, создавая ни с чем не сравнимый рокот разумного моря. По небу туда-сюда носились многочисленные фиоссы. Им, в отличие от ходящих по земле, билеты не требовались, и они наслаждались зрелищем задарма, рядами усевшись на крышах верхних трибун.

Анхель предупредила, что за мной от самой воды идет какой-то человек. Я, обернувшись, встретился глазами с каким-то черноволосым мужчиной. Он, не дрогнув, прошел мимо и скрылся в толпе. Его лицо мне показалось смутно знакомым, и я понял, что это тот самый иеналец, которого я встретил в трамвае. Только теперь человек был без бирюзовой мантии, в обычном неприметном костюмчике, и на сына Иенала совсем не походил.

Я сказал об этом Стэфану, и тот сразу же забеспокоился:

— Не случайное совпадение. Кто это мог быть, Тиль?

— У меня два варианта. Или шпик, приставленный ко мне Владимиром эр'Дви. Или кто-то из тех, кто стрелял по нам с Талером и искал Эрин. Выбирай любую понравившуюся версию.

Анхель сообщила, что ни одна из них ей не нравится, так же как и назойливое внимание посторонних к моей персоне.

Талер ждал возле входа в дорогие ложи. Он заметно нервничал и, увидев меня, несказанно обрадовался:

— Я уже думал, что-то случилось! Я посмотрел на часы:

— До встречи с капитаном больше двух часов. А бои меня не интересуют.

— Все уже здесь. В том числе и Витнерс.

— Данте приехал?

— Да. Он в своей ложе вместе с какой-то рыжеволосой девицей в черных очках. — Он пожал плечами, явно удивляясь такой странности. — Катарина с Рисахом тоже прибыли.

Я кивнул, мы показали добытые Данте билеты контролеру и начали подниматься по мраморным лестницам на самый верх, в ложи для богатых зрителей. Там все сверкало от бриллиантов, дорогих платьев и строгих костюмов.

— Идем к Данте, — позвал я Талера.

— Не стоит, — поморщился он. — Катарина и Рисах оставили мне одно место у себя, я останусь с ними. Давай встретимся в перерыве. Он будет через несколько минут.

— Хорошо, — сказал я.

Талер не слишком уютно чувствует себя в обществе Данте. Он не всегда понимает юмор и иронию лучэра, да и то, что тот выглядит неменяющимся пятнадцатилетним мальчишкой, хотя со времени их знакомства прошло двенадцать лет, моего приятеля ставит в тупик. Как-то раз Данте сказал, что не собирается стареть до самой смерти. Зная его упрямство и способность держать слово, я нисколько не удивлюсь, если так и будет.

Я без труда нашел ложу Данте, отодвинул лиловую драпировку и вошел в эту уютную обитель пороков. Никаких лавок, как на трибунах для черни, только мягкие бордовые диваны. Открытая бутылка шампанского в ведерке со льдом, фрукты, канапе, бутылка красного.

Мой друг с интересом наблюдал за тем, что творится на большой арене, и поздоровался, не отрывая взгляда от действия:

— Привет, Тиль. Садись. Выпить, с учетом твоего мероприятия, я тебе не предлагаю.

Бэсс, на этот раз одетая как девушка из высшего света, приветливо улыбнулась и протянула мне руку:

— Рада видеть вас в бодром здравии, чэр.

Не знаю, была ли в ее словах ирония, которую я мог бы увидеть в глазах, но они были скрыты за темными стеклами очков.

— Надеюсь, это здравие никуда не денется к вечеру, Бэсс. — Я решил вести себя вежливо с этой странной низшей.

— Хватит болтать! Вы все интересное пропустите! — одернул нас Данте.

— Конечно, папочка. — рассмеялась рыжая.

— Папочка?! — ужаснулся я.

— Это образное выражение, — тут же поспешила исправиться дочь Крадущей детей, а Данте даже внимания не обратил. — Когда он становится излишне заботливым, я его так называю. В шутку, разумеется. Можно попросить вас налить мне шампанского?

Я исполнил просьбу, затем попросил у нее лежащую на столике газету, не отказываясь от привычки, просмотрел некрологи. Арена меня совершенно не интересовала.

— Сам не смотришь, так других не мучай! — возмутился Стэфан снизу.

— Давай его сюда, затворник, — откликнулся Данте. — Стэфан, в отличие от тебя, понимает толк в зрелищах.

Я с улыбкой протянул лучэру трость, и тот пристроил ее на перилах, чтобы амнис ничего не пропустил.

— Крошка Ча уже выступал?

— Нет, — ответил Данте. — Пока только претенденты. Расколошматили машины друг друга на запчасти.

— Я уверен, что Ча сегодня выиграет.

— А вот я — нет, — таинственно сказал Данте.

— Есть что-то, чего я не знаю? — тут же заинтересовался Стэфан.

— Ну я решил стать спонсором одного игрока. Вон того, на зеленой машине.

Я наконец заинтересовался и глянул поверх газеты на побоище, разворачивающееся на сцене. Шесть шипящих паром, едвадвигающихся из-за веса механических гигантов колошматили друг друга стальными кулаками, пытаясь опрокинуть на землю или толкнуть на стену, усаженную пятнадцатифутовыми шипами. Грохот и скрежет стоял невероятный, одна из паровых машин уже лежала на земле, воя из-за оторванного клапана котла, и ее боец, выбравшись через люк, поспешно бежал с поля сражения, опасаясь быть затоптанным неуклюжими колоссами.

— Внушительное зрелище, — оценил я. — В последний раз, когда я сюда приходил, все было совсем иначе.

— Ну мы вчера с тобой именно об этом говорили, — сказал Данте, удовлетворенно улыбаясь, когда его боец ударом шарнирной руки впечатал ребристый кулак в грудь зазевавшегося противника.

Во все стороны полетели клепки, скрепляющие броневые листы, и машина, не удержавшись на ногах, начала заваливаться на спину, а затем с грохотом зацепила еще одного бойца, и они вместе рухнули на землю. Каждый из великанов был не ниже живого стоуна, то есть все тридцать-сорок футов от пятки до кончика стальной желудеобразной головы, в

которой сидели пилоты. Весаги гиганты очень много, так что грохот от их падения, наверное, разнесся по всей Ничейной земле. Трибуны взревели, Бэсс захлопала в ладоши.

— Тебе нравится это? — поинтересовался я у нее. Рыжая немного подумала и сказала:

— Сущность, доставшаяся мне от матери, которую все так презирают, чэр, любит более кровавые развлечения, такие, как происходят в моем районе. Игры, творящиеся на Арене, чисты и невинны. Я бы назвала их развлечением младенцев и для младенцев. Но я с детства стараюсь смирять свою кровожадность и находить прекрасное в самых простых вещах. Например, таких, как эта возня гигантских железяк, чэр.

Я не понаслышке знал, что происходит на улицах в Горо-де-куда-не-войти-не-выйти, где царит вечная ночь, и оценил ее ответ.

— Называй его Тиль. Здесь все свои, — бросил Дате.

— С удовольствием, если только чэр эр'Картия не возражает.

Я пристально посмотрел в темные стекла очков, за которыми прятались глаза с алыми вертикальными зрачками. Разрешить низшей называть себя по имени — верх демократичности. Данте отвлекся от сражения железных черепах и смотрел на меня немного насмешливо и в то же время пронизательно. По его юному лицу блуждала выжидающая улыбка. Он явно был не уверен, что я позволю ей такую вольность, и теперь с интересом ожидал, каким вежливым способом, не переходя на грубость, я откажу. Я всегда удивлялся, отчего мой старый друг считает меня настолько тактичным и вечно придерживающимся этикета. Это далеко не так. Я не всегда бываю вежлив, добродушен, благосклонен и обходителен.

Я еще раз посмотрел на рыжую, напряженную, словно Двуххвостая кошка перед прыжком, ожидающую отказа и унижения, которое в обращении лучэра с низшим вполне естественно для Рапгара, и мягко сказал:

— Мне будет приятно, если такая прекрасная женщина, как ты, Бэсс, забудет об условностях, не нужных между хорошими друзьями.

Я был удивлен, увидев, что она смущена, удивлена и даже поражена. Такого не ожидала ни она, ни Данте, ни мои амнисы, ни, если уж признаться честно, я сам.

— Спасибо... Тиль, — тихо произнесла она. — Для меня это честь.

Я кивнул, благосклонно улыбнулся демону в прекрасном женском обличье и начал листать газету. Стэфан между тем, отойдя от изумления из-за моего поступка, негромко обсуждал с Данте перспективы победы его

игрока.

Основной новостью во «Времени Рапгара» был конечно же Ночной Мясник. Этой ночью какой-то молочник с утра нашел тело очередной жертвы. На этот раз в Холмах. Я сообщил об этом Стэфану.

— Волна недовольства растет с каждым днем, — ответствовал амнис. — Скоро в жандармов будут кидать камни.

— Если насилие хаотично, то остановить его невозможно, — сказала Бэсс, знающая в этом толк и словно бы повторяющая слова Данте.

— Это точно, — поддержал он ее. — Большой ублюдок носится по городу с ножом и режет отнюдь не бедных граждан. Попробуй его поймать. Но давайте обсудим кровавые подробности чуть позже. Мой чемпион рвется к победе.

Чемпион тем временем вцепился руками-клешнями в дымовую трубу того, кто только что едва не сбил его с ног, и пихнул в сторону шипов, торчащих из стен. На Арене осталось только трое бойцов.

Я в который раз подумал, что означает та надпись на первом языке лучэров, что оставил Мясник.

Домой!

Что он имел в виду? Зачем написал? Я не удивлен, что Скваген-жольц постарался избавиться от этих слов и заткнуть газеты. Городом уже и так овладевает страх, ночью улицы пусты, соседи косо поглядывают друг на друга, и никому совершенно не нужно, чтобы ко всему этому прикопали нас, лучэров. Возможно, Ночной Мясник из тех недоумков, что, как и Свидетели крови, ратует за то, чтобы такие, как я, отправились напрямик туда, откуда вышли, — к Всеединому. В Изначальный огонь. Если больного потрошителя не поймают, многие решат, что, дабы все прекратить, следует выбросить нас из Рапгара. А чего Князю не надо, так это народного бунта.

В перерыве, перед началом последнего боя, я извинился перед Данте и Бэсс и вышел в широкую галерею, где собиралось все общество, чтобы обсудить новости и битву. Следовало поздороваться с Гальвиррами.

— Почему ты разрешил ей? Мне просто интересно, — сухо поинтересовался Стэфан.

Я понял, что он говорит о Бэсс.

— Не знаю. Наверное, почувствовал родство наших кровожадных душ, — попытался пошутить я. — Правда, не знаю. Почему бы, собственно говоря, и нет?

— Ты просто разрушитель привычных устоев, — вздохнул он. — Впрочем, тебе это ничем не повредит, а друга ты приобретаешь надежного.

— Ты так думаешь? Надежность и низшая — вещи несколько

несовместимые.

— Ты не прав, мальчик. У низших свои правила и своя честь. Но они могут быть верными. При... некоторых обстоятельствах. Поверь, я знаю, о чем говорю, — мне много приходилось с ними общаться в моей настоящей жизни. К тому же девушка — полукровка. Она низшая всего лишь наполовину. Вторая половина досталась ей от лучэра.

— Думаю, кровь Крадущей детей всяко сильнее, — не согласился я и тут увидел Гальвирров.

Они стояли возле колоннады вместе с Талером. Рисах выглядел, как всегда, спокойным и сосредоточенным и возился с двумя своими сыновьями. Одному было девять, другому одиннадцать.

Заметив меня, дети приветственно завопили.

— Дядя Тиль! А правда, что у вас сегодня дуэль?! — спросил Вадлен, старший из сыновей Гальвирров.

— Правда.

— Вот бы посмотреть, как вы всадите пулю в лоб этому мерзавцу! — воскликнул Гедеон, младший, черноволосый мальчик с глазами, так похожими на глаза Катарины.

— Молодой человек! Что это за слова в приличном обществе?! — строго одернула его мать. — Никто никого не собирается убивать! Дяди пошутят и разойдутся по домам. Правда, Тиль?

Катарина была необычайно бледна и встревожена, но старалась вести себя как ни в чем не бывало.

— Правда, — сказал я.

— Жалко, — насупился Вадлен. — А тогда зачем дядя Талер заряжал в ложе пистолеты?

Катарина наградила Талера испепеляющим взглядом.

— Это, мой дорогой, потому что дядя Талер сегодня едет на охоту.

— Пойдемте, я куплю вам мороженого. — засуетился мой друг и увел восторженных детей в сторону.

Рисах улыбнулся:

— Ему нравится с ними возиться.

Еще бы. Они же дети Катарины. Я не произнес этого вслух.

Кат немного недовольно сказала:

— И я никогда не возражала против этого, но детям рано интересоваться оружием. Талер Грэндалл дождется, что я устрою ему головомойку!

— Ты готов? — спросил меня Рисах. Я пожал плечами:

— Не уверен, что к подобному можно быть абсолютно готовым.

— Я пытался поговорить с эрТвидо. Бесполезно. Он сказал, что это не его дело.

Кат тихо, но четко назвала главу Палаты Семи расчетливым ублюдком.

— Не страшно, — сказал я ее мужу. — Но за участие спасибо.

— Мы волнуемся. Тиль. — Губы Кат дрожали. — Я всю ночь не спала. Если этот Витнерс хоть что-то тебе сделает, я этого так не оставляю.

— Отрадно слышать. Не волнуйся за меня, пожалуйста. Все худшее, что со мной было, уже случилось.

Она неуверенно кивнула и постаралась вернуть на лицо улыбку, так как возвращался Талер с уплетающими мороженое мальчишками.

— А вон и чэр эр'Налия. Что это с ним за девушка? — спросила Кат.

— Его знакомая, — уклончиво ответил я, не собираясь шокировать ее тем, что совсем рядом с ее детьми находится низшая, да к тому же дочь самой Крадущей.

Мы поговорили еще несколько минут, стараясь не касаться темы предстоящей дуэли. Затем я решил прогуляться по галерее, прежде чем вернуться в ложу к Данте. Мне хотелось побыть одному и хоть немного сосредоточиться на предстоящем. Хотя, конечно, несколько поздно я спохватился об этом.

Впрочем, сосредоточиться мне не дали.

Старина Арчибальд помахал мне лапой из своего перевозного аквариума, заверил в дружбе и поддержке, обещал написать пьесу о предстоящем событии. Я кисло поблагодарил его, а он, воодушевленный пришедшей в его голову идеей, требовал от окружающих бумагу И перо, чтобы записать мысли. Дьюгонь, как всегда, был навеселе, но на дно пока не шел и намеревался присутствовать перед Домом Чести.

Витнерса я нигде не видел, зато чэр эр'Твидо, надменный, точно индюк, стоял, держа в руках армейский бинокль, и негромко разговаривал о чем-то с чэрой эр'Бархен. Они увидели меня одновременно, но глава Палаты Семи тут же отвернулся в другую сторону, туда, где команды грузчиков-махоров сваливали на телеги с помощью передвижных кранов обломки проигравших паровых машин, расчищая место для нового побоища. Чэра эр'Бархен, напротив, подчеркнуто вежливо склонила голову, приветствуя меня, и мне не оставалось ничего иного, как приподнять над головой шляпу.

За следующие несколько минут я оказался атакован благородными господами и чэрами. Каждый подходил ко мне, шепотом говоря, как правильно я поступил на балу у Катарины, защищая честь девушки, и что они на моей стороне и верят, что судьба будет ко мне благосклонна.

Фелпсы, Поулсы, эр'-Кары, эр'Фьюгги, Штайнеры и еще два десятка благородных фамилий из тех, кто был не в ладах с эр'Гвидо, внезапно стали моими большими поклонниками.

Приходилось всех благодарить и заверять, как я тронут оказанной честью, хотя на душе скребли кошки. Ни один из них не пришел ко мне, когда я действительно нуждался в поддержке и меня освистывал весь зал суда.

Возле комнаты для сигар я увидел господина Винчесио Ацио из Комитета по гражданству, разговаривающего с высокой блондинкой в темно-вишневом бархатном платье. Я узнал Клариссу. Удивительно, что рядом с ней не было ее братьев.

Не желая, чтобы она меня видела, я пошел в обратном направлении, но меня окликнули. Это был высокий господин в дорогом смокинге и еще более дорогом пальто. Ухоженный, подтянутый, элегантный, с располагающим к себе открытым лицом. Лишь в его карих глазах был какой-то изъян, как это бывает у людей, пресыщенных жизнью и богатством.

— Чэр эр'Картиа. Извините, что без надлежащего представления, но я искал с вами встречи. Меня зовут Мишель Тревор.

Я узнал его голос. Именно он говорил с господином Ацио обо мне под окном особняка Катарины. Молодой человек из колонии, к которому благоволила чэра эр'Бархен.

— Я всего лишь хотел сказать, что восхищаюсь вашим мужеством и поступком. И всецело на вашей стороне.

От него едва ощутимо пахло лауданумом,^[29] и я понял, откуда этот неестественный блеск в глазах.

— Благодарю. Сколько вы на меня поставили? Секунду он выглядел ошеломленным, а затем рассмеялся:

— Как вы узнали?

— Все ставят. Азарт в крови граждан Рапгара. Уверен, вы не являетесь исключением.

— Разумеется, хотя жизнь в колонии несколько притупила мой задор. Я поставил достаточно, чтобы быть уверенным в вашей удаче.

— Ну что же. Я постараюсь оправдать доверие.

В этот момент я заметил в толпе девушку с каштановыми волосами. Она стояла ко мне вполоборота, совсем недалеко. Я увидел карминовые губы, а потом посмотрел прямо в голубые глаза Эрин. Мы оба были ошеломлены встречей и замерли. Затем она резко развернулась и направилась к выходу.

Я извинился перед Мишелем Тревором и поспешил за таинственной незнакомкой из «Девятого скорого». Людей было слишком много, бежать я не мог, так как это сразу бы привлекло внимание. То и дело в толпе мелькал каштановый завиток, но я нисколько не приблизился к Эрин.

Затем я и вовсе потерял ее, выскочил на лестницу, поспешил вниз, не слушая встревоженных вопросов Стэфана, не понимающего, что происходит. Внизу стоял контролер.

— Вы видели девушку? Каштановые волосы, голубые глаза, невысокая, в жакете и юбке серого цвета? Только что прошла здесь.

— Нет, чэр, — удивился тот. — Мимо меня никто не проходил уже минут двадцать. Все ждут финального боя.

Я выругался про себя и поспешил наверх, на ходу объясняя амнисам, что случилось. Был еще один коридор, от лестницы уводящий вправо. Я прошел его весь, но и здесь никого не обнаружил. Крошке Эрин, кем бы она ни была, вновь удалось скрыться.

— У нее просто какая-то способность растворяться в воздухе! — порядком раздосадованный, произнес я, возвращаясь обратно.

Я до сих пор видел изумленное и немного испуганное лицо и большие голубые глазищи беглянки.

— Ты уверен, что тебе не почудилось? — на всякий случай уточнил Стэфан.

— Разумеется. Иначе почему моя галлюцинация бросилась бежать сломя голову?

Я сожалел, что не догнал Эрин и не поговорил с ней.

— Если она здесь была, то искала только тебя, — сказал амнис.

Я отмел это «если» и заметил:

— Тогда очень странно, что, найдя меня, она бросилась прочь, словно я болен кровавой чумой или, и того хуже, Ночной Мясник.

Анхель напомнила мне, что у меня находится вещь Эрин.

— Вот только знает ли она об этом и так ли нужен ей платок? — хмыкнула моя трость.

— Раз она его украла у своего начальника и бросилась в бега, значит, он достаточно ценен, — произнес я.

В этот момент прогудела сирена, означающая начало последнего боя на Арене, где претендент должен встретиться с нынешним чемпионом. Галерея начала быстро пустеть. Я уже подошел к ложе Данте, когда меня окликнули, и я увидел чэру Алисию эр'Рашэ. Она шла ко мне, держа в руках большую деревянную шкатулку.

В последний год меня окружают привлекательные женщины —

Шафья, Эрин, Бэсс, Алисия. Глядя на нее, я не мог не восхититься красотой юной лучэры. Сегодня на ней была амазонка для пеших прогулок — приталенный корсаж, блузка, длинная юбка, высокие сапоги, мужской галстук, перчатки и маленький цилиндр с вуалью. На шее девушки висел уже знакомый мне большой изумруд.

— Чэр эр'Картиа, здравствуйте, — приветливо сказала она. — Катарина верно подсказала мне, где вас можно найти.

— Здравствуйте, чэра. Удивлен встретить вас на играх.

— Я пришла только ради вас. Вот. Это вам. — Она, немного смущаясь, протянула мне шкатулку.

Та оказалась очень тяжелой. Чтобы открыть ее, пришлось прислонить трость к стене. Под пытливым взглядом зеленых глаз я поднял крышку.

— Это пистолеты моего отца, — поспешно сказала девушка, словно опасаясь, что я откажусь от ее дара. — Я хотела бы, чтобы они сегодня и... всегда были у вас.

Два черных матовых револьвера с пузатыми барабанами, стволами длиной в два с половиной дюйма и перламутровыми рукоятками покоились на темно-синем бархате. Судя по внешнему виду, оружие было в идеальном состоянии и к тому же сделано мастером. Даже мне, лучэру, малосведущему в оружейном мире, было видно, сколь точно пригнаны друг к другу детали. Здесь не было медной проволоочной обмотки, компенсаторов и новомодных барабанов на электрические заряды, но пистолеты мне понравились сразу. Рядом с ними было выложено около тридцати патронов.

— Спасибо, чэра эр'Рашэ, я... тронут, — не зная, что еще сказать, произнес я.

— Это меньшее, чем я могла отплатить вам за то, что вы сделали для меня. И называйте меня, пожалуйста, Алисией.

Я улыбнулся, не обращая внимания на поднявшийся рев трибун, ознаменовавший начало боя.

— Тогда прошу вас о той же любезности. Называйте меня Тиль.

Она согласно кивнула.

— Где ваше место, Алисия?

— Катарина пригласила меня к себе в ложу. Она очень любезна.

— Позвольте вас проводить. — Я подал ей руку, и мы неспешно покинули галерею.

— Вы выглядите очень спокойным, — неожиданно произнесла девушка.

Я рассмеялся. Спокойным я себя совершенно не чувствовал, но

переубеждать чэру не стал.

— Скажите, Тиль. — Она посмотрела мне прямо в глаза. — Как вы примирились с этим?

— Простите? — не понял я.

— Со смертью, — уточнила она.

Я был удивлен, что это интересует ее, но все же ответил:

— Я не примирился с ней. Примирение это невероятно, особенно для того, кто хочет жить вечно. О ней всегда помнишь, хоть и стараешься не вспоминать. Во всяком случае, большую часть дня. — Думаю, моя усмешка не понравилась бы даже мне.

— Я понимаю вас, — неожиданно серьезно ответила она. Я хотел поинтересоваться, что может понимать девушка, которой не исполнилось еще и двадцати и которая может прожить до двухсот, в таком зыбком понятии, как смерть, но не стал и на этом законил разговор. Проводил ее до ложи Катарины, а затем вернулся к Данте и с удивлением увидел здесь Талера.

Я поднял брови, и он тихо объяснил мне:

— Данте пригласил, было неудобно отказывать. Что это у тебя?

Талер заметил деревянную шкатулку. Я, зная, что это его порадует, протянул ему подарок Алисии. Он повернул брон-ювые защелки и зачарованно уставился на пистолеты:

— Всеединый! Это же «Лоттсы» семьдесят восьмого года выпуска! Откуда у тебя такие уникальные раритеты?!

— Только что подарила чэра эр'Рашэ.

Он присвистнул, с благоговением погладил перламутр.

— Какая работа! Их во всем мире не больше двухсот штук. И в прекрасном состоянии! Отличная убойная сила и точность. Жаль, конечно, что они не смогут работать с новомодными пулями, но это и не требуется. «Лотте» — гарантия качества. К тому же здесь усиленный патрон. Хочешь взять их?

— Если они действительно в хорошем состоянии.

Он взял один из пистолетов, откинул барабан, крутанул, быстро проверил спусковой крючок, курок, дуло. Поставил барабан на место, взвел курок, нажал на крючок.

— Отличный ход. Очень мягкий. Думаю, с ними все в порядке. Рекомендую взять их. Пули должны пробивать доски средней толщины навывлет. Я посмотрю их еще?

Я кивнул и присоединился к Бэсс и Данте, занятым зрелищем.

— Ты пропустил все интересное, — укорил меня золотоволосый

лучэр.

— Кто побеждает? — засуетился Стэфан.

— Крошка Ча. — Данте не испытывал никакого разочарования от потерянных денег. — Его машина оказалась совершенной.

Паровой гигант Крошки больше всего напоминал перекошенного горбуна высотой с приличное жилое здание. Одна рука у него оказалась оторвана, но зато вторая — тяжеленная, точно молот, долбила бойца Данте так, что гот, весь покрытый вмятинами, теряя листы обшивки, заклепки и детали, отступал. Трибуны бесновались, Бэсс наблюдала за всем этим с улыбкой. Я — со скукой.

Громяхающие груды металла топтались вокруг друг друга, исходя паром, плюясь кипятком и мутузя едва шевелящимися конечностями. Наконец Крошка Ча изловчился и дал своему противнику такого тумака, что у того из всех пробоин с воем повалил пар, а затем грудная клетка неуклюжего гиганта с грохотом лопнула, и пораженная машина упала на землю.

— Взорвался паровой котел, — прокомментировал Стэфан. — Вы в проигрыше, чэр.

— Ну и что с того, — рассмеялся Данте. — В следующий раз мне повезет гораздо больше.

Он посмотрел на часы и уже совсем другим тоном сказал мне:

— Пора.

Я потянулся, встал с кресла и первым вышел из ложи. Предстояло решить дело чести.

Глава 12

ДУЭЛЬ

Дом Чести — уютное четырехугольное трехэтажное сооружение с квадратом внутреннего двора — располагался в четверти мили от Арены, среди складских построек Гавани. Раньше он относился к предприятию кага, но затем его выкупили чэры и стали использовать для проведения дуэлей среди благородных. Прежде подобное выяснение отношений было гораздо более популярным, чем в нынешнее время, когда электрическая пуля гарантированно оставляла в тебе дыру величиной с кулак.

Дом Чести заменил приевшиеся «десять шагов». При современном оружии промазать с такого расстояния было достаточно трудно, и весь интерес сходил на нет. Все происходило слишком быстро, а гарантированный покойник появлялся прежде, чем кто-то из зрителей успевал налить себе шампанского. Поэтому Дом Чести подходил обществу много лучше.

— Сегодня аншлаг, — с иронией произнес Данте, разглядывая толпу благородных.

— Просто удивительно, какое замечательное скопление господ собралось здесь для того, чтобы посмотреть, кто сегодня умрет. — Я был более язвителен, чем он.

— Все любят запах крови, — сказала Бэсс, и ее слова сильно удивили молчавшего всю дорогу Талера.

Катарины не было. В последний момент мы на пару с Талером смогли уговорить ее отправиться домой. Рисах клятвенно обещал прислать ей фиоссу с сообщением, когда все завершится. Теперь муж Кат стоял рядом с бледной и встревоженной Алисией, что-то негромко говоря девушке.

Я увидел Витнерса на другом конце пустого пространства, недалеко от входа в Дом. Рядом с ним стояли его друзья и поклонники. На этот раз капитан был трезв, предельно сосредоточен и собран. Он явно готовился драться всерьез.

Возле чэра эр'Гвидо находилась Кларисса. Увидев нас, она приподняла юбку, чтобы та не касалась мокрой травы, и направилась ко мне. Я скрипнул зубами. Анхель вспыхнула от ярости. Вот уж кого она ненавидела сильнее всех. Поняв, что встречи не избежать, я попросил Талера:

— Оставь нас на пару минут. Я недолго.

— Ну твое дело, — сказал он, недружелюбно посмотрев на блондинку. — Поторопись. Пора начинать.

— Угу.

Он отошел в сторону, к Данте и Бэсс, а ко мне подошла Кларисса. Удивительно, но она почти не изменилась за все те годы, что мы не виделись. Разве что линия губ стала жестче, а в глазах появилось немного усталое выражение.

— Здравствуй, Тиль.

— Доброго дня, госпожа Манкинз.

Я знал, что через год после того, как меня уpekли в одиночную камеру «Сел и Вышел», она вышла замуж за какого-то пожилого богатея, который умер через четыре года, оставив ей приличное состояние. С тех пор Кларисса играла роль светской львицы, не спеша второй раз связывать себя узами брака.

Ей явно было неприятно, что я обратился к ней не по имени.

— Я рада, что вся та история закончена, — неловко произнесла она.

— Благодарю, — сухо ответил я. — Я рад не меньше вас.

— Когда я узнала о дуэли... Хочу пожелать тебе удачи.

— Спасибо.

Она заглянула мне в глаза, не увидела там того, что ожидала, нахмурила тонкие выщипанные брови, но все же сказала:

— Возможно, потом, если все будет хорошо, мы найдем время, чтобы поговорить друг с другом.

— Не думаю, что это требуется, — возразил я.

— Что же, — вздохнула она, сцепив побелевшие пальцы. — Наверное, это справедливо. Но я хочу сказать, что мне жаль, что все так получилось. У меня не было выбора. Удачи тебе, Пересмешник.

Она ушла с удивительно ровной спиной, а я подумал, сколь жалкое это оправдание — не иметь выбора. Кларисса публично отказалась от меня и разорвала помолвку, а ее братья были среди тех свидетелей, что выступали на суде против меня. Они подтвердили, что я несколько раз ссорился с покойным Малькомом эр'Фавиа и вообще — тип, не заслуживающий доверия приличного общества.

Я поймал долгий, пристальный взгляд Алисии. Интересно, она в курсе нашей истории с Клар и что обо всем этом думает? Я вернулся к Данте, Талеру и Бэсс.

— Откуда здесь столько студентов? — поинтересовался я.

В толпе ожидающих было около пятидесяти молодых людей и девушек, по форменной одежде которых можно без труда было определить

выходцев из университетов Маркальшту-ка и Кульштасса.

— Витнерс учился в Маркальштуке, — охотно пояснил мне Талер, еще ниже, чем обычно, нахлобучив на глаза вельветовую шляпу. — А господа из Кульштасса болеют за тебя, раз уж ты выпускник нашего славного учебного заведения. Они скинули в общий котел целую кучу фартов и поставили на твою победу. Насколько я слышал, старшему курсу нужны деньги, чтобы принять участие в международных спортивных соревнованиях по игре в мяч.

— Однако сегодня многие желают озолотиться за чей-нибудь счет, — усмехнулся я.

Мне было приятно, что пришел кто-то из моей альма-матер.

— Пора.

— Убей его, — внезапно очень жестко сказала Бэсс, сверкнув клыками, и Талер, наконец понявший, кто перед ним, с изумлением отшатнулся. — Убей прежде, чем он это сделает с тобой, Тиль.

Стэфан часто с иронией говорит, что в нашей жизни только три важные вещи. Первое — это доброта. Второе — это доброта. И третье — это тоже доброта. Но ни одна из этих важных вещей не ценится в Рапгаре.

Я направился к Витнерсу, следом шел Талер, несший пистолеты, и Данте, решивший составить мне компанию. Он мурлыкал под нос какую-то старинную песенку и улыбался загадочной улыбкой самого Всеединого.

— Она и вправду низшая? — спросил Талер, не удержавшись и оглянувшись на рыжеволосую девушку.

— Да. И орать об этом совершенно незачем, — промурлыкал Данте.

Когда мы поравнялись с Витнерсом, то обменялись холодными кивками. Его друзья быстро проверили мои пистолеты, то же самое сделал Талер с пистолетами капитана.

— Все в порядке, — сказал он, возвращая оружие владельцу и забирая наше. Затем тихо прошептал мне: — У него, в отличие от тебя, барабаны на семь зарядов. И часть пуль — электрические. Помни об этом.

— Все знают правила? — спросил друг Витнерса. — Вы входите в разные двери по сигналу и сближаетесь. Запрещено пользоваться Обликом и Атрибутом. Никаких амнисов. Восемнадцать зарядов у каждого. Если у вас кончатся патроны, остаетесь ждать на месте, пока вас не найдет противник. Он будет решать вашу судьбу. Хочу еще раз обратить внимание, что убивать друг друга совершенно не обязательно.

— Это уже решать мне и чэру эр'Картиа, — сказал Витнерс, зловеще улыбнувшись из-под пшеничных усов.

— Я бы предложил вам примириться и решить все вопросы здесь, без

помощи пистолетов, — глухо, словно из могилы, сказал Талер.

— Охотно. — Мой противник взял в руку один пистолет, а второй засунул за пояс. — Публичных извинений от чэра эр'Картиа мне будет вполне достаточно. На таких условиях я готов забрать вызов обратно.

— К сожалению, это невозможно, — равнодушно ответил я. — Я продолжаю считать, что поступил верно, не позволив вам ударить девушку. Здесь не за что извиняться.

— Тогда я вас убью.

— В отличие от вас, капитан, я уже мертв. Мне нечего терять. А вам?

Он не нашелся что ответить и обратился к секундантам:

— Давайте поскорее начнем.

Я снял плащ и пиджак, решив, что в сорочке и жилете мне будет удобнее. Подумал избавиться от бабочки, но после недолгого колебания оставил ее и шляпу на голове. Убрал шесть патронов в карман брюк, отдал Стэфана и Анхель Данте и взял в руки по пистолету, еще раз проверив заряды в барабанах.

— Готовы? — спросил Талер у нас. Мы кивнули.

Витнерс направился к дальней двери, находящейся на противоположном конце здания. Один из его друзей остался в поле общей видимости, встав на углу, чтобы подать сигнал.

— Очень жаль, что я не могу пойти вместо тебя, — сказал Талер и шмыгнул носом. Думаю, тогда Витнерс умер бы довольно быстро.

— Не волнуйся за меня, старина.

— Пожалуйста, будь осторожен! — попросила меня великая молчунья Анхель.

— У меня нет в планах сегодня получить свободу, — поддержал ее Стэфан.

Данте весело подмигнул. Он явно считал меня бессмертным.

Подали сигнал, я оглянулся последний раз на толпу зрителей, увидел, что бледная Алисия подняла руку, желая мне удачи, улыбнулся ей и, толкнув плечом распахнувшуюся дверь, вошел в Дом Чести.

Пальцы, ладони, запястья лизнуло холодом. Я зашипел от неожиданности, но быстро понял, что происходит, даже не снимая перчаток. Тонкие черные линии, бегущие по моим ладоням, налились красным огнем. Магия, заключенная в стенах здания, блокировала мою возможность использовать Облик и Атрибут.

Покалывание быстро покидало пальцы, через несколько секунд я уже мог спокойно владеть обеими руками, поэтому, не колеблясь, двинулся направо, понимая, что находится возле входа — это значит обнаружить

себя раньше времени. Стены здесь были обклеены неряшливыми обоями в широкую вертикальную полоску темно-зеленого цвета. Кое-где висели небольшие картины в темных грубых рамах, сильно выцветшие и поврежденные временем.

Пустые дверные проемы справа и слева вели в комнаты с грязными окнами. В некоторых помещениях была скудная мебель, в других — лишь пыль и паутина.

Я, в отличие от Витнерса, много раз здесь бывавшего, не был знаком с планом дома и понимал, насколько быстро может передвигаться капитан, чтобы застать меня врасплох. Поэтому спешил, не желая, чтобы тот оббежал дом по кругу и зашел мне за спину. Я уже понял, что центральный коридор первого этажа тянется через все здание и является главной дорогой.

Как только я увидел лестницу, старую, разохшуюся, с отсутствующими перилами, ведущую на следующий этаж, сразу решил, что заберусь выше. Я начал подниматься, внутренне морщась от того, как сильно подо мной скрипят ступени. Здесь был точно такой же коридор, но гораздо темнее, только на стенах горели газовые рожки. Я проигнорировал это направление и двинулся через сквозные комнаты, все дальше и дальше углубляясь в сердце здания.

Кроме своего дыхания и редкого стопа половиц под ногами, я не слышал больше ничего. Очень надеюсь, что Витнерс не затаился в ожидании меня, иначе я буду блуждать по дому до бесконечности.

Дважды я видел в стенах следы от пуль и один раз темное пятно на полу. Кто-то проиграл свою дуэль.

Вдали послышался приглушенный ровный гул. Я остановился, прислушался, пытаюсь понять, что это такое, двинулся в том направлении, удивляясь, как уцелела на столе ваза из красной керамики, но быстро понял, что допускаю ошибку. Звук явно издавала какая-то машина, и делать возле нее мне было совершенно нечего. Рядом с этим местом я не услышу, даже если ко мне подойдет гремящее чудовище Крошки Ча, не говоря уже об обычном человеке.

Я свернул, проигнорировав лестницы, уводящие на другие этажи, и прошел это крыло насквозь, остановившись перед окном, выходящим во внутренний двор. Здесь властвовал густой туман — явно очередная шутка магии, сквозь который едва проглядывало противоположное крыло здания.

Сам двор был квадратным, с двумя росшими здесь, усеянными темно-бордовыми ягодами рябинами и неработающим фонтаном, засыпанным листьями и мусором. Было бы здорово, если бы Витнерс оказался на улице,

но чуда не произошло.

Мне следовало решить, как поступать дальше — искать капитана или ждать, когда он сам меня найдет. В принципе мы не были ограничены временем и могли блуждать среди этих коридоров и комнат хоть до бесконечности. Последнего мне совершенно не хотелось. Все-таки в старых дуэлях был один неоспоримый плюс — ровно за минуту судьба решает, жить тебе или умереть. Здесь же «приговор» может быть оттянут на несколько часов.

Через десять минут я услышал, как наверху тихо скрипнули дверные петли, и остановился, задрав голову, держа оба пистолета наготове. Пол между этажами был тонкий — доски, положенные на балки и кое-как прибитые гвоздями. Надо мной раздались шаги, и я выстрелил в потолок из каждого пистолета.

Отдача у этих «Лоттс» была совсем небольшой, а вот гремели они, как створки, упавшие с Княжеских усыпальниц. В потолке появились две дырки, и в то же мгновение пришел ответ.

Он здорово стрелял, этот Витнерс, ориентируясь на звук и не боясь, что я его задену. Первая пуля едва не попала мне в голову, я отпрыгнул в сторону, и еще три прошли, отставая от меня всего лишь на мгновение. Я вновь нажал на спусковой крючок, впрочем не надеясь его задеть, просто чтобы на миг отвлечь, бросился прочь, прижался к стене. Он удивленно ругнулся, и наступила тишина. Сизый дым медленно расползлся по комнате, щекотал мне ноздри едкой вонью. Моя спина была влажной от пота. Я, направив дула пистолетов вверх, ждал хоть какого-то знака. Так прошла минута.

— А ты далеко не прост, эр'Картиа! — наконец крикнул мой противник.

Я не стал больше стрелять. Раз говорит, значит, уверен, что я его не достану, и просто вынуждает себя обнаружить. У меня возникла мысль снять туфли, чтобы быть более бесшумным на столь скрипучем полу, но я от нее тут же отказался: при таком количестве заноз, что находятся в необструганных досках, я начну хромать уже через две комнаты.

Стараясь вести себя как можно тише и помня, что Витнерс выше меня на один уровень, я отправился на поиски лестницы. Найдя ее в дальнем конце коридора, каждую секунду останавливаясь и вслушиваясь в тишину старого дома, я начал медленно подниматься по ступеням. Когда моя голова показалась над лестничным пролетом, грохнул выстрел, и голубой росчерк электрической пули едва меня не достал. Спасло лишь то, что противник поторопился.

Я нырнул вниз, кубарем скатился по ступеням, всадил в потолок две пули, и мы сравняли счет по количеству потраченных патронов. Я с раздражением начал понимать, что, судя по всему, эта игра все-таки затянется на неопределенный срок.

Мы кружили по особняку больше часа, не сделав ни единого выстрела. Я перезарядил пистолеты, размышляя, где теперь искать Витнерса. Наша игра в прятки зашла слишком далеко, и в итоге мы потеряли друг друга. Я исследовал все крыло, но капитана не нашел. Кажется, после стрельбы на лестнице мы пошли в разные стороны.

Я выглянул во двор, все такой же туманный, как прежде. Он оставался тихим, угрюмым и пустынным. Я не рискнул его пересекать, опасаясь, что стану легкой добычей, если мой противник прячется где-то возле окна. Коридор здесь был прост до невозможности — набитая на стены фанера, в одном месте украшенная отпечатком окровавленной ладони.

Оказавшись в следующем крыле, где в небольшом зале до сих пор еще висела покрытая вековым слоем пыли, наполовину разбитая свечная люстра прошлого века, я услышал шорох справа, вскинул пистолеты, но это была всего лишь кошка, заглянувшая сюда в поиске крыс. Худющая и серая, она настороженно посмотрела на меня желтыми, словно настольная лампа, глазами, стегнула по воздуху хвостом и неохотно уступила мне дорогу, скрывшись в полутемном коридоре, ведущем вниз, в подвал, — сегодня она явно пришла за чьей-то другой душой.

По сути дела, в своем нынешнем положении лучэра, живущего в долг, я должен панически бояться кошек и всего, что с ними связано. Но ничего такого нет у меня и в помине. Разве что великое любопытство да большое уважение к этим мелким изящным созданиям.

Она ушла вниз, я поднялся на самый высокий, третий этаж, где в комнатах не было не только мебели, но даже мусора, зато почти каждая дверь была изрешечена пулевыми отверстиями. Выглянув в окно, я увидел метнувшегося через двор Витнерса, но прежде чем успел выстрелить, он уже скрылся в том крыле, где я находился. Осталось лишь спуститься и решить, кого из нас вынесут вперед ногами.

Проклятые дуэли Рапгара! В этом городе все и всегда вверх тормашками. Я удивлен, почему никто не придумал дать нам в руки с капитаном рогатки, посадить его на крышу дома где-нибудь в Кошачьем уголке, а меня в Янтаре и заставить пулять друг в друга камешками величиной с горох. Выиграет тот, кто быстрее умрет от скуки.

Перекрестив вытянутые руки, я начал спуск, стараясь держать в поле видимости коридор и заглядывая в каждую комнату по дороге, рискуя в

любое мгновение схлопотать пулю. Я подавил бурлящее во мне раздражение, стараясь оставаться сосредоточенным и спокойным. Кажется, моя одежда насквозь пропиталась потом.

Мы встретились, войдя через разные двери в большой балльный зал, заваленный старой мебелью, и тут же открыли пальбу. В отличие от него, я стрелял сразу с двух рук, но поспешил, не успев нормально прицелиться, и одна пуля прошла возле его правого уха, а другая возле левого, благополучно избежав встречи с головой.

Капитан резко присел, стреляя в движении, и моя шляпа слетела с головы. Я метнулся в сторону, вторая пуля голубым росчерком прошла далеко мимо меня, третья едва не попала мне в колено. Два моих следующих выстрела также ушли в молоко.

При том, что мы мазали, словно слепые, стоило отметить, что Витнерс стрелял все-таки лучше меня. Мой бок обожгло, я метнулся за шкаф, пуля с глухим стуком ударила в плотную деревянную стенку, расщепив доску, покрытую старым облезлым лаком.

Я убрал один из пистолетов за пояс, быстро приложил освободившуюся руку к левому боку, посмотрел на кровь, оставшуюся на перчатке. Повезло. Глубокая царапина. Прошло по касательной, оставив после себя борозду в коже и испортив мою одежду. Ерунда. С моей регенерацией уже к ночи от этого недоразумения не останется и следа.

Бах!

Электрический росчерк пробил шкаф насквозь, по счастью не задев меня. Решив не рисковать, я выскочил из-за укрытия, выстрелив наугад, просто для того, чтобы он отвлекся. «Нырнул» на пол, вновь избежав смерти. Проехав на животе три фута, я перевернул стол, скрывшись за крышкой. Все так же лежа высунулся с другой стороны и сосредоточенно избавился от трех оставшихся в барабане патронов, метя по ящику, за которым скрывался Витнерс.

Поменяв пистолет, обдирая колени и ладони, я вновь переместился, и от двух голубых росчерков электричества над моей головой волосы встали дыбом. Зал заполнил пороховой дым, он щекотал ноздри, раздражал глаза и ухудшал видимость.

Находясь под надежной защитой груды досок, я сунул руку в карман и застонал. С этой беготней и акробатическими трюками я потерял оставшийся патрон, и у меня осталось лишь всего четыре выстрела. Впрочем, если я не ошибаюсь, у Витнерса их было три.

Я услышал, как по полу зазвенели гильзы — он перезаряжал барабан, и пошел вперед, на звук, прицелившись в перевернутый комод, за которым

скрывался противник.

Бах! Бах! Бах! Бах! Бах!

Все произошло настолько быстро, что проверить, сколько осталось во мне дырок, я догадался лишь через несколько секунд. К моему удивлению — ни одной, хотя стреляли мы друг в друга с расстояния не более семидесяти футов.

В ушах все еще звенело от грохота выстрелов, сердце колотилось. Я обошел укрытие-ящик по кругу, не спеша опускать оружие. Капитан сидел на полу, прислонившись к стене, и на его груди, слева, чуть ниже плеча, быстро расплывалось красное пятно. Я все-таки попал в него.

Темное око пистолета смотрело мне прямо в лицо. Витнерс нажал на спусковой крючок, барабан крутанулся, курок сухо щелкнул.

— Ваши патроны кончились, господин капитан, — тихо произнес я.

Мой противник рассмеялся сухим злым смехом и отбросил бесполезный пистолет в сторону.

— Не тяните, чэр. — Лицо у него из-за боли и осознания того, что случится, было бледно-салатового цвета. — Возмездие в вашем лице меня настигло.

Я прицелился ему в лоб, думая, что возмездие в некоторых случаях совершенно неважно. Так же, как важнее не жизнь и не смерть, а то новое, что мы создаем. А что создал я? Ничего. За мной всегда одна лишь пустота.

Глава 13

НЕЗВАННЫЕ ГОСТИ

— Это было ошибкой, — негромко сказал мне Талер, глядя из окна закрытой повозки.

Над Рапгаром кружился, поливая улицу за улицей, мелкий, холодный, осенний дождь. Были ранние сумерки, и солнце уже скатывалось на запад под слоем туч, даже не окрасив напоследок бледными лучами дымы фабричных районов. Сегодня над городом не было привычного для всех жителей безумного «северного сияния» прогресса. Ночь обещала быть темной, неудобной, промозглой и очень влажной. Самое время для того, чтобы Ночной Мясник подхватил хорошую простуду.

— Лучшие уроки мы получаем, совершая ошибки, — наконец произнес я. — Вместо того чтобы критиковать, мог бы порадоваться, что я жив.

Он, как всегда нескладный и тощий, посмотрел на меня из-под надвинутой на глаза шляпы:

— Я радуюсь, Пересмешник. Можешь мне поверить. Но как отзовется в будущем твой поступок — предсказать не могу.

Царапина под пиджаком все еще саднила, но я старался забыть о ней:

— Вот уж это точно, предсказания — не твоя работа. Для них есть безумный пророк из района Иных.

Стэфан неодобрительно вздохнул, но в нашу беседу вмешиваться не стал, за что я был ему благодарен.

— Все-таки почему ты оставил его в живых? — Талера раздирало любопытство.

— Ну это еще неизвестно, — ответил я. — Пуля пробила верхушку легкого, если в больнице Трех Звезд его не залатают, он еще может умереть.

— Ты же прекрасно понимаешь, что ничего с ним не будет. Кровопотеря небольшая, его вовремя доставят к врачу. Можешь быть уверен. Что там между вами произошло?

— Ничего, кроме того, что мы с переменным успехом пытались продырявить друг друга. Просто я не считаю, что человек должен умирать из-за своих глупых и опрометчивых поступков.

— Ты настоящий святой, — пробормотал Стэфан. Анхель попросила его заткнуться. Она, в отличие от моей кровожадной трости, сегодня была

более гуманна и просто радовалась, что я вышел из Дома Чести самостоятельно, а не был вынесен ногами вперед.

Талер держал на коленях коробку с моими новыми пистолетами, а я вспомнил облегчение на лице Алисии, когда вышел на улицу. Девушка до сих пор считала себя виноватой из-за того, что произошла дуэль.

— Послушай! — Я привлек внимание Талера, который вновь прижался носом к стеклу. — Ты что-нибудь знаешь о чэре эр'Рашэ?

Он тонко улыбнулся:

— Только то, что говорила Катарина однажды за чаем. Девушка из вполне состоятельной семьи, но не так богата, как, к примеру, ты или Гальвирры. Положение в обществе, но не слишком серьезные связи. Ее отец был человеком, мать из старого рода Рашэ. Про нее я вообще ничего не слышал. А отец ее погиб около полутора или двух лет назад.

— Погиб? — нахмурился я. — Я думал, что он просто умер.

— Нет. Погиб. Подробности почти нет, ты же знаешь Скваген-жолыц. Если у них получается, то газеты остаются без еды. Просто мне известно, что он убит во время ограбления. Он был преподавателем в Маркальштуке. Что-то связанное с историей Рапгара, старыми верованиями и религиями. Кто-то покусился на его коллекцию книг. Жандармы так и не нашли преступников.

— Я не знал.

— Еще бы! Ты тогда проводил последние месяцы в «Сел и Вышел».

Я хмыкнул, дав понять, что и сам все прекрасно помню, с удовлетворением осознал, что мы почти добрались до моего логова. Коляска ехала по Оллу, и до дома оставалось меньше квартала. Очень хотелось спать, но я счел вежливым накормить вечно голодного Талера, прежде чем он отправится в свою тесную нору. Разумеется, он не стал отказываться.

Расплатившись с извозчиком, мы, под зорким взглядом чэры эр'Тавиа, подошли к двери моего дома. На этот раз на крыльце не было ничего, кроме вырванной с корнем фиалки и стеклышка от пенсне. Большой прогресс, учитывая то, что раньше мне поставлялидохлых крыс и обглоданные цыплячьи ножки.

— Добрый вечер, чэр, — сказал Бласетт, впуская нас в холл. — Добрый вечер, господин Талер.

По лицу дворецкого было видно, что он совсем не удивлен, что я вернулся целым и невредимым. Это означало только одно — какая-то разговорчивая фиосса принесла ему новость на хвосте. Уверен, что Бласетт, как и многие другие, решил поиграть на ставках.

— Полли просит вам передать, что ужин уже готов. — Он принял от меня пиджак, невозмутимо посмотрев на темное пятно крови на моем жилете.

— Замечательно! — Талер лучился энтузиазмом. — Я голоден как волк.

— Накрывай в обеденной зале, — сказал я слуге и обратился к Талеру: — Налей себе что-нибудь. Я скоро.

Он отказался отдать набитый оружием плащ дворецкому и радостно осклабился. Разумеется, не потому что ему позволили выпить. Талер с алкоголем дружит не слишком крепко. При его телосложении пара стаканов виски доставляет ему больше хлопот, чем удовольствия. Сейчас мой друг радуется тому, что останется без присмотра и может наведаться в Охотничью комнату. Я не стал ему портить удовольствие и просить, чтобы он не трогал старые кремневые ружья. Все равно это не принесет никакой пользы, и поднялся к себе в спальню, встретив по дороге Шафью.

Магарка лучезарно мне улыбнулась, опустила глаза и, ничего не сказав, прошла мимо, но я знал, что она рада моему возвращению. За то время, что она живет в моем доме, мы здорово научились понимать друг друга, не произнося ни слова.

— Я намереваюсь выспаться, — безапелляционно заявил мне Стэфан. — Сегодня был просто ужасный день. Хорошо, что мы все смогли его пережить.

Анхель тоже устала, так что я оставил их наедине друг с другом, переделся и направился в обеденную залу. Талер, бесцеремонно бросив плащ на стол, возился с мушкетом, на который он поглядывает все эти годы и клянчит в качестве подарка на День Пришествия Всеединого.

— Пока ты ходил, приехал посыльный от Данте, — сказал он, склонив голову над спусковым механизмом. — Привез пять бутылок кальвадоса.

— Это меньшее, что он мог сделать, выиграв сегодня кучу денег, — улыбнулся я.

Большая корзина с бутылками, каждая из которых была спрятана в цилиндрическую коробку из северного дуба, стояла в углу. Со своего места я прекрасно видел вбитые в дерево буквы из чистого золота. «Яблоневый сад». Дороже в этом мире кальвадоса просто нет. Тысяча фартов за бутылку — даже больше, чем состояние. Некоторые чиновники не получают столько и за два года, а старина Данте без проблем тратит на алкоголь и большие суммы.

— Читал сегодня газеты? — Талер все еще возился с мушкетом.

— Да.

— «Срочные новости»?

— Нет. Ты же знаешь, что я крайне редко ее покупаю. Они взяли моду пережаривать факты. К тому же здесь еще и личная неприязнь.

Когда надо мной был суд, именно «Срочные новости» не оставили от моей репутации камня на камне.

— Пишут, что война все-таки будет. Шейх Малозана вы вел в Срединное море несколько казематных броненосцев.

— Все-таки решился?

— Ну у него нет выбора, иначе какой он шейх? Потеряет хватку и покажет себя слабым, так его прирежет собственный брат или сын, чтобы занять павлиний трон и хрустальный гарем. У них, на Востоке, с этим все быстро. К тому же терять Кирус Малозан не желает.

— Значит, в скором времени жди стрельбы.

— Угу. — Он облизал губы. — Я вот подумал... Только не смейся. Наверное, запишусь в армию.

Я нахмурился, внимательно посмотрел на него:

— Хотелось бы узнать причину этого решения. Он задумался, вздохнул, отложил ружье в сторону:

— Почему бы и нет? Мне до смерти надоел Рапгар.

— Угу. В увеселительной поездке на фронт ключевое слово — смерть. Можешь поверить, Двухвостая кошка рыскает там повсюду. Не то чтобы я боялся умереть сам, но хоть это и звучит несколько эгоистично, мне не нравится, когда умирают мои друзья.

— Ну Двухвостая — это у вас, лучэров. У людей гораздо менее приятный образ — старуха с косой. — Он невесело улыбнулся. — Меня действительно ничего здесь не держит, Пересмешник. Ни семьи, ни дома как такового. Даже любимая работа давно не в радость. Хочу перемен в этой жизни. Мне тридцать. Пора хоть что-то менять.

— Ты считаешь, что война — это лучшая возможность для перемен?

Он задумался, прикусил губу и в сомнении взъерошил свои длинные непослушные каштановые волосы:

— Кажется, в моем случае это так. Уверен, что армии нужны хорошие стрелки. Да и инструкторы по стрельбе им тоже не помешают.

— Думаю, они как-нибудь справились бы без тебя. Впрочем, я не имею права тебя отговаривать. Ты взрослый человек, решаешь сам. Единственное, что хочу тебе сказать, — подумай о том, что скажет Кат. Она ведь с ума сойдет, когда узнает.

Его уши стали красными, и он пробормотал:

— Катарина всегда принимала всякие пустяки близко к сердцу.

— Вот только я не уверен, что она относит тебя к категории пустяков. Просто я хочу тебя предупредить, что на этот раз тебе придется с ней объясняться без моей помощи. Не желаю видеть ее слез.

— Я не собирался перекладывать на тебя такую ответственность. Разумеется, когда придет время, я с ней поговорю.

— Надеюсь, это время не придет и все ограничится грозными заявлениями. Никакая черная жижа не стоит гибели тысяч живых существ.

Вошла Шафья с подносом, и мы временно закрыли эту тему. Когда девушка поставила перед Талером тарелку с бараньими ребрышками в меду, шафране и базилике, внизу сухо грохнуло, в серванте задребезжал хрусталь, а я от неожиданности пролил себе на рубашку соус.

— Что за...?! — воскликнул я, вскакивая с места.

В холле раздраженно завывала стафия, кто-то завопил от ужаса, раздались тихие хлопки, а затем настолько низкий звук, что у меня заныли все кости.

— Не высовывайся! — приказным тоном сказал мне Талер. — Там стреляют.

— Что?!

— У них на пистолетах глушители звука. Мы их разработали только два месяца назад. Я такой выстрел узнаю с закрытыми глазами.

— Шафья! Иди в ту комнату. Спрячься. Закрой за собой дверь и не открывай, пока я тебе не скажу.

Девушка заколебалась:

— Внизу Полли. Я должна ей помочь, саил.

— У Полли, в отличие от тебя, два сердца, сковородка и скалка. На кухню к ней никто не сунется. С ней Эстер. Спрячься!

Она яростно сверкнула глазами, несогласная с моим приказом, но послушалась и, подхватив со стола десертный нож, убежала. Талер вытащил из карманов болоньевого плаща оружие, кинул мне короткоствольный револьвер и коробку патронов.

Опять раздались приглушенные хлопки, загрохотало на лестнице, я высунулся в коридор, заметил Бласетта, крикнул, привлекая его внимание. Увидел, что за ним бежит человек в капюшоне и с пистолетом в руке, выстрелил без всяких колебаний, попал, и тот покатился по ступеням вниз, скрывшись с моих глаз.

— Эстер разорвала одного, но затем что-то произошло, и ее заковало в клетку, чэр, — скороговоркой сказал запыхавшийся дворецкий.

— Ненавижу магов! — прорычал Талер. — Вот и вся польза от стафии! Сколько их там?

— Восемь. Или девять, господин.

Он кивнул и с мрачным видом засыпал в дуло мушкетона сияющие голубым бусины электрической картечи. Я не препятствовал.

— Хотел бы я знать, кто они такие и что им надо, — процедил мой друг.

— У них красные колпаки, господин, — тут же отозвался Бласетт, которого мы отправили под стол. — Боюсь, что это именно те, кто их обычно носит.

Я тут же вспомнил Эрин, ее желтый платок и мага, создавшего светлячков. Кажется, господа, также, как и я, разыскивающие девушку, решили вернуться, и на этот раз их намерения были гораздо серьезнее, чем банальное запугивание.

— Держи коридор! — сказал я Талеру. — Мне надо добраться до кабинета.

Он кивнул, хищно осклабившись. Я выскочил из залы и тут же рухнул на пол, потому что по лестнице поднялись трое и раздалось хаотичное «Хлоп! Хлоп!». Выстрелы из их пистолетов больше напоминали детские хлопки в ладоши.

— Не поднимай головы! — рявкнул где-то за моей спиной Талер, а затем гроыхнула маленькая пушка.

Около двадцати голубых росчерков рассекли коридор, словно рассерженные пчелы, врезались в стрелков, превратив их в кровавые ошметки плоти, и продырявили стену, разворотив декоративные деревянные панели и портрет моего далекого предка. Помещение стало быстро заволакивать дымом. Мушкетон в руках Талера исходил им, словно фабричная труба Пепелка. Решив, что все разговоры о порче имущества можно отложить на более позднее время, я бросился к кабинету.

Он находился в противоположном конце здания, и мне следовало преодолеть П-образный коридор из конца в конец, а также еще одну лестницу. По пути я заскочил в спальню.

— Что, заberi тебя Всеединый, творится в твоём доме?! — сразу же заорал Стэфан.

— Позже! — буркнул я ему, хватая со стола подобравшуюся Анхель.

— Эй! Возьми меня! — возмутился амнис.

Но я предпочел трости пистолет и выскочил обратно в коридор, не слушая его проклятий. Позади меня, заглушенные расстоянием, раздались четыре выстрела. Талер продолжал оборонять лестницу. Мой особняк каким-то немыслимым образом превратился в тир, где бегали живые мишени.

— Впереди! — предупредила меня Анхель, которая всегда в случае опасности предпочитала общаться напрямую, с помощью слов, а не посредством эмоций.

Хлоп! Хлоп!

Пули разбили вазу из белого фарфора, на которой синими узорами была изображена старая история о том, как Всеединый раздавал своим потомкам Атрибуты. Я нырнул в комнату для слуг и разрядил в спрятавшегося за углом противника все патроны. Зубами разорвал коробку, просыпав часть содержимого на пол, откинул барабан, крутанул его, заставляя пустые латунные гильзы беззвучно упасть на ковер. Перезарядил, взвел курок, принял Облик и вышел из-за укрытия.

Этот умник, решив, что, раз я больше не стреляю, значит, у меня кончились патроны, крался вдоль стены, вытягивая шею и зыряка сквозь прорези алого колпака. Я еще успел подумать, как он хоть что-то видит, а затем поднес пистолет к его виску и нажал на спусковой крючок. Все, что было в этой пустой голове, решившей забраться в дом чэра, оказалось на моих любимых обоях.

Время моего Облика подошло к концу, я забрал из руки мертвеца револьвер — обмотанное медной проволокой чудовище с толстым круглым стволом, на котором был прикручен чудовищный агрегат, больше всего похожий на механическую пиявку, здорово насосавшуюся крови.

Выстрелы Талера в этой части особняка были едва слышны. Зато я услышал раздраженный разговор в библиотеке, примыкающей к моему кабинету. Не знаю, на что рассчитывали эти умники. Комнат в доме много, и, чтобы обыскать их все сверху донизу, требуется несколько часов.

Я подошел к застекленной двери, заглянул в помещение. Двое мужчин, которым хватило ума избавиться от колпаков, сбрасывали с полки книги.

— Иди к двери и стой там! Кому я сказал! — бросил один. Второй, пререкаясь, двинулся ко мне, заглянул в коридор через стекло, и последнее, что он увидел, было дуло моего пистолета.

Хлоп! Хлоп! Трофейное оружие чихнуло и плюнуло свинцом ему в лицо.

Анхель испытала от случившегося большое моральное удовлетворение.

Хлоп! Хлоп! Хлоп! Я тем временем стрелял сквозь проем, лишенный стекла, во второго противника.

Он свалился со стремянки, но все еще пытался дотянуться до выроненного револьвера. Я не стал говорить ему, что он нарушил пределы частной собственности, это было слишком картинно и банально.

Выстрелив человеку в лоб, я отбросил свой разряженный пистолет и поднял его оружие.

Возможно, кому-то покажется, что я слишком жесток и безжалостен, но не вижу причин церемониться с теми, кто ворвался в мою обитель и пытается убить меня, моих друзей и тех, кто живет в моем доме. В такие моменты я предпочитаю забыть о цивилизованности и гуманности до той поры, пока не исчезнет опасность.

Там, откуда я пришел, все еще стреляли. Од-ин раз грохнул мушкетон, и я даже думать не хотел, во что электрическая картечь превратила стены моего дома. Оставалось радоваться, что Талер все еще жив и не сдает позиции, а эти олухи не спешат обойти его по другой лестнице и зайти с тыла. Бласетт явно ошибся, и чужаков в доме гораздо больше девяти человек.

Влетев в кабинет, я подскочил к письменному столу, выдвинул верхний ящик и взял платок Эрин.

— Опасность! — предупредила меня Анхель, но было уже поздно.

Я услышал, как взвели курок, и хриплый голос сказал мне:

— Брось пистолет.

Красный колпак стоял в дверях, направив на меня оружие.

— Брось! Ну?!

Я с неохотой исполнил приказ.

— А теперь положи на стол эту желтую тряпку и отойди в сторону.

Я как раз подумывал принять Облик, когда у меня над плечом пролетела серебристая молния, за ней другая. Первая оторвала человеку руку, вторая разворотила ему грудь и отбросила в коридор. В ушах стоял мелодичный звон, в воздухе, медленно растворяясь, расплывались следы от пролетевших пуль. Стекло в окне не разлетелось вдребезги, но в местах попадания в него остались две большие дыры с оплавленными, вывернутыми «розочкой» краями.

Я бросил мимолетный взгляд на своего спасителя, проследив за траекторией выстрелов. Полковник МакДрагдал стоял на балконе своего особняка. Его грузная фигура была освещена светом, льющим из окон. Он махнул мне рукой, я махнул в ответ, радуясь, что старикан вернулся домой на неделю раньше, чем планировалось.

Отвлечшись, он прилип к здоровенному ружью на чудовищной треноге, направил его дуло куда-то вниз, и ночь пронзил еще один серебристый росчерк. Я между тем убрал платок, поднял брошенный пистолет, взяв Анхель в левую руку. Следовало вернуться и помочь Талеру.

Я решил, что недурно было бы зайти к гостям с тыла, и осторожно

спустился по лестнице в полутемный зал предков. Здесь один бандит рылся в комод, не обращая внимания на пальбу, доносящуюся из холла. Он почувствовал мое присутствие, резко развернулся, я принял Облик, но не тут-то было.

Человек взмахнул рукой, окутав меня какой-то пылью, так что я тут же засиял, словно фонарь, став видимым. Он отпрыгнул в сторону, разрывая расстояние между нами, а затем сделал еще один шаг и прошел сквозь стену, оказавшись на улице. Если для него эта преграда была сделанной словно из воздуха, то для меня она оказалась непреодолимой.

Стряхивая с одежды и волос фосфоресцирующую дрянь, я желал проклятому магу застрять где-нибудь между кирпичами. Послышались свистки жандармов.

— Давно пора, — пробурчал я.

В холле больше не было слышно выстрелов, я заглянул туда и увидел лишь мертвецов да Эстер, запертую в сияющую паутину невидимой клетки. Вид у стафии был такой, словно ее облили водой, а затем мгновенно заморозили. Я обошел ее по кругу, решив пока оставить все как есть, добрался до лестницы и крикнул:

— Талер! Вы живы?! Они, кажется, убрались!

— Да! Все в порядке! Я ранил и скрутил одного! — донесся сверху его голос.

Я в три счета оказался наверху, перепрыгнул через нескольких покойников и увидел связанного скатертью, раненного в живот человека в красном колпаке. Всклопоченный Талер стоял над ним, держа его на прицеле.

Я внимательно посмотрел на пленника, переглянулся с приятелем. Мы поняли друг друга без слов — с такой раной, даже несмотря на то, что крови почти не было, человек не протянет и получаса. Решение у меня созрело мгновенно.

— Бласетт! — крикнул я. — Пожалуйста, вылезь из-под стола и встречь господ жандармов внизу. Скажи им, что уцелевшие сбежали. Скорее всего, через ограду кладбища Невинных душ. Будь добр настоять, чтобы они продолжили преследование. А затем проверь, как дела у Полли.

— Хорошо, чэр, — сказал бледный дворецкий, выбираясь из укрытия.

Я, не особо церемонясь, взял умирающего за шиворот и, не обращая внимания на его стоны, поволок подальше от свидетелей, затащил в ближайшую гостевую спальню и сорвал с его головы колпак, закрывающий лицо.

— А, старый знакомый, — протянул я, узнав иенальца из трамвая. —

Наша третья встреча сложилась неудачно для тебя. Я задам несколько вопросов, и ты мне на них ответишь.

Он в ответ, несмотря на ранение и крайне отвратительное самочувствие, предложил мне заняться развратными действиями с каким-нибудь скангером, а еще лучше — вызвать врача и принести виски.

Вел он себя нагло, невоспитанно и совсем не так, как полагается человеку, чувствующему свою вину за то, что он влез в чужой дом и собирался убить жильцов. Лично я не испытывал к нему никакой жалости.

Мой дядюшка неоднократно повторял, что боль — самая динамичная и эффективная форма допроса. В этом Старый Лис знал толк, уж можете мне поверить. Время поджимало, так что я вытащил Анхель и воткнул кривой стальной коготь ему в бедро. Он охнул, застонал и тут же, взяв себя в руки, сказал:

— Насмешил, чэр! Комариный уку...

— Боль! — произнес я, не слушая его.

Его тело свело судорогой, и он выгнулся дугой, едва не прикусив язык. Когда его суставы начали трещать, а мышцы вот-вот должны были сломать кости, я отменил приказ. Пленник тут же обмяк и потерял сознание.

— Приведи его в чувство! — приказал я ножу.

Бандит тихо вздохнул, распахнул глаза и воззрился на меня с ужасом, словно я был одной из сгоревших душ.

— Если ты не скажешь то, что я хочу услышать, мой амнис вывернет тебя наизнанку, приятель. Она обожает причинять боль таким, как ты, — зловеще прошипел я, склонившись над ним...

Когда Фарбо прекратил орать и остановился, чтобы перевести дух, я молча налил себе в стакан сока, предложил второй Владимиру эр'Дви, а затем произнес:

— Я понимаю, что вы чем-то расстроены, старший инспектор, но все-таки старайтесь держать себя в руках. Человеку, занимающему ваше положение, следует научиться оставаться спокойным при любых обстоятельствах.

— Я расстроен не чем-то, чэр. — Бульдожье лицо Фарбо все еще могло поспорить цветом со свеклой. — А тем, что вы совершенно бесцеремонным образом вмешиваетесь в работу Скваген-жольца и допрашиваете пленников, тогда как этим должны заниматься следователи! И мало того, — поспешил добавить он, когда увидел, что я собираюсь что-то сказать, — ведете допрос столь безграмотным и возмутительным образом, что единственный человек, способный прояснить ситуацию, оказывается мертвым!

— Что поделать, — ответил я, не испытывая никаких угрызений совести из-за случившегося, — мой амнис перестарался.

Фарбо подавился словами, пронзил меня злобным взглядом и прошипел:

— То есть вы не осознаете, что совершили?! Это убийство, чэр! И я имею право привлечь вас к суду по всей строгости закона Рапгара.

— Не выйдет, старший инспектор, — с деланным сожалением ответил я ему.

— Это почему же, скажите на милость?!

— По все тем же законам. В частности, в одном из них, от тысяча трехсот двадцать восьмого года со времени ухода Всеедино́го, значащемся под номером тридцать точка семнадцать поправка восьмая, черным по белому говорится, что любой чэр имеет право убить человека или другое иное разумное существо, входящее в антиправительственную организацию или группу. Подобная личность, вторгшаяся в дом чэра без его официального приглашения и желающая причинить ущерб здоровью или жизни чэра, а также его собственности, может быть убита. В случае конфликтных ситуаций закон находится на стороне лучэра.

Услышав это, Владимир эр'Дви поднял брови, но промолчал, а Фарбо буркнул:

— Эта поправка устарела шестьсот лет назад. Ни один крючоктвор...

— Не станет выставлять себя на посмешище и влезать в безнадежное дело. Поправка устарела, но до сих пор не отменена. Даже Палата Семи будет на моей стороне.

— Убийство, возможно, и сойдет вам с рук, чэр эр'Картиа, но препятствие следствию...

— Закон от тысяча трехсот тридцать пятого года. Восемнадцать точка двадцать восемь, поправка один, старший инспектор. Вам напомнить его формулировку?

— Не стоит. Благодарю покорно. — Фарбо поерзал на кожаном диване. — Я знаю остатки «Кодексов чэров»^[30] ничуть не хуже вашего.

Стэфан довольно рассмеялся, принимая комплимент. Законы знал он, а не я, и его консультация пошла мне на пользу, отбросив такую приставучую пиявку, как старший инспектор.

Фарбо что-то записал в блокноте, вопросительно посмотрел на молчавшего все это время Владимира эр'Дви, тяжело вздохнул и сказал:

— Давайте подведем итог. Люди, которые, без сомнения, относятся к боевой ячейке секты Носящих красные колпаки, врываются в ваш дом и пытаются вас убить?

— Так мне показалось, когда они начали стрелять в меня и в моих домочадцев, — любезно ответил я ему, всем своим видом показывая, что готов оказать полное содействие властям.

— Красные колпаки, о которых мы с вами совсем недавно говорили и которые последние полгода вели себя тише воды ниже травы, вдруг устраивают столь дерзкое нападение. И не на кого-нибудь, а на лучэра. Вы не находите это странным, чэр? — тихо сказал белокурый начальник серого отдела Скваген-жольца. — Я не припомню случая, когда эта секта связывалась с кем-нибудь из нас. Они ненавидят исключительно Иных и ратуют за их выдворение из Рапгара. Лучэры к таковым никогда не относились.

— Я понимаю, о чем вы, чэр, — сказал я. — И не буду говорить, что не знаю, что происходит, и почему они напали на мой дом. Тот человек, прежде чем умер, все-таки успел сказать пару слов.

— Мы уже слышали ваш рассказ. Есть еще что-то? — Он сузил глаза.

— Они искали госпожу Эрин.

— Оставьте нас на минутку, старший инспектор, — попросил Владимир.

— Пойду посмотрю, как дела у криминалистов, — недовольно отозвался тот, поднимаясь с дивана.

Эр'Дви выждал какое-то время и, сев напротив, кивком показал, что я могу продолжать.

— Они искали девушку или ее вещи.

— Здесь? В вашем доме?

— Совершенно верно. — Меня не смутило это наигранное удивление. — Им известна история, произошедшая в «Девятом скором». Кто-то счел, что, раз я заступился за нее, значит, мы с ней хорошие друзья и я являюсь единственной ниточкой к девушке.

— Об этом знали немногие.

— Ну о том, что погиб старший инспектор Грей, тоже немногие знали, — усмехнулся я. — А вместе с тем утром новость уже была во всех газетах. Болтливые языки встречаются и среди жандармов.

— К сожалению, это так, — не стал спорить начальник серого отдела. — Но кроме жандармов в вашем вагоне было много других свидетелей. Начиная от проводника и заканчивая пассажирами. Впрочем, проводник исключается. Носящие красные колпаки не будут иметь дел с мяурром. Однако давайте вернемся не к тому, кто мог сообщить такие сведения секте, им я займусь позже, а к Эрин и ее вещам. Они что-нибудь здесь нашли?

Я счел возможным рассмеяться:

— Разумеется, нет.

Почти мгновенно мне пришла в голову одна мысль, я нахмурился, и это не укрылось от лучэра:

— Что вы подумали?

— Тот человек, который не смог пережить допрос... Я видел его несколько раз. Вчера, а затем сегодня. Вначале я подумал, что это кто-то из ваших людей, и не придавал наблюдению особого значения. Но если этот человек следил за мной, я понимаю, почему они совершили нападение сегодня. Возможно, он увидел, что я встретился с Эрин.

— Что?! — Он едва не подскочил. — Вы видели ее?!

— О да. Сегодня. Мельком. На Арене. Она заметила меня и убежала, прежде чем я смог поговорить с ней. Возможно, Красные колпаки сочли, что мы знакомы гораздо ближе, чем они думают.

— А это не так? — Нет.

— Девушка искала с вами встречи, чэр эр'Картиа?

— Нет, иначе она бы никогда не скрылась с такой поспешностью.

Стэфан предупредил меня, что я занимаюсь глупостями, но я считал, что информация о встрече не повредит ни мне, ни Эрин, в отличие от моего молчания. Владимир эр'Дви все-таки не идиот, раз занимает свою должность, и, если я не кину ему кость, поймет, что я вожу его за нос, гораздо быстрее, чем мне это нужно. Несмотря на все неприятности, которые на меня свалились из-за девушки с карминовыми губами, я все еще желал ее увидеть.

— Почему вы не сообщили о встрече сразу? Ведь я говорил вам, что это очень важно! — Как я и думал, он не испытывал счастья, услышав новость.

— К сожалению, у меня не было времени, чэр. Я был занят на дуэли.

— Я слышал о ней, — кивнул он, все еще недовольно хмурясь. — Эта Эрин уже во второй раз появляется рядом с вами. И Красные колпаки крутятся вокруг вас. Хотите вы или нет, но я установлю за домом наблюдение.

— Ради Всеединого, — пожал я плечами. — Могу предоставить вашим агентам комнату, завтрак, обед и ужин. Если они будут вести себя тихо, я не возражаю против их присутствия.

По мне, так лучше отделаться малой кровью. Вариант шпики в моем доме гораздо предпочтительнее, чем шпики, постоянно дышащий в затылок.

— Не думаю, что это оправданно, — помедлив несколько мгновений, сказал он. — Мои люди поселятся в доме чэры эр'Тавиа. Это достаточно

близко, чтобы прийти к вам на помощь, если Красные колпаки вновь решат заглянуть в гости.

— Не уверен, что старая чэра согласится с вашим решением.

— Отчего же? Она моя двоюродная бабка. Думаю, я смогу ее уговорить.

— Я не знал, — сказал я, немало удивленный этим родством. — Это она вызвала жандармов?

— Да. Отправила посыльного к постовому. Тот привел подмогу. Как только преступники слышали свистки, так сразу бросились наутек. Следует запретить этим остолопам свистеть. Они то и дело пугают крупную рыбу. — Он вздохнул, потер тонкие пальцы, внимательно изучил линии на своих ладонях. — Наш агент среди Колпаков убит. Эрин — последняя зацепка, чтобы выйти на них до того, как что-то случится и этим заинтересуется Князь. Порой начинает казаться, что и мне, да что там говорить... и вам Эрин приснилась. Серый отдел перерыл все архивы, и я могу заключить, что девушка, скрывающаяся под этим именем, — призрак. Ее не существует. В природе такой нет. Ни одного документа, подтверждающего ее существование, кроме свидетельств очевидцев.

— Вам не кажется, что она может быть невиновна, чэр? — осторожно спросил я.

— С интересом узнаю, почему вы так считаете.

— Эти люди, — я кивнул в сторону коридора, — явно были настроены воинственно. Они искали ее не для того, чтобы подарить цветы.

— Ну она важный свидетель, знающий членов шайки в лицо. Я бы тоже беспокоился и искал ее. От них не могло укрыться, что ею заинтересовался Скваген-жольц. Теперь весь вопрос — кто найдет ее раньше: они или мы.

«Мы» мне не понравилось, эр'Дви прекрасно это увидел, улыбнулся и сказал:

— Колпаки, если она им не нужна, просто убьют девчонку. Как опасного свидетеля. Могу поручиться, что прежде чем принимать хоть какое-то решение, я выслушаю ее. И, если она поможет нам, обеспечу ей не только защиту, но и гражданство, которого, судя по отсутствию документов, у нее нет. Если вы... вдруг вновь... случайно с ней столкнетесь, попробуйте передать мои слова девушке. Серый отдел не так страшен, как порой считают обыватели. Мы всего лишь служим гарантом политического спокойствия в Рапгаре. А Красные колпаки, напротив, желают разжечь старые распри и устроить этнические чистки. Раньше это могло пройти. Но теперь Иные не те, что прежде. Они будут защищаться, и пострадают не

только террористы, но и другие, честные лучэры. Князь не хочет огня рядом со своим дворцом.

— Все это я знаю и так, чэр эр'Дви, — ровно ответил я ему, понимая, что не слишком сильно заслужил его доверие.

— Ну вот и славно! — сказал он, вставая. — Старший инспектор!

Через минуту появился еще более угрюмый Фарбо:

— Ваш дом похож на кладбище, чэр. Столько Колпаков за раз не уничтожали даже наши карательные отряды.

— Рад служить городу, — ответил я. — Что касается кладбища, то вы ошибаетесь. Кладбище за оградой.

— Кстати, насчет Невинных душ, — оживился чэр эр'-Дви. — Смогли кого-нибудь поймать?

— Нет, — прогудел Фарбо, снимая шляпу и приглаживая и без того прилизанные волосы. — Ушли. Дело-то нехитрое. Стянул с рожи колпак — и вот уже ты приличный гражданин. Мы устроили облаву, похватали подозрительных прохожих, но вряд ли хоть что-то сможем доказать. Скоро придется всех отпустить, иначе газеты поднимут вой. Кстати, их давно уже пора заткнуть.

— С газетами следует сотрудничать, а не воевать, — наставительно произнес глава серого отдела. — Чэр эр'Картиа, прежде чем я уйду, могу попросить вас об услуге?

— Разумеется.

— Пообщайтесь с нашим художником. Возможно, мы сможем составить хотя бы приблизительные приметы этого изначального мага. Алому ведомству будет над чем поработать.

Их очень заинтересовал человек, выломавший мою входную дверь и обезвредивший стафию. Известие о том, что в запрещенной организации каким-то образом оказался преступник, знающий магию, Скваген-жольц совершенно не обрадовало.

— Какой в этом смысл? — Я поворошил уголья в камине. — На нем был такой же колпак, как и на всех остальных. Могу лишь сказать, что одет он небрежно, роста среднего и худощавый.

Фарбо записал эту информацию в свой старый блокнот. И вновь начал расспрашивать меня о произошедшем. Ему доставляло большое удовольствие убивать мое бесценное время, так что, вне всякого сомнения, мой сегодняшний вечер был полностью и окончательно испорчен.

Глава 14

ЯМА

Как чувствует себя рыба, повстречавшаяся с рыбаком? Это странные ощущения. Ты не думаешь ни о чем плохом, собираешься съесть что-то вкусненькое, и вдруг это что-то хватает тебя, обжигает болью, а затем тащит, несмотря на твое отчаянное сопротивление и попытки освободиться. И вот уже рыбка лежит на земле, задыхающаяся и ослепленная солнечным светом.

В ночь неудачной встречи с чэром эр'Фавиа, когда я по своей глупости пришел на виллу «Черный журавль», мне «повезло» стать такой рыбой. В моей памяти мало что сохранилось после того, как я распахнул дверь кабинета.

Свет. Солнечный свет. Ослепительный до потери сознания. Он выжег мне глаза теплой оранжевой вспышкой, схватил горячими руками, рванул на себя, а затем что есть силы ударил об пол и оставил там, оглушенного, потерявшего зрение и корчащегося от боли.

Свет был вокруг меня, и от его присутствия, казалось, дымилась моя плоть. Я лежал, хватая ртом воздух, ощущая, как вокруг смердит кровью и смертью, слышал звон железа и чьи-то раздраженные и злые голоса. Я силился рассмотреть говоривших, но это было так же бесполезно, как убедить тру-тру стать вегетарианцем.

Я лишь смог разобрать слова, сказанные не мужчиной и не женщиной:
— Слишком рано все началось!

А затем свет начал быстро меркнуть и в конце концов погас, погрузив меня во мрак забвения.

После мне частенько снилось это обжигающее солнце, неясные тени и их бормотание. Вначале кошмар приходил каждую ночь, и я просыпался в холодной одиночной камере «Сел и Вышел», а затем часами смотрел на темно-серые кирпичи, грязный, заросший, не чувствующий ничего, кроме пожирающей меня ненависти.

Затем, спустя дни, недели, месяцы и годы, кошмарный сон стал посещать меня все реже и реже. Возможно, потому, что я понял: он не даст мне ответов на мучающие вопросы. Последние четыре месяца его не было вовсе, и вот я вновь ощутил на своей коже безжалостный свет.

— «Слишком рано все началось», — задумчиво произнес я и

пространство.

— Прости? — откликнулся Стэфан.

— Ничего. Мысли вслух, — неохотно ответил я.

Я так и не узнал, что тогда происходило в кабинете, где позже меня нашли лежащим без сознания рядом с телом эр'Фавиа. Вид, как говорят, у меня был неприглядный — весь в чужой крови и с ножом в руке. Грею и Фарбо этого обстоятельства, а также показаний свидетелей было вполне достаточно, чтобы я был первым и единственным в списке подозреваемых.

— Кого ты хочешь обмануть, мой мальчик? — вздохнул амнис — Думаешь, я не понимаю. Не пора ли отступить и жить полноценной жизнью?

— Я хочу знать, «кто и почему», Стэфан. Я не смогу забыть случившееся. Освобождение от этого придет, только когда я решу загадку. Иначе не будет мне покоя до самого Изначального пламени.

— Ты внушил себе это, — мягко возразил мой собеседник.

Анхель тут же «сообщила», что тот говорит чушь. Она понимала меня чуть лучше, и у них сразу же завязался очередной спор.

Я вышел из комнаты и направился на кухню под грохот строительных молотков. Мастера пытались привести мой дом в порядок. Не знаю, где их нашел Бласетт, но стройка началась с пяти утра — работники устанавливали новую входную дверь и стекла, пытались убрать следы пуль и крови.

Полли сегодня была в очень дурном настроении, гремя кастрюлями и сковородками сильнее обычного. Вчера, на свою беду, к ней на кухню заглянул один из бандитов. Моя четырёхрукая кухарка сделала из него прекрасную отбивную, разве что специями не посыпала, но приготовленное ею коньячное безе оказалось безнадежно испорчено.

— Даже не думай меня утешать, — сказала одна из двух голов махорши. — Только Всеединый ведает, как я зла. Покуситься на дом чэра! Такого я не припомню. Что происходит в Рапгаре и куда смотрят власти, если какие-то мерзавцы осмеливаются на такое?!

— Ты не видела Эстер? — спросил я вместо ответа. Обычно стафия все свободное время проводила на кухне, возле большой печи. Но сейчас ее не было.

— Опомнись! — буркнула повариха, неодобрительно на меня покосившись, и швырнула на сковородку отбивную чуть сильнее, чем требовалось. — Давно пора с ней поговорить. Наверху она. В кладовке.

Громко ворча, Полли принялась за готовку, дав понять, что сегодня она никому не рада. Я убрался с ее кухни, на ходу стянув с тарелки одну из

тыквенных оладий, и поднялся на последний этаж, где находились нежилые комнаты, вход на чердак и большая кладовка, заваленная пыльным и покрытым паутиной барахлом, доставшимся мне в наследство от предков.

Эстер облюбовала кладовку в качестве своей комнаты, хотя, по словам Стэфана, еще сто лет назад она предпочитала чердак, который был не таким пыльным и гораздо более просторным.

Из-за разошедшейся, застекленной мутным стеклом двери раздавались тихие стоны и подвывания.

— Эстер, — сказал я, постучав. — С тобой можно поговорить?

В кладовке тут же стало тихо. Я подождал несколько секунд, но она не спешила мне отвечать. Зная, что дверь не заперта, я, как вежливый чэр, не собирался входить без приглашения несмотря на то, что являлся владельцем этого дома от подвала до чердака.

— Послушай, тебе не в чем себя обвинять. С той стороны раздался громкий всхлип.

— И тебе совершенно нечего расстраиваться, а уж тем более переживать. Никто ни в чем тебя не винит.

— Я не справилась! — Голос у фамильного призрака был глухим от рыданий. — Подвела вас, господин!

— Ну полно! Если бы не ты, они добрались бы до нас гораздо быстрее, чем мы смогли опомниться. И уж Бласетт бы точно не пережил вчерашний вечер. Так что ты просто молодец.

Дверь медленно распахнулась и я, сочтя это за приглашение, вошел в кладовку. Последний раз я приходил сюда в возрасте тринадцати лет, когда Грегори, наш прежний дворецкий, спрятал среди запыленных ящиков мою рогатку. С тех пор кладовка не сильно изменилась, разве что стала еще более пыльной, чем прежде. Единственное окошко, небольшое и заросшее старой паутиной, едва-едва пропускало свет. Так что мне стоило большого труда разглядеть стафию.

— Вся моя жизнь после смерти посвящена этому дому и тем, кто в нем живет, чэр. — Голос у призрака был необычайно тих. — Ваш предок был добр ко мне. Даже несмотря на темный ритуал и то, что в первое мгновение кажется кощунственным. Он дал мне шанс жить дальше и видеть, как снова и снова приходит осень, как меняется город и те, кто живет в нем. Мои кости, моя душа, вся я, целиком, без остатка, принадлежу этому дому. Я — это он.

Два огненно-красных глаза-уголька мигнули в полутьме.

— Видит Всеединый, с которым мне никогда не встретиться, я

стараясь верно служить и выполнять свои обязанности, господин.

— Я знаю это, Эстер, — осторожно ответил я.

Она впервые была столь откровенна со мной, и я затаил дыхание, опасаясь, что стафия вновь закроется, словно устрица в раковине.

— И я подвела вас, что бы вы ни говорили мне, чэр. — Призрак вновь всхлипнул. — Вы едва не погибли. Мне нет оправдания.

— Никто не ожидал, что сюда когда-нибудь заглянет изначальный маг. Тебе не по силам справиться с ним.

— По силам. Но я оказалась нерасторопна, и он застал меня врасплох.

Мне понадобилось несколько минут, чтобы убедить ее в том, что существо, созданное с помощью волшебства, может пострадать только от этого самого волшебства.

Выступить целителем совести фамильного призрака — такое я и представить не мог!

— Так что хватит терять время и сидеть взаперти, — напоследок сказал я Эстер. — Полли рвет и мечет после вчерашнего. Ты же знаешь, как она реагирует, когда чужаки заходят на ее кухню и портят еду. Я был бы тебе очень благодарен, если бы ты ее утихомирила. Она сама на себя не похожа.

Под стук молотков я вернулся обратно в свой кабинет, по ходу взглянув на стрелки старых часов. Стекло, вчера продырявленное полковником, уже успели заменить, а кровь убитых убрали вместе с испорченным ковром. Талер, увидев оплавленные дыры и услышав от меня о серебристых росчерках в воздухе, пришел в сильное возбуждение и едва не забегал по потолку.

— Ты видел⁷? Видел?! У МакДрагдала рельсовая винтовка! Откуда?!

— Ты так прыгаешь, словно случилась сенсация и какой-то скангер с помойки внезапно стал мэром Рапгара.

— Я же тебе говорил об этих штуках. Они на вес золота и пока имеются только у гвардии.

— Ну и что с того. — Меня занимал лишь прошедший разговор с жандармами. — Полковник — старый вояка, у него полно связей в военном ведомстве. Он как-то похвалился, что может по знакомству достать все что угодно, даже бронепоезд. Если тебя так уж интересует это орудие убийства, сходи к нему и узнай, что к чему. Постой! Не так быстро. Возьми одну из бутылок, что прислал Данте. Отнеси старику с моими глубочайшими благодарностями.

Талер смылся, только его и видели. Даже плащ забыл. Наверное, до сих пор возится с той смертоубийственной штукой, что плавит стекла,

вместо того, чтобы их разбивать.

До темноты оставалось еще очень и очень долго, и я слонялся по дому от безделья, наблюдая, как руководимые Бласеттом люди восстанавливают чистоту и порядок.

Затем я вернулся к амнисам, надеясь, что они закончили споры и можно почитать оставленную книгу в тишине и покое.

— И когда ты собирался мне рассказать? — Голос Стэфана был язвительным.

— О какой из тысяч моих тайн идет речь?

— Если бы мы знали секреты друг друга, они бы стали лучшим утешением для наших сердец, — пробормотал он и ответил: — О том, что на самом деле рассказал тебе тот пленник. О том, что из него выудила Анхель.

— Те девять слов? — небрежно бросил я. — Совершенно вылетело из головы, если честно.

Будь у него зубы, он обязательно бы ими заскрежетал.

— Это важные девять слов, мой мальчик. И ты не спешил поделиться ими со Скваген-жольцем.

— Моя память в последнее время оставляет желать лучшего, — притворно вздохнул я. — Столько событий.

— Нельзя шутить с жандармами, Тиль! Это до добра не доведет.

— Ты говоришь сущие банальности.

— Я говорю истину! Мало тебе неприятностей в прошлом? Я издал неопределенный звук, который можно было с большой натяжкой попытаться трактовать как согласие.

— Эта девица и так принесла тебе кучу проблем. И впутает в еще большие, если не оставишь ее в покое! Я говорил тебе, что не следовало брать тот платок. Брось ты его в поезде, и ничего бы не случилось.

— Вот этого бы я не хотел.

Эмоции Анхель показали мне, что она не одобряет моего интереса к Эрин. Ей резко не нравилась подобная ситуация.

— Успокойся, Анхель, — попросил я амниса. — Призрак Клариссы давно уже должен был перестать мучить тебя.

Она деликатно промолчала, решив, в отличие от своего товарища, не учить меня жизни. Во всяком случае сегодня.

— Что ты намерен делать? — Стэфана не смутило, что я уткнулся носом в книгу.

— А как ты думаешь? Разумеется, прогуляться, как только стемнеет.

— То есть собираешься отправиться в Яму только потому, что тот

умирающий умник сказал: «Мы узнали в „Тщедушной иве“, что она у тебя»?

Он явно не верил, что я совершу такую глупость, поеду на другой конец города, сунусь в обитель порока и буду вести расспросы.

— Верно.

— Это безумие! Он мог врать!

— После того как за дело взялась Анхель? — Я дернул бровью и перевернул страницу. — Никакой лжи. Одна исключительная правда. Право, жаль, что этот негодяй умер, мало что объяснив.

— Ну хорошо, — стараясь не раздражаться, произнес Стэфан. — Хорошо. Положим, ты придешь в «Иву». И что ты там скажешь? Кому?

— Я что-нибудь придумаю. Или ты считаешь, что я должен все так и оставить? Лично мне любопытно найти того, кто натравил на мой дом Носящих красные колпаки.

— Полно водить меня за нос, мальчик! — фыркнула трость. — Уверен, что все это ты делаешь только для того, чтобы попытаться отыскать Эрин.

— Тем более мне следует сегодня прогуляться. Я сто лет не был в Яме. Будет любопытно посмотреть, насколько сильно изменился район за прошедшие годы.

— На улице сегодня замечательная погода, чэр, — сказал Бласетт, подавая мне шляпу. — В котором часу вас ждать?

— Право, не знаю, — на мгновение задумался я. — Скорее всего, буду поздно.

Я толкнул плечом новую, еще пахнущую лаком дверь, вышел на крыльцо. Несмотря на ранний вечер и то, что уже наступили сумерки (с каждым днем темнело все раньше и раньше), было относительно тепло, и небо оказалось чистым — ни облачка. Я направился через парк, мимо статуи бронзового пса, на параллельную, более оживленную улицу.

В правом кармане моего плаща лежал один из пистолетов, подаренных Алисией. Яма — такое место, где огнестрельное оружие никогда не бывает лишним, потому что не знаешь, на кого тебя может вынести. Большинство улиц Квартала исполнения желаний, занимающего весь север Ямы, относительно безопасны, но и туда заплывают акулы из более темных местечек. Некоторые вместо ожидаемого веселья получают билет в Изначальное пламя, без всякого шанса вернуться обратно.

Я остановил извозчика, доехал до Старого парка и решил перекусить в кафе, прежде чем отправляться дальше. Увеселительные заведения квартала начинают работать на полную катушку, когда наступает темнота. Днем большая их часть закрыта, и те, кто работает в сфере разнообразных

услуг, видят десятый сон. Клиенты появляются под вечер, а ночью жизнь бьет ключом вместе с дорогим шампанским, дешевым ромом, смехом шлюх, стуком игральных костей, шуршанием шарика в рулетке и потоком фартов, меняющих владельцев.

Старый парк, пожалуй, один из самых зеленых и степенных районов северной части Рапгара. Здесь почти такие же престижные магазины, как и в Сердце, с той лишь разницей, что цены несколько ниже, а обслуживание чуть хуже. Ресторанов немного, а вот кафе сколько угодно — студенты из моего родного университета Кульштасса любят провести время за кофе, пирожными и вишневым пивом. Правда, во время студенческих бунтов, частенько происходящих после того, как Городской совет вводит очередной декрет об образовании, притесняющий права этой категории граждан, от кафешек остаются рожки да ножки, но они неизменно возрождаются из пепла, точно мифические фениксы малозанцев.

Я зашел в одно такое, сел возле большого панорамного окна, заказав чашку апельсинового кофе с корицей и сэндвич с лососем, и развернул «Время Рапгара», купленную по дороге. Бласетт, весь день занятый руководством рабочими, восстанавливающими мой дом, не успел купить мне газету.

— Что-нибудь слышно о Ночном Мяснике? — спросил Стэфан.

— Нет, — ответил я, помешивая ложечкой сахар, брошенный в кофе с душистой пенкой. — Сегодня даже некрологов маленький народец наплакал. Все здоровы, как махоры. Никто не спешит умирать. Из новостей тебя, возможно, заинтересует повышение цен на дирижабельное сообщение между Рапгаром и Сильеррой? Или то, что проведенная жандармами облава на скангеров в Благословенной земле не дала никаких результатов?

— Все это чушь. Переходи к первой странице.

— Люди Багряной леди начали активные действия. Сегодня в акватории Рапгара, недалеко от острова Доблести, пытались протаранить на угнанном сухогрузе новенькую паровую яхту, цитирую: «одного высокопоставленного лучэра из Палаты Семи». Они бы еще написали «одного неизвестного, живущего по адресу Золотые поля, улица Триумфа, дом восемнадцать»! Последнему скангеру известно, что новую яхту купил себе Мишель эр'Кассо.

— Однако они совсем распоясались! И что, им удалось?

— Держи карман шире. Из Гавани в это время на ходовые испытания вышел «Холм Света». Капитан чэр эр'Мальта вовремя заметил неладное и всадил сухогрузу снаряд ниже ватерлинии. Выживших среди преступников не оказалось.

— Они что, все поголовно не умели плавать? — Скепсиса в голосе амниса было на целый Мировой океан.

— Здесь пишут, что трюмы корабля были набиты порохом, словно арсенал гвардии. Все взлетело на воздух. Яхта чэра незначительно пострадала. Капитана броненосца представят к правительственной награде.

— Куда катится этот мир! — трагично вздохнул Стэфан. — Багряная леди взялась за старое, Колпаки бесцеремонно врываются в дом к чэру, Ночной Мясник охотится на граждан.

— Кстати, насчет Багряной леди. Мэр предложил за ее голову десять тысяч фартов. Секта Свидетелей крови сильно разозлила власть имущих. Скоро за них примутся так же, как за Колпаков. Эти ненормальные перешли все разумные границы!

Я заказал еще одну чашку кофе, размышляя о том, что от неприятностей последних дней я так и не избавился, лишь отсрочил их. Колпаки, ищущие Эрин, все еще думают, что я знаю, где она, а следовательно, могут нагрянуть в гости в любой день. К тому же Фарбо не отказался от безумной идеи, что я знаю что-то о Ночном Мяснике или вовсе именно он и есть.

— Новость с покушением на собственность эр'Кассо даже затмила сообщение о первом столкновении нашего флота с малозанским. Его перенесли на вторую страницу, — сказал я амнису, пробежав глазами следующий разворот. — Произошла мелкая стычка у северных границ Кируса, когда флот шейха хотел войти в его территориальные воды, но наткнулся на патруль Второго флота. Завязалась перестрелка, и прежде чем малозанцы отступили, «Пламя» потопил одну канонерскую лодку, повредил пароход обеспечения и легкий броненосный крейсер «Джейран» и «слаженными залпами отогнал корабли десанта обратно в море». Сам броненосец повреждений не получил.

— Это только начало. Шейх прощупывает врага. Будь с ними несколько тяжелых кораблей, и «Пламя» так легко бы не отделался.

— Ну посмотрим, что будет дальше, — философски заметил я, сворачивая газету. — Одно могу сказать точно: судя по биржевым сводкам, акции оружейных компаний стремительно поползли вверх.

— Что ты намерен делать с хвостом? — Стэфан переменял тему.

Я посмотрел на темную улицу, где уже зажгли электрические фонари, и ухмыльнулся:

— Тоже заметил? Думаю, избавиться от него будет несложно.

Эр'Дви, разумеется, не удержался и приставил ко мне двух провожатых. Они были настолько опытны, что даже Анхель почувствовала

их отнюдь не сразу. Два унылых шпики казались незаметными тенями до той поры, пока я не зашел в кафе. Один остался на улице, а другому пришлось сесть в трех столиках от меня и заказать черного чаю.

Я посидел еще минут десять, вяло переругиваясь со Стэфаном, который вновь завел речь о том, что надо забыть об Эрин, перестать заниматься глупостями и принять предложение Данте — уехать вместе с ним на курорт жвилья, пока страсти в Рапгаре не поутихнут.

— В Рапгаре всегда кипят страсти. Это обычное его состояние. Иного ему просто не дано. Убежать от этого не получится.

Я расплатился, вышел на ярко освещенную улицу, прошел вперед, убедился, что шпики не передумали гулять вместе со мной, зашел к цирюльнику и побрился. Затем посетил два магазина, в одном купил новые перчатки, в другом поглазел на витрины с колониальными товарами и, выйдя на улицу, помог старому волшебнику из Академии Доблести с его саквояжем, когда он забирался в коляску.

Старый парк — мой дом родной. Будучи студентами, мы излазили его с Талером вдоль и поперек, узнав все улочки, переулки и магазинчики. Вражда с выходцами из университета Маркальштука делала территорию парка нашими боевыми угодьями, так что скрыться здесь ничего не стоило. Особенно когда у тебя есть столь удобный Облик.

Я оставил подчиненных Владимира эр'Дви с носом, посмеиваясь, поймал повозку. По набережной Маленькой страны доехал до Сладкого моста, ведущего в Соленые сады — район, в основном населенный заводскими работниками, и здесь пришлось остановиться и ждать, когда мимо пропал за тропеелла.

Огромное разумное дерево, внешне похожее на пятиэтажную бочку, обросшую толстенными искривленными ветвями, каждая из которых покрыта сияющими, пульсирующим голубоватым светом листьями величиной с лопух, едва-едва переставляло узловатые, похожие на ноги краба корни. Тро-паелла ползла со скоростью перегруженной дрезины, явно никуда не торопясь и не обращая ровным счетом никакого внимания на горожан. Даже странно, что этот куст-переросток был представителем самого умного народа Рапгара. Мозгов у дерева хватило бы на весь научный совет университета Маркальштука. Одно слово — изобретатели.

— Ходячая капуста, — пробубнил Стэфан, раздраженный внезапной задержкой.

Выбравшуюся из Больших голов тропееллу сопровождал усиленный патруль жандармов и одна хаплопелма. Скваген-жольц предпринимал все меры, чтобы никто не покушался на разумные растения, благодаря

открытиям которых страна с каждым годом усиливает свои позиции на мировой политической арене.

Когда дорога освободилась, мы пересекли мост через реку Пиявок, проскочили самые приличные кварталы Садов и оказались в Яме, границы которой символизировали старые, испорченные недалекоими идиотами гранитные львы с обби-тыми головами. Я расплатился, прошел узкую улицу, где дома, казалось, заросли разнообразными балконами, и попал в восточную часть Квартала исполнения желаний.

По сути дела Квартал — это три узкие, идущие параллельно друг другу улицы, длиной почти в милю, соединенные между собой безумным лабиринтом из переулков, проулков и тупичков, все пространство которых занято заведениями разнообразной направленности, сомнительного качества и риска. Если уйти с главных улиц, в основном предлагающих невинные забавы вроде игры в вист, рулетку и ночи с девочкой, можно попасть в настоящее царство порока и тайных страстей, в некоторых из которых люди боятся признаться даже самим себе.

В Квартале исполнения желаний можно найти что угодно, если ты, конечно, знаешь, что искать, и готов заплатить за это достойную цену. В часть из таких проулков, расположенных в большинстве своем в южной части района, я не рискнул бы сунуться даже днем, что уж говорить о ночи.

Квартал застроен двух-трехэтажными домами и украшен яркими огнями, словно вот-вот должен наступить Новый год. Уличные фонари — старинные, исключительно масляные, с красными, голубыми, желтыми и зелеными стеклами — говорящие знающим людям, что готовы продать здесь, а что — по соседству. Страждущие развлечений снуют от огонька к огоньку, словно мотыльки, привлеченные запретным светом, и в большинстве своем не думают, что могут обжечь себе крылышки так, что будет нельзя не только летать, но и ползать.

Я совсем не пугаю. О нет. Жизнь — штука забавная, и никогда не знаешь, где тебе на голову упадет кирпич, но процент разбивающих макушку камнем в Яме все-таки гораздо выше, чем во многих других частях Рапгара. Если вас ограбили или просто обжулили, считайте, что вы легко отделались. Публика, обитающая южнее главных улиц, вполне может оставить вас и с проткнутым легким в какой-нибудь куче навоза. Раньше, до тех пор, пока Городской совет и мэр смотрели на район сквозь пальцы, это случалось чуть ли не каждую ночь, но после того, как Скваген-жолыц отправил пять десятков умников на каторгу и еще примерно столько же вздернул в Тёмном уголке, остальные акулы теневого бизнеса решили вести себя чуть скромнее и ежедневно поставлять в городские морги чуть

меньше покойников, чем в старые добрые времена.

Прецеденты, разумеется, случались и сейчас, но отнюдь не в таких количествах, как двадцать-тридцать лет назад.

— Что-то изменилось, — протянул Стэфан, когда я шел по улице, отыскивая нужную мне вывеску.

— Людей стало меньше, — ответил я ему, мельком взглянул на зазывалу, скушающего в дверях «Кошечки и коты Луизы». — И появились жандармы.

Я встретил патруль из пятерки в синих мундирах, настроенных решительно и воинственно. Они то и дело зарабатывали косые и немного испуганные взгляды от тех, кто пришел за развлечениями, и злобные, полные ненависти от тех, кто торговал удовольствиями. Служаки из Скваген-жольца распугивали клиентов, местным это совершенно не нравилось, но в прямые конфронтации вступать они пока не спешили.

Скваген-жольц не жалуется тех, кто хочет столкнуться с ним лбами. Как только это случится, синих мундиров станет еще больше, и весь бизнес заглохнет месяца на два-три. Не говоря уже о тех умопомрачительных взятках, которые придется заплатить разнообразным чиновникам якобы за лицензию, а на деле за то, чтобы они закрыли глаза на нелегальные делишки, которые здесь благоухают, словно тропея в зимний период цветения.

— Ищут Ночного Мясника. — Амнис откашлялся. — Подозреваю, теперь подчиненные эр'Хазеппы работают без отпусков и выходных.

— Тогда понятно, почему у них такие злобные рожи.

Из открытых окон гремела музыка, слышался приглушенный женский смех, пьяные вопли, чей-то скулеж. Несмотря на небывалую пустоту на улицах, внутри было полно клиентов. Возле магазина «Экзотические животные», где в витрине стояли клетки с райскими золотисто-бирюзовыми птицами, зубастым чудовищем с ядовито-зеленой шерстью и полуобнаженной смуглокожей девицей в наручниках, ко мне подскочил невнятный тип в сюртуке с надорванным воротником и шепотом-скороговоркой предложил «приятную траву для наслаждения».

Увидев, что в моих глазах не возникло никакого интереса, он исчез так же бесшумно, как и появился. Торговцы дурью всегда найдут тебя сами и предложат почти все что угодно, исключая только дрянь, за продажу которой можно лишиться головы. Подобные радости продают лишь проверенным клиентам, а не праздным прохожим, вполне способным оказаться сотрудниками отдела по борьбе с запрещенными веществами.

Несколько раз очень вежливые господа поинтересовались у меня, не

хочется ли мне пообщаться с девочками, поняв, что в этом я не заинтересован, предложили замечательных юношей. Когда это тоже не заставило меня стать внимательным, стали предлагать встречи с более экзотическими существами. Услышав о дьюгоне, я вспомнил Арчибальда в аквариуме и **едва** не рассмеялся.

Маленькая лавочка, зажатая между игорным домом «Пять королей» и питейным заведением «Зеленый глаз», не привлекала к себе особого внимания. Кованое крыльцо с черными перилами, сплошная деревянная дверь, не слишком притязательная колотушка. С тех пор как я здесь был в последний раз, ровным счетом ничего не изменилось.

Я поднялся на крыльцо, стукнул колотушкой и принялся ждать. Вначале меня долго рассматривали в глазок, потом вполне разумно решили, что чэр с такой упрямой физиономией вряд ли уйдет сам, поэтому загремели замки и, пригнувшись, чтобы не снести притолоку, сквозь дверной проем протиснулась девица, своей комплекцией и кулаками способная поспорить с махором. Ее маленькие черные глазки, казалось живущие собственной жизнью на покрытом красными прыщиками лице, раздраженно изучили меня с ног до головы.

— Чем я могу помочь вам, чэр? — Она держалась в рамках приличий.

Раньше у Ракель была другая, знавшая меня охранница, но время не стоит на месте.

— Я хотел бы поговорить с госпожой Ракель. Она сделала кислую мину:

— Извините. Ее сейчас нет. К тому же она не принимает мужчин.

Я протянул ей визитку:

— Передай. Я подожду ответа.

Девица скептически изучила карточку, явно не поняла ни одной буквы, буркнула: — Подождите... пожалуйста. — И скрылась внутри здания, захлопнув дверь и скрипнув засовом.

Анхель предложила поучить ее вежливости, но я лишь хмыкнул. Спустя долгих пять минут, когда я с интересом наблюдал за тем, как двое сопливых студентов пытаются с помощью смекалки прорваться в дорогой публичный дом, что находился через дорогу, вновь загрохотали запоры, дверь распахнулась.

— Проходите, чэр. Вас примут. — В голосе девицы сквозило несказанное удивление, что до меня решили снизойти. — Пожалуйста. В приемную. Госпожа сейчас будет.

Я пошел вперед, показывая ей, что прекрасно знаю дорогу, она, сопя, топала за мной.

Приемная — залитая светом свечей круглая комната без окон — пахла благовониями и тропическими цветами. В центре находился круглый стол и два стула. На столе была постелена сплетенная из тонкой соломы скатерть, на ней стоял хрустальный шар, внутри которого безостановочно поднимались снежные вихри. В углу комнаты я увидел большой тамтам, сделанный в том числе и из человеческой кожи. На пустом книжном шкафу, нахохлив перья, сидел старый сыч.

Он взглянул на меня золотистыми глазами, моргнул и отвернулся.

— Простите, чэр. Но я попросила бы вас отдать пистолет, — сказала охранница, когда я сел на стул.

Я посмотрел на нее, улыбнулся и протянул револьвер:

— У тебя отличный глаз.

Она засопела сильнее, стараясь не показывать, что довольна комплиментом:

— Желаете что-нибудь выпить? — Нет.

Девушка ушла, даже не посчитав нужным меня обыскивать. Минуты три я наслаждался одиночеством, пристально следя, как снег безумствует в хрустальном шаре в тщетной попытке вырваться на свободу. Затем в комнату неслышно вошли два матерых леопарда в ошейниках. Один лег в углу, рядом с тамтамом, другой сел в пяти шагах от меня и потянул носом воздух.

— Здравствуй, Ласка. Привет, Нежность, — сказал я им. Они ничем не показали, что узнали меня. Затем раздали шаги, и голос у меня за спиной произнес:

— Так-так-так. Пересмешник. Вот уж кого я никак не ожидала увидеть.

Я встал, снял шляпу и произнес голосом Бэсс:

— Здравствуй, Ракель. Приятно тебя видеть.

— О-о-о, — восхищенно прошептала она, услышав завораживающее контральто, и, остановившись, зажмурилась от удовольствия. — Бесподобный голос, Пересмешник. Хочу еще. Кто она?

— Забудь о ней. Она вырвет тебе горло и съест твои глаза. Лучше вам никогда не встречаться.

— Поверю тебе на слово, — искренне огорчилась Ракель, садясь напротив. — Раньше ты разговаривал со мной, используя другую женщину. Та была более холодна. Почему такая перемена?

Раньше я общался с Ракель голосом Клариссы.

— Жизнь требует перемен, — уклончиво ответил я ей, и она рассмеялась.

— Семь с половиной лет, эр'Картиа. Я уже не надеялась встретиться с тобой в этой жизни. Оттуда, куда ты ушел, не возвращаются. Дай-ка я на тебя посмотрю. Хм... несмотря на казнь, ты вполне бодр и здоров.

— Не обольщайся. Я одной ногой в могиле. Ракель вновь рассмеялась:

— Мы в ней с той поры, как родились. Весь вопрос лишь в том, когда тебя толкнут в спину, и ты туда ляжешь. Судя по тому, что я вижу, ты в нее не спешишь. Лицо стало жестче. Глаза умнее. Ты осторожничаешь, Пересмешник. Мне это нравится. Нет старого бездумного движения напролом. Будь я более цинична, сказала бы, что случившиеся с тобой печальные события пошли тебе на пользу.

Она откинулась на спинке стула, продолжая меня рассматривать. Я не торопил ее. Знал, что проще дать то, что она хочет, а после спросить с нее сторицей. Так будет быстрее.

Ракель — из племени оганов. Антрацитовая, немного лоснящаяся кожа, жесткие, курчавые волосы, собранные во множество косичек, в которые вплетены костяные бусины, вишневые глаза, полные губы, немного приплюснутый нос. Все это разобранные кусочки мозаики, сложить которую я не в силах. Бархатная полумаска, закрывающая верхнюю часть ее лица, никогда не давала сформироваться полной картине. Я не знал, как на самом деле выглядит моя собеседница, и, встретить ее случайно на улице, никогда бы не узнал.

Ракель предпочитает вызывающие наряды, исключительно из змеиной кожи. Спустя годы она ничуть не изменила своему вкусу и сегодня облачилась в серебристо-зеленое трико из какого-то чешуйчатого гада.

Вишневые глаза, теплые, насмешливые, казалось, изучают каждый дюйм на моем лице. Медленно, основательно, практично. Несколько раз она белозубо улыбнулась своим мыслям, а затем сплела пальцы, украшенные множеством перстней, и сказала:

— Я удовлетворена. Спасибо. За чем пришел, мой старый друг? Неужели тебе понадобилось слово гадалки?

Мы одновременно улыбнулись ее шутке. Гадалка из нее неважная. Та пара реальных предсказаний, что она выпустила в мир, произошла в ее далеком детстве, и с тех пор оганка лишь морочила головы доверчивым клиентам.

— Оставь эти слова для леди, которые в них нуждаются. — Я сам с удовольствием слушал голос Бэсс. — Мне давно не доводилось бывать в Яме, и прежде, чем здесь гулять, хотелось бы узнать, как обстоят дела в Квартале желаний.

Ракель — продавец информации. Если вам нужны какие-то новости

или важные слухи, если вы хотите узнать, что происходит в Яме и что должно случиться в Квартале исполнения желаний в самое ближайшее время, эта женщина — та, кто сможет вам помочь.

Информация — ценный источник. Порой даже смертельный. Сболтнешь что-нибудь не то — и обязательно найдется какой-нибудь злобный враг, который захочет выбить из тебя душу. Именно для этого Ракель и нужна охранница и дрессированные леопарды. Впрочем, они — тоже прикрытие. Оганка вряд ли нуждается в подобной защите, так как является очень сильным природным изначальным магом.

Разумеется, она зарегистрирована, имеет лицензию, раз в квартал отмечается в алом отделе Скваген-жольца, но не слишком афиширует свои способности перед местными. Я сам-то узнал о том, кто она, совершенно случайно. Ракель не желает работать на правительство и откупается от своего куратора из Академии Доблести новостями. Власть такой обмен вполне устраивает, женщину тоже, особенно пока об этом не догадываются жители Ямы.

— Какого рода информация тебе нужна, эр'Картия?

— Исключительно ознакомительная. Давай начнем с нее. А дальше я разберусь, о чем спросить.

— Хорошо. Но, надеюсь, что говорить буду не только я.

У Ракель есть маленькая слабость: она обожает слушать женские голоса. И ненавидит мужские. Поэтому предпочитает общаться лишь с женщинами. Я благодаря своему Атрибуту являюсь исключением из правил.

В следующие десять минут я узнал всю подноготную кварталов, расстановку сил среди группировок и места, куда лучше не соваться даже чэру.

— Все обозлены, хоть и пытаются это скрывать. Жандармы — как игла, воткнутая в глаз. Им здесь не рады.

— У тебя есть сведения о Ночном Мяснике?

— Нет, — тут же ответила она. — Скваген-жольц меня вывернул наизнанку, но я могу лишь руками развести. На улицах много говорят об ублюдке, но никто, можешь себе представить, никто ничего не видел и не слышал. Он куда более ловок, чем ребята, что промышляют здесь с рождения. Поверь, если им удастся поймать убийцу, тот пожалеет о дне, когда он родился. Больше всего на свете в Яме не любят, когда им не дают спокойно зарабатывать деньги.

Она предугадала мой следующий вопрос:

— И насчет тебя, к сожалению, все тоже глухо. Тот, кто это сделал,

явно не из Ямы. Я пыталась хоть что-то узнать для тебя. К тому же твой друг Данте предлагал серьезные деньги хотя бы за крупницу новостей, но ни один шептун не сказал ни слова. Никто ничего не знает. Концы надежно спрятаны в воду. Или же это просто не наш уровень, и искать надо где-то в других областях. Сожалею.

Нежность потянулась, зевнула и упала на бок.

— Хочу сообщить тебе новость, Ракель. Совершенно бесплатно.

Глаза в полумаске прищурились, но она решила ничего не говорить, а подождать продолжения.

— В ответ я хотел бы услышать твои соображения.

— Равноценный обмен, — рассмеялась она. — Мне это нравится. Но не могу обещать, что это будет бесплатно, Пересмешник. Возможно, мои соображения стоят дороже твоих новостей.

— Не обижай меня, Ракель. Я всегда оплачиваю услуги. Оганка лучезарно улыбнулась, и я сжато рассказал ей о том, что произошло вчера в моем доме. Скрывать не имело смысла. Уже сегодня маленькая заметка появилась во «Времени Рапгара». Слава Всеединому, там не стали упоминать мое имя, уделив внимание лишь Скваген-жольцу, который не смог сдержать обещание и придушить всех сектантов. Но Ракель, насколько я помню, газет не читает, так что я буду той птичкой, что пропоет ей на ушко последние новости.

— Носящие колпаки воскресли из мертвых? — удивилась она. — Очень странно. Не буду спрашивать тебя, чего они хотели, но я удивлена. Сильно. Скваген-жольц уничтожил всех почти полгода назад. Никто не выжил.

— Значит, не всех. Она пожала плечами:

— Очевидно, хотя и невероятно. Секта была воинственная, сильно шумела, о ней многие знали и даже помогали, пока они не перешли дорогу власти. Если бы кто-то уцелел, я бы обязательно услышала. Не в Королевстве мертвых же они прятались!

— Кто-то из них посещал «Тщедушную иву».

— Значит, это был кто-то из тех, кто раньше никогда не появлялся в Яме. Слушай, я знаю, что говорю. Самолично видела документы, которые мне показывали серые — там изображения всех, кто состоял в боевых ячейках. Их прекрасно знали в лицо, прежде чем начать уничтожать. Одни лучэры.

— Ты хочешь меня убедить, что какие-то неумные люди натянули себе на морды колпаки, рискуя привлечь внимание жандармов, чтобы ограбить меня?

Я не стал говорить о том, что мимоходом сообщил мне эр'-Дви об уцелевшей верхушке секты.

— Ну в Рапгаре идиотов хватает, знаешь ли. Нет. Я не хочу сказать, что кто-то выдает себя за Носящих колпаки. Но ведь нельзя исключать этой возможности, правда?

Я согласно кивнул:

— Что ты знаешь о «Тщедушной иве»? Много изменилось?

— Заведение осталось таким же. В меру пафосное, в меру безопасное. Пользуется популярностью, деньги крутятся серьезные. Игроки приходят со всего города. Настоящие, а не какая-нибудь шваль. Но есть и изменения. Раньше туда не пускали отребье, а теперь в нижних залах вертятся разные люди и нелюди. Обтяпывают темные делишки, очень далекие от азарта и карт.

— Сменился владелец? — тут же понял я.

— В точку. Все-таки скажи, как зовут девушку, чьим голосом ты говоришь?

— Ракель, я понимаю, что ты торгуешь информацией и наделена должной степенью любознательности, но, когда я говорил про вырванное горло, это не было образной фигурой речи. Лучше поведай, куда делся Сантьяго?

— Умер четыре года назад, да смиростивятся над его душой добрые духи. За семьдесят ему было, возраст уже не тот, чтобы по лестницам прыгать. Упал в один из вечеров на глазах у всего зала и свернул себе шею.

— Очень печально, — проронил я. — Кто теперь хозяин?

— Фальк. Помнишь его?

— Еще бы! Он все такой же неразговорчивый, как и прежде?

— Верно. А еще стал страшным параноиком. Окружил себя целой стаей громил.

— Есть чего опасаться?

— Было дело, год назад у него пытались отобрать заведение. Сломали ноги. Теперь никуда не выходит без охраны. К тому же он на ножах с Квиппсом из южных районов. Фальк не поделил с ка-га долю в публичном доме, что в проулке Золотых лодыжек.

— Кажется, это все, что я хотел сегодня узнать.

Я достал бумажник, положил на стол перед хрустальным шаром несколько крупных купюр.

— Этого достаточно?

— Вполне, — сказала чернокожая, даже не взглянув на деньги. — Спасибо, что навестил. Мне понравился твой новый голос.

— Я уже понял, — сказал я, вставая. — Кстати говоря, открой секрет — ты умеешь проходить сквозь стены?

Она с подозрением посмотрела на меня и неохотно ответила: — Нет.

— А смогла бы обездвигнуть стафию?

— Ты издеваешься, Пересмешник? — возмутилась она. — Я могу и обидеться!

— Извини. Я совершенно не хотел тебя обижать. Ракель хмуро бросила:

— Я отвечу тебе только после того, как ты мне скажешь, с чего задаешь такие странные вопросы?

— Забудь, — сказал я, сочтя, что рассказывать об изначальном маге среди Носящих колпаки слишком преждевременно. — Извини, что мое любопытство оскорбило тебя. Доброй ночи, Ракель.

— Доброй ночи, Пересмешник.

Почти сразу же в дверях появилась девица-охранница. Удивленно посмотрела на меня, услышав женский голос, проронила с осторожностью, словно я собирался ее укусить:

— Я провожу вас до двери, чэр.

— Эй, Пересмешник, — окликнула меня оганка, когда я убрал в карман пистолет и уже собрался выйти на улицу. — Я природный изначальный маг. Самоучка. Академия Доблести была не для меня, а значит, хорошую школу своенравная девчонка не могла себе позволить. Правительство не считает нужным учить тех, кто не хочет работать на благо Рапгара. Нас, природных, терпят, но не жалуют и держат под контролем. Проходить сквозь стены, а уж тем более блокировать существо, созданное с помощью темных ритуалов, — это высокая ступень, недоступная мне.

— Насколько высокая? — быстро спросил я.

— Не такая, как обуздание амниса и вселение его в предмет, вроде твоей трости, но достаточно серьезная, чтобы говорить о мастере.

— И много таких в Рапгаре?

— Спроси чего полегче. Об этом знает лишь Академия Доблести да алые.

Не попрощавшись, она ушла, оставив меня в глубоких раздумьях.

— Он может быть кем угодно, — бубнил Стэфан, когда мы шли по ярко освещенной улице. — Я считаю, что оганка не права. Чтобы иметь способности, не обязательно протирать задницу в Академии Доблести. Талантливые самоучки встречаются. Это всем известный факт. К тому же ничто не мешает людям найти учителя из той же самой Академии, готового

нарушить закон по тем или иным причинам. Разумные существа только и занимаются тем, что нарушают правила. Они для этого и созданы Всеединным.

— Все может быть гораздо проще, — после некоторого раздумья сказал я. — Среди верхушки вполне могут оказаться те, кто разделяет идеологию Носящих колпаки. Не все обожают Иных, многие с радостью выжили бы их из города или, того лучше, закопали в Королевстве мертвых. Почему бы не найтись среди волшебников такому человеку?

— Утром он ходит на службу, а ночью натягивает колпак, — хмыкнул амнис. — А что? Тоже вариант. Уверен, чэр эр'Дви уже думал об этом.

— Ему будет сложно опросить волшебников. Те не любят, когда суют нос в их жизнь и подозревают в смертных грехах.

Я свернул в проулок, узкий, полутемный, наполненный гротескными тенями клиентов, продавцов и покупателей, и оказался возле «Тщедушной ивы». Вывеску сменили на более новую и безвкусную, но привлекающую к себе внимание, постелили красную ковровую дорожку, как ни странно, абсолютно чистую, а возле двери стояли два мордоворота с помытыми головами, да еще и в ливреях.

Один из них предупредительно распахнул передо мной дверь, другой застыл в неловком поклоне. Фальк, что бы о нем ни говорили, решил навести лоск, по крайней мере, внешний. Большой холл, весь залитый электрическим светом, что само по себе удивительно, так какв Яме электричество редкость. Не удивлюсь, что какой-то умник забрался в проходящие над районом провода, ведущие в индустриальную часть города, и подсоединил заведение к новому источнику энергии без разрешения пикли.

Здесь были удобные диваны вдоль стен, множество зеркал и касса в дальнем углу, где меняли деньги на фишки и фишки на деньги. Ее стерегли мяурры — коты с золотистой шерстью и бандитскими рожами. Оружием Иные были увешаны от ушей до кончика хвоста, и по их свирепому виду даже тупица бы понял, что проще ограбить инкассаторский дилижанс, чем влезть в кассу «Тщедушной ивы». Я помню слухи о том, что долю в заведении купил кто-то из мэрии, так что у Фалька есть неплохое подспорье на тот случай, если возникнут проблемы с властями.

В «Иве» несколько больших игровых залов, ресторан, бар, отдельные кабинеты. На нижний, полуподвальный ярус, где от витающего табачного дыма и света газовых ламп все казалось призрачным и обманным, вход был отдельный. Специально для всякого отребья, которое оставляло свои денежки внизу и не лезло на более приличные уровни.

На первом этаже располагались столы с рулетками и бильярдом. Большой ресторан, концертная площадка. Второй был полностью отдан под игру в карты, кроме популярного княжеского покера, виста, двадцати одного, там можно было сразиться и в более экзотические карточные игры, пришедшие в Рапгар вместе с многочисленными эмигрантами.

Те, кто выиграл или проиграл, могли пойти выпить в баре (первый стакан за счет заведения). Еще выше находились кабинеты и закрытый зал для тех, кого называли «китами» — серьезные игры по серьезным ставкам. Туда тяжело попасть и очень легко вылететь. За ночь реально сделать состояние или остаться в одних носках, заложив собственную жену и место на кладбище. Я не шучу. Такие вещи здесь встречаются сплошь и рядом. Основная беда множества тех, кто считает себя профессиональными игроками — отсутствие тормозов для аварийной остановки. Такие люди способны взять банк, обложиться ворохом фартов и стопками фишек, но продуть их в течение следующего получаса лишь потому, что не чувствуют момента и считают себя равными Всеедину.

Над залом «китов» есть лишь одни апартаменты, и принадлежат они владельцу заведения. Я был там несколько раз по приглашению старика Сантьяго, после того как обчищал «Тщедушную иву» на пару сотен тысяч и он пытался смягчить мой упрямый нрав и получить рассрочку.

Казино работало на всю катушку, под завязку набитое людьми и нелюдьми, что и неудивительно, все-таки одно из самых крупных азартных заведений в городе. Крупье принимали ставки, рулетки крутились, шарики глухо стучали, попадая в ячейки. Кто-то ставил радугой, кто-то по игре, кто-то случайно.

Лично я не жалую рулетку. Все, кто ищет или тем паче уверяет, что нашел верную систему, — или дураки, или жулики. Ни одна математика, ни один расчет не в состоянии побороть случайность. А там, где шарик бежит по колесу между алым и черным, этой случайности слишком много для того, чтобы быть уверенным в победе.

Я ненавижу случайности и привык полагаться на опыт и способности. Именно поэтому предпочитаю княжеский покер, достаточно сложный для того, чтобы отсеять всех, кто не умеет думать.

Разумеется, здесь тоже есть доля случайности, но она гораздо меньше, чем в рулетке, потому что процент внимательности, памяти и логики при должном навыке кладет ее на лопатки.

Какая-то певичка из жвилья, черноволосая, в излишне откровенном корсаже и короткой юбке, открывающей колени, пела под аккомпанемент оркестра модную этой осенью пикантную песенку. Я сразу же поднялся на

второй этаж, едва не столкнувшись на лестнице с хорошо выпившим господином в смокинге.

Наверху, за ближайшим столом, верещала четверка ка-га, играя в вист пара на пару. В баре я заметил знакомую фигуру, удивленно хмыкнул и направился к уставленной бутылками с алкоголем стенке. Официантка с подносом, на котором стояли полные бокалы с водкой и виски, приветливо мне улыбнулась, я вернул ей улыбку и подошел к Владу.

— Только не говори, что ты пришел играть.

Он озадаченно поднял взгляд от полупустого стакана, посмотрел на меня, и его красное лицо расплылось в щербатой улыбке:

— *Mea culpa, mea maxima culpa.*^[31] Но даже палачам следует расслабляться. *Qui sine peccato es*^[32] пусть швырнет в меня чем-нибудь тяжелым. А ты здесь какими судьбами?

— Встреча, — коротко сказал я.

— С Виктором? Видел его мельком. Он наверху.

Я даже не удивился, услышав, что мой брат за игровым столом. Можно было быть уверенным, что он где-то здесь.

— Сколько ты проиграл?

— *Est quaedam flere voluptas.*^[33] Совсем немного, если честно. — Он был все еще трезв, но уже впал в меланхолию. — Мы с Рогэ пришли просто развеселиться. Обстановка здесь куда легче и приятнее, чем в дорогих заведениях Сердца.

Рогэ лежал на столе в черных невзрачных ножнах, такой же грозный и неприятный, как и раньше.

Мы поговорили несколько минут в общем-то совершенно ни о чем, затем он извиняющимся тоном сказал:

— Прости. У меня тут свидание... ну... ты понимаешь...

— Конечно. Еще увидимся.

Он не слишком энергично отсалютовал мне стаканом с водкой. Я направился прочь. У Влада проблемы с женщинами, ему тяжело с ними сходиться, и он чертовски стеснителен, особенно когда это никому не нужно. Хотя, конечно, странное место он выбрал для общения с девушкой.

На следующем этаже дорогу мне преградили два вежливых, хорошо одетых, но суровых охранника:

— Извините, чэр, но сюда приходят только по приглашению. Попробуйте шанс внизу.

— Старина Ильхах все еще присматривает за залом «китов»?

— Совершенно верно, чэр.

— Будьте любезны его позвать.

Больше не задавая никаких вопросов, один из охранников ушел, свернув за угол. Через минуту он вернулся с седовласым осанистым господином. Тот, узнав меня, нахмурился:

— Чэр эр'Картия. Я очень рад вас видеть, но...

— ...за стол не пустите, — рассмеялся я. — Не волнуйтесь. Ильхах. Я пришел сюда не для того, чтобы в восьмой раз ограбить «Тщедушную иву». Игры остались в прошлом.

На лице иенальца проявилось явное облегчение. Он думал, я начну упорствовать, как в прошлые годы.

— Мне достаточно вашего слова, чэр. — Менеджер заведения показал охране, что я могу пройти. — Что тогда вас привело сюда? Я слышал, вы перестали интересоваться картами.

— Перестал интересоваться настолько, что даже избавился от жаргона, присущего всем азартным игрокам, — улыбнулся я. — Даже мысленно не употребляю запрещенных слов.

— Очень похвально с вашей стороны. У вас железная воля.

Это был явный намек на моего родственника, что не укрылось, от меня. Мой братец со своими собственными обещаниями не слишком-то дружит и все время срывается, несмотря на то, что завязывает ежемесячно.

— Игра продолжается? У меня здесь несколько дел. Во-первых, я хотел бы перекинуться парой слов с Виктором.

— Он уже завершил кон, но, как вы знаете, в зал «китов» посторонним вход во время игры запрещен. Если желаете, я позову его. Присаживайтесь вот сюда. — Он указал на удобный кожаный диван, окруженный горшками с фикусами.

Ильхах щелкнул пальцами, тут же появилась девушка в еще более фривольном и открытом наряде, чем ходят официантки в многолюдных залах внизу. Она поставила на столик передо мной широкий фужер с розовым шампанским.

— За счет заведения, чэр эр'Картия. В память о ваших прошлых победах.

Он отошел, я стукнул по стенке бокала, растревожив пузырьки. Даже странно — не чувствую ровным счетом никакого сожаления от того, что где-то тасуется колода, а я не в игре. Раньше моей целью было победить и стать первым. Всегда им быть. Наверное, это присуще юности — рваться вперед, доказывая всем и каждому, что ты лучший. Теперь у меня несколько иная цель в жизни, на мой взгляд, гораздо более важная, чем собрать удачный расклад.

Анхель передала мне, что ей даже нравится, что я сюда пришел.

— Почему? — удивился я.

«Ты сам должен был понять, что прошлые увлечения — это пустое», — говорили мне ее эмоции.

— Вот бы еще это Виктор понял, — сказал я вслух.

— Понял что? — Мой брат упал на диван, стоящий напротив. — Привет.

— Здравствуй. Понял, что азартные игры до добра не доводят.

Он хмыкнул:

— Младшему брату не стоит читать нотации старшему. По правде сказать, мы с Виктором единоутробные братья.

У нас одна мать, он старше меня на восемь лет, но его отцом, в отличие от моего, был человек. Внешне мы совершенно не похожи друг на друга. Я шатен, он черноволосый. Мои глаза пепельные, его — голубые. И так далее. Я могу перечислять долго.

— Старший может и потерпеть, особенно если учесть, что это он впервые посадил младшего за карточный стол.

— И тот сразу же стал мастером. Как поживаешь? Я слышал, у тебя была дуэль. Извини, не смог прийти.

Никто не удивлен. Или просиживал за игорным столом, или был мертвецки пьян. Виктора всю жизнь больше всего интересует только сам Виктор. Я не в обиде. Давно привык.

— Ничего.

— Надеюсь, ты не из-за меня сюда пришел? — подозрительно спросил мой брат. — Я в состоянии справиться с неприятностями.

— А у тебя неприятности?

Он ругнулся, поняв, что сказал лишнее.

— Мелочи. Черная полоса.

Это означало, что он проигрался в пух и прах.

— Сколько ты должен?

— Неважно. Я профессиональный игрок. Разберусь.

— Твое право, — не стал спорить я, сейчас все равно от него не добьешься никакого толка, так как внезапная гордость сделала его упрямым. — Но если кто-то соберется ломать тебе пальцы, вспомни, где я живу.

— Всенепременно. — Он встал, хлопнул меня по плечу. — Бывай, братишка. Сейчас начнется новая партия, не желаю ее пропускать. Ты все еще в поиске?

— О чем ты?

— Прекрасно знаешь, что я имею в виду, — нахмурился он. — Ты одержим желанием найти того, кто подставил тебя.

— А... ты об этом... Да. Я, представь себе, одержим жаждой справедливости. Не вижу в этом ничего плохого.

Виктор в раздражении взъерошил волосы на голове — первый признак того, что он начинает злиться.

— Это глупо, Тиль!

— Не узнаю тебя. Тебе всегда было плевать на мои авантюры.

— Мне и сейчас плевать, — буркнул он. — Но мама бы этого не одобрила. Потому что между справедливостью и местью нельзя поставить знак равенства. Помнишь, что она говорила о мести?

Теперь закипать начал я, но, понимая, что это вряд ли хоть чем-то мне поможет, сдержался:

— Ты знаешь, что нет. Она умерла, едва мне исполнилась неделя.

— Я ненавижу твоего отца за то, как он поступал с ней. А мать всегда внушала мне, что месть ничем не лучше яда. Месть нужна лишь дуракам и безумцам, которые не понимают ее последствий, потому что она никогда не бывает бесплатной.

— Даже ее слова не заставят меня отступить, — тихо ответил я. Он вздохнул, покачал головой:

— В тебе слишком много от твоего отца, чэр. Не лги хотя бы себе. Ты все тот же самый азартный игрок, что и раньше. Просто ставки в той игре, в которую ты вступил, гораздо выше, чем в княжеском покере.

Виктор ушел, а я вздохнул:

— Вот и поговорили.

— Он с детства был трудным ребенком, — произнес Стэфан. — Никак не мог простить твоего отца и считал его виновником смерти вашей матери.

Я машинально кивнул, думая о том, что знаю цену мести. И да, она того стоит.

Иногда я начинаю размышлять, что я сделаю с тем, кто так поступил со мной, когда найду его? Разрежу на две половинки? Вырву сердце? Запру на шесть долгих лет в подвале собственного дома, чтобы он почувствовал такое же бессилие и отчаяние, что испытал я?

Не знаю. Видит Всеединый, я действительно не знаю.

Так и не притронувшись к бокалу с шампанским, я встал с дивана, и почти сразу же появился предупредительный Ильхах. Предвосхищая его вопрос, я сказал ему:

— Мне хотелось бы поговорить с Фальком. Тот на мгновение смутился, но ответил:

- Я узнаю, сможет ли он вас принять.
- Передай ему, что это в его интересах.
- Конечно, чэр.

Меня не заставили долго ждать и пригласили наверх. Узкая лесенка на дополнительный этаж, с которого открывался вид на зал с карточными столами, находящийся далеко внизу, привела меня к толстой металлической двери и охранникам-мяуррам.

- У вас есть оружие, чэр? — спросил меня один из четырех котов.

Я молча положил в стальной ящик револьвер.

— Мряожет, еще что-нибудь? — вежливо уточнил охранник, не спеша уступить мне дорогу.

— Фальк, ты стал настоящим параноиком, — громко сказал я, зная, что он слышит меня из-за распахнутой в комнату двери. — Я не отдам амнис лишь из-за твоего опасения порезаться. Можешь поверить, когда мой нож остается в одиночестве, он гораздо опаснее, чем со мной.

— Заходите, эр'Картиа. Заходите, — раздался из комнаты усталый и не слишком радостный голос.

Меня больше не задерживали, и я ока зался в большом помещении с куполообразным ребристым потолком, большим аквариумом с тропическими рыбками на всю южную стену, несколькими полотнами начинающего становился модным нового художественного течения — импрессиони зма — и целой горой неиспользованных фишек (каждая из которых была равноценна сотне фартов), что высилась на заваленном бумагами столе.

Фальк, пожилой мужчина с помятым, давно не бритым лицом, глазами немного навывкате и редкими волосами у висков, встал, приветствуя меня:

— Чэр эр'Картиа. Признаться, я был сильно удивлен, услышав, что вы здесь. Желаете что-нибудь выпить?

— Нет. Благодарю.

Одежда у нынешнего владельца «Тщедушной ивы» была изрядно помята, а нелепые коричневые ботинки не чищены, наверное, целую неделю.

— Ну и чудесно. — Голос у него был глухим, с хрипотцой. — Я знаю, что ваше время очень дорого. Да и мое, признаться, тоже. Так что, если вы не возражаете, давайте приступим к делам.

— Я ищу одного человека и думаю, что ты сможешь мне помочь.

Я достал из кармана часы, что вытащил из жилета мертвеца лежавшего в моем доме, и протянул Фальку.

Тот взял их за цепочку двумя пальцами, поднес к глазам:

— «Мьядо-хуэр». Для среднего класса. Но работа ка-га, что повышает их ценность. Если что — это не мои часы, чэр.

— Я в курсе. Но ты, вне всякого сомнения, знаешь, кому они принадлежали.

Он поджал губы, понимая, что отрицать глупо, но все-таки сказал:

— На корпусе три едва заметные пробы, поставленные оценщиками моего заведения. Они уже почти сошли, но у вас зоркий глаз, чэр эр'Картиа. Однако что заставляет вас думать, будто я знаю владельца?

Фальк протянул мне часы.

— Пробы говорят, что он несколько раз оставлял их под залог, но каждый раз неизменно выкупал. Я помню правила «Тщедушной ивы» и не думаю, что за прошедшие годы здесь что-то изменилось. Вещи под залог берутся только у тех, в чьем слове можно быть уверенным. То есть исключительно у постоянных клиентов. Добро кассе выдать деньги за залог дает или владелец, или старший менеджер. Ты, насколько я помню, и тот и другой в одном лице, и вряд ли доверяешь подобные вопросы Ильхаху. Поэтому я и пришел.

— В «Тщедушной иве» много постоянных клиентов, — проворчал он. — Мы, как видите, пользуемся популярностью. В игры играют внизу, чэр эр'Картиа. Не наверху. Здесь зарабатываются деньги и ведутся дела. Откровенно говоря, я не вижу особых причин, почему должен вспоминать имя одного из наших посетителей.

Он вопросительно посмотрел на меня, ожидая ответа. Я улыбнулся и задумчиво протянул:

— Ну, возможно, оттого, что этот господин умер в моем доме, перед смертью назвав «Тщедушную иву». А еще потому, что он состоял в одной из организаций, запрещенных законодательством Рапгара. И им очень, просто очень интересуется серый отдел Скваген-жольца. Людей Владимира эр'Дви нет в этом кабинете только исключительно из-за моего доброго отношения и доброй памяти к этим стенам. Мне показалось, что лучше поговорю с тобой я, чем несколько жандармов в серых мундирах. Но если ты так и не вспомнишь, возможно, им повезет больше, чем мне.

— Это меняет дело, — тут же сказал Фальк. — Мне нечего скрывать и совершенно ни к чему покрывать этого... преступника. Здесь его знали как Элберта. Настоящее это имя или вымышленное — не знаю. Он приходил раз, иногда два раза в неделю, играл исключительно в бильярд. Всегда по-крупному. Порой ему везло, порой не очень. Кто он, чем занимается и где живет, я не в курсе. Элберт никогда не доставлял нам никаких проблем.

— Если честно, Фальк, мертвецы меня мало интересуют. Мне гораздо

важнее узнать того, кто натравил старину Элберта и его поделыщиков на мой дом. Я, видишь ли, несколько обижен данным обстоятельством. Мне надо узнать, с кем последний раз этот человек здесь разговаривал.

— Спросите чего полегче, чэр, — буркнул владелец «Ивы». — Здесь сотни посетителей. Разве можно за всеми уследить?

— Уверен, что ты знаешь все, что происходит в твоём заведении. У тебя на каждый фут с десяток ушей и глаз, иначе в «Тщедушной иве» проходу не было бы от шулеров. Я помню, как здесь работает система слухов. Не ошибусь, если скажу, что ты не отказался от того, что создал Сантьяго. Если не помнишь ты, возможно, кто-то из наблюдателей за столами может знать, с кем разговаривал Элберт в свой последний приход сюда.

Помятое лицо Фалька выражало только одно — огромное желание избавиться от меня как можно быстрее.

— Хорошо, чэр, — сдался он, не желая иметь никаких дел с серыми жандармами. — Элберт приходил несколько дней назад. Как раз чтобы выкупить часы, так что я видел его. Потом он играл. С переменным успехом. С ним было еще трое или четверо. Никогда их раньше не видел. Затем они поговорили с каким-то человеком и ушли.

— Этого человека ты тоже никогда раньше не видел?

— Вот именно, чэр, — впервые Фальк ухмыльнулся. — Он был здесь в первый и последний раз. Не терплю, когда играть приходят обдолбаши.

— Наркоман? — вскинулся я.

— Да.

— Описать сможешь?

— Старик. Худосочный и слабый, — пожал плечами глава «Тщедушной ивы», показывая, что не собирается держать в памяти такие незначительные подробности. — Охрана отобрала у него дурь и вышвырнула на улицу, как только он перестал интересоваться наших клиентов. Слишком непрезентабельный вид.

— Какой наркотик?

— Порошок из корней лунного дерева. Он не искал сложных путей достигнуть блаженства, если вы понимаете, о чем я.

Решение у меня созрело практически мгновенно:

— Было бы просто чудесно получить отобранное у него.

— Ничем не могу помочь, чэр. Я не держу при себе запрещенные средства, которые могут отправить за решетку на целое десятилетие. Дурь выбросили сразу же.

— Он не врет, — шепнул Стэфан.

Да я и сам по глазам Фалька видел, что тот говорит правду. Такой осторожный человек, как он, не станет рисковать и держать у себя в письменном столе или сейфе наркотик, запрещенный в Рапгаре к использованию для всех, кроме мяурров.

— Кто сейчас торгует таким удовольствием?

— Есть несколько поставщиков из тех, кого еще не поймали синие мундиры. Но ни один из них не связывается с лунным корнем. Поговорите с Ракель, я слышал, вы приятели. Возможно, она сумеет пролить свет.

Мы сухо попрощались, я вышел, стал спускаться по лестнице и увидел, как далеко внизу, между столов, идет невысокая девушка с каштановыми волосами.

— Эрин! — выдохнул я. — Забери меня Всеединый, если это не она!

Я понесся вниз, совершенно неприлично перепрыгивая сразу через несколько ступенек. Ее ни в коем случае нельзя было упускать!

Оказавшись на улице, я оглянулся, но не заметил никого, хотя бы близко похожего на девушку. Справа был тупик, так что у нее была лишь одна дорога для бегства — налево, туда, где находилась центральная улица. Я довольно быстро достиг ее, но и здесь Эрин не было. Какая-то высокая женщина в черном платье и в вуали, полностью скрывающей ее лицо, садилась в ожидающий ее экипаж. Я хотел спросить у нее, возможно, она видела беглянку, но, зная, что неприлично подходить на улице к незнакомым благородным чэрам без представления, подавил это желание. Чуть дальше стояли две проститутки и какой-то парень свирепой наружности, смотревший на меня с плохо скрываемой алчностью. Я не стал беспокоить их вопросами.

— Видимо, тебе показалось, — предположил Стэфан.

— Второй раз подряд показалось? Не думаю. — Я испытывал страшное разочарование от полной бесполезности поездки в Яму и оттого, что упустил Эрин.

Анхель ворчала, что опять у меня на пути оказалась эта девчонка, от которой я совершенно теряю голову.

— Чэр! Чэр! — Кто-то окликнул меня едва слышным, писклявым голоском.

Рядом с мусорной корзиной прыгали и махали руками трое из маленького народца. Я с любопытством подошел к ним, не понимая, чего хочет эта мелюзга. Двое мелких, у них были крылышки, подхватили за шкуру своего нелетающего приятеля и, взлетев, подняли его на уровень моего лица.

— Мы копались в помойке, чэр... — пискнул малыш.

— Очень интересное заявление.

— Да. Очень, — важно кивнул он, опасно раскачиваясь в руках у красных от натуги друзей. — И нашли то, что вы искали.

— А я разве что-то искал? — удивился я.

— Порошок из корня лунного дерева, — понизил тот голос.

— Откуда вы знаете об этом?

— Мы живем под окном господина Фалька. На подоконнике, со стороны улицы. Оно было открыто. Мы слышали ваш разговор, чэр.

Один из летающих чихнул, и главный переговорщик опасно закачался, испуганно пискнув, а затем пронзив виновника недовольным взглядом.

— Положим, это так, — сказал я, желая узнать, что будет дальше.

— Мы копались в помойке, чэр.

— Вы это уже говорили, ребята. Переходите к сути.

— Нашли выброшенный порошок. Его остатки. Совсем чуть-чуть. Собрали его в бумажку. Продадим, если дадите хорошую цену, — на одном дыхании хором сказали они.

— Сколько?

Они назвали совершенно смешную сумму.

— И деньги вперед, — шмыгнул носом малыш.

Я отдал ему бумажную купюру, в которую при желании он мог завернуться, словно в одеяло. Его спустили на землю, и один из летунов, подхватив денежку, упорхнул, только его и видели.

Вернулся он меньше чем через минуту, кинув мне в ладони свернутый конфетный фантик. Я поднес к нему нос, почувствовал характерный для наркотика, ни с чем не сравнимый запах влажных пряностей.

— Мы деловые люди, — обиделся один из маленького народца.

— Доверяй, но проверяй, — сказал я ему и протянул еще двадцать фартов. — Это вам за хороший слух и сообразительность.

Оставшись довольны друг другом, мы разошлись в разные стороны.

— И что ты будешь делать теперь? — с сомнением поинтересовался у меня Стэфан. — Снова пойдешь к Ракель?

— Нет. Есть способ гораздо лучше.

Глава 15

КОШАЧИЙ ПРИЮТ

— Ты какой-то смурной, — сказал Талер.

Узнав, куда я направляюсь, он напросился ко мне в попутчики. Я не возражал.

— Сны дурацкие. Ерунда, — ответил я, глядя с высокого южного берега Рапгара на то, как возле моста, едва ворочая колесами, точно призрак, проплывает пароход.

Сны и правда были дурацкие. Бэсс и Алисия пели во дворе моего дома. Контральто и сопрано. Эрин играла на арфе, а старуха эр'Тавиа клюкой стучала по тамтаму Ракель, обтянутому человеческой кожей. На лужайке вальсировали Фарбо и покойный Грей. Последний — в крайне непрезентабельном и окровавленном виде.

После этой нелепости в голове царил суший кавардак, и Стэфан, не удержавшись, сказал, что, вне всякого сомнения, подобные глупости мне снятся только потому, что я связался с лунным порошком. Галлюциноген никого до добра не доводил.

Я пропустил его укол мимо ушей, но настроение оставалось почти таким же хмурым, как и сегодняшний город.

Всю вторую половину ночи лил сильный дождь, к утру, когда он перестал, внезапно потеплело, и над прибрежными районами поднялся такой туман, что оставалось лишь диву даваться. Паровозные и пароходные гудки звучали сегодня особенно жалобно и тоскливо, застревая в белой пелене, словно мухи, попавшие в паучью сеть. Фиоссам пришлось снизиться едва ли не к самой земле, иначе бы они рисковали врезаться в крыши домов, деревья и столбы, на которых натянута электрические провода пикли.

Фиоссы — упитанные, черно-желтые полосатые создания с достаточно веселым и легким нравом (особенно молодые представители ульев) — сейчас были раздражены тем, что приходится уворачиваться от прохожих, экипажей и трамваев, «лезущих им под крылья». Они проносились мимо, точно снаряды — маленькие, толстенькие, стремительные и вопящие: «Осади назад!», «Срочная депеша!», «С дороги, громила!», а также «Тупой осел!», «Закрой рот, а то залечу!» и вовсе уж неприличные вещи.

Но фиоссы, в отличие от дирижаблей, еще могли худо-бедно исполнять свою работу. Цеппелины не летали до тех пор, пока с моря не подул ветер и хоть как-то не разогнал туман над северным берегом. Над южным же белая хмарь висела почти до обеда и лишь полчаса назад начала постепенно редеть.

Талер шел чуть впереди меня, свернув от берега в большой парк. Старые клены с черными, словно кирусский грифель, стволами и желтыми, совсем недавно начавшими опадать ли-стьями, казалось, попали сюда из какой-то печальной сказки. Их окутывала белая дымка. Кроме нас, здесь не было ни души, и это только усиливало мое впечатление о затерянном и опустевшем городе. Я сошел с тропы, проигнорировав немного удивленный взгляд друга, и пошел по еще влажным после ночного дождя опавшим листьям, тревожа их и не боясь испачкать ботинки.

Талер хранил молчание, решив никак на это не реагировать. Он искренне считал, что после того, как мою жизнь оборвали, я имею право на некоторую долю чудачеств. Это не мои домыслы — мой однокашник именно так и говорил, хотя порой добавлял, что тюрьма достаточно сильно меня изменила.

Все так говорят, поэтому я даже не отнекиваюсь от очевидного.

Кошачий приют, куда мы направлялись, номинально являлся частью района Иных, но давно уже от него обособился и существовал на отдельной строке бюджетного финансирования мэрии. Если равнять по гражданским правам, по льготам мяурры находятся на одном уровне с хапlopелмами и людьми, уступая лишь в жалких мелочах лучэрам да пикли. Так что здесь, в Приюте, все более-менее прилично, хотя и нет электричества. Последнее мяуррам совершенно не нужно, они предпочитают прежние источники света и больше полагаются на ночное зрение, слух и чутье, чем на новомодные штучки.

Мы миновали тихий парк и оказались у Северной развилки, как называлось это место. Оно располагалось на пригорке, и если бы не неохотно рассасывающаяся туманная дымка, отсюда были бы прекрасно различимы расположенные на юге Холмы — один из самых больших районов Рапгара. Сейчас открывался лишь вид на северо-запад, небольшое окно, пробитое в пелене играющим у воды ветром. Через узкий пролив виднелись острые крыши Гетто Два Окна, а за ними высились почерневшие цеха и склады Пепелка, за которыми дымили едва различимые фабричные трубы из красного кирпича.

— Мы когда-нибудь сдохнем от чадающей дряни, — с остервенением сказал Талер, грея руки в карманах плаща. — Недавно мне пришлось

избавиться от квартиры, чтобы поменять вид из окна. Когда я смотрю на дым, мне кажется, что мои легкие полны сажи.

— Я тебя вполне понимаю. Но твой дом далеко от промышленных районов, к тому же ветер все сносит на запад.

— Ну да! — Он мрачно сплюнул. — Мэр всегда может сказать, что город должен развиваться, и фабрики подстегивают производство. Дьюгони с радостью бы утопили градоначальника у себя в озере. Говорят, за последние пять лет там передохла половина рыбы и вода стала опасной для питья.

— По мне, так пусть лучше утопят мэра, чем весь Рапгар. Дьюгони контролируют плотину, но умники из Городского совета до сих пор считают, что водные жители и дальше станут терпеливо сносить всю ту дрянь, что сливают им на голову.

Талер пнул ногой подвернувшуюся на дороге консервную банку. Она загрохотала по мостовой, и несколько прохожих обернулись на шум, а во дворе одного из домов отчаянно затыкала собака.

— Ну, в администрации есть умные люди. — Он снял шляпу, почесал в затылке. — На последнем пятичасовом чае у Гальвирров Рисах рассказывал, что при совете создали экологический комитет, хотя владельцы предприятий и пытались вставлять палки в колеса. Только протекция Князя помогла. Как говорят, в совет попало даже несколько представителей из секты Детей Чистоты.

Я присвистнул:

— Если уж фанатики природы попали во власть, то ситуация действительно непростая.

— Угу, — подтвердил Талер и посмотрел в сторону фабричных труб, но «окно» в тумане уже затянулось, и даже крыши гетто были едва видны. — Если плотину прорвет, не сегодня, гак в следующем году, как раз во время весенних паводков, я буду во всеоружии. Подумываю купить себе лодку.

Я рассмеялся, но затем понял, что его идея не лишена смысла.

— Возможно, ты и прав, мой друг. Хотя плотина — рискованный шаг для самих дьюгоней. Они не отсилятся на глубине. Князь их вытащит на берег и освежает, точно лососей.

— Верно говоришь. Как я понял из газет, Городской совет пытается замаслить это дело тем, что передал в Комитет по гражданству новую резолюцию, посвященную дьюгоням. Возможно, наши водоплавающие соседи будут хотя бы удовлетворены тем, что процесс движется.

— Он движется гораздо медленнее, чем весной поднимается вода в

озере. Подобное обстоятельство следует учитывать, — встрял в разговор Стэфан.

Я передал его слова Талеру, тот еще более мрачно кивнул и оглушительно чихнул в носовой платок.

Мы шли по району мяурров, застроенному достаточно высокими домами со скошенными крышами и перекинутыми между ними мостками. Представители кошачьего народа не гнушались ходить не только по земле, но в буквальном смысле по воздуху.

Чтобы рассказать об истории Кошачьего приюта, следует упомянуть о том, что раньше южный берег Рапгара был тих и пустынен. Холмы, поля, множество ручьев и леса, где Князья любили охотиться до тех пор, пока не организовали заказник в Лесу благородных, где теперь иногда проходит отстрел дичи. Редкие поселения эмигрантов вдоль берега были не в счет. Мяурры — уроженцы большого острова Спинотис, лесистого и горного, попали на берега рапгарского фьорда очень давно. Сюда приехал достаточно большой прайд, семей в восемьдесят — сто, сразу приглянувшийся тогдашнему Князю, создававшему первую гвардию и искавшему тех, кто будет служить ему верой и правдой и не зависеть от влиятельных семей лучэров, которые в то время еще иногда пытались оспорить его власть.

За преданность мяурры обрели гражданские права и получили разрешение поселиться на территории Рапгара. Но тогда представители хвостатого народа были еще достаточно нелюдимыми и необузданными. Они предпочитали жить поближе к природе, поэтому попросили отдать им кусок земли на диком южном берегу. К тому же они дали обязательство приглядывать за островом, где находился старый портал для низших, сохранившийся еще со времен ухода Всеединого. Население на острове обитало неистовое и кровожадное, то и дело сующее нос в пределы Рапгара, так что Князь счел, что дополнительные силы на этом участке будут не лишними.

И дал мяуррам все, что они просили. Кошачий прайд хапнул себе столько земли, сколько смог удержать, оставшись довольным сделкой. Котов никогда не пугало соседство с островом, позднее получившим название Города-куда-не-войти-не-выйти. Серьезные стычки с немногочисленными низшими, которым пришлось объединиться друг с другом, чтобы противостоять новой угрозе, закончились гибелью примерно половины мяурров, но коты дрались столь отчаянно, что больше демоны без нужды с ними не связывались, решив, что себе дороже драться из-за пустяков.

Разумеется, те времена прошли, и соседи живут бок о бок гораздо более мирно, чем те же малозанцы и иенальцы, но мяурры до сих пор стерегут Черный мост и Огненные ворота. Больше по традиции, в память о старом обещании прежнему Князю, чем по серьезной нужде, потому что жители темного города редко покидают пределы его стен, а те из них, что наведываются в большой мир, имеют при себе пропуска, одобренные в трех десятках правительственных организаций. Эти бумажки гарантируют, что жители запретного места в состоянии держать себя в руках и бороться со своими кровожадными инстинктами, когда вокруг находятся цивилизованные существа.

С тех пор как первый прайд получил землю и права, утекло много воды. Рапгар разросся, занял южный берег фьорда, заполз на прилегающие острова, разжился городами-спутниками, и Кошачий приют давно перестал быть изолированным местом, хотя до сих пор считается, что он находится на юго-западных окраинах города. А вместо одного прайда здесь живут уже шесть.

Талер вновь оглушительно чихнул и шмыгнул носом.

— Шел бы ты домой, — укорил я его. — У тебя ведь аллергия на кошачью шерсть.

— Ерунда, — отмахнулся он. — По сравнению с тем, что было раньше, сущая ерунда. Я нашел отличное средство в одной из аптек ка-га.

— Что-то не заметно, что оно отличное, — с сомнением сказал я, видя его слезящиеся глаза и быстро краснеющий нос.

— Это ботому, что я забыл его сегодня бринять.

— Здорово. И долго ты будешь тянуть?

Он вытащил из кармана баночку с пилюлями, заглотил сразу две и, передернувшись, скривился:

— Горькие! Я лишь руками развел.

— Далеко еще? — мрачно спросил он. — Вроде Мряшал раньше жил в конце Шептунов.

— Ты когда его последний раз видел?

— Лет восемь назад, наверное.

— То-то и оно. Он сейчас помощник одного из старейшин прайда. Так что забудь об окраинах. Нам направо.

Несмотря на то что это был район мяурров, здесь жили представители и других народов, исключая лишь скангеров. Последних коты не переносили, и те не решались проверять местные помойки, держась подальше от Приюта.

— Тебе не кажется, что котов сегодня удивительно мало?

Я проводил взглядом двух кошек в дорогих атласных платьях с выводком игривых котят, облаченных в морские костюмчики и вооруженных деревянными саблями, и пожал плечами:

— Погода плохая. К тому же они больше ночные жители. Нет. Не кажется.

Мы пошли вдоль ограды старого кошачьего кладбища, затем свернули на улицу, ведущую в глубину района и упирающуюся в Холмы, и я почти нос к носу столкнулся с высоким мужчиной в дешевеньком костюме-тройке. Он отступил на шаг, гневно сверкнул глазами, собираясь сказать какую-то гадость, но захлопнул рот, так как узнал меня, и его рыхлое лицо стало бледно-творожным.

— Привет, Шольц, — сказал я, а затем, отбросив трость, схватил его за грудки и толкнул в узкий проулок между домами.

Разумеется, он пытался сопротивляться, но я мигом прекратил эти попытки, ударив его головой в нос, а затем впечатал в стену, приподняв над землей.

— Тиль! Тиль! Хватит! Ты убьешь его! — Я слышал крик Талера, пробивающийся ко мне из-за кровавой пелены гнева, но видел перед собой лишь ненавистное окровавленное лицо, выпученные от ужаса глаза и продолжал пробивать Шольцем стену.

Ты совсем с ума сошел. Зачем было меня так швырять. — Надо сказать, что Стэфан находился в мрачайшем из своих настроений.

— Извини, — помолчав, ответил я ему.

— Ты его едва не прикончил, мальчик. Следует держать себя в руках.

Я кивнул, соглашаясь с ним и помешивая брошенный в кофе сахар. Талер сидел напротив меня, несколько удивленный произошедшим, и благоразумно молчал все те десять минут, что мы торчали в кафе и я приходил в норму.

Чувствовал я себя довольно мерзко. Не потому, что устроил такую безобразную сцену, а потому, что не смог перебороть бешенство и сдержаться. Мой старый амнис прав, я вспыхнул точно так же, как в прошлые годы. То же самое со мной случилось ночью на вилле «Черный журавль». С тех пор прошло так много времени, что я был уверен, будто в любой ситуации могу оставаться с холодной головой. А оказалось, что это не так.

— Ты в курсе, что сломал ему руку? — наконец поинтересовался Талер.

В его голосе совсем не было осуждения, лишь попытка разобраться, что произошло и отчего я так яростно набросился на какого-то прохожего.

— Если бы ты меня не оттащил, я бы сломал ему шею, — мрачно ответил я.

Впрочем, «оттащил» — это мягко сказано. Понимая, что физически со мной не справится, приятель вооружился Стэфаном и ударил меня тростью по спине. Амнис в одно мгновение привел меня в чувство, одновременно наорав на более кровожадную Анхель за то, что та даже не сделала попытки меня остановить. Последнее обвинение было совершенно несправедливым — пока нож находится в ножнах, он никак не может повлиять на меня.

— Если он обратится к жандармам...

— Не думаю, — возразил я. — Будет расследование. Ему это не слишком выгодно.

— Все знают, что ты оправдан по всем статьям, но если только старший инспектор Фарбо узнает об инциденте... — Талер был необычайно хмур. — Ты просто озверел. Судя по твоей ярости — вы старые знакомые?

Я посмотрел в его серо-зеленые глаза, положил ложечку на блюде и неохотно сказал:

— Это Шольц. Старина Шольц. Надзиратель и мой личный тюремщик из «Сел и Вышел».

— О! Тогда я тебя понимаю.

— Думаю, не слишком, — криво улыбнувшись, сказал я и отхлебнул из чашки, не планируя продолжать объяснения.

Старина Шольц — больной ублюдок с садистскими наклонностями. «Я знаю, чего ты боишься», — говорил он мне со своей вечной сальной улыбочкой. У него была замечательная привычка будить меня ведром ледяной воды, неделями не давать спать и морить голодом. Ему доставляло удовольствие вместе с еще одним, теперь уже покойным мерзавцем заковывать меня в цепи и бросать на печатъ Изначального огня. То количество развлечений, что для меня придумал дружище Шольц, не поддается перечислению.

Однажды он потерял бдительность, и я едва его не прикончил. Тогда он стал более осторожным и еще более изощренным. Ему нечего было бояться. Официально меня считали мертвым, и я не мог подать жалобу. Это продолжалось почти год, до того, как тюремщика не вышибли пинком под зад за то, что воровал у своих же товарищей. Когда он уходил, я пообещал ему, что, если мне только представится возможность, я выбью из него душу. Он рассмеялся мне в лицо, предложив встретиться в Изначальном пламени, куда я, несомненно, в самом скором времени попаду из маленькой

одионочной камеры.

Сегодняя он не смеялся, только визжал как свинья, когда сломя голову бежал прочь. Я не чувствовал никакого злорадства, лишь глубокое сожаление, что не прибил гадину. Впрочем, мои амнисы правы — это неразумный поступок. Поэтому стоило как можно быстрее выкинуть случившееся из головы и заняться неотложным делом. Я одним глотком допил кофе, поставил чашку на блюдце. Талер сделал то же самое и, прежде чем встать, очень серьезным тоном произнес:

— Я не хотел бы вновь бить тебя твоей же тростью, если мы вдруг встретим по дороге судью или начальника тюрьмы.

Пришлось его заверить, что больше такое не повторится.

— Все эти поиски исключительно из-за женщины, да? — спросил Талер, когда мы уже вышли на улицу.

Стэфан тут же хихикнул.

— Когда ты научился разговаривать со Стэфаном?

— Для этого не надо понимать амнисов. Достаточно только вспомнить, какое порой у тебя было выражение лица, когда ты увлекся Клариссой, да не будет эта ведьма упомянута к ночи.

Стэфан хихикнул еще более ехидно и мерзко.

— И какое же оно было?

— Дурацкое, — без обиняков сказал он.

— С Эрин все не так, как с Клариссой. Я ее совсем не знаю, просто хочу разгадать загадку.

— Эрин? Это та крошка, с которой ты познакомился в поезде и из-за которой нас обстреляли, когда мы ехали к Гальвирам? — вскинулся Талер.

— Тебе и половина истории неизвестна. — Смех у трости был дребезжащим, словно несмазанные шестеренки в трамвае.

Я попросил Стэфана помолчать и начал рассказывать другу все то, чего он не знал о красоте Эрин, Красных колпаках и странном любителе лунного порошка.

— То есть ты думаешь, если найдешь наркомана, то разыщешь и девчонку? На мой взгляд, это слишком оптимистичное утверждение, — сказал он, выслушав историю и уступая место проходящему мимо низкорослому ка-га.

— Ну я, по крайней мере, попытаюсь.

Он, не желая меня разочаровывать, промолчал, за что я ему был очень благодарен.

Мряшала мы застали, когда он выходил из своего дома. Высокий кот с рыжеватой шерстью, лиловыми глазами, пышными усами и пушистым

хвостом был облачен в черную мантию с вышитой на ней серебряными нитями луной.

Увидев нас, он фыркнул, что у мяурров означало высшую степень удивления.

— Тиль, Талер, приветствую вас.

У этого народа не было в обычаях пожимать руки, они предпочитали тереться друг о друга головами, что было не слишком удобно для всех остальных, так что мы поздоровались, обменявшись поклонами.

— Что вы здесь делаете?

— Разве тебе не приходила моя записка? — с недоумением спросил я у него.

— Пришла. Сегодня утром. Я сразу послал тебе ответ, что не смрягу с тобой встретиться, и попросил перенести встречу.

— Я ничего не получал, — огорчился я.

— Фиоссы — бездельники! — прошипел он. — Тумряуан, вот они и не торопятся! Извини, старый брат по крови, но нам придется отложить встречу. Сын Луны собирает сегодня представителей всех прайдов. Назначен Круг Когтей.

— Осенью? — изумился Талер, шмыгнув покрасневшим носом. — Но ведь он всегда проводится весной, в первую полную луну.

— Бывают и исключения, мррой старый брат по крови. — Было видно, что Мряшал спешит, но, оставаясь вежливым, продолжает беседу. — Мряуогие мрролодые юноши хотят уйти добровольцамрри. Кирусу нужны резервисты, чтобы защищать деревни и города от мряузанских провокаций. Сражаться имрреют право лишь мряужчины. В такой ситуации никто, даже главы прайдов, не смряуют им отказать. Ведь речь идет не о создании семряуи и браке, а о будущем Рапгара.

— Мое дело тоже достаточно важное для меня, чтобы его откладывать. В этом есть и интерес мяурров.

Я уверен, что любому другому Мряшал бы отказал. Но не нам, так как для него мы братья по крови. Мяурр учился в нашем университете, но на два курса младше. В то время он был достаточно слаб, неразвит и робок, не то что сейчас, так что ему частенько доставалось от более сильных соперников. Однажды вся наша замечательная троица — я, Талер и Катарина — обнаружила, что студенты из Маркальштука, вооруженные не только кулаками, но и палками, решили оттащить молодого кота из враждебного учебного заведения за хвост, что было само по себе очень унижительно.

Мы не дали Мряшала в обиду и устроили такую грандиозную драку,

что попали в участок жандармерии (исключая Кат, которая потом нас оттуда вытаскивала). С тех пор как мы, по словам Мряшала, смешали свою кровь с его, да еще и в бою, что для мяурров особенно ценно, я, Талер и Катарина стали ему чем-то вроде родственников, во всяком случае, это самое близкое значение в человеческих понятиях. Мяурры все воспринимают гораздо сложнее и с множеством недоступных для нашего понимания нюансов.

— Поговорим по дороге. — Мряшал кивнул в сторону ожидающей его коляски.

Талер оглушительно чихнул и принял еще две пилюли.

— Что тебя беспокоит, Тиль? — спросил кот, когда экипаж тронулся.

Я достал из внутреннего кармана пробирку, в которую вчера ночью пересыпал добытый у маленького народца порошок. Пробка была плотной, именно поэтому Мряшал не почувствовал запаха раньше.

— Я знаю, что вы не одобряете, когда священные благовония для ваших служений Лунной кошке используют в корыстных целях, — сказал я, протягивая ему наркотик.

— Никому не нравится, когда извращают их религию, — прищурился кот, разглядывая пробирку. — Использовать часть священного дерева как наркотик — это верх цинизма, мррой брат. Откуда он у тебя?

— Добыл в Яме. Не у продавца. Но мне нужно найти того, у кого эту порцию отобрали.

— Наркомряун... это сложнее, чем научить скангера быть чистоплотным. Невозмряужно обнаружить крысу.

— А торговца?

— Проще, — подумав, ответил Мряшал. — Есть вероятность удачи.

— Возможно, через продавца я выйду на покупателя.

— Это твой личный интерес? Будь здоров. Талер.

— Басибо, — прогундел тот, вытирая нос. — Избини. Тбоя шерсть... Чха!

Кот понимающе кивнул. Он знал о проблеме моего друга. Эта аллергия Талера доконает. Я предупреждал его еще утром, когда он пришел на завтрак и решил ехать вместе со мной. Пусть теперь расплачивается за свою безрассудность.

— Да, это мой личный интерес. — Я покосился на пилюли в руках приятеля. — Талер, перестань глотать таблетки. Толку от них никакого, а здоровью они в таких количествах лишь повредят.

Он проворчал что-то нелестное в адрес аптекаря ка-га и убрал порошки обратно.

— Чем я смряуогу помочь? — Мряурр с некоторым колебанием вернул мне пробирку.

— Я надеялся, что ты наведешь меня или на продавцов, или на покупателей.

— Только не я. — Он покачал лохматой головой. — Извини, кровный брат, но эта информряуация не лежит в сфере мряуих интересов. Я занимаюсь политикой и обеспечением согласия мряужду семьями в мряуем прайде. Ну и помогаю его главе, конечно. Тебе следует говорить с кем-нибудь из мряушурров.

— Мышурров? — оживился Талер.

— О да. Они следуют велениям Сына Луны. Когда у старика плохое настроение или болят зубы, он зовет свои когти. И тогда...

Мряшал поднял лапу и показательно выпустил когти, каждый из которых по размеру и форме казался братом-близнецом клинка Анхель. А затем сжал пальцы. Очень красноречивый и понятный жест.

— Никто из моего народа не любит, когда глумятся над нашей верой и наживаются на религии. Мряушурры редко щадят тех, кто смеет продавать священное дерево в качестве наркотика. Поэтому торговцев не так мряуного, как могло бы быть.

— Но они есть.

— Разумряется, Талер. Всех крыс никто никогда не переловит.

— Ты сможешь устроить мне встречу с одним из мышурров?

— Они живут более обособленно, чем прайды. В Вольном городе. Это отдельная семряу... Сегодня они тоже будут присутствовать на Круге. Но позволение говорить с кем-нибудь из них ты можешь получить исключительно от старейшины прайда. Мряушурры стараются как можно меньше общаться с инородцами.

— Реально это устроить?

Кот задумался, дернул левым ухом, спрятал лапы в рукавах парадной мантии, тихо вздохнул. Кончик его пушистого хвоста дернулся.

— Попытаюсь, мррой старый кровный брат. Но ничего не буду обещать. А вот ты, Талер, с намряуи пойти не сможешь.

— Это бочем-пчха! Бочему?! — возмутился тот.

— Хотя бы поэтому. Ты выглядишь больным. И это когда я один. В помещении будет несколько сотен мряуих братьев. Что с тобой там случится, ведает лишь Лунная кошка. Ктом-ряу же на Круг Когтей допускаются лишь мряурры.

— Эй, постой-ка! Что-то я не вижу у него усов, когтей и хвоста! — Талер ткнул пальцем в меня.

— Тиль — особый случай, — сказал кот. — Он ожидает прихода Лунной кошки и гораздо ближе к мряуррам, чем сам считает. Тебя мряугут допустить на религиозный ритуал.

— Надеюсь, старейшины не ожидают, что благодаря ему на испытании боявится ваша богиня? — скептически бросил Талер, прежде чем высморкался.

— Послушай, — примиряющее сказал я несколько обиженному другу. — Тебе вовсе незачем страдать от аллергии. Дождись меня в моем доме. Полли накормит тебя до отвала. Разрешаю брать в Оружейной комнате все, что хочешь.

— Незачем?! — обиделся он. — Бо-твоему, мне не хочетс... хоче... апчха! Мне не хочется увидеть настоящий Круг?!

Он поворчал еще немного, скорее для вида, потому что, наверное, уже представлял, как залезет в мой оружейный шкаф.

Глава 16

КРУГ КОГТЕЙ

Центральный храм Лунной кошки располагался среди мяуррских вишневых садов, окруженных со всех сторон жилыми кварталами. Весной, когда вишня начинала цвести, вход в сады открывали для всех желающих полюбоваться белопенными деревьями Спинотиса. Во все остальное время вход иноверцам на территорию, прилегающую к храму, был запрещен.

Разумеется, некоторым нашим религиозным гражданам, в том числе и представителям духовенства, такая изоляция не нравилась, ее считали подозрительной и направленной исключительно против догматов Вееединого, но Князь приказал оставить мяурров в покое и дать им жить по своим законам. Религия котов, в отличие от того же солнца малозанцев или духов оганов, куда как мягче, спокойнее и терпимее. Она направлена внутрь себя, а не наружу, поэтому не стегает кнутами веры тех, кто не желает поклоняться Лунной кошке. Мя-уррам, если ты не мяурр, все равно, в кого ты веришь и как молишься своим богам.

Сады окружал высокий забор, ворота были кованые, с множеством изображенных на них фигур танцующих котов и кошек. Вход охраняли. Один из стражников, черный кот с белой подпалиной вокруг левого глаза, с удивлением посмотрел на меня и сказал Мряшалу:

— Что здесь делает чэр?

— Он со мряуной. И ему позволено пройти. Чэр — проводник Лунной кошки.

Охранники с сомнением посмотрели на меня.

— Просто покажи им. Так будет быстрее, — попросил меня Мряшал.

Я с неохотой снял перчатки, продемонстрировав черные узоры на коже. Коты жадно уставились на них, и черный с некоторым колебанием сказал:

— Я чту древние законы, где говорится об ожидающих Лунную кошку. Чэр мряжет войти в сад. Но разрешение на посещение храмура и присутствие на ритуалах нашего народа придется просить у Сына Луны.

— Я помню об этом, — с некоторым холодком в голосе ответил мой спутник и, сделав мне знак, чтобы я следовал за ним, прошел в ворота.

Я двинулся вслед, на ходу натягивая на руку перчатку.

— Не делай этого, — попросил меня Мряшал. — Сразу же возникнут

вопросы. Пусть видят, кто ты.

Мне совершенно не хотелось, чтобы все знали, что среди них казненный лучэр, жизнь которого катится к закату, словно летящий под откос паровоз. Но я счел его предложение достаточно разумным и оставил руки неприкрытыми, чувствуя себя так, словно разгуливаю нагишом на званом обеде и на меня пялятся все приглашенные.

Вишни стояли голые, серые и словно облитые ледяной водой. Над ними возвышался пирамидальный храм Лунной кошки. Он был самым крупным, но не единственным в Рап-гаре. Еще два храма, куда более скромных размеров, располагались на северном берегу, но не шли ни в какое сравнение со зданием, к которому я направлялся. Сложенная из глыб розового гранита, с арочными пролетами окон, с колоннами в форме кошачьих лап, пирамида довлела над всем Кошачьим приютом, и ее острый трехгранный профиль был отлично виден даже с северного берега.

Я задрал голову, наблюдая, как с вершины здания взлетела голубиная стая, испуганная звуками тяжелого гонга.

— Подожди мряуны, пожалуйста, здесь. Чтобы провести тебя внутрь, понадобится разрешение. Это мряуожет занять какое-то время.

Он взметнул мантией лежащие на дорожке листья, поднялся по ступеням и скрылся в здании.

— Если нас пропустят, я наконец-то удовлетворю свое любопытство, — произнес Стэфан. — Помню, я еще твоего деда подначивал хотя бы одним глазком взглянуть на Круг Когтей...

— Зачем тебе это? — с некоторым недоумением спросил я, разглядывая барельефы, изображавшие множество кошек.

— Из практического любопытства, мой мальчик. Несмотря на преклонный возраст, я все еще стараюсь узнавать что-то новое.

Я недоверчиво хмыкнул. На мой взгляд, амнис и так знает все на свете.

Мяурры в дверях храма, вооруженные ритуальными резными посохами, увенчанными стальными шипами и когтями, с интересом поглядывали на меня. Анхель нетерпеливо излучала эмоцию за эмоцией, в основном говорящие о крайней степени нетерпения и некоторой доле неодобрения, что я затеял весь этот сыр-бор ради Эрин.

Маленькую площадь перед храмом то и дело неспешно пересекали прогуливающиеся кошки. Зверьки ничего не боялись и чувствовали себя как дома. Одна из них, черепахового окраса, проскользнула мимо меня, таща в пасти упитанную крысу, хвост которой волочился по земле.

— Представляю, как разочарован шпик эр'Дви, — со злорадством произнес Стэфан. — Его, в отличие от тебя, задержали на входе.

— Знаю, — вяло ответил я.

Те же самые господа, от которых я смылся вчера, сегодня с утра хвостом сопровождали меня от самого моего дома. Я счел их неопасными и совершенно не досаждающими мне и выкинул из головы. Когда меня покинул Талер, один из соглядатаев увязался за ним, а второй остался со мной, лишь для того, чтобы отстать возле храма Лунной кошки.

Вновь ударил гонг, его звон растекся по осеннему саду, всколыхнул голые ветви вишен и затих на очень высокой ноте, дрожа, словно потревоженная струна малозанского музыкального инструмента. Очень печальный звук, если подумать. Словно внезапно оборвалась чья-то жизнь.

Мряшал вернулся минут через десять в сопровождении серо-полосатого мяуррас плоской мордой и зелеными глазами. Тот не счел нужным представляться, по встопорщенным усам и прижатым ушам было видно, что кот не слишком доволен сложившейся ситуацией.

— Позвольте взглянуть на ваши руки, чэр, — сипло попросил он меня.

Тон у него было невежливый и раздраженный. Я вопросительно взглянул на Мряшала, но тот сделал мне знак не обострять ситуацию.

— Да. Хорошо. Вы мряжете пройти, чэр. Воля Лунной кошки выше законов мряурров.

Он развернулся, поднялся по ступеням, что-то сказал охранникам и скрылся в храме.

— Кто наступил ему на хвост?

Мряшал закашлял, что у его племени означало смех:

— Лучшая шутка за неделю, Тиль. Не обращай внимряу-ния. Он всегда такой.

— А что за разговоры о воле Лунной кошки? — с подозрением произнес я. — Надеюсь, внутри меня не отправят на ритуальное заклятие?

— У мряурров есть закон, по которому ни один инородец не мряужет быть на Круге Когтей. Он соблюдается. Но в то же времряу уже был нарушен больше пяти раз, пока прайды живут в Рапгаре. В книге мряолитв, которая досталась нам от первых, встретивших Лунную кошку, есть строки, где она молит своих неразумряуных детей быть чуткими к тем, кто стоит на пороге встречи с ней.

Он сделал жест, приглашая меня подняться в храм.

— Мы не вправе отказать, если только это не влечет опасность нашему народу. К тому же наши священники считают, что такие, как ты, мряуюгут привести богиню, а для нас это бесценно.

— Чтобы ее привести, следует умереть. Этого я делать не собираюсь. Во всяком случае, сегодня.

— Вне зависимости от твоей смерти ее благословение снизойдет на это святое мряуесто.

Я перестал вникать в теологические представления мяурров, сочтя их сейчас не слишком важными для меня. Сразу после входа мы попали в огромный зал, купол которого уходил высоко вверх, здесь пахло лунным корнем и слышалось приглушенное пение. Прежде чем я успел рассмотреть в полумраке хоть что-то, Мряшал толкнул дверцу в стене и по извилистой лестнице привел меня в небольшую ложу, где с балкона открывался вид на зал.

— Жди здесь. С тобой поговорят, когда найдут времряу. Я приду за тобой.

Шурша мантией, он скрылся.

В помещении, куда меня привели, была лишь маленькая деревянная скамеечка. Я сел, положил руки на перила балкона и стал смотреть вниз.

Зал в форме эллипса, как я уже говорил, был огромным и, казалось, впитывающим в себя свет. Окна, находящиеся на дальней от меня стороне, по чьему-то приказу закрыли непроницаемыми для солнечных лучей щитами, и густой полумрак в помещении не могло разогнать пламя двух жаровен, что стояли по бокам от высокого, похожего на трон резного кресла.

Впрочем, все быстро изменилось, когда четыре десятка мяурров внесли в зал большие факелы на длинных бронзовых шестах. В полу оказались специальные пазы, куда воткнули шесты, и свет огня разогнал тьму в центре помещения. Стала видна площадка, приблизительно тридцати футов в диаметре, ограниченная белым меловым контуром. Ее, словно крылья, охватывали трибуны. Лишь первые ряды были прекрасно различимы, все остальные, уходящие к потолку, скрывались в полумраке. Судя по шорохам и шепотку, все места оказались заняты мяуррами, и я не сомневался, что сегодня здесь собралось все взрослое мужское население Кошачьего приюта.

Среди тех, кого я мог увидеть на достаточно хорошо освещенных трибунах, была совершенно разношерстная публика в буквальном и переносном смысле слова. Каждый прайд, каждая семья этого племени отличается друг от друга по множеству внешних признаков. Разные морды: узкие и широкие, плоские и вытянутые, похожие на тигриные или львиные или еще на два десятка других представителей дикого кошачьего племени, населяющего наш мир. Разная шерсть: пушистые, короткошерстные, черные, белые, рыжие, полосатые, пятнистые. Разная длина и форма хвостов, лап и ушей. Все эти признаки говорили знающему человеку о

родословной мяурра и его принадлежности к определенной семье и прайду.

Я худо-бедно мог понять, с представителем какого прайда общаюсь, но что касается семей — был полным профаном. В каждом прайде их не меньше пятидесяти, и запомнить такое многообразие признаков... Нет. Не скажу, что невозможно, но просто это не самое важное в моей жизни.

Двое котов в золотых мантиях щедро сыпанули в жаровни лунного порошка, который тут же превратился в охряный дым и начал расползаться по помещению. Острый запах восточных пряностей, и без того сильный, показался мне едким и даже невыносимым. На мое счастье, дым не являлся наркотиком, во всяком случае, для лучэров. А вот если вколоть растворенный в воде порошок прямиком себе в вену, то «улететь» от этой дряни способен даже такой невосприимчивый к запрещенным веществам народ, как Дети Мух, как нас привыкли называть ненавистники из человеческой среды.

Судя потому, как много кидали порошка в огонь для ритуальных воскурений в честь Двухвостой кошки, у мяурров его было в достатке. Отсюда следовало, что всегда найдется ворюга, готовый рискнуть собственной шкурой, подставиться под острые когти и стянуть унцию бесценной для наркоторговцев дряни.

Ударили в гонг. Его звук достиг наивысшей точки, отражаясь от потолка и стен певучим «ом-м-м-м», и, когда он стих, шепотки и шевеление на трибунах прекратились. Двое все тех же мяурров в золотых мантиях под руки подвели к креслу третьего. Он был очень старый, сгорбленный, еле волочащий лапы, с седой, словно выгоревшей на солнце шерстью, большими ушами с кисточками, как у рыси, и облезлым, похожим на осеннюю безлистную ветку, хвостом.

Старик с трудом уселся, положив лапы на подлокотники, выпустил грозные когти, впившиеся в мягкую древесину, и, медленно подняв голову, оглядел трибуны.

Сын Луны, самый старый, самый мудрый кот, которого выбирают из шести старейшин прайдов и который определяет политику и поведение своего народа.

Почти три минуты он рассматривал тех, кто пришел, а затем заговорил.

Голос его, вопреки моим ожиданиям, оказался сильным и глубоким. Он с легкостью разносился по всему залу, и мяурры, подавшись вперед, внимали каждому слову. Я, в отличие от них, ничего не понимал. Язык мяурров — набор хриплых, мурлыкающих, шипящих грудных звуков. Родной язык уроженцев Спинотиса считается одним из самых сложных

среди тех, кто населяет Рапгар. Знают его немногие, а учить почти никто не стремится — коты прекрасно изъясняются на всеобщем.

Минуты четыре я терпел, затем не выдержал и прорычал задумавшемуся Стэфану:

— Ты долго собираешься маяться от безделья?!

— Прости! Отвлёкся на разговор с Анхель, — оживился он и начал переводить с половины фразы, опуская стандартное «мряу» то и дело попадающее на букве «м»:

— ...они запятнали себя, запятнали свою семью, запятнали свой прайд и тех достойных мяурров, что несли ответственность за них, поручились честью за их доблесть, воспитывали и вкладывали знания. Это позор для нашего народа, когда вместо детей рождаются презренные мыши, которым не место среди гордых воинов!

По рядам пробежал первый одобрителный шепоток, впрочем мгновенно стихший.

— Как завешали нам великие предки, истинные потомки благородной Двухвостой кошки, лазающие по горячим скалам и охотящиеся на вепрей, — гнилое яблоко следует без жалости выбрасывать. Ни я, ни старейшины, никто из моего народа — племени отважных воинов — не потерпит, чтобы преступивших хоть что-то связывало с настоящими мяуррами!

Эти слова был встречены согласным ревом. Я уже подозревал, что случится дальше, и, неприятно скривив губы, снял шляпу, бросив ее на скамью рядом с собой.

Вновь наступила оглушающая тишина, и через минуту мяурры в черном, с острыми посохами наперевес, ввели невысокого кота. На нем, к моему удивлению, не было никаких цепей. Он шел сам, без принуждения, с ровной спиной и высоко поднятой головой, с презрением покосился на тяжелую деревянную колоду, поставленную в центре круга.

— Тебя обвиняют в том, что ты запятнал свою честь недозволенной работой, — прогудел Сын Луны.

— Я не считаю ее таковой, — надменно ответил кот.

Его ответ не понравился сидящим, и зловещий шепот был тому лучшим подтверждением.

— Цирюльник! — выкрикнул толстый белый мяурр из первого ряда. — Это, по-твоему, достойно мяурра?! Мы воины, стражи, защитники, охотники, оружейники! Но не пекари, официанты, цирюльники и слуги! Это позор на твой прайд, Рмяул!

Невысокий обвиняемый спокойно встретился взглядом с белым котом

и негромко сказал:

— Я не вижу позора в достойных профессиях, старейшина. Надеюсь, хоть кто-нибудь готов это понять.

— Одумайся! — вскричал мяурр с верхних рядов. — Еще не поздно все исправить! Отступись, Рмяул!

— Но мне нравится быть цирюльником, — сказал тот с каким-то удивлением, словно его никак не могут понять.

— Я прошу дать ему время, — обратился белый старейшина к Сыну Луны. — Молодость склонна к горячности и неразумным поступкам.

— Хорошо, — после недолгого молчания ответил старик. — До юного месяца. Но если его еще раз заметят за непозволительной для мяурров работой, ты сам знаешь, как следует поступить.

Кота, не проявившего никакой радости из-за того, что его освободили из-под стражи, сменил следующий обвиняемый. Я заметил у него в лапах томик со святой книгой откровений Всеединого, в который он вцепился, словно в свою последнюю надежду.

— Ты предал веру предков, отвернулся от Лунной кошки и заполнил разум ложным учением...

— Вера во Всеединого столь же истинна, как вера в Лунную кошку! — горячо перебил его обвиняемый.

Судя по всему, он допустил очень большую бестактность, перебив главу, потому как несколько мяурров вскочили со своих мест, в гневе потрясая лапами с выпущенными когтями, и лишь резкий окрик Сына Луны остановил их от расправы.

— Я не собираюсь спорить с отступником. Это ни к чему не приведет и лишь потратит наше время в пустой погоне за несуществующей мышью. Ты предал веру предков, сменив ее на чужую, какой бы истиной она ни считалась в Рапгаре. Этого достаточно, и ситуация не требует дальнейших разбирательств. Что скажет семья отступника?

— Виновен, — раздался слабый голос из самого последнего ряда, находящегося как раз под моим балконом.

— Что скажет прайд отступника?

— Виновен! — раздалось несколько голосов из разных концов зала.

— Что скажет старейшина прайда?

— Виновен! — сверкнув глазами, сказал высоченный мяурр, рядом с которым я увидел сидевшего Мряшала.

— Кто-нибудь из достойнейших, находящихся сейчас здесь, желает выступить в защиту обвиняемого?

Тяжелая тишина была ему ответом.

— Ты признан отступником, — сказал Сын Луны. — Ты потерял защиту семьи, прайда, своего народа и богини.

Все произошло довольно быстро, и, что меня удивило больше всего, обвиняемый совершенно не сопротивлялся, приняв решение большинства как нечто само собой разумеющееся. Широкий тесак сверкнул в свете факелов и ударился в деревянную колоду, отрубая хвост мяурру у самого основания.

— Ты лишился благословения Луны и Ночи. Отныне ты мертв для своего народа. Живи днем.

Нарушившим закон отрубали хвосты, изгоняли из Кошачьего приюта и при встречах не замечали, считая, что изгнанники просто не существуют, так как Лунная кошка больше не присматривает за ними. Таких котов, запятнавших себя чужой верой, презренной работой или постыдным поступком, которому нет оправдания, называли Полуденными. Их жизнь не зависела от прайда, и они могли полагаться только на самих себя.

Мяурров с отрубленными хвостами в Рапгаре достаточно много, и с ними частенько можно столкнуться на улице, а в особенности в ресторанах, трамваях, цеппелинах или поездах, где они предпочитают работать. Порой эти ребята чем-то напоминают мне самого себя — такие же отверженные, каким был я достаточно долгое время. Единственное наше отличие в том, что они сами выбрали свою судьбу и знали, на что шли и за что лишились хвоста.

Обстановка и настроение в зале изменились. Теперь каждый фут был пропитан тревожным ожиданием, предвкушением и надеждой. Начинался Круг Когтей.

Мяурры достигают совершеннолетия в двадцать лет, должны пройти Круг, доказать, что они настоящие мужчины, и, в случае удачи, получить от старейшины разрешение на создание своего «когтя» — маленькой социальной ячейки, входящей в многочисленную семью родственников, которая в свою очередь является частью могучего прайда. Круг — первое и последнее препятствие для женитьбы. Всего за свою жизнь кот может завести трех жен, в двадцать, тридцать и сорок лет соответственно. Тем, кто не смог пройти через испытание, следует ждать целый год, до нового сбора Круга, и повторить попытку.

Как-то, еще будучи студентом, я разговаривал с Мряшалом, которому только предстояло пройти через это, и он осипшим голосом говорил, что есть среди мяурров такие, кто не может добиться победы и с пятнадцатой попытки.

Претенденту следует сразиться в рукопашной схватке с тремя

опытными бойцами, продержавшись против каждого всего лишь минуту. Кому-то везет, кому-то не очень.

— Подозреваю, что сегодня экзамен сдадут все, — сказал Стэфан.

— Почему ты так уверен?

— Случай нетипичный. Сбор нетрадиционный. Молодые отправляются на войну.

— Войны еще нет, — напомнил я ему.

— Вопрос времени, мой мальчик. Так вот. Молодые отправляются на войну. Согласись, они будут сражаться более доблестно и не опозорят честь прайда, если будут знать, что их ждут дома. Моральный дух, Тиль. На мой взгляд, это важно.

Сын Луны стал говорить, и речь его была заполнена патетикой о предназначении мяурров в этом мире, службе прайду, Рапгару, стране и Князю, гордости за тех, кто вызвался добровольцем, и семейных ценностях, к которым должен стремиться каждый кот. Я слушал вполуха, с большим интересом наблюдая за сидевшими на трибунах хвостатыми господами. Все внимали главе своего народа затаив дыхание.

Наконец, когда со словами было покончено, двенадцать претендентов, облаченных в темные плащи, с капюшонами, полностью скрывающими их лица, встали позади трона Сына Луны. Подчиняясь приказу одного из старейшин, первый из молодых мяурров сбросил плащ и осторожно вошел в круг.

Это был большеглазый, пушистый, похожий на всклокоченного детеныша леопарда, совсем еще юный. Вся его одежда состояла из белых хлопковых шаровар и туники такого же цвета. Его противник, отличавшийся и силой, и статью мяурр с темно-коричневыми подпалинами, в черной тунике и шароварах, встал напротив и стеганул хвостом по воздуху. Он не отрывал горящих желтых глаз от претендента.

Прозвенел гонг, и началась схватка. Бойцы дрались, не издавая ни звука, их сражение мало чем напоминало свалку между выясняющими отношения уличными котами. Двигаясь, словно молнии, кружа друг вокруг друга, нападая и отскакивая, подлетая в воздух на восемь с лишним футов, совершая удары всеми четырьмя лапами, они поразили мое воображение удивительной пластикой, точностью действий и потрясающим контролем над своим телом.

Хвосты позволяли мяуррам исполнять такие кульбиты и пируэты, что любой воздушный акробат, увидев это, должен был бросить карьеру и навечно повесить трико в цирковой шкаф.

Казалось, на целую минуту я забыл дышать, пораженный поединком.

Когда время завершилось, туника претендента была исполосована когтями.

Второй «экзаменатор», как мне показалось, был из родного прайда молодого мяурра, так как более щадил противника, чем его предшественник. Он занял оборонительную тактику, лишь иногда нанося удары когтистыми лапами, которые, впрочем, почти не достигали цели.

Зато третий боец жалости не знал, во все стороны летели клочья шерсти и обрывки материи. Когда все закончилось, претендент стоял на четырех разъезжающихся лапах, низко пригнувшись к полу, стегая себя по окровавленным бокам хвостом, и тяжело, хрипло дышал.

Анхель сочла, что молодой еще легко отделался.

Она оказалась права, стоило лишь начаться следующему бою. Здесь удача сложилась для юного кота гораздо хуже, чем для его предшественника. Здоровый рыжий мяурр, одноглазый, похожий на пирата из южных морей, устроил настоящее избиение. Исполосовал морду противника когтями, рассек ему нос, а затем распорол бок и плечо. Площадка разом намочила от крови. Но новичок, несмотря на раны, бросался в атаку, слепо, отчаянно, нанося удар за ударом и не обращая внимания на то, как вражеские когти раздирают ему спину и шею. В итоге рыжий с диким воплем отлетел в сторону, лишившись одного уха.

Время вышло, но одноглазый, словно бы не услышав этого, прыгнул на ослабевшую жертву, но был сбит в воздухе сразу двумя мяуррами, соскочившими с трибун. Он выл и плевался, но его очень быстро обездвигили и уволокли прочь.

— Между ними явно пробежала какая-то кошка, — хихикнул Стэфан.

— И тебе нравится это варварство? — Я с отвращением кивнул в сторону окровавленного кота. — Он едва стоит и не сможет продолжать бой.

— Смряуожет, — сказал внезапно появившийся рядом Мряшал. — Раны — это пустяки. Гордость гораздо важнее. Он не будет драться, если только потеряет сознание или умряует. Никто из нас не желает уронить честь прайда. Это не варварство, мряуой старый брат по крови. Это жизнь нашего народа. Тебе она кажется жестокой?

— Да, — не стал я отрицать.

— Наш мряунталитет отличается от вашего. Мы тоже не всегда мряуожем понять лучэров. На наш взгляд, вы гораздо более странные, чем тру-тру. — Он бесстрастно посмотрел на сцену, где подходил к концу очередной бой. — Но мы живем по вашим законам и готовы смряуириться с вашей необычностью. А ты?

Я посмотрел ему в глаза и осторожно ответил:

— Сегодня я всего лишь невольный наблюдатель, Мряшал. Я не буду вмешиваться и учить вас, как следует жить.

— И это разумно. Идем. С тобой поговорят.

Я в последний раз бросил взгляд на арену и последовал за ним. Мы спустились вниз, вошли в противоположную дверь и, сойдя по темной широкой лестнице, оказались в полуподвальном помещении, где сильно пахло мятой и апельсиновой цедрой.

В комнате, куда меня привел мяурр, находился тот самый высоченный кот, глава прайда, что сказал последнее слово в судьбе религиозного отступника. Он был на голову выше меня, с густыми усищами и несколько кудрявой шерстью ванильного оттенка.

— Сврямряук, глава моего прайда. Чэр Тиль эр'Картиа. — Мряшал представил нас друг другу.

— Сын Луны уполномряучил меня рассмряутреть вашу просьбу. — Сврямряук предложил мне сесть.

Мне почудилось, что наверху, на потолочных балках, кто-то есть, но Анхель сохраняла «молчание», и я, успокоившись, выбросил это из головы. Кот налил вина в два бокала, ничего не предложив Мряшалу, стоявшему возле стены и ловившему каждое движение главы прайда. Я принял вино, из вежливости сделал небольшой глоток солнечного муската.

Глаза Сврямряука безразлично скользнули по моим рукам:

— Я слышал вашу историю, чэр, хотя уже десять лет как ушел в отставку из жандармряурии.

Я стал ждать продолжения, которое обычно всегда заключалось в вежливом сожалении о несправедливости судебной системы и некомпетентности судебных органов. Но он сказал совершенно не это:

— Я вижу, что вы соответствуете старому кодексу своего народа, чэр эр'Картиа. Лучэр должен оставаться лучэром вопреки всемряу.

— Не понимаю, к чему вы клоните.

— Я рад, что встретил лучэра, а не сдавшуюся развалину. Поверьте мряуему опыту, многие сдаются перед несправедливостью жизни. Это гораздо проще, чем продолжать бороться. Мои глаза видят, что вы боец. Не хотел бы я вставать с вамряуи в Круг, чэр.

— Для меня это комплимент, — пробормотал я, весьма сбитый с толку. — Впрочем, смирение никогда не было моей положительной чертой.

— Смряурение для слабых духом. Мое племряу не ценит эту особенность характера. — Он сел в кресло напротив, обвившись хвостом. — Я рад, что смряурение не мешает вам. Потешьте мряуое любопытство, чэр. Что толкает вас жить, когда вы мряуртвы и Лунная

кошка бежит за вашей спиной? Для меня это важный жизненный опыт.

— Цель, — не раздумывая, ответил я. — Вы не думали, Сврямряук, что мы все живем ради какой-то цели?

— Думал ли я? О да. Так и есть. Мряурры живут для того, чтобы быть воинамряуи, служить своей стране, прайду и семье. И наша цель, в отличие от многих других, никогда не заканчивается. Она тянется сквозь ночь, словно лунный свет, и является бесконечной. Никомряу из мряуего народа не надо страшиться, что цель окончится и мы потеряем смысл жизни. Надеюсь, ваша цель столь же живуча. — Он отсалютовал мне бокалом.

Я вежливо улыбнулся ему.

Кот наклонился в кресле, протянул лапу:

— Мряуогу я забрать принадлежащее мряуоему народу?

Я отдал ему порошок. Он посмотрел его на свет, как это уже делал Мряшал, откупорил крышку, понюхал и отметил:

— Хорошее качество. Понимаете, чэр эр'Картиа, каждый сбор лунного корня уникален. Если есть опыт, легко можно определить регион, сад, год сбора корней. Знающий зайдет дальше, смряожет назвать время поставки и хранения, а также день, когда его украл у нас. Посмотри. Что скажешь?

Прятавшийся все это время на балках спрыгнул вниз, легко приземлившись на ноги. Мряурр оказался кошкой с раскосыми лиловыми глазами и короткой дымчатой гладкой шерстью. Она была невысока и изящна. В ней чувствовался аристократизм, природная кошачья утонченность, невообразимая пластика и легкость движений. Ее глаза окружали темные подпалины, похожие на солнечные очки, а одежда была простой и неброской, обычной для ее народа — короткие шаровары в складку, хлопковая туника, вельветовый жилет.

— Надеюсь, вы не обижаетесь, чэр, что нас слушал кто-то еще? Мы не были уверены, что дело настолько серьезно. Семья мряушурров не слишком любит, когда чужаки знают их в лицо. Это Фэркаджамрея, чэр эр'Картиа. Она следопыт семьи мряушурров.

Я снял шляпу, кошка ответила легким кивком и, взяв пробирку, понюхала порошок:

— Сборр шестилетней давности, с южного побережья, плантации Мрряуена. Эта прропажа не из наших хранилищ. Прродавали на Спинотисе.

Голос у нее был гортанным, очень тихим, и она грассировала. Я впервые был не уверен, что смогу повторить его с первой попытки, несмотря на свой Атрибут.

— Вамрр трребуется торрговец, чэрр? — Взгляд у нее был

пронзительный и неприятный.

Было видно, что она общается со мной только по приказу старейшины.

— Лишь для того, чтобы найти одного из его покупателей. Для меня найти торговца — единственный способ выйти на нужного мне человека.

Она пошевелила ушами, принимая мои слова к сведению, посмотрела на старейшину.

— Я не слышала, чтобы такая поставка попадала комрряу-нибудь из рраспротрранителей в Ррапгаре. В карртотеке жандаррмряурии нет никаких упоминаний о сборе с плантации Мрряуена, да еще и шестилетней давности. Никомрряу из мрряуей семрряуи ничего об этомрр не известно.

— Я помню, что последние четыре мряусеца продаж на улицах не было, — согласился Сврямряук, и Мряшал, подтверждая его слова, кивнул. — Но, как мы знаем, изжить зло невозмряуожно, хоть мы его и уничтожаемряу в меру наших сил и религиозного рвения. Я хотел бы, чтобы ты занялась этой проблемой, Фэркаджамрея. Это пойдет на пользу нашемряу прайду.

— Да, старейшина.

— Но не спеши убивать крысу, прежде чем любезный чэр эр'Картия не узнает все, что он хочет услышать. Он отмряуечен Лунной кошкой.

Последнее было явным напоминанием на тот случай, если Фэркаджамрея об этом забыла. Она вновь поклонилась, впрочем, не слишком довольная последним приказом, быстро попрощалась со всеми и удалилась, выскользнув в приоткрытую дверь.

— Потребуется времряу, чтобы найти необходимое. У Фэркаджамреи есть нужный запах, и теперь мряушурры займряутся поиском. Она свяжется с вамряуи, чэр, как только появится результат.

— Будь спокоен, — сказал Мряшал. — От мряушурров еще никто не уходил.

Я поблагодарил их обоих, встал с кресла, отставив недопитый бокал вина, взял Стэфана, который был недоволен всем происходящим и не верил ни в какой результат, а также злился, что ему не дали досмотреть Круг Когтей.

— Я не хотел бы, чтобы они трогали покупателя, — сказал я напоследок.

— Мы не видим смряуысла наказывать тех, кто принимает порошок. Они заблудшие души и давно уже потерялись в паутине лунного света. Будьте спокойны. Вы получите наркомряуна целым.

Мне оставалось лишь положиться на слово старейшины.

Глава 17

МЫШКА МЫШУРРОВ

Часы сегодня тикали особенно громко. Солнечные лучи, назойливые, удивительно теплые, просачивались, словно вода, сквозь толстые занавески и бесцеремонно плясали у меня на лице, не испытывая никаких мук совести оттого, что разбудили меня. Я собирался хорошенько выспаться, но у вновь начинавшей налаживаться погоды было свое мнение на этот счет.

Шафья спала рядом, на животе, и ее горячий бок жег мне кожу. Изящная смуглая рука, украшенная золотыми браслетами, все еще лежала у меня на груди, и я как можно осторожнее, стараясь не разбудить девушку, выбрался из постели. Магарка прижималась щекой к подушке, и всегда собранные в косы волосы сейчас темным облаком укрывали ее, словно одеяло.

Как-то Данте сказал, что человеку моего круга спать с собственной служанкой вульгарно. Разумеется, говорил он это с очень большой иронией, так как сам в постельных делах отнюдь не образец нравственности, так что его недовольство я пропустил мимо ушей. Моя совесть была абсолютно чиста.

Стороннему наблюдателю в крайне щекотливых отношениях хозяин — служанка может много чего показаться, но я ни к чему Шафью никогда не принуждал, и наши встречи возникали лишь по обоюдному согласию и никогда не заводили дальше, чем это требовалось. Никто из нас не испытывал дурацкого чувства вины или неловкости в общении друг с другом. Мы были достаточно взрослыми, чтобы понимать, что нуждаемся в обычном человеческом тепле, пускай лишь на одну ночь. Она была одинока, прекрасна и горяча, я также одинок и пока еще жив. Мы отрывали бесценные минуты у ночи, понимая, что быть вдвоем, хотя бы иногда, — гораздо лучше, чем коротать часы жизни в одиночестве.

Я вошел в смежную со спальней комнату, прикрыв за собой дверь, оделся и спустился вниз. Бласетт отсутствовал, что само по себе было странно, а в Охотничьей комнате пил кофе Талер.

— «Откуда ты, прелестное явление»? — спросил я цитатой из пьесы Арчибалда.

Мой друг молча налил мне кофе, бросил в чашку сахар и протянул свежую газету. Я пожал плечами, поискал глазами Стэфана, затем

вспомнил, что оставил его вместе с Анхель, и застыл, так и не донеся чашку с дымящейся ароматной жидкостью до рта.

— Думал, что тебе будет интересно узнать об этом как можно раньше. — Талер рылся в конфетнице.

— Да уж, — только и выдавил я из себя.

Заголовок первой страницы мне решительно не понравился. Текст, находящийся под ним, еще больше. Я быстро пробежал его глазами. Раз. Другой. Третий. Взгляд зацепился за отрывок:

«...Управление Скваген-жольца по связям с общественностью подтвердило нашему корреспонденту, что при взрыве, произошедшем на мосту Легионеров вчера в восемь вечера, погиб Владимир эр'Дви, начальник серого отдела Скваген-жольца. Гвидо эр 'Хазеппа выразил глубокую печаль в связи с гибелью своего коллеги и подчиненного и принес соболезнования родственникам погибшего.

К сожалению, „Время Рапгара“ не знает подробностей, но, по словам свидетелей, в окно кареты чэра эр'Дви двумя неизвестными была брошена бомба. Они скрылись с места преступления, расстреляв из револьверов подоспевший патруль жандармов. Это самое успешное из всех покушений на крупного чиновника, произошедшее в Рапгаре за последние годы. Подобный инцидент произошел восемь лет назад, когда боевая ячейка ныне уничтоженных Носящих красные колпаки расстреляла на ступенях Души Рапгара прежнего мэра — Русэля Кваддо.

Гвидо эр 'Хазеппа заверил, что дело взял под свой контроль Князь, виновные будут найдены в самом скором времени и понесут заслуженное наказание.

Из выборочного опроса респондентов мы выяснили, что лишь небольшой их процент не сомневается в успехе органов правопорядка, большинство же, удрученное неудачей в поимке Ночного Мясника, полагает, что это громкое убийство так и останется нераскрытым.

Наши эксперты в области политологии, криминалистики, а также этнических отношений и истории сект не смогли однозначно назвать предполагаемого виновника столь громкого убийства, но уверенно заявили, что с гибелью чэра Владимира эр 'Дви серый одел Скваген-жольца ждет если не реорганизация, то существенные изменения...»

— Отвратительное утро, — буркнул я, вспоминая светловолосого чэра.

— Почти мои слова, — откликнулся Талер. — Не думаешь, что за этим стоят Носящие красные колпаки? Ведь в последнее время он интересовался ими. Я помню, как чэр примчался к тебе в дом после того нападения.

— Быть может, и да. Быть может, нет. Наши теории — лишь пустое

сотрясение воздуха. Он мог вести одновременно десяток дел, а погибнуть из-за того, что косо посмотрел на какого-то прохожего. В Рапгаре достаточно сумасшедших, чтобы совершить такое.

Все наслаивается одно на другое. Жизнь в столице никогда не была тихой, всегда случались какие-нибудь происшествия, но последние недели происходящее в моем городе — это просто какое-то стихийное бедствие.

— На мой взгляд, власть себя серьезно дискредитирует. — Талер намазывал масло на тост. — В некоторых кругах уже идут осторожные разговоры, что правительство растеряно и не способно ничего сделать. Рапгар словно расплзается по швам. Еще десять лет назад никто и подумать не мог о таком — убийство крупных чиновников на глазах у всех какими-то отморозками. Теперь — пожалуйста.

Он в задумчивости изучил ананасовый джем и придвинул к себе малиновый.

— Ты помнишь, чтобы раньше последователям Багряной леди давали возможность выступить со своими идиотскими заявлениями? Их сразу же стаскивали с трибуны, если не жандармы, то граждане, и волокли в кутузку. А что теперь? Всего пять дней назад я видел, как эти умники проповедовали и Прыг-скоке, и ни один зевака не пошевелился их заткнуть.

Я был с ним согласен. Вспомнил недавний инцидент на площади перед Центральным вокзалом.

— Все кажутся растерянными, — пережевывая, произнес Талер. — В том числе и власть имущие. Этот маньяк, поднявшие голову радикальные ячейки, куча недовольных, приближающаяся война. Последняя, кстати говоря, хоть как-то отвлечет внимание населения от творящегося в городе.

— Ждем войны как избавления от всех неприятностей? — Я с интересом просматривал финансовый листок «Времени Рапгара», так как не нашел ничего приятного в некрологах. — Зря. Она добавит других проблем. А насчет недовольных — не бери в голову. Их придавят так, что следующие полгода-год вновь будет тишина да благодать.

— Хотелось бы верить. В любом случае теперь серый отдел еще сильнее закрутит гайки, и начнется охота на ведьм. Впрочем, это, наверное, неплохо, а? Житья не стало от отребья, нелегально попадающего в город. Ладно бы сидели спокойно и тихо, так они никогда не ведут себя как приличные граждане... Да, там Полли пообещала приготовить яичницу с грибами и беконом и сварить прижские колбаски с травами. Ты не собираешься завтракать?

Я с усмешкой посмотрел на него:

— Ты настоящий прожорливый троглодит.

— Неверное использование слова. Троглодит — существо невоспитанное и некультурное. Я же — всего лишь голодный.

— Ну раз так, схожу на кухню и посмотрю, что можно для тебя сделать.

Шафья спала, и я не собирался ее будить, а Бласетт словно провалился в подвал. Полли, беззлобно ворча на нерадивых слуг, собрала мне поднос с едой. Мы с Талером позавтракали, он забрал к себе на тарелку оставшуюся снедь, а я вновь развернул газету.

— Ты пойдешь на панихиду эр'Дви?

— Не думаю, — после некоторого размышления ответил я. — Я его плохо знал, и мое появление в этом кругу было бы странным. Половина господ из Скваген-жольца до сих пор испытывают несварение желудка при виде меня.

Талер хохотнул и серьезно сказал:

— Просто я ночевал у Гальвирров. Рисах узнал новость раньше, чем она появилась в газетах, еще ночью. Он и Катарина собираются прийти.

— Угу, — без всякого интереса подал голос я. — Пишут, что Ночной Мясник растворился в воздухе. Вот высказывают осторожное предположение, что страх наконец-то покинул город. Никаких нападений уже «достаточное количество дней».

— Судя по тому, что ты мне рассказал, не думаю, будто он успокоился. — Талер сыто вздохнул. — Скорее всего, парень подхватил банальный насморк, и у него нет настроения идти на работу. «Срочные новости» позавчера распространили слух о том, что пророк из района Иных предсказал скорую кровавую ночь. Самую страшную из всех, что были в Рапгаре благодаря убийце.

— Лучше бы он предсказал, где берлога Ночного Мясника, или сдался жандармам, — сухо произнес я.

— Они, если ты не в курсе, за это время успели переловить два десятка пророков, предсказателей, сумасшедших и прочих шарлатанов. Половина из них утверждала, что они — и есть пророк из района Иных. Разумеется, это оказалось ложью. И, между прочим, никто из местных заправил, а также доносчиков, крыс и осведомителей в районе Иных не слышал ни о каком провидце.

— Откуда у тебя такие сведения? — Я посмотрел на него из-за культурного листка «Времени Рапгара».

— Рисах за ужином рассказывал. Впрочем, Кат бесед об убийце в своем доме не одобряет, и подозреваю, что большую часть самого интересного мне так и не удалось узнать. Кстати говоря, как у тебя дела с

котами?

— Никак.

Прошло уже четыре дня с тех пор, как я посетил Круг Когтей, но результата пока не было. Конечно, я набрался терпения и ждал, больше ничего и не оставалось, но начинало казаться, что обо мне просто забыли. Причем все — шпики серого отдела, неумный Фарбо, мяурры, Эрин и те невежливые господа, что несколько раз искали со мной встречи в поисках девушки с карминовыми губами.

— А, сгоревшие души! — Талер хлопнул себя по лбу. — Совсем забыл. Катарина передата тебе записку. Держи.

Мне пришлось отложить газету и распечатать конверт.

«Дорогой Тиль.

Через неделю в Национальном театре состоится премьера оперы мэтра Жали „Снежная сказка“. Знающие люди предрекают ей большой успех. Как ты понимаешь, в день премьеры там соберется весь свет (ходит упорный слух, что будет и Князь с семьей).

Я знаю, что в последнее время ты не любишь светские мероприятия, в том числе и театральные вечера, но хочу попросить тебя о маленьком одолжении.

Ты, разумеется, помнишь чэру Алисию эр'Рашэ, девушку в высшей степени утонченную, образованную и достойную, в том числе — и твоего внимания. Думаю, ты согласишься со мной, что эта юная особа — большая умница и прелесть. Я разговаривала с ней пару дней назад, Алисия очень хочет пойти на премьеру, но у нее нет кавалера. Не согласишься ли ты составить ей компанию?

Если сможешь найти для этого время, пожалуйста, сообщи мне о своем решении письмом или через Талера.

Крепко обнимаю.

Катарина».

Я молча протянул записку Талеру, понимая, что все равно отвернется от его вопросов не получится. Он пробежал глазами по строчкам и осклабился:

— Кат все еще хочет тебя женить, а?

— Она никогда не занималась сводничеством. Катарина просто добрая душа, только и всего. К тому же для нее слишком цинично искать в пару чэре эр'Рашэ мертвеца, который оставит несчастную девушку вдовой лет в двадцать.

— Я по твоим глазам вижу, что ты готов принять предложение.

— Конечно. — Я вновь уткнулся в газету. — Не могу отказать

Катарине, к тому же Алисия действительно хорошая девушка. Я себя никак не утружу... Смотри, очередной виток войны. Малозанский цеппелин разбомбил паром с беженцами недалеко от берегов Кируса. Часть населения острова недовольна тем, что наши войска на их земле, и провели акции протеста перед посольством. Малозан объявил, что он поможет жителям острова, требующим свободы от иноземных захватчиков.

Я отбросил «Время Рапгара» со словами:

— Кажется, пора продать акции кое-каких предприятий, пока это все не рухнуло в одночасье.

— Чэр эр'Картиа. — В дверях стоял Бласетт при полном параде. — Могу ли я отвлечь вас на несколько минут?

Физиономия дворецкого сияла, словно хорошо начищенное столовое серебро, хотя он и старался сохранить равнодушный вид.

— Разумеется, Бласетт. Я подойду в кабинет через минуту.

— Спасибо, чэр. Я буду вас ждать.

Он удалился, я допил уже давно успевший остыть кофе и отправился в кабинет. На моем столе стояло большое блюдо, накрытое сверху колпаком для сохранения пищи горячей. Из-под него раздавались глухие стонущие звуки. Бласетт нависал над ним, словно озверевший завью над своей жертвой.

— В чем дело? — нахмурился я.

— Я поймал их, чэр! Я поймал вредителей! На месте преступления. Вот это они пытались положить под вашу дверь! — Он двумя пальцами приподнял огрызок морковки.

Я почувствовал, как веселится Анхель.

— Ну давай посмотрим, кого ты поймал, — сказал я, присаживаясь на стул и наклоняясь к столу.

Дворецкий жестом опытного фокусника поднял колпак, и помещение тут же наполнилось писклявыми рыданиями, стенаниями, причитаниями и воплями. Сквозь стену в кабинет прошла Эстер, ревниво проверила, не завел ли я себе еще одного призрака, презрительно фыркнула и исчезла, словно ее и не было.

Я во все глаза смотрел на шестерых представителей маленького народца. Они, увидев перед собой лицо чэра, завyli еще громче, размазывая кулачками слезы на чумазных лицах, и трое из них от переизбытка чувств не нашли ничего лучше, чем хлопнуться в обморок. Еще одна малышка закрыла лицо руками, а другая, самая маленькая, от страха забыла, как пользоваться крылышками и даже не подумала взлететь. Самая старшая из них, с некоторой сединой в нечесаных, торчащих в

разные стороны волосах, с курносый носом и разноцветными глазами, держалась лучше всех — плакала почти беззвучно.

— Принеси печенья и молока, — приказал я Бласетту, решив действовать точно так же, как в поезде, во время встречи с Эрин.

Он вернулся в мгновение ока, с недовольной миной поставил перед пленниками блюдо и положил стопкой имбирное печенье. Почти сразу же троица перестала реветь, а «упавшие» в обморок приоткрыли глаза, решив узнать, не миновала ли опасность. Следующие несколько минут они завтракали, умильно сжимая в маленьких ладошках куски поломанного мной печенья и то и дело наклоняясь к блюду, наверное казавшемуся им размером с хорошую ванну.

Бласетт сердито сопел, иногда поправлял пенсне на носу и косился на «гостей» как на кровных врагов.

— Ну а теперь кто-нибудь из вас сможет мне рассказать, чем вам так не приглянулось мое крыльцо?

Кажется, я поторопился, потому что одна из малышек подавилась угощением, а вторая на всякий случай опять хлопнулась в обморок. Мне потребовалось некоторое усилие и масса терпения, чтобы разговорить «злостных преступников».

Старшую звали Пуня Чуховая, она была главой рода Звездочек, и именно по ее указанию все эти дни у меня под дверью появлялся мусор с помойки. Ну, во всяком случае, я считал *это* мусором, а вот мелочь имела собственное мнение на данный счет. На взгляд маленького народца, всё-всё-всё, начиная от битых стеклышек и листьев и заканчивая трупом крысы, являлось очень большой ценностью.

Собственно говоря, маленький народец решил сделать мне щедрые подношения из своих сокровищниц, чтобы задобрить. Слушая их историю, я не знал, смеяться мне или плакать. Раньше род Звездочек обитал в заброшенном доме, что находился в конце улицы и в данный момент разрушался строителями для возведения нового особняка. Соответственно, малышам и малышкам негде жить, а зима уже совсем-совсем близко. Вот они и подумали, что, возможно, я смиростивлюсь и пущу их пожить у себя, если мне поднесут хорошие дары.

Почему выбрали меня, а не чэру эр'Тавию, полковника МакДрагдала или любого другого соседа, разумно объяснить они не могли и лишь виновато шмыгали носами.

— И что мне с вами делать?

Анхель беззвучно смеялась. Вся эта ситуация ее безумно веселила.

— Сколько вас?

— Немного, господин, — сказала Пуня Чуховая и пробормотала что-то совершенно неразборчиво.

— Ничего не понял.

— Сорок.

Лицо Бласетта окаменело. Я же пожал плечами. При росте и размере маленького народца много места в огромном доме они не займут. Против этого племени я никогда ничего не имел, считал их существами добрыми, наивными и немного комичными. Так что будет очень забавно разместить у себя под боком такой муравейник. Удивлю Данте, он подобного экстравагантного поступка от меня точно не ждет.

— Хорошо. Можете оставаться.

Мои последние слова потонули в ликующих писках. Бласетта же едва паралич не разбил, но удар он выдержал с честью.

— Будете жить в комнате и кладовке, в восточном крыле. Там отдельный выход в сад. Но запрещаю таскать мусор, подниматься на второй этаж и воровать продукты. Я скажу кухарке, она будет оставлять вам еду. Если возникнут какие-то вопросы, обращайтесь к господину Бласетту. Он мое доверенное лицо и назначается ответственным за ваше поведение.

Дворецкий посмотрел на меня с тоской и осуждением, как на предателя, который подсунул ему пару фунтов взрывчатки с горящим фитилем.

— И не спалите мне дом! — напоследок сказал я, слушая, как «хохочет» Анхель.

Чему она радовалась, ума не приложу.

— Мат, — сказал Талер, передвигая офицера на три клетки вперед.

— А, сгоревшие души! — махнул я рукой. — Ты снова меня обошел. Когда-нибудь я тебя сделаю.

Он довольно улыбнулся и стал расставлять фигуры на их первоначальные позиции.

— Ты хоть раз в жизни у него выиграл? — пробурчал Стэфан, следивший за нашей партией с самого начала.

— Две победы. И пять ничьих.

Талер поднял глаза, понял, что я общаюсь с амнисом, и поправил меня:

— Четыре ничьих. Последняя, в день выпуска, не в счет. Я был пьян.

— Да, мой мальчик, играть с ним в шахматы — все равно что с тобой в карты.

— Старина Талер непотопляем, — согласился я. — Он единственный, кому я систематически проигрываю.

Мой друг, слыша эти слова, хмыкнул, но было видно — ему приятно, что его таланты оценили.

Талер достаточно много времени проводит у меня в доме. Если он не на службе, стрельбище, в оружейном клубе или у Катарины, то гостит у меня. Свою квартирку он ненавидит почти так же, как одиночество, и практически не бывает у себя в берлоге.

Я ничуть не возражаю, чтобы Талер приходил, мне он совершенно не мешает, к тому же, как я уже говорил, в доме полно пустых гостевых комнат, а Полли будет только рада накормить новых жильцов. По ее мнению, здесь слишком скучно и пустынно.

— Чэр эр'Картиа, к вам посетительница. — Блассет вошел с прямой спиной и ледяным лицом.

Он все еще дулся из-за истории с маленьким народцем.

— Кто?! — Я резко обернулся к нему, сразу подумав об Эрин.

— Мярр. Кошка. Она представилась, но, к стыду своему, я не в состоянии запомнить такое имя с первого раза, чэр.

— Фэркаджамрея?

— У вас великолепная память, чэр, — поклонился Бласетт. — Пригласить ее к вам?

— Будь так добр.

— Сию минуту, чэр.

— Это та самая? Из мышурров? — оживился Талер.

Я, прищурившись, посмотрел на него и совершенно нетактично поинтересовался:

— Тебе не пора? Ты сто лет не был на стрельбище.

— Если ты считаешь, что лучший друг оставит тебя, когда ты полезешь рисковать собственной шеей в логово к торговцу дурью, то ты не знаешь, что такое дружба!

— Я рад, что ты вспомнил о риске. Я лезу во все это исключительно потому, что, как ты знаешь, мне нечего терять. Разумеется, никто не говорит, что я не хочу жить долго и счастливо, но если взвешивать наши жизни на весах...

— Оставь, пожалуйста, свои недалекие теории, — отмахнулся он. — Чья жизнь важнее — умирающего или того, кто не знает, что с ним случится завтра, вопрос пустой и философский. Я на эту удочку не клюну.

— Все, что я затеял, мой друг, это всего лишь моя придурь. Глупая прихоть страдающего от безделья чэра, который стремится найти тех, кто пытался убить меня в моем собственном доме, и с помощью этих господ в красных колпаках — выйти на след Эрин. Девушки, которую я совершенно

не знаю и видел от силы двадцать минут. Я не считаю, что тебе надо принимать участие в подобном абсурде.

— Спорю на трестон, что, если я продолжу упорствовать, ты пригроишь нажаловаться на меня Катарине.

Ответить я не успел, так как вошла Фэркаджамрея в сопровождении Бласетта.

— Добррый день, чэрр эрр'Карртиа, — поприветствовала меня кошка.

— Добрый день, Фэркаджамрея. Это мой друг господин Талер.

Она безразлично посмотрела на Талера, равнодушно-вежливо кивнула.

— Присаживайтесь. Желаете что-нибудь выпить? — предложил я ей.

— Яичный ликерр с мрряутной настойкой в рравных прропорциях.

Бласетт дернул бровью, удивленный таким сочетанием, но довольно скоро вернулся с высоким бокалом и вручил его мяурре.

— Я нашла прродавца, хоть это и было непрросто.

Мне показалось, что она сдержалась, чтобы не улыбнуться довольно.

— Это очень хорошие новости. Благодарю вас за помощь, — сказал я ей.

— Не стоит благодаррности, чэрр. Я выполнила прриказ старрейшины. Мы мряожем поехать хоть сейчас.

— Чудесно, — сказал я, вставая. — Дайте мне пару минут, чтобы собраться.

Я перестал спорить и пытаться переубедить Талера, как только мы вышли из дома. В конце концов, он взрослый человек, и если ему хочется заниматься ерундой, которая привлекает меня, вперед и с песней. Я лишь предупредил, что, если ему опять продырявят шляпу, новую покупать не буду. Он хмыкнул по своей старой привычке и, засунув руки в карманы плаща, пошел рядом.

Фэркаджамреи не было никакого дела до того, кто меня сопровождает. Она запрыгнула в трамвай, на ходу показав кондуктору жетон, и села в салоне третьего класса, среди многочисленной гомонящей толпы эмигрантов и студентов. Возле Старого парка мяурра вышла, привела нас на набережную, сев на лавочку, потянулась, подобрала под себя ноги и сказала:

— Надо ждать.

Я, не став задавать вопросов, сел рядом, а Талер, у которого вновь началась аллергия, подошел к воде и вместе с мальчишками, детенышами ка-га и тремя оторвавшимися от дел фиоссами начал швырять камушки в воду, пуская «лягушек». Кошка следила за ним безмятежным взглядом раскосых лиловых глаз, затем сказала мне:

— От него пахнет поррохом.

— Да. Талер любит стрелять.

— Поэтому вы и взяли его с собой?

— Нет. Причина в другом. Если Талер что-то решил, его тяжело переубедить.

— Он похож на нас, — сказала Фэркаджамрея и, поймав мой непонимающий взгляд, уточнила:

— Мряушурров.

Мы вновь замолчали. Стэфан начал что-то бубнить о бездарно растрачиваемом времени, но я попросил его замолкнуть и, подставив лицо осеннему солнцу, закрыл глаза. Было тепло, хорошо, мягко плескались волны, слышались крики чаек и занятых игрой мальчишек, иногда над водой неслись гудки далеких пароходов. Чудесный день, чтобы поехать куда-нибудь за город, подальше от скоплений народа, пожить в свое удовольствие, погулять в тишине и покое, наслаждаясь единением с природой.

— Может, ты все-таки обратишь на меня внимание?

— Что тебя беспокоит на этот раз? — мысленно обратился я к трости.

— Шпики. Я понимаю, что ты так привык к их присутствию и перестал замечать, но сегодня их действительно нет. Горизонт чист, мой мальчик.

— Неудивительно. Эр'Дви мертв. Серый отдел стоит на ушах. Каждый оперативник на счету. На кой я им теперь сдался? Они потеряли надежду, что Носящие колпаки еще раз ко мне нагрянут, и занялись более насущными проблемами.

— Но ты-то должен понимать, что эти люди вновь могут тебя найти?

— Конечно.

На лицо легла тень, и я открыл глаза. Сигарообразный серо-стальной цеппелин закрыл собой солнце и, снижая скорость, полз по небу. Он казался медлительным, неповоротливым и громоздким китом, внезапно научившимся летать.

Обтекаемый нос, гондола экипажа, две пассажирские, каждая из которых размером с приличный ресторан, восемь дымящих паром мотогондол с медленно крутящимися лопастями пропеллеров, крестообразное оперение на корме — два вертикальных киля и два горизонтальных стабилизатора.

Он проплыл над городом и удалился к Станции дирижаблей, находящейся на большом поле в окрестностях Маленькой страны. Там стояло шесть посадочных мачт, так что воздушные чудовища курсировали

постоянно. В том числе не только пассажирские, но и грузовые и военные.

У Рапгара было уже двадцать семь жестких цеппелинов, и город на этом останавливаться не собирался. Воздушный флот развивался стремительно, акции росли, Данте даже предлагал мне поучаствовать в этом деле, купить ценные бумаги, но к подобным экспериментам, пусть даже они и будут выгодны и перспективны, я относился с сомнением.

Да, у дирижаблей хорошая скорость, способность быстро преодолевать большие расстояния, поднимать серьезные грузы, но они тяжелы в управлении, зависимы от погоды и слишком ненадежны. На мой взгляд, настоящие перспективы у этого вида транспорта появятся, когда на них поставят мощные электрические моторы, которые в данный момент существуют лишь в одном, экспериментальном образце в лабораториях тропеалл. Пока эти штуки слишком громоздки, дороги и нефункциональны, мы будем зависеть от пара. Стэфан считает, что надлежащий прорыв в технической мысли возникнет не раньше чем лет через десять. К тому же паровые магнаты, получающие на производстве привычных двигателей баснословные прибыли, будут тормозить вредные для их капитала разработки всеми возможными способами. Ну и не стоит сбрасывать со счетов магов. Эти, потеряв большую часть власти и способности влиять на правительство, до сих пор еще достаточно сильны для того, чтобы научно-технический прогресс спотыкался на любом бюрократическом законе.

— Чего мы ждем? — окликнул нас Талер, подкидывая на ладони камешек.

Я вопросительно посмотрел на Фэркаджамрею.

— Мряуих друзей, — произнесла она. — Они скоро будут.

— Что за жетон вы показали в трамвае?

Она с неохотой вытащила из кармана круглую железяку с гравировкой и повернула ее ко мне:

— Мы следим за порядкомряу среди своего народа. Глас Иных и мэrr наделили нас соответствующими полномочиями.

Я знал, о чем она говорит. Народные отряды правопорядка из этнических меньшинств, облеченные властью и приравненные в правах к жандармам, являлись рукой правительства в своих районах. Создание таких отрядов было вполне разумно — местные всегда лучше знали, что происходит у них под боком, чем пришлые чужаки.

— Жандармам ввели льготу на бесплатный проезд?

— Уже очень давно, — ответила она мне.

Я чувствовал во всем ее поведении, в каждом слове некоторую холодность, отчуждение, скрытое за стеной вежливости. Я не стал

интересоваться, в чем дело. Мне не было даже любопытно. Возможно, одна измышурров не считала правильным быть на побегушках у лучэра.

Длинная лодка с сильно чадящей закопченной трубой забрала нас через пять минут. Капитаном оказалась бледная женщина из народа кохеттов. Кроме нее здесь находились лишь двое мяурров в тусклых неброских одеждах, как и у Фэркаджамреи. Оба были такими же короткошерстными и дымчатыми, как она, но гораздо выше и мощнее. Они не представились и никак не показали, что замечают нас, лишь перебросились несколькими фразами с нашей провожатой.

Лодка отошла от берега и поплыла, нацелив нос между южным берегом Соленых садов и Хвостом. Мяурра подошла к нам и сказала:

— Мы направляемся в конец Складской бухты. Его зовут Димиттррос, он урроженец Кирруса, но давно живет здесь. Рраньше мряурры не замечали, чтобы он прродавал лунный поррошок, но, как оказалось, этот бизнес у него уже больше шести лет. До последнего врремрряуни человек был очень остроррожен. Никто не знал о нем.

— Он вооружен? Есть охрана? — поинтересовался Талер.

— Уже нет.

Тон ее говорил за себя.

— Вы зададите ему свои вопрросы, чэрр, а затем уйдете. Хорошо?

— А что будет с торговцем?

Она недовольно прижала уши к голове:

— Мы отвезем его к старрейшинам. Они ррешат его судьбу.

Кошка ушла на корму, к своим соотечественникам, а Талер чихнул и сказал:

— Значит, стрелять сегодня мне не придется.

Я поморщился и закрыл нос платком. Мы вплывали в Тухлую бухту, куда постоянно залетала фабричная вонь из индустриальных районов, до которых было рукой подать. Лодка причалила чуть ниже складов — бесконечных унылых сооружений, тянувшихся вдоль всего берега. В них сгружали с барж привезенные уголь и металл, а оттуда — забирали продукцию заводов.

Черные трубы, выбрасывающие в воздух желто-коричневую гарь, казались такими же близкими, как Талер, шедший справа от меня.

— Как можно жить в этой помойке? — простонал мой друг, кашляя и чихая.

Я вяло пожал плечами, стараясь дышать как можно реже и неглубоко. Складской берег — это еще рай. Представляю, что творится в Дымке или Пепелке. Говорят, там продолжительность жизни гораздо меньше, чем в

других районах Рапгара. А у тех, кто работает на заводах, и того меньше. Нужно иметь железные легкие, чтобы дышать угольной пылью и прочими «радостями» цивилизации, носящимися в воздухе.

— Мы живем в дикую и смешную эпоху, — с горечью сказал Стэфан.

— Почему? — спросил я у него, шагая по грязи на узкой улице.

— Потому что мы доживаем последние лучшие дни в первозданном мире Всеединого, который слишком сильно изменяем под себя, мой мальчик, — тут же ответил он. — Запомни его хотя бы таким, какой он есть сейчас.

— Не ты ли говорил мне когда-то, что изменения необходимы?

— Разумные изменения, Тиль! Разумные! И контролируемые! Согласись, управляемый трамвай и трамвай, мчащийся с горы без тормозов, это разные вещи. Так вот, сейчас мы летим из первозданной эпохи в мир, о котором даже мне, амнису, страшно подумать. Я помню эту вселенную девственной, а теперь она больше напоминает потасканную шлюху. Жить тогда было гораздо проще, чем сейчас.

— Я уже слышал твои стариковские стенания и раньше, — улыбнулся я.

— Ну так послушай еще немного. Право, ты ничего не потеряешь. Я хочу лишь сказать, что, оказываясь в подобных местах, начинаю соглашаться с волшебниками и всеми теми, кто выступает за принятие закона о разумном ограничении технического прогресса.

— Тогда тебе надо быть вместе с чэрой эр'Бархен. Бич Амнисов с радостью услышит твои соображения.

— По твоему мнению, я не прав? — с вызовом спросил Стэфан.

— Прав. Но теперь все то, о чем ты говоришь, вряд ли возможно, даже если Князь самолично отправится на заводы, закрутит все вентили в печах, погасит топки и заложит под цеха порох. *Это* не остановить. Если что-то и следовало делать, то много раньше. Лет сто назад. Теперь, чтобы взять чудовищного кракена по имени прогресс под свой контроль, придется связать ему щупальца, а их слишком много. Монстра не только нельзя подчинить, но невозможно и победить.

— Дракона следует и всегда можно уничтожить. Потому что фантазия, лишенная разума, производит чудовищ, а последним нет места среди нас.

— Революционные идеи излагаешь, Стэфан. — Я обошел лужу, в которой плавала целая гора мусора. — Если уничтожить технологический процесс, мир ввергнется в хаос, а от величия Рапгара останутся одни лишь воспоминания. К тому же среди нас достаточно реальных чудовищ, вспомни хотя бы Ночного Мясника.

— Мои слова, к сожалению, лишь пустое сотрясение грязного воздуха. Чтобы свалить с ног великана, нужен другой великан. Тот, кто без жалости уничтожит тех же пикли, тропя-елл, изобретателей, ученых, не говоря уже о финансовом рынке и хорошо отлаженном индустриальном механизме.

— Ну вот. Теоретик уже есть. Осталось найти исполнителей, — пошутил я.

— Не трудись. Я не хочу быть таким жалким, как этот тип. Я понял, что он говорит о высоком изможденном мужчине с рыжеватой бородкой, облаченном в черную рясу с красным жестким воротничком. Человек надтреснутым голосом проповедовал любовь к огненному богу, спящему на дне моря. Люди и нелюди, грязные, обозленные, уставшие, занятые, не обращали на проповедника ровным счетом никакого внимания. Таких господ по городу пруд пруди. И у каждого своя вера. Если слушать всех, то никакой жизни не хватит.

— Мы с тобой уже видели его, — сказал я амнису. — Когда ехали на Арену. У него смешная запоминающаяся борода.

Мы свернули в узкий, воняющий всем, чем только можно, переулок. Здесь, в помойке, в поисках пищи рылись с десятков скангеров. Ящероподобные создания размером с крупную собаку чирикали, словно воробьи, отбрасывая передними розоватыми лапами мусор.

Я терпеть не мог этих прямоходящих, лоснящихся, словно плотоядные черви, созданий. Мне отвратительна каждая их черта, начиная от острой хищной морды и выпученных глаз и заканчивая последней чешуйкой на треугольном хвосте. Мне не нравились их осторожные повадки, их наглость, стоило тварям только сбиться в крупную стаю, и вечное желание пролезть из гетто и низких районов куда-нибудь в Золотые поля, чтобы поживиться всем, что плохо лежит.

Четверо отвлеклись от розыска пищи, повернули в нашу сторону испачканные отбросами морды и угрожающе раздули оранжевые капюшоны. Мярры не обратили на эту падаля никакого внимания. Талер поднял с земли камень и швырнул в скангеров, попав одному из них в бок. Тот взвизгнул, перекувырнулся через голову и рухнул с мусорного ящика в грязь. Остальные зашипели, подобрались, но, увидев в руках моего друга револьвер, решили не связываться.

— Зачем ты это сделал? — спросил я у Талера, когда мы вышли на соседнюю улицу.

— Ненавижу тварей. Хуже крыс. Настоящее стихийное бедствие.

— Между прочим, они разумны и злопамятны.

— Значит, еще больше поводов их истребить! Не знаю, куда смотрит

миграционный контроль! У скангеров нет никаких гражданских прав, но они лезут в город с Пустырей, словно тараканы, а никто и пальцем не пошевелит, чтобы их остановить.

— В нашем районе скангеров нет, — сказала Фэркаджамрея, слышавшая беседу.

— Потому что вы сняли с некоторых из них шкуры и повесили на улицах в назидание остальным. Больше мусорщики к вашим домам не лезут. Правильно поступили. — Талер сурово свел брови. — Кстати, ты в курсе, Тиль, что они порой едят любимый тобой маленький народец?

Я неохотно кивнул. Маленький народец на то и маленький, чтобы его обижали все кому не лень. Как я уже говорил, обычно до этих ребят никому нет никакого дела. Если малыши и малышки исчезнут из нашего мира, никто и не заметит.

Мы подошли к дому из красно-коричневого, плохо обожженного кирпича, где на балконах висело влажное, небрежно отстиранное, серое белье. Коты скользнули в подъезд, темный, с исписанными непристойностями стенами, прошли его насквозь и вывели нас к приземистому двухэтажному зданию, во внутренний двор, который никогда не отыскать тому, кто о нем не знает.

Несколько чумазых мальчишек играли в мяч. Они проводили нас заинтересованными взглядами, но почти сразу же вновь занялись игрой.

В западных районах Рапгара существует очень простое для жизни правило — не соваться в чужие дела и, следовательно, не наживать неприятностей. Детей учат этому закону с самого рождения.

Дверь нам открыл мяурр, брат-близнец двух других котов. Он посторонился, пропуская всех в холл.

Изнутри дом в корне отличался от того, как выглядел снаружи. Чистый, просторный, с хорошей мебелью, картинами на стенах и кадками с растениями вдоль окон. Возле ближайшей кадки лежал труп какого-то громилы, рядом с ним валялось ружье. Насколько я мог видеть, человек был весь исполосован ножами. Я бы даже поставил сотню фартов, чтобы сказать, что здесь поработали керамбитом. Точнее, множеством керамбитов, которыми заканчиваются лапы некоторых жителей Рапгара.

— Вот именно поэтому я предпочитаю не связываться с мяуррами, — во всеуслышание заявил Талер. — Пока будешь махать одним ножиком, они с помощью когтей выпустят из тебя всю кровь, не успеешь глазом моргнуть.

Мышурры, которые, разумеется, слышали все вышесказанное, никак не отреагировали. Мы прошли через несколько смежных комнат, где

наткнулись на еще несколько трупов, лежащих в лужах уже начавшей подсыхать крови. Охранники господина Димитроса со своей задачей совершенно не справились.

Сам торговец порошком оказался сорокалетним мужчиной с большими залысинами и очень густыми черными усами. Он был бледен как смерть, а его карие глаза то и дело бегали, словно две маленькие крысы, желающие найти лазейку, в которую можно было бы юркнуть. Но вряд ли бы у господина Димитроса получилось сбежать — коты связали его по рукам и ногам.

Он увидел нас с Талером, и на его лице появилось облегчение:

— Всеединный вас благослови, лучэр! Я уже потерял всякую надежду! Вы из Скваген-жольца?! Готов признаться во всех грехах, только заберите меня отсюда!

Разумеется, он не ждал ничего хорошего от мышурров.

— Сожалею, — сухо сказал я ему. — Не имею к жандармам никакого отношения.

Он побледнел еще сильнее, со страхом посмотрел на меня. Знаю, о чем он подумал. Мстительный чэр, родственник которого подсел на запрещенную дрянь. Мне господина Димитроса было совершенно не жалко — лунный порошок убивает каждую второго спустя месяц после начала приема. Каждый первый редко проживает хотя бы год.

— Зачем вы пришли? Что вам надо?

Фэркаджамрея, повинуясь моему жесту, показала ему знакомую мне пробирку с порошком, а я сказал:

— Мне нужно имя одного из твоих клиентов. Я ищу его. Он нашел в себе силы презрительно рассмеяться:

— С чего мне помогать вам, чэр?

Кошка оказалась у него за спиной, выпустила из лапы страшные когти и сунула ему их под подбородок, оттянув голову назад:

— Потому что иначе ты умрешь быстрее, чем думряуешь! Я террю терпение!

— Ладно! Ладно! Полегче! — просипел он и с облегчением перевел дух, когда Фэркаджамрея отошла к посмеивающимся котам.

Это порок всех кошачьих — играть со своими жертвами, прежде чем убить. И пусть торговец не слишком походил на мышку размерами, мяурров это не смущало.

— У меня много клиентов, чэр. Всех не упомнишь.

— Я помогу тебе. Он старик. Слабый и тщедушный. Но ему хватает денег, чтобы покупать у тебя гнусную дрянь.

— Да. Я помню его, но мало о нем знаю. Он псих.

— Это не поможет мне его найти.

— Я не знаю имени!

— Не врри! — тут же одернула его кошка. — Ты должен знать все о своих клиентах, потомряю что осторрожен. Иначе мы рразыскали бы тебя намряуного рраньше.

Он заскрипел зубами, посмотрел на меня с ненавистью и сказал:

— Не знаю его имени. Неинтересно. Он всегда платил, хотя не могу представить, откуда у старой развалины были деньги на товар. Раньше он жил на окраине района Иных, ближе к Холмам, теперь перебрался за паровозное депо. В Пропавшую долину. В старой церкви, что перед ржавой свалкой. Не ошибетесь. Он наверняка там, потому что вчера покупал у меня порошок.

Я кивнул, запоминая.

— Это все, что вы хотели узнать, чэрр? — спросила Фэр-каджамрея.

— Да. Пожалуй, что все.

— Тебе есть, что еще сказать? — Мяурра запустила в плечо человека коготь.

Тот скорчился от боли и крикнул:

— Нет! Да! Пожалуйста! Не надо! Да! Я скажу!

Талер скривился от отвращения — ему претили пытки.

— Три дня назад его искали. Пришли ко мне.

— Искал? Кто? — нахмурился я.

— Никогда раньше я их не видел. Двое. Один двигался неловко, словно был ранен. Мои люди выставили их прочь. Я ничего им не сказал.

Мы с Талером переглянулись. Возможно, Димитрос говорит о друзьях тех, с кем беседовал старикан в казино. Кто знает?

Глава 18

ЧЕЛОВЕК, ВИДЯЩИЙ ГРЕЗЫ

Долгий, тоскливый паровозный гудок разнесся в ночи над пустырем и стелющимся по земле холодным туманом. Спустя минуту вдалеке появилось едва ползущее, пыхтящее, гремящее, исходящее паром и дымом черно-белое чудовище ка-га.

Мы с Талером не сговариваясь сошли с путей на огкос, дожидаясь, когда паровоз проедет. Проходя мимо нас, он вновь оглушительно прогудел, лохматый ка-га высунул нос-морковку из окошка и заорал, что нечего ходить по рельсам впотьмах. Гремящая и пыхтящая стальная многотонная машина, в которую было запряжено два десятка груженных вагонов, прополхла мимо нас и, оставив после себя запах технологической смолы, горячего воздуха и угля, удалилась в сторону Рапгара.

Мы вернулись на пути и продолжили двигаться в сторону паровозного депо.

Талер предложил пойти напрямик, срезав путь, чтобы не толкаться в Маленькой стране и не объезжать Большие головы. Наша цель была расположена на окраине Рапгара, совсем рядом с лесом и озерами, которые тянулись на север на несколько сотен миль, лишь изредка перемежаясь деревушками и небольшими городками.

Футов через пятьсот мы добрались до рельсовой развилки. Одна ветка вела в депо, другая тянулась четко на запад, обходя жилые районы, а затем поворачивала на юг и заканчивалась в Саже и Дымке. Именно оттуда груженные составы вывозили продукцию заводов и фабрик, а туда везли нужные для цехов материалы.

Мы шли по хорошо утоптанной тропке, тянущейся через поле с высокой засохшей травой, громко шелестевшей, лишь только появлялся легкий ветерок. Территория депо, огороженная высоким стальным забором, с длинными ангарами и ярко сияющими фонарями осталась по правую руку. Впереди благодаря бледному лунному свету виднелись остовы полуразрушенных домов и силуэт старой церкви. Огонь Всееди-ного на ее шпиле давно погас.

Раньше эта территория являлась жилым пригородом, который, когда Рапгар разросся, стал его окраиной. Но затем начали расчищать место под Большие головы, проложили железнодорожную ветку и восточнее

завершили строительство большого лепрозория, который очень понадобился городу, так как в одной из наших южных колоний оказался целый рассадник экзотической заразы. И пригород, всего-то двадцать жалких домишек, пришел в запустение, а затем и вовсе умер.

Мы подошли к церкви, Талер достал револьвер, проверил патроны в барабане:

— Я видел на другом конце улицы тень. Здесь можно встретить кого угодно, даже стайников. [\[34\]](#)

— Это был завью. Не думаю, что он опасен.

— Вампиры всегда опасны, особенно когда кусают без спросу. Мне не хотелось бы погрузиться в сумасшедший бред.

— По мне, так следует больше опасаться тру-тру.

— Не думаю, что они здесь есть. — Талер шмыгнул носом. — Слишком чисто для них и слишком далеко от жилых домов. Нечем поживиться. К тому же, рыскай они поблизости, и старику несдобровать.

— А есть л и старик? — подал голос Стэфан. — Торговец порошком мог и наврать.

— Сейчас мы это узнаем. — Я переложил трость в левую руку, вытащил Анхель из кармана, взял нож обратным хватом так, что его было очень сложно увидеть, и не спеша проследовал к калитке.

Она оказалась ржавой и скрипела на тугих петлях. Талер, следуя за мной, все время оглядывался по сторонам и не убирал пистолет. Это было разумно, особенно если учесть, какую дрянь можно встретить в заброшенных районах на границе города и леса. Такие места не менее опасны, чем Пустыри.

— На первом этаже горит свет, — сказал Талер, заметив бледный отблеск. — Поселиться в церкви... лучше места, разумеется, не нашлось.

Я толкнул дверь плечом, но она оказалась заперта изнутри.

— Жди, — сказал я приятелю, отдал ему Стэфана и пошел вдоль стены.

Разбитое окно отыскалось довольно быстро. Я подпрыгнул, ухватился за каменный выступ, подтянулся и, перешагнув через острые осколки витражей, спрыгнул на пол в полутемном зале. Вдалеке, там, где было место силы, [\[35\]](#) мерцал тусклый огонь, весь остальной зал скрывался в густых тенях. Анхель обдала меня спокойствием, говоря этим, что я никого не потревожил.

Добравшись до двери, я отодвинул засов и впустил Талера внутрь. Приложил палец к губам, показал на левую стену. Он кивнул и двинулся

вдоль нее туда, где горел огонь. Я шел по проходу, оставшемуся между двух груд сваленных друг на друга скамеек.

Пламя в открытом очаге почти потухло, и дым перестал лизать и без того закопченный потолок с потемневшими картинами, рассказывающими о двадцати великих делах Всеединого. Вокруг валялся мусор, в основном состоявший из пустых бутылок, множества старых газет, каких-то объедков, огарков свечей и нескольких груд тряпок.

Талер нагнулся, поднял что-то с пола, показал мне. Это был стеклянный шприц, в котором еще оставалось несколько капель буроватой жидкости.

— Ты лучше посмотри сюда, — сказал я другу, привлекая его внимание к стене, где висели наклеенные газетные вырезки.

«Срочные новости», «Вестник», «События и факты», «Криминальная хроника», «Время Рапгара». Все заметки были посвящены Ночному Мяснику и пророку. Часть из них оказалась сорвана и смята, словно на сделавшего это нашел приступ ярости.

В левой руке Талера появился еще один пистолет:

— Думаешь, мы нашли его? Он сразу уловил суть.

— Тогда мы в большой опасности, — пробормотал я, вспомнив ночь кровавого ужаса, когда я нашел истерзанное тело старшего инспектора Грея.

Анхель с сомнением сказала, что не чувствует никаких признаков застарелых смертей и крови.

В этот момент гряда тряпья в дальнем углу зашевелилась и вновь застыла. Талер тут же развернулся, направив в ту сторону оба револьвера, и его пальцы на спусковых крючках напряглись.

Я поднял руку, призывая его к спокойствию, двинулся вперед и хладнокровно поворошил тряпки тростью. Некто тихо застонал, в рванье появилась высохшая, желтоватая, исколотая рука.

— Оставьте меня, — умоляюще попросил надтреснутый старческий голос. — Уходите, сгоревшие души. Я еще не ваш. Я грежу.

— Придется тебе грезить наяву, приятель, — сказал я, выволакивая человека на свет. — Подкинь дровишек, Талер.

Тот сделал, что я попросил, пихнув в огонь целый пук собранного хвороста, и вновь взялся за пистолеты, разглядывая незнакомца со смешанным чувством опаски, отвращения и жалости.

Это был высокий высохший старик. Желтая натянувшаяся кожа обтягивала его скелет, грозя вот-вот лопнуть от ветхости. Бесцветные глаза, лихорадочно блестящие и в то же время сонные, все иссеченные

полопавшимися сосудами, глубоко запали, словно провалились в череп, и были совершенно безумными и больными. Седая щетина на ввалившихся щеках, истрескавшиеся, все в болячках губы, немытые патлы волос, густые лохматые брови.

От него сильно пахло лунным порошком и застарелым потом, а его одежда, к моему великому изумлению, оказалась церковной — в тусклой рваной тряпке еще можно было узнать сутану с оторванным воротничком.

От наркотика старик был слаб настолько, что его покачивало, и он благоразумно, наверное по давно уже выработанной привычке, прислонился к стене.

— Пить, — попросил человек.

Я подошел к ведру с водой, в котором плавал латунный ковшик, зачерпнул, протянул ему. Он долго и жадно булькал, его острый кадык ходил ходуном, а часть воды пролилась мимо рта и стекла по подбородку на грудь. Напившись, дед почти минуту переводил дух, слепо глядя на нас и, кажется, даже не замечая. Алые отблески костра плясали на его лице, делая его еще более резким и грубым, чем оно было на самом деле.

— Вы самая лучшая из моих последних грез, — наконец сказал он.

Талер скривил губы то ли в усмешке, то ли в жалостливом сочувствии.

— Кто вы? — спросил я.

Он не ответил. Забормотал что-то и провел перед собой рукой, общаясь с кем-то другим.

— Считаешь, что это Ночной Мясник? — хмуро обратился ко мне Талер.

— Только потому, что человек использует наркотик, живет в таком месте и собирает тематические газетные вырезки, нельзя назвать его убийцей, о котором говорит весь город. К тому же посмотри на него. Он так слаб, что даже муху прихлопнуть не сможет.

— Не скажи, — не согласился Стэфан. — Знавал я наркоманов, которые по силе могут поспорить с махорами. Препараты выкидывают с родом человеческим разные фокусы.

— Он же не все время вводит себе в вену мяуррскую дрянью, — с сомнением предположил Талер, не слышавший рассуждений амниса.

Я пожал плечами и убрал Анхель обратно в ножны. На мой взгляд, никакой опасности не было.

— Он старик. А то, что сделал с Греем Ночной Мясник, требует дюжей физической силы. Не так-то легко не просто убить, но еще и раскромсать на тысячу кусочков. Особенно если это делать быстро.

Так считал не только я, но и Скваген-жольц. Газеты писали, что

проверяются врачи, в первую очередь опытные хирурги, способные на раз выпотрошить пациента и собрать его заново. Никаких успехов это не принесло, как и проверка ветеринаров, патологоанатомов, таксидермистов и прочих, связанных с работой, где следует знать хоть какую-то анатомию.

— Я жил с ним многие годы, — произнес старик, глядя в пустоту, и его лицо скривилось, словно он хотел заплакать. — Его идея душила меня, его мысли приносили муки. Каждую минуту. Я так молил Изначальное пламя освободить меня от него...

— И чего ты хочешь от него добиться? — вздохнул Талер, отходя к газетным вырезкам и еще раз просматривая их. — Он себя-то не понимает.

Стэфан предложил перестать заниматься ерундой и уйти от греха подальше. Он тоже считал, что здесь делать нечего.

— Знаете, друзья мои, оно меня все-таки услышало! — рассмеялся старик.

— Кто тебя услышал, старче? — устало сказал Талер.

— Пламя! Оно освободило меня от этого человека. Но и ему дало свободу, выпустило! Выпустило в мир! Это я! Я виноват в этом!

Он обхватил голову руками и зарыдал, покачиваясь из стороны в сторону.

— Я виноват! О Всеединый! Я так виноват! Прости, прости меня за все эти жертвы! Я не смог его остановить!

Он рыдал, размазывая по лицу слезы, и кашлял, а я со все возрастающей жалостью понимал, что нельзя оставлять здесь больного человека, пускай он сто раз сумасшедший и тысячу раз наркоман. В Рапгаре существовал и социальные службы, и они вполне могли позаботиться о старике, особенно если он окажется гражданином. В мэрии существуют специальные фонды как раз для таких, как он.

— Он не желал слушать меня, молодой чэр, — прошептал старик, явно обращаясь ко мне и в то же время глядя сквозь меня. — Его навязчивая идея пройти по дороге до конца... его привлекало желание распахнуть двери дома... он так этого хотел, что сам себя боялся. Но я видел в его глазах лишь кровь и смерти. Много смертей.

Сгарикан зарылся обратно в тряпки, сдавленно рыдая и говоря, что он не хотел, чтобы так все получилось.

— Сгоревшие души, Тиль! — вспылил Стэфан. — Неужели ты не видишь, что мы бесполезно тратим время! От него нельзя ничего добиться!

Талер, судя по всему, был точно такого же мнения. Я же отличался большим упорством и упрямством и вновь выудил наркомана из рваных одеял. Я во что бы то ни стало намеревался узнать от него о тех людях, что

напали на мой дом в поисках Эрин.

— Я пытался его остановить. Предупредить! Избежать жертв! Говорил, но меня не слушали! Я вижу каждое убийство, все, что случится! За что мне такая мука?! За что в мою последнюю ночь?! Кровь! Так много крови! Он пройдет этой дорогой до конца, и никто не сможет его остановить!

— Ему не хватало благодарных слушателей, — сказал Талер, но я резко вскинул руку и гневно тряхнул головой, показывая ему, что он должен молчать.

— Все мои грезы только об этом! Я знаю, что произойдет! О Всеединный, ну почему они не желают слушать меня?!

Кажется, наконец-то из этих бессвязных причитаний у меня начата складываться кое-какая, пускай и пугающая, картинка.

— Я тупой кретин! — прошептал я. — Талер, кажется, мы утерли нос всему синему отделу Скваген-жольиа!

— Ты изменил свое мнение и считаешь, что перед нами Ночной Мясник? — вяло поинтересовался он.

Было видно, что в подобном утверждении мой друг уже основательно разуверился.

— Я думаю, он пророк из района Иных.

— Это не район Иных. А наркоман не может быть пророком.

— Еще как может, — возразил я. — Помнишь, что сказал торговец? Раньше он жил в районе Иных. Ты послушай, что он говорит!

— Порошок — сильный галлюциноген. Но он не дает возможности видеть будущее, — с сомнением сказал Талер.

— Ты готов за это поручиться? Я — нет.

— Глянь сюда. — Талер показал мне толстенную пачку фартов сотенными купюрами, которую вытащил из-под какой-то кастрюли. — Да папаша, однако, богач.

— Эй! Старина. — Я сел рядом с плачущим стариком. — Ты тот самый пророк, правильно?

Он перестал плакать, отнял руки от лица, посмотрел на меня красными глазами:

— Столько крови. Каждая из грез — в крови. Красный дождь прольется с небес, прежде чем он откроет дверь... Его надо остановить, молодой чэр!

— Пророк или не пророк, сейчас он не в себе. Действие наркотика, если я хоть что-то в этом понимаю, продлится еще часов двенадцать, Тиль.

— Знаю, — угрюмо сказал я и пощелкал пальцами перед лицом

старика, привлекая к себе внимание:

— Эй. Ты знаешь, кто такой Ночной Мясник? Помнишь его имя? Как его найти?

— Он жил со мной, а мое желание свободы дало ему волю поступать, как прежде, — прошептал человек, завороченно следя за моей рукой.

Талер ошеломленно присвистнул.

— Кто он? — настойчиво повторил я, но старик лишь сказал:

— Столько хороших людей было загублено из-за тени на моем рождении. Видит Всеединый, когда я вел мессы, то считал себя порядочным гражданином. О да, чэр! И поэтому страдаю о каждой погибшей душе. Все. Все они родились в год Темной луны, и выбор его не случаен.

— Сорокалетний астрологический цикл. Год Темной луны его закрывает, — подсказал мне Стэфан, начавший внимательно слушать человека.

Я пока еще не понимал, как это все связано между собой, но уже знал, что следует брать старика в охапку и вести в Скваген-жольц. У меня был в руках ключ к поимке безжалостного убийцы.

— В первый раз он сделал это так давно. Я еще не знал его. Не видел крови. Не понимал, — между тем бормотал пророк.

— В казино ты встречался с людьми. Говорил с ними. Знаешь, кто они?

Он посмотрел на меня задумчиво и рассмеялся:

— Хорошие люди. Я сказал, что они скоро умрут.

Мы с Талером переглянулись. Я испытывал разочарование. Неужели их встреча была всего лишь случайностью?!

— Ну с его предсказанием не поспоришь, — сказал мой друг. — Тех типов мы перестреляли, словно фазанов. Кажется, ты вновь в тупике со своей Эрин.

Старик вздрогнул и, крепко впившись мне в руку, зашептал:

— Держись ее. Она выведет. Поможет тебе. Помнит наследие. Она — твои грезы, молодой чэр. Слушай их. Вот здесь. — Он постучал себя по виску, блаженно улыбаясь. — Город. Он убил меня. Проклятый город... Я слишком стар, чтобы бороться. Устал... Сильно устал... Пришел сюда, в старый приход. Он помнит меня и добр ко мне. Останови кровь... Мое время пришло...

Он забормотал что-то вовсе бессвязное и, свернувшись калачиком, лег на тряпки.

— У него озноб, — мрачно сказал Талер.

— Вижу. — Я снял пальто и укрыл старика. — Надо уводить его отсюда, пока он не умер. Ему нужен хороший врач. Нам потребуется коляска.

— В таком месте ее не найдешь и за год. Впрочем, ты же лучэр. Воспользуйся услугами Теневых кучеров.

— Не получится, — покачал я головой. — После тою как меня казнили, я потерял возможность их вызывать.

— Жаль.

Это точно. Существа, призванные служить лучэрам и перевозящие их по Рапгару на черных каретах в ночное время в случае крайней необходимости, больше не слышали меня.

— Я побуду с ним, — предложил я Талеру. — Сможешь найти повозку?

Он помялся и сказал:

— Давай лучше ты. Ближайший район — Большие головы. Тропаелл серьезно охраняют, и к человеку, да еще с таким количеством оружия, жандармы прицепятся надолго. Не то что к лучэру.

Его доводы были разумны.

— Не дай ему сбежать, — сказал я и вышел на темную пустынную улицу.

Туман исчез, температура упала, на небе появились низкие, подсвеченные бледной луной облака. Твидовый пиджак совершенно не спасал от ночной свежести, но я, стараясь не обращать внимания на холод, быстро шагал по пустой, заросшей дикой жимолостью, заброшенной улице.

Довольно скоро я вышел на проселочную дорогу и поспешил на юг через большую кленовую рощу.

— Свет, пожалуйста, — попросил я Стэфана.

Трость замигала и загорелась рубиновым светом, освещая мне путь. Я спешил, желая вернуться как можно скорее и понимая, что до оживленных районов больше четверти лиги. Пришлось перейти рельсы железнодорожной ветки, направляющейся к фабрикам и рассекающей рощу насквозь. Мне оставалось лишь сожалеть, что это не район Иных. И какие сгоревшие души дернули старика перебраться на самую окраину, в такую даль от цивилизации?!

Стэфан был удивительно молчалив, я тоже думал о своем и о той несказанной удаче, кривой тропкой приведшей меня к пророку. Разумеется, это не Эрин, которую я так искал, но отрадно знать, что время и силы потрачены не зря. Мое чрезмерное любопытство, рвение и

заинтересованность оказались полезны, пускай не мне, но городу и людям. Надеюсь, когда старик хоть немного придет в себя, он поможет жандармам поймать Ночного Мясника.

Откуда-то из-за реки долетел едва слышный львиный рык — тру-тру бесчинствовали на Пустырях.

Впереди, сразу за залитым светом луны лугом, горели огни Больших голов — района, где росли, цвели и думали тропеаллы. Электрический свет в крошечном ночном мраке радовал глаз и казался бриллиантовой короной. Здесь были высокие дома, технические ангары, лаборатории и конечно же оранжереи. Охраняли покой и сон растений, являющихся ценными гражданами города, специальные отряды жандармерии, не слишком жаловавшие празднующихся чужаков.

Я прошел по освещенной улице футов четыреста, мимо высоченных заборов и лужаек с травой, прежде чем появилась хаппелма. Я остановился, давая себя рассмотреть, и подошел к ней:

— Доброй ночи. Мне нужна помощь.

— Конечно, чэр, — проскрипела она.

— Требуется повозка, чтобы доставить свидетеля по делу Ночного Мясника.

Она задумчиво пошевелила жвалами и сказала:

— Идите за мной.

Это был пустой почтовый фургон, запряженный парой чагравых лошадей. Его жесткие рессоры скрипели, стоило только колесам наехать на очередную неровность. Управлял фургоном краснолицый большеносый жандарм в синем шлеме, все время сползающем на глаза. Его напарник трясся внутри, уступив мне место на козлах.

Жандарм спешил, понукал лошадей, но те шли неохотно. Им не нравилась ночная роща и то, что их вытащили из конюшни ни свет ни заря. На меня человек в синем мундире поглядывал с любопытством, но с вопросами не спешил.

Перед тем как пересечь рельсы, жандарм натянул поводья, посмотрел в обе стороны, опасаясь паровоза, и лишь после этого переехал пути. Еще находясь в лесу, мы слышали череду приглушенных из-за расстояния хлопков. Возница стукнул по стенке фургона, привлекая внимание товарища, и тот выглянул в окошко:

— Чего?

— Стреляют, кажется. Револьверные хлопки.

— Так гони, какого медлишь?!

Я нахмурился, не понимая, что произошло, и беспокоясь за Талера.

Неужели старик попытался сбежать или, того хуже, напал на него? Или случилось еще что-то? Я вслушивался, но выстрелы больше не повторялись. Испытывая сильную тревогу, я молил Всеединоного помочь добраться до Пропавшей долины как можно скорее.

— Угораздило же вашего свидетеля так далеко забраться, чэр, — сказал жандарм. — Но! Пошли! Ночного Мясника, что ли, опасался?

— Возможно, — коротко ответил я.

— Наверное, он здесь недавно. Район пустует, ребята из восемнадцатой роты каждые пять дней проводят проверку и гоняют бездомных.

Мои мысли были далеко от этих проблем.

Впереди показались остовы заброшенных домов и черный шпиль церкви. Через минуту мы выехали на разбитую улицу, и жандарм пробормотал:

— Вроде все спокойно. Ох!

— Опасность! — одновременно крикнули Стэфан и Анхель.

Со стороны паровозного депо вспыхнуло зарево, и в воздух поднялась огненная птица. Расправив пылающие крылья, она совершенно беззвучно пронзила ночь и, освещая окрестности, рухнула на противоположной от нас окраине заброшенного района. Вспыхнуло еще сильнее, к облакам вознесся огненный спиралевидный столб.

— Спаси Всеединый! — крикнул жандарм, натянув вожжи.

Следующая «птица» оказалась точнее и угодила в основание церкви. Пламя окутало шпиль, упало, но зарево никуда не исчезло. Второй жандарм уже вылез из фургона и свистел.

Возле церкви я оказался через несколько мгновений. Не слушая предупреждающих воплей Стэфана, кинул трость на опавшую листву и бросился к двери. Вся восточная стена была объята пламенем, также горела крыша и деревянная пристройка.

Внутри огонь захватил большую часть зала, тек по стенам, словно вода, жрал скамейки и даже камень.

— Талер! — гаркнул я, но рев разрастающегося пожара заглушил крик.

Я, держась дальней стены, где было еще не так жарко, бросился в сторону места силы. И наткнулся на первое тело возле перевернутого знака Всеединоного. Лицо мужчины скрывал натянутый на голову красный колпак. Через восемь шагов лежал еще один мертвец. Возле стены, свесив голову на простреленную грудь, сидел старик, а рядом, так и не выпустив револьвер из руки, лежал Талер.

Я упал перед ним на колени, уже понимая, что он мертв. Несколько пуль попали ему в грудь, живот и плечи. Я не желал поверить в случившееся, мной овладело такое отчаяние, что я пришел в себя только от криков Анхель. Пламя подобралось ко мне слишком близко, с грозящей вот-вот обвалиться кровли с ревом падали огненные капли.

Я подхватил Талера на руки и ринулся сквозь огонь к выходу.

Глава 19

ДОЧЬ НИЗШЕЙ

Унылый моросящий дождь лился с небес и смешивался с густой осенней дымкой, делавшей все звуки блеклыми, словно потускневшие краски в палитре обедневшего художника. Было как никогда зябко, и влажный ветер, дующий с моря, остро пахнущий скорыми штормами, пробирался сквозь одежду, холодя кожу.

Бледные запахи увядших трав, дождя, сырой земли и догоревших свечей щекотали ноздри. Капли стучали по раскрытому зонту. Священник заканчивал погребальную мессу:

— Всеединый всегда выступал против насилия. Он говорил своим детям, что им лишь кажется, что когда совершается добро, то это добро не может существовать долго, в отличие от зла, которое может жить вечно...

Он говорил что-то еще, этот маленький священник в простой, намокшей от дождя рясе, но я не слишком-то его слушал. Сегодня мне претило то смирение, о котором шла речь. Чтобы зло не было вечным, над ним требуется совершить насилие.

Талера похоронили на маленьком семейном кладбище Гальвирров, совсем рядом с их усадьбой, недалеко от морского берега. Народу пришло мало, лишь близкие друзья и знакомые. Родственников у него не было, так что оплакивать его могла лишь Катарина. Она стояла рядом со мной, взяв Рисаха за руку, и по ее щекам непрерывным потоком текли слезы. Я даже не пытался представить, что она испытывает, потеряв его.

Не думал, что гибель Талера, случайная, глупая, неправильная, так сильно ударит по мне. Наверное, в былые годы я бы был потрясен несправедливостью жизни, но теперь, зная, что она действительно несправедлива, чувствовал злость на Провидение, которое допустило, чтобы такое случилось.

Когда все закончилось. Кат, прежде чем уйти, крепко обняла меня и шепнула:

— Только себя не вини, Пересмешник. Он бы этого не хотел.

У меня было такое ощущение, словно мне в живот забили ледяные колья. Я лишь кивнул, обнял ее в ответ и взглядом попросил Рисаха позаботиться о ней.

Люди стали расходиться, а я все стоял, стараясь взять себя в руки.

— Чэр эр'Картиа? — раздался за моей спиной знакомый голос.

— Вы очень не вовремя, старший инспектор, — сказал я, даже не обернувшись. — Я все уже вам рассказал. И вам, и серому отделу.

— Нам нужно, чтобы вы описали так называемого пророка нашему художнику. Он поможет...

— Уже, — устало ответил я. — Возьмите рисунок у своих коллег.

Я слышал, как он сердито сопит, и с неохотой повернулся к нему:

— У вас что-то еще?

— Верно, чэр. — Он смотрел на меня исподлобья. — Не сочтите за оскорбление, но мне интересно, какую еще информацию вы пытаетесь скрыть от Скваген-жольца?

Его подозрения были обоснованны. Я ничего не рассказал им о том разговоре, что провел с умирающим преступником в своем доме и благодаря которому начал распутывать цепочку, приведшую меня к пророку. Разумеется, во время допроса, точнее, во время беседы с жандармами после пожара в церкви мне пришлось сказать, что пророк оказался найден совсем по иной причине, чем это было на самом деле. Они не остались довольны моими словами, рационально полагая, что я должен сообщать им всю информацию, как только она попадает мне в руки.

Безусловно, в какой-то степени они были правы. Скажи я им раньше, и, возможно, ничего бы не случилось, и Талер остался бы жив. Но в меня слишком сильно вбили недоверие в эффективность работы инспекторов, чтобы я мог перебороть себя и поверить, что криминальный отдел хоть раз сможет найти настоящих виновных.

Да, я пристрастен. Да, то о чем я говорю, неразумно и не всегда является правдой. Но попробуйте переубедить безвинного лучэра, много лет просидевшего в магически запечатанной одиночной камере, что следователи знают свое дело. Боюсь, у вас ничего не получится.

— Никакую. Я рассказал вам все, что знаю о Ночном Мяснике, — сухо произнес я.

Это действительно было так. Я как мог пересказал им речь пророка и высказал все свои предположения.

— Носящие красные колпаки. Как вы думаете, почему они пришли туда? Зачем им убивать старика?

— Я слышал, что вы высказывали теорию, будто Ночной Мясник принадлежит к этой секте. Я так не думаю. Возможно, преступники сочли, что раз пророк так точно говорит об убийствах, которые произойдут, то, как только он попадет в руки Скваген-жольца, то предскажет что-нибудь еще. Например, где следует искать уцелевших Носящих колпаки.

— Ваша теория не выдерживает критики, чэр. Я остался к этому заявлению равнодушен:

— Как вам угодно. Но вы не будете отрицать, что преступники, которые, в отличие от меня, целенаправленно искали пророка, обнаружили его гораздо раньше, чем криминальный отдел.

Фарбо подвигал тяжелой челюстью, передумал отвечать на это, поднял воротник плаща, хотя дождевые капли продолжали литься ему за шиворот:

— Этот пророк... Пламя полностью уничтожило тело. Теперь его не опознала бы даже родная мать. У нас нет никаких зацепок, кроме ваших слов. — Он всем видом показывал, что не слишком полагается на них. — Если у меня возникнут вопросы, я задам вам их позже, чэр.

— Как вам будет угодно. — Я не считал нужным касаться шляпы.

Он, втянув голову в плечи, защищаясь от дождя и сгорбившись, пошел вдоль серых памятников к воротам, то и дело оскальзываясь на влажной земле. Я вспомнил кое о чем и догнал его, уже выйдя с кладбища:

— Старший инспектор, позвольте полюбопытствовать. Сколько лет было Грею?

Фарбо не стал скрывать, что удивлен таким вопросом, и нахмурился еще больше прежнего:

— Сорок два.

— То есть он тридцать шестого года?

— Да... наверное. Почему вас это интере... Он осекся, прищурился и улыбнулся:

— Значит, вы тоже уже поняли?

— Что все жертвы Ночного Мясника одного года рождения? Да. Теперь понял. Старик говорил, что были и другие убийства. Сколько из них вы смогли скрыть от общественности?

Фарбо холодно посмотрел на меня:

— Я не разглашаю такие сведения, чэр эр'Картиа. Попрощавшись, он сел в казенную коляску, укатил прочь, а я остался стоять в одиночестве возле маленького кладбища и продолжал думать о Талере, пока Стэфан не решился подать голос:

— Год Темной луны.

— Что? — отвлекся я.

— Год Темной луны, мой мальчик. Я был прав.

— Только никому это не поможет, — сказал я. — В городе таких людей могут оказаться тысячи. За всеми уследить не удастся.

— Ты не понимаешь. Он знал о своих жертвах. Во всяком случае, год их рождения.

— Не считай меня глупее, чем я есть. Это и так понятно, что убийства не случайные. Он знал, кого надо убивать. Другой вопрос, чем дался ему этот год?

Анхель сочла, что сегодня особый случай, и мелодично сказала:

— С этим годом связывают много мистического и религиозного.

— Ну да, — согласился Стэфан. — Религиозные фанатики только и делают, что упоминают его в своих проповедях и жалких книжонках. Год Темной луны — до неприличия затасканное знамя. Так что Ночной Мясник мог его выбрать по любому поводу. Причин масса, и гадать, какая из них истинная, все равно что спускаться в катакомбы и уговаривать тамошних жителей вылезти на солнце.

— В катакомбах давно уже никто не живет. Они замурованы и полузатоплены еще лет двести назад.

— Это ты так думаешь. Вообще, по текстам Забытых апокрифов ^[36] считается, что Всеединый появился в этом мире именно в год Темной луны.

— Бесполезная информация, мой амнис.

— Теперь случившееся тоже стало для тебя личной мстью?

— Мясник? Нет. А вот Красные колпаки — да. Им не стоило убивать Талера. Если я смогу испортить этим подонкам жизнь, то сделаю это незамедлительно. Жаль, что старик находился в наркотическом бреде. Ты и правда считаешь, что он бывший священник?

— Это возможно, мой мальчик. Хотя ничто не говорит и об обратном. Старую рясю можно найти в мусоре.

Я посмотрел на дорогу, тающую в дождливой дымке, словно кусок сахара в кипятке:

— Одно могу сказать точно — эта церковь не была его приходом. Она закрылась гораздо раньше, чем пророк появился на свет.

Ко мне подкатила большая дорогая карета, запряженная четверкой лошадей. Дверца распахнулась, и я увидел Данте. Его алые глаза осмотрели меня с ног до головы, и мой друг явно остался недоволен увиденным, потому что скривился:

— Залезай, Тиль. Тебе совершенно противопоказано пить в одиночестве.

Заведение «Слезы Белатриссы» находилось на самом западном краю Квартала исполнения желаний, совсем рядом с трущобами и улицами, куда лучше не заходить даже в светлое время суток, не говоря уже о ночи.

Вместе с тем, несмотря на неудачное место, «Слезы Белатриссы» считался одним из самых дорогих борделей Рапгара, на взгляд Данте, превосходившим и «Небесный вечер» в Сердце, и «Старину Иеззу» в

Старом парке, и «Королевскую гавань» в Золотых полях. Я был с ним не слишком согласен, так как во всех вышеперечисленных заведениях были свои плюсы и минусы.

Что касается «Слез», то в этом прибежище разгульного порока, куда попасть можно только по большим связям и с очень толстым кошельком, было чем занять себя. По сравнению с ним популярное казино «Тщедушная ива» — место, где собираются нищие отбросы общества. «Слезы» — закрытый клуб для тех, кому хочется хорошенько отдохнуть от тяжелой работы, власти, публичности, многочисленных жен, любовниц и друзей, но не попадаться на глаза нежелательным людям и прессе.

Данте, у которого здесь имелись собственные апартаменты, сегодня счел, что развлечения с азартными играми и доступными женщинами — это не для нынешнего дня, приказал принести кальвадос «Яблоневого сада» для меня, абсент для себя и еду, к которой я даже не притронулся.

Я не люблю напиваться, хотя бы потому, что для этого требуется слишком много хорошего алкоголя, а толку чуть, да и на следующий день я начинаю ненавидеть и без того несчастный мир. Так что со времен выхода из «Сел и Вышел» я слабовольно напился лишь один раз — в ночь, когда погиб Талер. И больше не желал повторяться, так что, наполнив одну рюмку до краев, едва отпил из нее.

Данте, наоборот, уже успел прикончить бутылку абсента и теперь ускоренными темпами подбирался к дну второй. Впрочем, на его самочувствии это никак не отражалось. Чтобы опьянеть, такому, как он, требовались гораздо большие объемы.

Сейчас он попыхивал зажатой в зубах сигарой и осторожно лил на сахар, лежащий на подогретой, резной, фигурной, дырявой серебряной ложке ледяную воду. Вода смешивалась с абсентом, и напиток мутнел, из ярко-зеленого становясь радужно-белым, с желтоватым оттенком.

— Когда-нибудь тебя свалит припадок от этой дряни, — пообещал я ему.

Он усмехнулся, взболтал смесь, отложил ложку, вытащил изо рта сигару и сказал:

— Жду не дождусь подобного который десяток лет. Меня тяжело свалить хоть чем-то, если ты еще не заметил. Что же касается этого, — он кивнул в сторону квадратной рюмки на тонкой ножке, — мне нравится сам ритуал и запах полыни. Жаль, что Талер умер и что я не слишком хорошо его знал. За то, чтобы в Изначальном пламени ему было так же чудесно, как нам здесь.

Я промолчал.

— У меня нет для тебя утешающих слов, Тиль. — Данте поставил опустевшую рюмку и, подумав, погасил сигару, обрезав тлеющий кончик ножницами. — Я сам потерял многих друзей. Это беда всех долгоживущих — хоронить тех, кто тебе дорог, и вспоминать их. Каждая потеря остается потерей, сколько бы их ни было до этого. С этим приходится жить. Даже таким циничным ублюдкам, как я.

Я посмотрел на золотоволосого кудрявого юношу и веско заметил:

— В Пропавшей долине должен был умереть я, а не он. Мне следовало остаться, а ему — искать коляску.

— Не хочу показаться фаталистом, Тиль, но судьба распорядилась по-иному, принимаешь ты ее решение или нет.

— Ты не понимаешь.

— Чего же? — Он посмотрел на меня, словно взрослый, который не хочет смеяться над маленьким ребенком, сказавшим какую-то очень смешную глупость.

— Моя смерть — свершившийся факт. Я мертвец. Талеру же еще жить бы и жить.

— В тебе, дорогой мертвец, гораздо больше жизни, чем во многих моих знакомых, — рассмеялся Данте. — Возможно, ты еще успеешь понять, что кому жить, а кому умереть, выбираем не мы, а Двуххвостая кошка.

В подтверждение своих слов он поднял левую руку и показал мне серебряное с сапфирами кольцо, изображающее голову этого создания.

— И с этим ты ничего не сможешь сделать. Единственное, что тебе доступно — найти тех, кто убил твоего друга, и отправить их в Изначальное пламя прежде, чем кошка придет за тобой.

— Ты подстрекаешь меня к мести, — невесело рассмеялся я. Он пожал плечами:

— Наверное, потому что я слишком жесток и в твоем случае поступал именно таким образом. Впрочем, после содеянного мне, мой юный друг, легче не стало. Так что забудь о моем совете. Твоей душе это нисколько не поможет.

Мы начали говорить о том, что случилось в Пропавшей долине, и строить предположения. Переливали воду из пустого в порожнее. В конце разговора я сказал:

— К сожалению, мы мало смогли узнать от старикана.

— Не так уж и мало, — возразил мне Данте, кидая в рот оливку. — Пророк и Ночной Мясник были знакомы — раз. Все жертвы одного года рождения — два. Ну и бредовые разговоры о пламени, вине и годе Темной

луны, дорогах, дверях и прочем — три. Если я только захочу, то на этой почве построю пару сотен теорий, одна интереснее другой. Что касается того, кому помешал старик — многим. Ты правильно сказал: если у него действительно был дар, то он опасен для всех живущих в Рапгаре. Никто не любит показывать свое грязное бельишко. В нынешнюю эпоху быть настоящим пророком очень непопулярно и, что немаловажно, опасно для здоровья.

Он взялся за бутылку и намекнул:

— Если ты все-таки соберешься что-то делать, советую начинать поиски с изначального мага. В отличие от других деятелей этот господин более заметная фигура.

— Как же я его найду? Данте выразительно фыркнул:

— Ну нашел же ты пророка, Тиль! Думаю, обнаружить изначального мага будет так же несложно.

Лучэр с ногами забрался на диван:

— Кстати говоря, я уезжаю из города через полторы недели. Еду на воды в Жвилья. Если хочешь — присоединяйся.

— Рапгар тебя окончательно утомил? — Я поправил перчатку на правой руке.

— Вроде того. Хочу успеть отдохнуть как приличный чэр до начала войны. Неизвестно, насколько обострятся отношения с нашими соседями и не закроют ли жвилья курорты в протест против военной кампании. В этом городе сейчас сгоревшие души знают что творится. Сегодня «Время Рапгара» написало, что жандармам удалось поймать малозанских шпионов из числа эмигрантов, живущих на Ничейной земле. Они пытались заложить бомбу в железнодорожный туннель, что тянется под Холмами, но их вовремя перестреляли. Мы деремся за несколько тысяч миль от столицы, но отголоски конфликта добрались и сюда. — Он установил на рюмку резную ложку и снова положил на нее кубик тростникового сахара. — Нашему руководству не дает покоя черная жижка Кируса, но мы прикрываемся идеалами веры и как будто спасаем население острова от восточных еретиков.

— Война всегда преследует разные цели, а мы прикрываемся идеалами, но в основе всего лежат деньги.

— Отлично сказано, мой друг. Уже уходишь?

— Да. Спасибо тебе за компанию. Он ухмыльнулся, пожал плечами:

— На что еще нужны друзья в трудную минуту? Впрочем, моя помощь исключительно символическая.

Я распрощался с ним и, уходя, видел, как старина Данте льет воду на

сахар. Думаю, при том количестве соблазнительных дам, что всегда находятся в «Слезе», мой друг недолго будет скучать без моего общества.

— На улице дождь, — напомнил я Стэфану.

— И что с того? — сразу забрюзжал он. — Ты же знаешь, как я ненавижу мокнуть. Купи себе наконец настоящий зонт, мой мальчик. Меня засунули в трость, и я не обязан по первому твоему требованию становиться то подзорной трубой, то шестизарядным карабином.

— Ты не можешь ни того, ни другого. Но зато прекрасно справляешься с функциями зонта. Так что, будь добр, прекрати пререкаться.

Он раздраженно вздохнул и изменил облик, став большим черным зонтом с черепаховой ручкой.

— Доволен? — пробурчал амнис.

— Благодарю.

Я вышел под морозящий дождь и раскрыл зонт, ощущая, как Анхель внутренне смеется над своим напарником. Мокрая полутемная улица была пуста — плохая погода всех разогнала по домам. Лишь футов через двести стоял прячущийся под балконом торговец наркотой. Увидев меня, он обрадованно дернулся в мою сторону, но я недвусмысленно показал ему, что не желаю общаться, и человек остался на месте.

— Ну почему никогда нет коляски, когда она нужна? — простонал Стэфан.

— Чэр эр'Картиа? — окликнул меня женский голос из переулка.

Я остановился, взгляделся во мрак, не понимая, кто меня зовет. Невысокий силуэт мгновение поколебался и затем шагнул на свет, давая себя хорошенько рассмотреть.

Это была насквозь промокшая Эрин. Ее каштановые волосы, сейчас не скрытые шляпкой, липли ко лбу и щекам, карминовые губы побледнели, под голубыми глазами залегли круги, а ее лицо показалось мне намного более усталым, чем было у меня самого. И в то же время она оставалась самой прекрасной и самой таинственной из всех женщин, которых я когда-либо знал.

Даже сейчас, намокшая, замерзшая, измотанная, она продолжала оставаться той самой девушкой, которую я так долго и безуспешно искал.

— Эрин. — Я, стараясь скрыть изумление, коснулся шляпы. — Какая неожиданная встреча.

Я очень надеялся, что она не слышит, как у меня колотится сердце.

— Я ждала вас, — сказала она, поспешно оглядев улицу и сделав еще один шаг мне навстречу.

— Вот как?

— Мне пришлось следить за вами от кладбища. Очень жаль, что с вашим другом произошла беда.

Я увидел, что она дрожит.

— Вы совсем замерзли!

— Пришлось стоять под дождем. — Эрин виновато улыбнулась. — Какой-то господин отнял у меня зонт. Этот район не слишком дружелюбен к одиночкам. Нам следует поговорить, чэр эр'Картиа.

— Именно это и я хотел сказать, — произнес я, внутренне отмахиваясь от Стэфана, возмущившегося тем, что я закрыл им девушку от дождя.

Она потянула меня за рукав:

— Идемте. Здесь нас могут увидеть.

Я хотел возразить ей, что на улице ни души, но не стал спорить и пошел рядом во мрак переулка. Единственный фонарь горел далеко-далеко впереди. Она шла, опустив голову. Я не выдержал и, несмотря на ее горячие возражения, отдал ей свой плащ.

— Я давно искала встречи с вами, но у меня не получалось, — сказала Эрин. — Извините, что доставила вам столько неприятностей. Если бы я только знала, к чему приведет моя попытка спрятаться в вашем купе, то никогда бы не стала этого делать.

— Если вы искали встречи со мной, то зачем же убежали, когда увидели меня на Арене?

— Я испугалась, если честно. Извините, что мне пришлось так поспешно скрыться.

— Вы о первом или втором случае? — с иронией спросил я. Девушка невесело рассмеялась:

— Извините за то и другое, чэр.

Я хотел спросить, для чего ей понадобилось убивать того человека, но решил придержать этот вопрос какое-то время.

— Вы пришли за своим платком, так? — Мы миновали фонарь и оказались в переулках западной Ямы.

Темных, узких, безлюдных и грязных.

— Так значит, это вы нашли его?! — Я почувствовал в ее голосе и напряжение, и облегчение.

— Почему он так важен для вас? Зачем вам потребовалось его красть?

— Вы и это знаете? — Мне показалось, что она снова невесело улыбнулась, но из-за окружающей нас темноты я не мог за это поручиться. — Я забрала у вора лишь то, что принадлежит мне по праву рождения и наследования, чэр. Платок хранился в моей семье много лет. Для меня он бесценен. А для вас, боюсь, он так и останется красивой

цветной тряпицей. Так он у вас?

— Да, — не стал я врать.

— Слава Всеединому, что его нашли вы! — прошептала Эрин. — Я подозревала, но не была до конца в этом уверена.

— Ваши слова означают, что вы вернулись в купе и не покидали поезда, несмотря на рвение жандармов.

— Я надежно спряталась, — пожала она плечами. — И когда, вернувшись, не обнаружила его, сразу подумала о вас.

— Для чего его было скрывать? Вы могли взять платок с собой.

— Я боялась, — сказала она, опять небрежно пожав плечами. — В тот момент мне показалось отличной идеей спрятать эту вещь в вашем купе. Оно было самым надежным местом в поезде.

Я рассмеялся, и она вопросительно посмотрела на меня. Пришлось объяснить:

— Простите, что не доверяю вам, но всего лишь несколько минут назад вы говорили, что платок важен только для вас. Но раз вы его спрятали...

— Я боялась, — вновь повторила Эрин. — Подумала, что люди, преследующие меня, это...

— Носящие красные колпаки? Она покачала головой:

— Нет. К сожалению. Давайте дойдем до моей квартиры, и я расскажу вам все.

— Вы живете в Яме?

— Скорее скрываюсь. Вы отдадите мне платок, чэр?

— Не раньше, чем вы ответите на мои вопросы, Эрин. Она немного подумала и сказала:

— Что же. Это вполне справедливый обмен. Но, боюсь, ответы не принесут вам ни счастья, ни поко...

Сверкнула электрическая вспышка, и девушка, даже не вскрикнув, упала на мостовую. Я отшатнулся в сторону, ткнув принявшим обычный облик Стэфаном во мрак, словно держал в руках шпагу. Кто-то взвыл, я услышал предостерегающий «крик» Анхель, и в этот момент рядом с моим правым боком разорвалась бомба.

Меня основательно потрянуло, в голове помутилось, и я сам не понял, как оказался на мокрой мостовой.

— Готов? — раздался голос надо мной. Кто-то наклонился и сказал:

— Кажется, да. Проверь девчонку. Возня, чирканье спички, ругань и за ним:

— Да! Да! Это она!

— Отлично. Тащите ее в телегу.

В темноте они не опознали во мне лучэра и поэтому не знали, что, в отличие от человека, мне недостаточно одного касания жандармской шоковой дубинкой. Для того чтобы такой, как я, потерял сознание, требуется, чтобы эту разработанную тропеками пакость держали у моего затылка почти минуту. Я был парализован на краткое время, но все прекрасно слышал.

То, что это не простые грабители, я понял сразу. У людей, охотящихся в Яме на случайных прохожих, нет возможности владеть столь дорогим снаряжением. К тому же...

— Сосредоточься на главном, — шепнула Анхель. — Попробуй пошевелить пальцами.

Я сделал, как она просила, но без толку.

— Все. Мы поехали. Вы разберитесь с этим.

— Что с ним делать?

— Не будь придурком. Избавьтесь от него и выбросите в реку. Только не здесь. Оттащите к берегу.

Они подошли, и один из них попытался откинуть трость, но я держал ее крепко.

— Надо же! — удивился он. — Пальцы судорогой свело. Не разожмешь.

Стэфан, на мое счастье, не стал применять обычные для себя способы общения с наглецами, касавшимися его, и прикинулся бездушной деревяшкой, выжидая, когда я приду в себя.

Кто-то выругался и хриплым голосом сказал:

— Какая разница, Марк? Что с тростью он пойдет на корм рыбам, что без нее. Бери его за ноги и тащи в проулок. Надо подумать, как донести до берега.

Меня оттащили и оставили в какой-то куче мусора. Судя по всему, их было не то четверо, не то пятеро. На мой взгляд, слишком много для того, чтобы убить одного человека.

Я волновался за судьбу Эрин, злился на то, что нас так ловко подловили, и пытался шевелить пальцами. В какой-то момент у меня это получилось, и я начал ощущать, как в них впиваются сотни колющих иголок.

Кто-то закашлял, сплюнул, шмыгнул носом и предложил:

— Может, здесь прикончим?

— И оставим кровавый след? Тащить покойника через весь район до воды? Сиди, кури махорку и не дергайся. У меня перерыв.

Я приподнял голову, посмотрел на едва видимые во мраке мужские фигуры, принял Облик и отшагнул во тьму, обнажая жаждущую крови Анхель. Теперь следовало понять, что делать дальше. Справиться со всеми одновременно вряд ли получится. В общей свалке кто-нибудь из них обязательно умудрится ткнуть меня дубинкой и после этого мне вряд ли предоставят второй шанс.

— Эй! Его нет! — раздался встревоженный крик. Топот ног. Ругательства.

— Посвети, ты...!

— Куда вы смотрели, олухи! Как он мог так быстро прийти в себя?!

— Может, у этой штуки заряд кончился? — недоуменно спросил какой-то писклявый тип.

— Я сейчас засуну ее тебе в... и узнаю, работает она или нет! Мимо нас он не проходил, значит, пошел туда. Там два проулка, и оба заканчиваются тупиками. Уйти ему некуда, если только он не умеет летать. Разделитесь и прикончите его. Только тихо!

— А ты, Фригго?

— А я буду здесь, на случай, если он вновь оставит вас с носом.

Во мраке на мгновение блеснуло бледно-голубым, и я понял, что в руках у человека револьвер с электрическими пулями.

Четверо головорезов двинулись вперед, и я отступил назад, а затем повернул в правый проулок и, положив Стэфана на землю, подпрыгнул и уцепился за висящий довольно высоко над землей балкон.

Они прошли подо мной через неполную минуту, даже не догадавшись поднять головы.

— Темно, как в чистилище, — проворчал один из них. Второй вместо ответа хмыкнул. Мне показалось, что у него пистолет. Когда они прошли, я разжал пальцы, приземлился за его спиной и взмахнул Анхель.

Особенность хорошего керамбита в том, что, несмотря на небольшие размеры, при должном умении серповидным лезвием можно орудовать настолько быстро, что удастся обездвигить противника за несколько секунд. Z-образный удар подрезал человеку сухожилие на правой ноге, на левой, затем под коленом и рассек бедро. Он начат падать, и я чиркнул ножом крест-накрест, добив его, так как амнис уже успела напиться силой из его крови.

Оставшийся противник громко крикнул, привлекая внимание товарищей, и, пытаясь меня остановить, прыгнул вперед, ткнув ножом в воздух там, где я только что находился.

Перерезать вены на запястье, черкануть по бицепсу, превратив руку в

бесполезную плоть, подставить ногу, толкнуть не занятой рукой в грудь и, когда человек уже начинает падать, ударить во внутреннюю поверхность бедра, рядом с пахом, туда, где проходит артерия.

Анхель наслаждалась действием, впервые за многие годы занимаясь тем, для чего была призвана и создана. Я же, в отличие от нее, происходящим не упивался и просто делал то, чему меня когда-то научил отец.

Когда второй человек умер, я крутанул нож на указательном пальце, решив не менять обратный хват.

— Что там у вас? — раздался раздраженный крик одного из тех, кто ушел в противоположный проулок. — Нашли?

— Нет! — ответил я голосом одного из убитых. — Показалось!

Они выругались и зашаркали прочь. Я поднял Стэфана, который тут же высказал мне все, что он думает по поводу того, что его не взяли в схватку, и вдруг услышал испуганный вопль и гулкий выстрел, эхом заметающийся по узкому проулку, отражаясь от стен безучастных домов.

— Да что там у вас?! — закричал главарь шайки, выходя на перекресток и поворачиваясь ко мне спиной.

Я не мог не воспользоваться этой okazji, но он почувствовал движение, развернулся и выстрелил в мою сторону без всякого предупреждения. Если бы не Анхель, заставившая меня броситься влево, голубой росчерк попал бы мне в грудь, а так он прошел между рукой и боком, не причинив вреда.

Я принял Облик, исчезнув с глаз противника, но он, уже поняв, с кем имеет дело, произвел еще четыре выстрела вслепую. На мое счастье, стрелял он совершенно в иную сторону. Сейчас мне было не до того, чтобы беспокоиться о чужих жизнях, и, когда я понял, что сделал, человек уже лежал с рассеченным горлом.

— Могла бы и сдержаться, — с разочарованием сказал я Анхель.

Она с обидой ответила, что на этот раз совершенно ни при чем и не в состоянии каждый раз меня контролировать и останавливать.

— Ты забыл еще о двоих, — напомнил Стэфан. — Странно, что они до сих пор не появились. Возьмешь пистолет?

— Нет. Там всего один патрон. С вами мне привычнее.

— Не думаю, что они тебе понадобятся, — с насмешкой произнес женский голос из проулка, и я узнал это контральто.

— Бэсс?

— Привет, Тиль. — Она неспешно приблизилась, и я увидел, как красным светом горят ее узкие кошачьи зрачки.

Жуткое зрелище.

— Признаться, я впечатлена тем, как ты ловко с ними справился. Неплохо для новичка.

— Те люди...

— Эта парочка олухов? Мертвы. Можешь меня не благодарить.

Проклятье! Следовало оставить в живых хотя бы одного!

— Что ты здесь делаешь, Бэсс?

— Данте попросил оказать ему услугу и проводить тебя до дома. Он считает, что неприятности висят у тебя на хвосте. Я не собиралась вмешиваться, но, надеюсь, ты не в обиде?

Она заглянула мне в глаза.

— Не в обиде. Но жаль, что ты их убила. Теперь я не узнаю, куда увезли Эрин.

— Эрин — это та намокшая красотка? Если она так нужна, Тиль, я отведу тебя к ней. Я сочла, что, пока ты лежишь, ничего плохого не случится, если я посмотрю, куда они едут. Надо было всего лишь заговорить лошадь. Именно поэтому я задержалась и не пришла на помощь сразу.

— И что? Лошадь теперь вернется и укажет дорогу? — недоумевающе спросил я.

Она рассмеялась и, взяв меня под руку, пошла в сторону улицы:

— Очень смешной вопрос. Разумеется, нет. Но часть моего сознания сейчас в кляче, так что я вижу дорогу ее глазами. Они направляются на северо-запад и почти достигли берега реки Пиявок. Я смогу отыскать путь и, если мы поторопимся, то ничего с твоей Эрин не случится.

Ее кожа была удивительно горячей и жгла меня даже сквозь мокрую одежду.

Через несколько минут мы прошли мимо газового фонаря, и я смог рассмотреть Бэсс в его бледном свете.

В отличие от меня девушку дождь абсолютно не беспокоил — ее одежда, собранные в длинный конский хвост волосы и кожа были совершенно сухими. Одна из странных особенностей низших — их никогда не волновали капризы погоды. И ливень, и снегопад, и колючий ветер они переживали с одинаковым равнодушием, вовсе их не замечая. Как говорят священники, мать-природа избегает касаться проклятой плоти.

На ней было короткое осеннее бордовое пальто, прямая юбка до середины голени без всяких вычурных деталей и высокие блестящие сапожки, такие же изящные, как и сама девушка. Я уже говорил это раньше — Бэсс очень красива, особенно если забыть о ее глазах и острых зубах.

По дороге она с легкостью и без умолку болтала о всяких милых пустяках, словно мы шли не по тущам Ямы, а по Старому парку, занятые послеобеденной прогулкой. Опасная хищница в образе прекрасной рыжей леди была лучшим спутником в эту ночь.

Удивительно, но я, даже беспокоясь о судьбе Эрин, полностью доверял ощущениям низшей и, несмотря на то, что она не слишком спешила, не считал, будто мы должны торопиться.

— Тебе дорога эта красотка? — невзначай поинтересовалась Бэсс.

— Не знаю, — искренне ответил я.

— Вы, мужчины, сплошное ходячее противоречие. — Ее глаза насмешливо сверкнули. — Никогда не знаете, чего хотите в женщинах. Отсюда в нашем мире столько проблем.

— Мне казалось, что ты неплохо относишься к мужчинам.

— Я вас просто обожаю! — Смех у нее был хрустальным и очень заразительным. — Но это не значит, что я закрываю глаза на ваши странности. Никогда не могла понять, как можно не знать о собственных чувствах. Если любишь — люби. Ненавидишь — ненавидь. Сомнения и неуверенность — плохие спутники в жизни. Они заставляют топтаться на одном месте, а затем жалеть об упущенных возможностях.

— И у тебя конечно же есть рецепт, как избавиться от подобных пороков, — поддел я ее.

— Конечно же. Нужно всего лишь жить. Видишь, как просто? Я следую этому правилу с самого рождения. И тогда каждый день можно считать подарком судьбы. Предпочитаю оставаться оптимисткой, даже если ситуация самая гадкая.

— Я как-нибудь попробую.

Она серьезно кивнула, словно я только что дал ей клятву, и внезапно сжала пальцы на моем локте, дав ощутить, сколь остры ее ногти:

— Мы пришли.

Это была самая окраина Ямы, территория частных складов, на которых давно уже никто ничего не держал по причине запущенности этой части района и нечистых на руку людей, шныряющих в округе. В Городском совете давно бродила идея снести постройки и поставить здесь дома, благо приезжие прибывали в Рапгар, несмотря на отсутствие гражданства, но пока дело дошло лишь до разговоров.

— Двое находились в телеге и двое ждали здесь. Возможно, в бараке есть кто-то еще, но лошадь туда заводить не собираются, так что я не могу сказать точно.

— И как мы проникнем во вражеский стан, скажите на милость? —

заволновался Стэфан.

— Очень просто. Постучим, как вежливые... нелюди, — ответила Бэсс, когда я передал ей его слова. — Тиль, если можно, держись, пожалуйста, за мной.

Она решительно постучала в ворота. Ей пришлось четырежды повторить это действие, прежде чем раздались тяжелые шаги и чей-то раздраженный голос крикнул:

— Проваливайте! Это частная территория!

— Простите, господин! — жалобно захныкала Бэсс. — Я, кажется, заблудилась.

Думаю, ради такого голоса любой мужчина должен броситься в пропасть. Привратник не являлся исключением из этого правила. Он распахнул калитку и попал в цепкие ручки Бэсс. Не скажу, что я был поражен, когда она оторвала ему голову. Чего-то такого я и ожидал от дочери Крадущей детей. Девушка перешагнула безголовое тело, даже не запачкавшись кровью, и, забыв обо мне, нырнула во мрак.

Я бросился следом. Мимо мирно стоящей лошади, запряженной в пустую телегу, ржавой ребристой бочки с дождевой водой, масляного фонаря, подвешенного на крюк в стене, сарая с развалившейся крышей, по лужам и грязи, под нескончаемым дождем влетел в барак, в котором горели окна, следом за своей спутницей, услышал встревоженные крики, выстрел, впереди взметнулся рыжий хвост Бэсс, а затем началась свалка. В стену и в потолок ударили тугие струи крови.

На расправу я не успел. Три трупа оказались на полу меньше чем за десять секунд. Бэсс слизнула проворным язычком кровь, оставшуюся на полных губах:

— Двое успели выскочить и запереть дверь.

Я, стараясь, чтобы падающие с потолка тяжелые капли не попали на меня, подошел к стальному монолиту и быстро осмотрел его.

— Видимо, засов с другой стороны.

— Да. Мне потребуется твоя помощь, чтобы вырвать дверь.

— Ни к чему. Эрин с ними? Ты видела?

Она безучастно перешагнула через труп, оказалась рядом — хрупкое стройное рыжеволосое создание, только что убившее трех здоровых, вооруженных мужиков:

— Мельком. Лежала на полу.

Я отдал приказ Анхель, и та начала тихо вибрировать, стягивая в себя доступную ей силу.

— Вы не забываете, что у них оружие? — предупредил нас Стэфан.

— Если только ножи, — безучастно ответила Бэсс и кивком показала на стол, где все еще лежали пистолеты. — Мальчики так торопились, что оставили свои игрушки.

— Все равно надо быть осторожнее! — не успокаивался амнис.

— Не думал, что низшие двигаются быстрее мяурров, — сказал я, опустив нож на верхнюю дверную петлю.

— О, мы полны загадок и интересных умений, но нас мало кто ценит, — с загадочной улыбкой ответила мне Бэсс.

— Нисколько этому не удивлен. Ты сама себя не боишься?

— Только по утрам, — рассмеялась девушка, сочтя мою шутку очень удачной, хотя я говорил совершенно серьезно.

Вторая дверная петля была срезана, и убрать преграду с дороги оказалось делом одной минуты.

— Они фокусники? — озадаченно нахмурилась Бэсс, разглядывая пустое помещение без окон и дверей.

Эрин и двое мерзавцев как сквозь землю провалились. Я подошел к лежащему на полу плащу, который дал замерзшей девушке, чтобы защитить ее от холода, поднял его, отряхнул и сказал своей спутнице:

— Подожди. Кажется, я догадываюсь, в чем тут дело.

Я стукнул тростью об пол, затем еще и еще, пока звук не изменился. Приглядевшись, мы увидели очертания люка.

— Так я и думал, — сказал я, пытаясь поддеть край тростью. — Вход в подвал.

— Боюсь, что нет. — свела брови она.

Люк тоже оказался заперт, пришлось потерять несколько драгоценных минут, чтобы попасть под пол. Здесь было достаточно высоко, пришлось повиснуть на руках, затем спрыгнуть.

— Свет, — попросил я Стэфана, прислонил его к стене и обратился к Бэсс:

— Прыгай. Поймаю.

Она без колебаний сиганула вниз, мои руки обхватили ее тонкую талию и аккуратно поставили на землю.

— Обожаю сильных и решительных мужчин, — промурлыкала девушка. — Ну вот. Я так и знала. Катакомбы.

Широкий коридор, в котором мы оказались, был грубым и неровным. Судя по цвету и фактуре стен, порода, залегающая здесь, — известняк.

— Что-то низковато для катакомб.

— Ты в них бывал?

— Да. Еще мальчишкой. На кладбище Невинных душ в одном из

склепов есть спуск вниз.

— Ты говоришь о старых штольнях. Они ведут в подземный город, центр которого находится под Каскадами. Судя по тому, что ты еще жив, там ты побывать не успел.

— А есть чего опасаться?

— Здесь — вряд ли. Но вот в подземелье, возраст которого как у Всеединоного, следует проявлять большую осторожность. Там много кто живет.

— Не знал.

Коридор вел в одном направлении, и я, освещая тростью путь, быстро направился вперед. Бэсс пошла рядом:

— Ну на счастье горожан, эти существа не слишком любят выбираться на поверхность. Я осталась цела лишь благодаря крови, доставшейся мне от моей прекрасной матушки.

— Ты хорошо ее знала?

На этот раз ее смех нельзя было назвать веселым и жизнерадостным:

— В нашем мире не так много живых существ, которые хорошо знают Крадущую детей. Я не вхожу в их число. Мать оставила меня отцу, когда мне исполнилось всего несколько месяцев. Сказала, что не хочет для себя соблазнов.

Я кивнул, понимая, о чем она говорит. Чистокровные низшие, да еще такие грозные, как Крадущая, не всегда могут контролировать себя. А убить собственного ребенка — ничего хуже быть не может. Даже для демона.

— Так что мы с тобой в чем-то похожи. — Она вновь взяла меня под руку. — Оба не знали своих матерей.

Бэсс заметила мой недоуменный взгляд и пояснила:

— Данте как-то рассказывал.

— Вы давно с ним знакомы?

— Ага, — и понимая, что этот ответ не слишком исчерпывающий, продолжила: — Собственно говоря, он воспитывал меня, пока мой отец был занят. Так что я помню его, кажется, с самого момента рождения. Данте дружил с отцом и время от времени был не прочь оказать ему помощь.

— Я удивлен. Не думал, что у этого древнего и порочного чудовища есть таланты воспитателя.

Девушка улыбнулась:

— Ты же его знаешь. Он лучэр-загадка. И очень заботливый. Иначе сегодня меня бы с тобой не было.

Я хмыкнул, поднял руку, освещая небольшой ромбовидный зал, из которого вели три коридора в совершенно разных направлениях. Центральный уходил резко вниз, и в полу было выбито нечто вроде изъеденных временем ступеней.

— Куда теперь?

Девушка покрутила головой:

— Там северо-запад, туда запад, этот на юг.

Она ориентировалась под землей точно по солнцу или компасу. Затем втянула носом воздух:

— Судя по оставшемуся от них запаху пота, они направились на северо-восток. Под землю.

— Дураки.

— Не скажи. Западный опасен, уверена, что он рано или поздно соединяется с древними катакомбами, и туда сунется только самоубийца. Южный приведет к озеру, я слышала, эти места давно завалены. Помнишь, лет одиннадцать назад сильно просела земля в Саже и разрушился целый квартал? Уверена, подземные воды подмыли грунт, и земля не выдержана. Газеты тогда писали, что проблема как раз вызвана старыми выработками известняка.

— Да. После этого Городской совет создал службу по укреплению подземных сводов.

— Вот-вот. Они нашли вход в подземный город, где их и сожрали.

— А ты откуда знаешь? — удивился я.

— Видела обглоданные кости, — пожала плечами Бэсс. — Я уверена, что нам нужен северо-западный. По идее, он проходит под рекой Пиявок и Пустырями. Они надеются выбраться в старом карьере.

— Понимаю, о чем ты. Из него в Рапгаре начинали добывать известняк для постройки домов тысячу лет назад. Если мы поспешим, то нагоним их довольно быстро. Не так просто идти здесь, особенно если тащить бесчувственную девушку.

— С учетом того, что они ее не желают убивать, ты совершенно прав. Поспешим.

— А я бы предпочел никуда не ходить, — проворчал Стэфан, но его голос мы сегодня не учитывали.

Череда коротких спусков привела нас в более узкий коридор с влажными стенами и полом и грубо обработанным потолком. Кое-где все еще стояли основательно подгнившие деревянные опоры, но я бы не стал на них полагаться, если бы от этого зависела моя жизнь.

Затем начала прибывать вода. Я не успел опомниться, как уже шлепал

по ней в мокрых ботинках. От нее пахло какой-то дрянью, и в рубиновом свете трости она маслянисто блестела. С потолка тоже капало, и нам оставалось лишь терпеть этот тяжелый ледяной дождь.

— Мы сейчас под рекой, и у меня клаустрофобия, — пожаловался Стэфан, но я, занятый мыслями об Эрин, ничего ему не ответил.

На мои взгляд, можно лишь радоваться, что строители прошлого придумали какие-то невидимые мне водоотводы, иначе здесь пришлось бы нырять. Наконец уровень пола начал незаметно повышаться, вода отступила, и мы вышли в череду извилистых, следующих за известковой породой штреков, где воздух был застоявшимся, сухим и холодным.

Бэсс презрительно наморщила очаровательный носик:

— Какая гадость!

— Что? — недоуменно нахмурился я, — Ничего не чувствую.

— Тебе повезло родиться лучэром, а не низшим. Воняет застарелой смертью. Впереди логово какой-то твари. Уже жалею, что не взяла с того стола пару револьверов. Не хотелось бы пачкаться. Идем. Только тихо, пожалуйста.

Угрожающее рычание раздалось из мрака несколькими минутами позже.

— Тру-тру, — коротко пояснила Бэсс — Кажется, почуял наших беглецов и приполз сюда.

— Он их не поймал?

— Нет. Свежей кровью не пахнет.

Я знал о тру-тру то же самое, что и все остальные. Когда голодны, они разумны, обожают свежую человечину, поклоняются мраку, живут в укромных уголках, как можно дальше от чужих глаз, и выходят на охоту, лишь будучи уверенными, что им ничего не грозит. Эти косматые твари очень опасны, особенно если чувствуют слабость жертвы. Городские власти делают все возможное, чтобы избавить Рапгар от их присутствия, и уничтожили почти все семьи, но, как это бывает с теми же тараканами, всех перебить не смогли.

Уцелевшие единицы надежно спрятались на Пустырях и в подземельях, мэр поспешил объявить о том, что угроза миновала, но, несмотря на это, почти каждый год «пропадает без вести» какое-то количество жителей. Лично я считаю, что несчастные находят свою смерть в желудках тру-тру.

Его мы увидели, войдя в очередной зал. Он, несомненно, почувствовал нас загодя и теперь стоял возле дальней стены, опустившись на четыре лапы и наклонив угловатую голову к самой земле. Обычно эти существа

предпочитают перемещаться на двух ногах, завернувшись в ворох лохмотьев, которые на самом деле часть их старой кожи.

Его лицо, белое, словно выкрашенное актерской краской перед выступлением в комедии, с черными, похожими на очки, провалами глаз и неровной полосой рта, казалось гораздо более безжизненным, чем у митмакемов.

Тру-тру не любят, чтобы им смотрели в глаза, поэтому частенько отрачивают густую гриву волос, перекидывая их на лицо. Они считают себя ровней другим народам и пытаются избавиться от множества звериных привычек, свойственных их племени. Во всяком случае, ходить прямо и пытаться говорить на всеобщем, пока голод не притупит их разум настолько, что они вновь становятся опасными любителями свежего мяса.

Судя по тому, как двигался и вел себя этот, он не ел уже достаточно давно. Просто чудо, что похитившие Эрин олухи на него не наткнулись!

Я сделал шаг, и Бэсс тут же схватила меня за руку, не давая идти вперед. Она оказалась намного сильнее, чем я думал.

— Не надо его провоцировать, — сказала она и обратилась к тру-тру:

— Уходи. Мы тебе не по зубам.

Он шумно задышал, и из угла его темного рта потекла прозрачная слюна. Затем приглушенно рыкнул, сделав шаг к нам, надеясь испугать, заставить показать слабинку, но синее лезвие Анхель стало льдистоголубым, сверкающим, словно утренняя звезда, а Бэсс зашипела, точно кошка. Тру-тру заворчал, не спуская с нас глаз, и отступил во мрак. Я слышал лишь шорох его одежды-кожи, а затем стих и он.

— Все, — через какое-то время сказала Бэсс — Ушел. Она разжала пальцы, отпуская мою руку, и показала, куда следует идти. Мое сердце все еще колотилось, а Стэфан безостановочно благодарил пламя, из которого появился, за то, что мы легко отделались. Тру-тру достаточно страшный и жестокий хищник, который физически сильнее меня, и, если дело дойдет до схватки, мне останется полагаться лишь на Облик да моих амнисов.

— Откуда ты знала, что он не нападет? — поинтересовался я у Бэсс, которая из-за узости поднимающейся к поверхности штольни шла сразу за мной.

— Я не знала, — вздохнула та, и мне почудились в ее голосе первые нотки усталости. — Но он не ревел и не бросился на нас сразу, а значит, еще был способен соображать.

Свет трости вырвал картину, достойную бульварных романов, которые в последний год так полюбились читательницам из высшего общества и еженедельно печатались в газетах глава за главой. Впереди в очень

естественных и в то же время нелепых позах застыли двое мужчин. Их лица были искажены ужасом, глаза выпучены, а сами люди казались сделанными из розового кварца или стекла. — Не похоже на скульптуры.

— О да. — Девушка попросила у меня трость и легонько стукнула по ближайшему изваянию.

Раздался мелодичный звон.

— Перед нами те умники, что украли твою девушку. Интересный эффект, словно их чем-то облили.

— И поэтому они стали полупрозрачными стекляшками? Здесь была магия, — сказал Стэфан. — Вот только ее природу я не могу понять.

— Эрин наконец-то пришла в себя и задала им трепку, — высказалась Бэсс, выслушав от меня слова амниса. — А она опасна. Они, кажется, даже не поняли, с кем на свою беду связались.

— Судя по твоему лицу, ты не испытываешь разочарования, — сухо сказал я.

Моя спутница лишь развела руками:

— Женщина должна рассчитывать не на мужскую защиту, а учиться сама себя защищать. Эта красотка изначальный маг?

— Не знаю... Не думаю.

— Ну лично я больше не вижу никаких вариантов. Слушай, Тиль. Она спаслась и убежала. Уверен, что стоит ее преследовать? Если девчонка испугана...

— Мне отчего-то кажется, что ее тяжело испугать, — после недолгого молчания ответил я. — К тому же коридор начал подъем, и, если нам повезет, выход появится раньше, чем если мы отправимся в обратный путь.

— Разумно, — согласилась она. — Тогда освещай дорогу, мой рыцарь, и давай покинем эти унылые чертоги.

Я улыбнулся ей и поспешил вперед по расширяющемуся коридору, гадая, как Эрин способна проделывать такое с людьми. Мне не нравились мысли, лезущие в голову, я все больше и больше запутывался, понимая, что даже не хожу по кругу, а стою в тупике и бьюсь лбом в толстую стенку.

Через пятнадцать минут быстрой ходьбы по сухому, хорошо вентилируемому коридору я заметил впереди чуть более светлое пятно и, миновав перевернутую на бок ржавую вагонетку, очутился под открытым небом.

Мы вышли к большому известковому заброшенному карьеру-каменоломне с оплывшими от времени стенами. Небо медленно бледнело, начинался рассвет.

Я помог Бэсс выбраться, и она, отряхивая рукава пальтишка, сообщила

мне:

— Мы где-то между Пустырями и Королевством мертвых. Лучше идти на север.

Очень верное уточнение. Пустыри — место гадкое, там можно встретить кого угодно, начиная от стаи скангеров, чувствующих себя здесь совершенно вольготно, и заканчивая такими очаровательными тварями, как тру-тру.

Расщелина, из которой мы только что выбрались, издала рокочущий львиный рык.

— Вспомни тварь — и она тут же появится! — Я не выругался только потому, что рядом была дама.

— Голод все-таки оказался сильнее, — опечалилась Бэсс и мягко, ладошкой, толкнула меня подальше от дыры в земле. — Я верю, что ты с ним справишься, но мне не хотелось бы нести на себе калеку. Пожалуйста, не вмешивайся.

— Он раздавит тебя, Бэсс.

Она улыбнулась точно так же, как Данте, словно считала меня неразумным ребенком:

— Я уже сталкивалась с этим племенем. И знаю, что надо делать.

Тру-тру уже вылез из катакомб и, увидев нас, припадая животом к земле, неспешно полolz вперед. Весь его подбородок был измазан текущей слюной, черные губы приподнялись, обнажая мощные зубы.

Бэсс еще раз предупреждающе посмотрела на меня, сорвала заколку, потрянула головой, заставляя рыжие волосы рассыпаться по плечам. В следующее мгновение они, а также брови и ресницы девушки вспыхнули, превращаясь в огненную гриву, и я отступил на шаг, заслоняя глаза рукой, такой шел от нее жар.

Бэсс легко, словно танцуя, начала обходить ошеломленного, приостановившегося тру-тру, и каждый ее след был огнем, оставленным на белой каменистой земле. Цепочка огненных следов росла, и тру-тру, придя в себя, прыгнул на низшую, но с совершенно человеческим криком боли отлетел назад, тряся обожженными передними лапами. Он попытался отступить в катакомбы, но путь туда уже был перекрыт полосой пламени.

Я бросился вперед как раз вовремя, ударив тростью ему в лицо прежде, чем тот выскочил из не завершеного Бэсс круга. Людоед вновь закричал жалобно, пронзительно, упал на спину, перекувырнулся через голову и распластался на брюхе. Тут же вскочил, собираясь кинуться на меня, но я уже отступил назад, давая дорогу девушке, и она замкнула огненную линию.

Круг начал сужаться, тру-тру заметался, оказавшись в огненной ловушке, решил перескочить пламя, но лишь опалил кожу, а затем из жара появилось несколько кроваво-красных узловатых рук. Они вцепились в людоеда, блеснула беззвучная вспышка, и пламя исчезло, оставив после себя лишь дымящуюся землю и обугленную плоть полузверя.

Волосы Бэсс тут же перестали «гореть», стали обычными, ярко-рыжими, лишь их кончики все еще продолжали дымиться. На ее левой щеке остались следы копоты.

Не спеша она подошла ко мне и сказала:

— От моей мамочки мне досталась не только красота. Не касайся меня! — тут же резко произнесла девушка, увидев, что я протягиваю руку, и мягко добавила: — По крайней мере какое-то время. Мне надо отдохнуть.

Она села прямо на землю, подтянула колени к подбородку, обхватила их руками и стала смотреть, как медленно светлеет небо. Я осторожно присел рядом с Бэсс и принялся ждать, когда в ее глазах погаснет Изначальное пламя.

Глава 20

ГОСТЫИ

— Все прорывы, семимильные шаги вперед, порох, пули, рельсовые винтовки, паровой двигатель, цеппелины, наконец — все это как-то меркнет перед тем, что совсем недавно продемонстрировала мне сопливая девчонка, к тому же еще и низшая! Иногда я начинаю жалеть, что мир пошел по нынешнему пути развития, мой мальчик. Уверяю тебя, магию слишком рано списали со счета, так и не исчерпав ее возможностей.

— Ты ли это, Стэфан? — невольно удивился я. — Сколько тебя помню, ты всегда был против развития магии.

— Но-но! Я был против того, чтобы амнисов вырывали из их дома, засаживали в предметы и заставляли верой и правдой служить какому-нибудь чэру! Это всего лишь одна сторона магии, но есть и другие, гораздо более благосклонные к моему племени.

— Ну перестань, — возразил я ему. — Тебе особо не на что жаловаться. Никто тебя не эксплуатирует, к тому же чтобы ты делал в Изначальном пламени? Умер бы от скуки. Ни газет, ни новостей, ни путешествий...

— Ни молодого чэра, который мало что понимает, — язвительно подхватил амнис. — Мне с тобой повезло, не спорю, но все перечисленное не стоит одной простой вещи — свободы. И, поверь, у меня дома дел по горло. Скучать там некогда.

Бэсс с улыбкой слушала мои односторонние пререкания со Стэфаном.

— Я не люблю магию. Особенно в последнее время, — сказал я.

— Можно простить ребенка, который боится мрака, но печаль всей жизни, когда мужчина боится света.

— Даже не буду думать, к чему эти аллегории.

— К тому, что рано закрывать глаза на магию. Она еще может себя показать.

— Придавленная техническим прогрессом сверху, снизу и по бокам? Волшебство взяли под жесткий контроль, поставили на рельсы и отправили по четко заданному пути. Оно не может шагнуть ни влево, ни вправо, ни подпрыгнуть. И выполняет лишь то, что ему позволяет правительство.

Амнису пришлось признать мою правоту, и он занялся диспутом с Анхель.

Тропинка тянулась среди пустых лугов с высохшей пожухлой травой и редким кустарником с едва-едва уцелевшими на ветвях пожухлыми листьями. Впереди уже виднелись задворки Королевства мертвых.

— Свернем правее? — предложила Бэсс. Но я лишь покачал головой:

— Не получится. Нам все равно придется пройти по их земле.

Она огорчилась, и я, чтобы поддержать ее, сказал:

— Я помогу тебе, если будет плохо. Постараемся миновать ее как можно быстрее.

Девушка благодарно кивнула. По легенде, где-то в районе Королевства мертвых Всеединый пролил свою кровь в сражении с одним из своих диких братьев. Несколько капель упали на землю и сделали ее для кого-то «святой», для кого-то «нечестивой». Для низших находиться на территории огромного кладбища было небезопасно. Ядовитая для их сущности почва тянула силу, и если отказывали ноги, то рано или поздно низший умирал. Именно поэтому порождений демонской сути казнили очень простым способом — сажали в камеру, пол которой был засыпан почвой, привезенной из Королевства мертвых.

— На дороге следы, — привлекла мое внимание Бэсс.

— Видел. Спасибо.

Судя по небольшим отпечаткам туфель, Эрин прошла здесь около часа назад, но вряд ли теперь мы ее нагоним. Девушка, которая хотела со мной поговорить, даже не подозревает, что мы отправились следом за ней.

Уже совсем рассвело, и темные силуэты деревьев на фоне ярко-голубого неба приняли свои обычные очертания, перестали казаться костлявыми руками скелетов. Утро было замечательным, если, конечно, не считать прохладного ветерка. Дождливые облака уползли на юг, забрав с собой плохую погоду.

Мои ноги в подземелье основательно промокли, а костюм, после того как меня хорошенько поваляли на грязных улицах Ямы, представлял собой жалкое зрелище.

Бэсс сбавила шаг, остановилась в неуверенности. В десяти футах от нас начиналось огромное, тянущееся на многие мили древнее кладбище. Дальше, к западу, оно было ухоженным, с ровными дорожками, аккуратно подстриженными кустами, клумбами, могилами, памятниками и склепами, тянувшимися до горизонта покуда хватало глаз.

Здесь же, на окраинах Королевства мертвых, с первого раза и не поймешь, что вокруг тебя погост — лишь немного неровная земля с оплывшими кочками. Единственная граница опасной для низших территории — два белых столбика, отмечавших старые ворота.

Я молча взял Бэсс за руку, словно она была маленькой девочкой, и поспешил вперед. Мы шли быстро, почти бежали. Я стремился как можно скорее достичь моста через реку Сна. По нему мы сможем покинуть кладбище и оказаться на окраинах Рапгара.

— Как ты? — спросил я минут через десять.

— Нормально, — ответила она, хотя я видел, как посерела ее кожа.

— Держись. Осталось совсем немного. Она усмехнулась:

— Угостишь меня кофе?

— И хорошим завтраком, — пообещал я ей.

Мимо старых могил, затопленных дождевой водой впадин, осколков памятников, худосочных деревьев и поросших колючей непролазной дрянью оврагов с глинистыми стенами мы шли и шли вперед.

Несколько раз в отдалении я видел бродящие между деревьев кособокие фигуры митмакемов. Они занимались своими делами и на прохожих не обращали никакого внимания. Пока мы им не докучаем, не разоряем могилы и склепы в поисках старых сокровищ, не ломаем памятники и не жжем огонь, ожившим мертвецам до нас нет никакого дела.

Редкие деревья стали попадаться чаще, сложились в рощу, которая сменилась густым лесом. Ветви переплелись над головой, сквозь них пробивались солнечные лучи, тропинка, засыпанная густым слоем опавшей влажной листвы, казалась бесконечной.

В ветвях то и дело кричали галки.

— Митмакемы еще не почувствовали меня. — Бэсс старалась бодриться.

— Даже если они и поймут, кто ты, им нет дела до живых.

— Они не любят низших.

— Извини, Бэсс, но низших не любят все, не только митмакемы. И ты сама в курсе причины этой нелюбви.

— Ты не знаешь этих существ. Мы причиняем им боль своим присутствием. И, если они нападают, не можем сопротивляться.

— Не беспокойся. Митмакемы почти столь же безобидны, как и маленький народец. Пока ты не лезешь со своими порядками в их дом, они будут смотреть на тебя сквозь пальцы.

Я бывал в Королевстве мертвых несколько раз, еще будучи молодым. Исключительно чтобы потешить любопытство. Это огромное кладбище расширялось из века в век, до тех пор, пока кровь Всеединого не выросла над землей в виде мелких, невзрачных темно-синих цветочков (для этого всего-то понадобилась пара тысяч лет). И мертвецы полезли из могил.

Я озвучил лишь одну из версий появления митмакемов в мире. Маги, к

примеру, считают, что все дело в разорителях старых гробниц, докопавшихся до древних артефактов, сила которых оживила покойников.

В итоге большинство горожан хоронить здесь перестали. Какая радость закопать кого-нибудь, чтобы на следующую ночь он уже бродил по окрестностям?! Впрочем, не все так считали. Многие, горюющие о потере родственников, зарывали их под цветами Всеединого, чтобы те «воскресли». Но довольно быстро почти все разочаровались в результате, потому что возрожденные полностью теряли память о своем прошлом и начинали жизнь с нуля.

— Устала. Мне надо отдохнуть, — наконец сдалась Бэсс, тяжело дыша.

— Не время, — сказал я и увидел, как через кусты густого подлеска к нам продирается митмакем.

Он был огромен и толст. С раздутым животом, серой кожей, лысой головой с неестественно большими ушами, белыми незрячими глазами мертвеца и толстыми губами, растянутыми в вечной желтозубой улыбке. Он шел вперевалочку, ломая слоноподобными босыми ногами ветки и сипло хрипя. Спустившись на тропу, мертвец перекрыл ее, не давая возможности пройти. Бэсс благоразумно спряталась за мою спину.

— Низшая. На нашей земле. Зачем она здесь?! Пыталась разорять наши дома?! Обижать моих слабых братьев?!

— Это не так, — сказал я. — Я ручаюсь за нее, и она под моей защитой.

Он напряг мышцы на могучих руках, шумно задышал:

— Ее племя порочно.

— Поэтому мы уходим.

Он свирепо рыкнул, но остался на месте, трясая большой головой. И внезапно успокоился.

— Вы заблудились? — Голос у него был низкий, гулкий, словно из бочки.

— Нет, — ответил я, глядя прямо в белые глаза. — Мы знаем дорогу.

Он пожевал губами, оценивая мои слова. Затем кивнул:

— Это хорошо. Если не поторопитесь, она умрет. Уже умирает.

— Тогда не будем задерживаться.

Митмакем не отступил, продолжая стоять на пути. От него едва-едва уловимо тянуло тлением. Плоть этих существ гниет очень медленно, столетиями, и когда они больше не в состоянии ходить и передвигаться, то становятся слабыми, и братья относят их в склепы где-то в середине Королевства мертвых, где они и проводят последние годы своей второй

жизни.

— Ладно. Я покажу короткий путь. Вы ошиблись тропой.

Я заколебался, переглянулся с Бэсс. Она неохотно кивнула, тоже подозревая подвох, но понимая, что времени у нее немного.

— Веди, — сказал я мертвецу.

Он шумно, точно бык, вздохнул и вошел в лес. Мы последовали за ним.

— Смотри под ноги, — предупредил я Бэсс и взял ее под локоть, увидев, что девушку начало шатать.

Толстый митмакем оказался проворным и бежал сквозь заросли легко и непринужденно, сметая сухой подлесок. Несколько раз мы проходили мимо уцелевших могильных плит и вросших в землю склепов. Один из них, увенчанный совой, которая распростерла крылья, был жилым — во мраке кто-то возился и скребся. Из-за рябин донеслись звуки скрипки, и довольно скоро мы вышли на поляну, где музицировал высохший на солнце мертвец. На нем был старый, расходящийся по швам, покрытый коркой грязи фрак, и бабочка на костлявой шее. Его концерт слушали четыре оживших трупа, один из которых выглядел очень неважно, что говорило о крайне преклонном возрасте. В какой-то момент они отвлеклись от музыки и проводили нас долгими взглядами. Мы ушли так же быстро, как и появились, прежде чем они решили, что стоит нас остановить.

— Этот парень отлично играет, — между тем задумчиво сказал Стэфан. — Оркестр национального театра взял бы его с руками и ногами.

— Любого, включая дьюгоня, но не митмакема. Существо второго сорта, да еще и без всякого намека на гражданские права, никогда не допустят играть в лучшем оркестре страны, — мысленно ответил я ему.

Митмакемов не то чтобы не любят, но большинство жителей Рапгара относится к ним как к вещам, словно перед тобой не разумное, пускай и мертвое, существо, а какой-то камень или бревно. Их предпочитают не замечать и не разговаривают с ними, если они пытаются общаться. На городских улицах ходячий труп можно встретить с такой же частотой, как и пикли — то есть крайне редко. И те и другие не любят лишнего внимания и предпочитают жить в уединении и покое, подальше от всех.

— Я больше не могу, — сказала Бэсс, опускаясь на колени. — Земля пьет из меня силу.

Ее лицо блестело от пота, а кожа стала такого же цвета, как и у нашего провожатого. Я, несмотря на протесты, взял ее на руки.

— Далеко еще? — спросил я у митмакема.

— Нет. — Он даже не обернулся. — Сегодня много чужаков.

— Ты видел девушку?

— Да, юная прекрасная леди. Она ваш друг?

— Верно.

— Хорошая.

В ветвях настырно продолжали кричать галки. Бэсс горячо дышала мне в плечо, обхватив руками за шею и стараясь не стонать.

Митмакем спешил вперед, словно носорог, хрипя и пыхтя, в затем внезапно остановился так, что я едва не влетел в его широкую, подернутую тлением спину.

— Пришли. — Мертвец указал толстой рукой вперед. Там, в просветах между деревьями, на солнце блестела вода.

— Не приходи больше, низшая, — на прощание сказал митмакем и, развернувшись, скрылся в лесу.

Я вышел на берег медлительной реки, вдыхая ее одуряющую свежесть, и только теперь заметил, насколько тяжелый воздух был среди могил. Правее от того места, где я стоял, располагался мост, ведущий на противоположный берег.

Экипаж довез нас до моего дома. Бэсс за время пути почти полностью пришла в себя, повеселела, на ее щеках появился румянец. Как я давно успел убедиться, низшие довольно быстро восстанавливают свое здоровье. В этом они превосходят даже лучэров.

Я подал ей руку, когда она выбиралась из коляски, и повел к особняку. По пути мы встретили чэру эр'Тавиа, которая, опираясь на клюку, направлялась к своему дому. Она остановилась, смерив нас тяжелым взглядом. Я вежливо снял шляпу, приветствуя старую леди, но она, проигнорировав меня, сказала Бэсс:

— А-а-а... отродье низшей! Давно тебя не было видно. Я всегда знала, чэр эр'Картиа, что вы пойдете по кривой дорожке, раз водите дружбу со всяким сбродом! Все ваш батюшка виноват, вечно шлялся, словно он не чэр, а солдат какой-то! Очень неразборчив был в знакомствах.

Я пожелал ей доброго дня, и старуха, продолжая ворчать, перешла на другую сторону дороги и распахнула калитку у дома, где ее ожидали два десятка кошек.

— Как она узнала, кто я?

Я посмотрел на окаменевшее лицо Бэсс, глаза которой были скрыты за стеклами темных очков. Создавалось такое впечатление, что ей только что залепили пощечину.

— Ей две сотни лет. Думаю, за такое время можно научиться понимать, кто перед тобой стоит. Не обращай на нее внимания,

пожалуйста. Иногда старую чэру заносит. Основную часть дней она вполне милая особа.

Стэфан, который имел собственное мнение на этот счет, громко фыркнул, но от комментариев воздержался.

Мы в молчании дошли до моего особняка. Я постучал, но дверь распахнул отнюдь не Бласетт. Это была Полли, и обе ее головы выглядели очень встревоженными:

— Слава Всеединому, Тиль! Мы уже и не знали, что думать! — с облегчением воскликнула она, едва удержавшись, чтобы не обнять меня всеми четырьмя руками. — В Рапгаре ужас что творится, а о тебе никаких вестей с прошлого утра! Я места себе не нахо... О!

Она наконец-то заметила Бэсс и пораженно замолчала. Новая девушка в доме была для Полли настоящим событием.

— Это госпожа Бэсс, Полли, — сказал я, переступая порог следом за девушкой. — Ты сможешь позаботиться о завтраке и кофе?

— Конечно, чэр эр'Картиа, — поспешно сказала она и исчезла на кухне.

— Доброго дня, чэр эр'Картиа. Доброго дня, госпожа, — поприветствовал нас Бласетт. — Вы позволите ваше пальто и ваш плащ?

Он мельком взглянул на мой костюм и заметил:

— Чэр не будет возражать, если я отдам его одежду бездомным? Боюсь, что, когда ее смогут отстирать, ткань все равно не станет прежней.

— Как тебе будет угодно. Госпожа Бэсс погостит у нас какое-то время. Подготовь для нее комнату.

— Будет исполнено, чэр.

— Бэсс, в моем доме ты можешь обходиться без очков. Увидев ее глаза, дворецкий заметно побледнел, но спросил у меня как ни в чем не бывало:

— Где прикажете накрывать завтрак, чэр?

— Во всем полагаюсь на твой вкус. Почему так волновалась Полли?

— Ночной Мясник вновь вышел на охоту прошлой ночью, чэр. Много жертв. Утренняя газета уже у вас на столе.

— Благодарю.

Он важно кивнул и ушел исполнять распоряжения.

— Мне здесь нравится, — сказала Бэсс, оглядываясь по сторонам. — Я тебя не стесню?

— Нет. — Я улыбнулся. — У меня в доме редко бывают гости. Мне приятно.

Она улыбнулась в ответ, сверкнув острыми зубками, и стала разглядывать портреты на стенах:

— Ты похож на своих предков. Только глаза у тебя не алые. Это твой дед?

— Да.

Она кивнула и подошла к следующему портрету:

— Твоя мать, несмотря на то что человек, красавица. А это...

— Мой отец.

Она долго-долго смотрела на изображение, затем спросила:

— Ты хорошо его знал?

— Не так, как бы мне хотелось.

— Наверное, это можно сказать обо всех отцах. — Она грустно улыбнулась и тут же удивленно подняла брови, посмотрев вниз.

По полу семенила вереница из шести представителей маленького народа. Они весело прыгали по густому ворсу ковра, и, судя по тому, что волочили кучу снеди, только что наведались на кухню. Особенно меня позабавили два малыша, тащившие на плечах ногу индейки.

Увидев меня, первый идущий пискнул, сбавил скорость, проходя мимо, поклонился, пропищав какое-то приветствие. Все остальные повторили действие своего товарища, причем парни, тянувшие ногу, не удержали ее на плечах, уронили на ковер, с извинениями подняли и юркнули в коридор. Спустя несколько секунд, догоняя ушедшую вереницу родственников, появилась еще одна малышка.

Она, разинув рот, в ошеломлении уставилась на нас, затем сунула по куску сахара за каждую щеку и, став похожей на лукавого хомяка, просеменила мимо, кося в нашу сторону хитрющими глазами.

— Квартиранты, — стараясь сдерживать улыбку, объяснил я озадаченной Бэсс и повел ее осматривать дом дальше.

Нахождение на земле митмакемов все-таки не прошло для моей гостьи даром, и после позднего завтрака она заснула и продолжала спать уже шесть с лишним часов, когда я, проведенный на ногах целую ночь, проснулся. На улице стемнело, я попросил Бласетта не беспокоить гостью и подавать ужин только для меня. Пока накрывали на стол, я наконец-то добрался до газеты.

— Что там? Что там? — Стэфан не скрывал нетерпения. — Да брось ты свои некрологи, мальчик! Что слышно о Ночном Мяснике?!

— Какой ты нетерпеливый, — сказал я, но внял его мольбам и вернулся к первой странице. — «Террор!» Отличный заголовок, не находишь? «Ночной Мясник вернулся из мрака, чтобы продолжать убивать». Хм... Он вошел во вкус. Шесть трупов. Яма, Соленые сады, Прыг-скок, Холмы, Гетто Два Окна, Пепелок. Этот господин работая всю

ночь не покладая рук. Последнее тело обнаружили уже после рассвета. Собаки взяли след, но потеряли его в Дымке.

— Ничего удивительного. Заводская вонь способна отбить нюх даже у мяурров. Что дальше?

— То же, что и всегда. Его опять упустили. Общественность стоит на ушах. Газеты подняли вой о том, что жандармы зря проедают деньги налогоплательщиков и терпение граждан уже на пределе. Послушай. «Наконец-то наша газета смогла узнать, что за надпись оставляет убийца рядом со своими жертвами. Всего лишь одно слово — „Домой!“. Какой смысл в него вкладывает ночное чудовище, остается только догадываться». О том, что текст написан на старом языке лучэров, корреспондент умалчивает.

— Если он об этом вякнет, ему сразу же открутят голову, а газету прикроют. Власть не желает, чтобы кто-нибудь подумал, что за этим стоят чэры.

— Ого! А вот это уже интересно! Старший инспектор Фарбо отстранен от ведения дела и отправлен в бессрочный отпуск.

— Давно пора.

— Это еще не все. Начальник Скваген-жольца чэр Гвидо эр'Хазеппа подал Князю прошение об отставке.

— Как я и говорил, полетели головы. Жандармы за все это время не добились никаких результатов. О чем ты задумался?

— О пророке. Помнишь, что он сказал? Прольется кровавый дождь. Старик опять оказался прав.

— Прав, но никому от этого не легче.

Я тут же вспомнил ночь, гибель Талера, людей в красных колпаках, мага, а затем Эрин. Она хотела поговорить со мной, но все сложилось неудачно. Оставалось надеяться, что девушка, которой так нужен платок, вновь найдет меня сама.

— Что еще интересного?

Я бегло просмотрел страницы:

— В состав флота, патрулирующего берега Кируса, направлен еще один броненосец и два паровых эсминца. Малозан отозвал послов. Дьюгони требуют внеочередного созыва Комитета по гражданству или угрожают больше не следить за дамбой, раз их считают гражданами второго сорта. Акции нескольких концернов ка-га упали на двадцать три пункта. В университете Кулыштасса запретили несколько студенческих организаций. Дилижанс переехал на мосту Разбитых надежд какую-то старушку. Городской совет собирается ввести новую пошлину на

электричество, чтобы компенсировать пикли их трудозатраты. Палата Семи планирует собраться, чтобы согласовать торговые санкции против Малоэана и стран, которые поддерживают шейха. Хаппопелму ошпарило паром в Пепелке, и она, потеряв от боли разум, убила несколько рабочих. Наша национальная команда в поло проиграла в полуфинале сборной Кохетта.

— В этом мире остались хоть какие-нибудь хорошие вести?! — горестно вскричал амнис.

— Ну, вот мэр принял решение о постройке новой психиатрической клиники взамен сгоревшей два года назад. Потому что душевнобольным нужен определенный уход и содержать их в не приспособленных для этого помещениях больницы Трех Звезд жестоко и неада...

— Чэр эр'Картиа. — Бласетт выглядел несколько оглушенным. — К вам чэра с визитом.

— Чэра? — Я взял визитку, прочитал имя. — Я приму ее. Спустившись вниз, в холл, я увидел Алисию. Она была бледна, и ее зеленые глаза лихорадочно блестели.

— Чэр эр'Картиа... Тиль. Я понимаю, как это выглядит. Знаю, что мой визит к вам без приглашения компрометирует, но поверьте, у меня не было выбора. Я прошу вас выслушать меня!

— Конечно, Алисия, — сказал я, удивленный мольбой в голосе юной девушки. — Пойдемте в гостиную. Желаете чаю?

— Благодарю. Он будет нелишним.

Дворецкий тут же направился на кухню, а я провел девушку в гостиную и предложил сесть на диван. Несколько секунд она собиралась с мыслями, а затем спросила у меня:

— Вы знаете, как умер мой отец?

Я, озадаченный столь странным вопросом, осторожно ответил:

— Насколько я слышал, его убили во время ограбления.

— Верно. Он был профессором в университете Маркаль-штука. Преподавал историю религии и историю Рапгара. Отец погиб в одну из ночей полтора года назад. Тогда воры украли из коллекции, принадлежащей моей матери, несколько древних раритетов.

Голос Алисии прервался, но она набралась сил и, глядя мне прямо в глаза, сказала:

— Чэр эр'Картиа... Тиль... моего отца убил Ночной Мясник.

Я откинулся в кресле, не скрывая своего удивления и печали о том, что этой юной девушке пришлось пережить такую боль, такой ужас и такую утрату. В этот момент появился Бласетт в своем лучшем костюме и

поставил перед девушкой поднос. Налил ей чаю, получил благодарную улыбку и, довольный, удалился.

— Сожалею, — тихо сказал я Алисии.

— Спасибо. — Я увидел в ее бездонных зеленых глазах слезы.

— Как я понимаю, газеты об инциденте не узнали?

— Верно. Это было первое убийство Мясника, и его удалось сохранить в тайне. Даже мне почти ничего не сказали. Чэр Патрик эр'Гиндо дал прямое распоряжение чэру эр'Хазеппе не предавать дело огласке и вести расследование тайно. Мне посоветовали набраться терпения, молчать и ждать. Твердили, что дело государственной важности и об этом никто-никто не должен знать. Спустя два месяца, пришел старший инспектор Грей и сообщил мне, что убийца отца обнаружен и застрелен жандармами...

Она закрыла лицо руками, и мне пришлось продолжить:

— ...а потом газеты написали о «первом» убийстве. Грей солгал вам, надеясь, что вы больше не станете интересоваться этой историей.

Алисия кивнула и продолжила:

— Тогда я пыталась попасть на прием к начальнику Скваген-жольца, но мне отказали. Каждый раз переносили встречу, говорили, что чэр эр'Хазеппа занят. На вечере у Катарини Гальвирр я пыталась побеседовать с Патриком эр'Гиндо. Я уверена, что он в курсе расследования, но чэр даже не захотел со мной разговаривать. На следующий день после вашей дуэли моя экономка нашла под дверью письмо, где мне рекомендовали оставить эту историю. Угрожали. А потом... сегодня... — Она сжала кулаки и опять посмотрела мне прямо в глаза:

— Сегодня, вернувшись домой из салона, я увидела что дверь приоткрыта, а моя старая экономка застрелена. Я услышала, что наверху кто-то есть, и убежала.

— Вы обращались к жандармам? Девушка гневно потрясла головой:

— Нет. Вначале я испугалась, а затем подумала, что мне это мало чем поможет. Не в данной ситуации...

— Но чем могу помочь я, Алисия?

Она с надеждой посмотрела на меня заплаканными глазами:

— Чэр эр'Картия, я прошу вашей защиты и убежища в вашем доме. Хотя бы на время, на тот случай, если меня ищут эти неизвестные. Вы один из немногих, кому я могу доверять в Рапгаре. Вы и Катарина, но она после смерти своего друга уехала из города к себе в поместье, и мне пришлось беспокоить вас. Простите.

Она сильно рисковала своим именем и репутацией, явившись сюда. А

следовательно, у нее действительно не было выбора.

— Вам не за что просить у меня прощения. Мой дом и мои слуги в вашем распоряжении.

— Благодарю вас.

— Думаю, вам понадобится какое-то количество вещей. Составьте, пожалуйста, список всего необходимого, и завтра это будет у вас.

— Вы очень добры.

— Идемте, Алисия. Я покажу вам дом. Доброе утро, Бэсс. Ты, разумеется, знакома с чэрой Алисией эр'Рашэ?

— Конечно. Мы виделись во время твоей дуэли, — сказала рыжеволосая девушка, входя в гостиную. — Рада с вами встретиться вновь, чэра эр'Рашэ.

Лучэра, несколько стушевавшись, посмотрела на мою первую гостью и вежливо, скорее всего чтобы просто не обижать меня, поздоровалась:

— Я тоже... рада.

Низшая в ответ понимающе улыбнулась и спросила у меня:

— Можно оккупировать твою библиотеку, Тиль?

— Она в твоём полном распоряжении.

Бэсс благодарно кивнула и, попрощавшись, ушла прежде, чем я успел спросить ее, как она себя чувствует.

— Она ваш друг?

— Да, — просто ответил я Алисии.

— Никогда еще не видела низшую настолько близко. Там, на Арене, я не знала, кто она такая. Ее глаза пугают.

— Только тех, кто не знает Бэсс. Я готов за нее поручиться.

— О, — улыбнулась девушка. — Я в вашем слове нисколько не сомневаюсь.

Глава 21

СТАРЫЙ ЛИС

Проснувшись, я резко сел в кровати. За окном было еще темно, и я позвал:

— Эстер.

Стафия появилась через несколько секунд, бесшумно пройдя сквозь стену.

— В доме все спокойно?

— Да, чэр, — сказал призрак. — Вас что-то волнует?

— Нет... Нет. Всего лишь сон. Извини.

— Я проверю все помещения. На всякий случай.

Я кивнул, показывая, что отпускаю ее, и она скрылась так же беззвучно, как и появилась. Понимая, что не засну, я встал и повернул выключатель на настольной лампе. Стрелки на часах показывали пять минут шестого.

— Сны? — сонно пробурчал Стэфан, которого разбудил свет.

— Да. Они.

Вначале мне снилась моя одиночная камера и горящая на двери печать Изначального пламени, затем я словно бы проснулся в своей постели, и рядом оказалась Эрин в одной ночной рубашке. Нам было хорошо вместе, хотя после она и пыталась вывести у меня, где я прячу ее платок. Но проснулся я совсем не от этого. Какая-то мысль, ярко оформившаяся во сне, а сейчас выцветшая и почти забытая, не давала мне покоя.

— С днем рождения, мой мальчик.

— Что, уже? Спасибо. — Я не испытывал никакой радости. Еще один год жизни взят взаймы у Двухвостой кошки.

И чем больше их проходит, тем меньше у меня остается. На мой взгляд, в подобных казнях лучэров слишком много от древних пыток. Хотя кое-кто считает за благо знать о том, что умираешь.

Я неспешно оделся, и тут меня озарило. Я понял, что меня разбудило.

— Ты куда?! — заорал Стэфан, когда я выскочил из спальни.

Я сбегал в кабинет, нашел «Время Рапгара» на том же месте, где его оставил вчера, и, вернувшись в спальню, сказал амнису:

— Слушай! «Вчера многоуважаемый мэр подписал указ о постройке новой психиатрической клиники». Так, дальше пустая патока о том, как это

важно для граждан и города. Вот! «Напомним нашим читателям, что клиника Святого Лира сгорела более двух лет назад, глубокой ночью при загадочных обстоятельствах. В том пожаре погибло двести сорок человек, в том числе двадцать шесть врачей и санитаров. Около пятидесяти пациентов удалось спасти. Еще шестеро числятся пропавшими без вести. По версии Скваген-жольца, лечебница, получившая у горожан страшное прозвище Безумный уголек, уничтожена в результате умело запланированного поджога». Понимаешь?!

— Чего уж тут не понять? — Его совершенно не заразил мой энтузиазм. — Сгорела сотня психов, да еще и давно. Подумаешь, сенсация!

— А что ты скажешь о пророке?

— Еще один псих.

— В точку! — воскликнул я. — Помнишь, что он тогда бормотал? Что он жил с Ночным Мясником многие годы! Что хотел освободиться от его компании! И что свободу ему дало пламя, о чем теперь он так жалеет! Все сходится!

— Ничего не сходится, Тиль!

— Да послушай же ты! И пророк, и убийца были пациентами Безумного уголька! Они жили в одной палате! А затем старик устроил поджог! И они — из тех немногих, кто смог сбежать! Когда сгорела клиника?

— Когда ты еще сидел в тюрьме.

— Верно! И почти сразу же после пожара погиб отец Алисии! Произошло первое убийство! Псих вырвался на волю и устроил резню!

— Ну... да. Похоже на правду, — неохотно признал Стэфан. — Звучит, во всяком случае, вполне складно. И что ты намерен делать? Сообщить информацию в Скваген-жольц?

— Разумеется. Но чуть позже. Вначале я хочу поговорить с тем, кто хорошо знал клинику Святого Лира.

Возникло подозрительное недолгое молчание:

— Ты меня удивляешь, — ровным голосом произнес амнис — Неужели все-таки решил побеседовать со своим дядюшкой?

— Он состоял в попечительском совете еще до того, как возглавил Палату Семи. И может располагать нужными сведениями.

— Я знаю, что ты все равно сделаешь по-своему, но хочу на всякий случай тебя предупредить — история с Мясником опасна. Тебя уже таскали из-за нее в Скваген-жольц, а Фарбо вообще держит под подозрением.

— Фарбо теперь не ведет это дело, — отмахнулся я от него.

— Ты думаешь, что другой инспектор будет лучше?

Я в ответ лишь пожал плечами, и он поинтересовался:

— Когда ты собираешься нанести визит брату своего отца?

— Прямо сейчас.

— Сейчас?! Да за окном еще темень! Все спят!

— Ерунда. Трамваи уже ходят. А старик, насколько я его знаю, еще, наверное, и не ложился.

В гостиной я застал Бэсс. Она куталась в мой халат, который оказался ей слишком велик, пила крепкий кофе и поглощала сэндвичи с вареным яйцом, паштетом, салатом, креветками и майонезом.

— Доброе утро.

— Привет, Бэсс. Как себя чувствуешь?

— Спасибо. Великолепно. Твоя кухарка просто чудо. Где ты ее нашел?

— Она служила моему отцу. Полли великолепно готовит даже такие простые блюда, как сэндвичи.

— Доброе утро, чэр, — сказал Бласетт, входя в комнату вместе с Шафьей. — Желаете легкий завтрак?

— То же, что и Бэсс, Бласетт. И если на кухне остался маринованный лосось в сметане, то с радостью его увижу в своей тарелке.

— Мы бы хотели поздравить вас с днем рождения, саил, — сказала магарка.

— Спасибо, Шафья. — Я не мог не улыбнуться.

— У тебя сегодня день рождения?! — удивилась Бэсс, когда слуги вышли. — Ну вот! А у меня даже подарка нет...

— Он совершенно ни к чему. Ты давно встала?

— Наверное, с час, — сказала она, задумчиво нахмутив лоб. — Сегодня, в виде исключения, я решила побыть жаворонком. Твоя служанка оказалась добра ко мне, к тому же без всякого страха относится к низшим.

— Шафья особенная.

— Я заметила. Она очень красива.

— И это тоже правда.

Мы позавтракали, почти не разговаривая друг с другом, и только когда я опустошил тарелку, девушка задала мучивший ее вопрос:

— Ты места себе не находишь. Куда-то собрался?

— Следует срочно навестить одного родственника.

— Я с тобой, если, конечно, ты не возражаешь. — Рыжая допила кофе.

— Не возражаю, — после некоторого колебания сказал я, попросту не желая с ней спорить.

— Вот и чудесно! — обрадовалась девушка. — Если я тебя отпущу одного, Данте устроит мне нагоняй. Я обещала ему глаз с тебя не спускать.

— Порой он выглядит куда более заботливым, чем есть на самом деле.

— Ты его плохо знаешь. Данте всегда старается заботиться о своих друзьях. Впрочем, я не хотела бы, чтобы ты считал меня чем-то вроде телохранителя. Это не так. К тому же я предпочитаю быть всего лишь верной помощницей.

— И прекрасной спутницей. Я буду ждать тебя в холле.

Трамвай был похож на железного волка, рассекающего предрассветный сумрак пробуждающегося города. Освещая дорогу с помощью мощного фонаря, он скользил по рельсам, гулко стуча многочисленными колесами, и его звонок дребезжал на поворотах, распугивая побледневшие ночные тени.

Кроме меня и Бэсс, в вагоне никого не было (если, конечно, не считать вагоновожатую ка-га). Даже маленький народец не спешил кататься на крыше. Низшая подняла воротник своего пальто, закрыла глаза темными очками и распустила рыжие волосы, которые волнами рассыпались по ее плечам.

— Погода изменится. Сегодня последний теплый день, — неожиданно сказала девушка.

— Не страшно, — отозвался я, глядя в окно. — Зима ничуть не хуже лета. Снег этому городу не повредит.

— У чэры неприятности? Поэтому она в твоём доме? Когда мы уходили, Алисия ещё спала.

— Верно.

— Интересная девушка. Красивый цветок, внутри которого стальной стержень.

— Тебе она не понравилась? — Я с любопытством посмотрел на Бэсс.

— С чего ты взял? Просто я к ней осталась равнодушна. Мы... люди, — она усмехнулась, смакуя это слово, — разного круга. Она благородная чэра, я ничуть не лучше прокаженной. Плод связи страшного демона и неразборчивого лучэра. В обычной ситуации мы никогда бы не встретились и не заговорили. Мы чужие друг другу. Уверена, что она бы даже общаться со мной не стала, не будь гостьей в твоём доме. Социальные нормы никогда не позволят нам сблизиться и стать хотя бы знакомыми.

— Но ведь я с тобой общаюсь.

Она невесело рассмеялась и похлопала меня по руке:

— Просто ты, в отличие от многих других, уникальная и противоречивая личность, Пересмешник.

Мне было странно слышать такое, и я, ничего не сказав, вновь отвернулся к окну. Трамвай мчался по Небесам, не останавливаясь на

пустых остановках, миновал улицу, где находился дом Данте, казармы гвардии и свернул в кварталы и улочки. Я приподнялся, дернул за шнурок, дав сигнал вагоновожатой остановиться на следующей остановке.

— Мы ведь направляемся не в Темный уголок? — внезапно спросила Бэсс.

— Тебя это беспокоит? — удивился я.

— Этот родственник... твой дядюшка? Бывший глава Палаты Семи? — вместо ответа она задавала вопросы.

— Ты очень осведомленная девушка.

— Данте мне как-то рассказывал о нем. Нет. Меня не беспокоит Темный уголок. Скорее интригует. Я там никогда не была.

— В общем, ты не много потеряла.

— Правду говорят, что он опаснее Города-куда-не-войти-не-выйти? — Трамвай начал замедлять ход, и она встала, взявшись за поручень.

— Не думаю. Уголок, если не считать конечно же Места, вполне безопасный район. Просто не стоит соваться в некоторые подворотни в западной части острова.

Я распахнул дверь, когда трамвай остановился, протянул Бэсс руку, помогая спуститься по ступенькам.

— Я думала, туда пускают только лучэров.

— Так было раньше, сейчас может попасть любой желающий, но таких обычно не находится.

Мы прошли маленькую улочку насквозь и оказались на закованной в гранит набережной. Узкий пролив отделял остров Нелюбимый от Небес, и лишь небольшой горбатый мост связывал их берега. Он был кованый, черный, ребристый, похожий на позвоночник неизвестного науке животного. Мост гремел под нашими ногами и тревожил гулками звуками сонную, неспешную морскую воду.

Темный уголок — это две параллельные друг другу улицы, сжатые с двух сторон древними особняками. Их крыши покрыты черной черепицей и украшены многочисленными шпилями и горгульями, а часть окон давно заколочена. Каждая чистокровная семья лучэров, ведущая свой род от момента создания Всеединым, считает крайне важным владеть собственным домом в этом безлюдном месте. Цены на недвижимость в Тёмном уголке много выше, чем в Золотых полях.

Дома покупают, но мало кто здесь живет. Предпочитают менее пустынные улицы, и количество жителей Темного уголка не превышает пары десятков чэров, в основном стариков из числа благородных. Все они проживают на дальней от моста улице.

Наш же путь шел по ее сестре. Она называлась Дорога к Сгоревшим душам и тянулась через весь остров, заканчиваясь на западе точкой, лаконично называемой Местом. Там, по легендам и свидетельствам всех канонических источников, в мир пришел и ушел Всеединый. Соответственно, если кому-то не терпится оказаться в Изначальном пламени, Место — самый лучший и самый быстрый способ туда попасть. Зашедшие на маленькую площадь, окруженную со всех сторон безучастными домами, назад обычно не возвращаются.

Мы шли мимо нависающих над мостовой домов с грязными стеклами, запертыми дверями, заросшими высохшим плющом стенами и проржавевшими оградами. Со всех сторон на нас смотрели уродливые, раскрывающие зубастые пасти крылатые статуи — символичное изображение сгоревших душ.

Я вновь вспомнил старину Талера. Он пару раз приходил сюда на экскурсию. Его всегда тянуло хотя бы одним глазком взглянуть на Место, но каждый раз благоразумие брало в нем верх над безрассудством.

Несмотря на запустение, мостовая была удивительно чистой, словно ее каждый день подметают несколько дворников, хотя это и не так.

— На этой улице вообще кто-нибудь живет? — Бэсс с интересом смотрела по сторонам.

— Двое. Вон в том особняке — палач лучэров, Влад. И мой дядюшка, в самом последнем доме.

— Влад? Тот, что казнил тебя? — Да.

— Я видела его на твоём суде. — Она поймала мой удивленный взгляд и с деланой небрежностью пожала плечами: — Была там вместе с Данте, просто ты меня не заметил.

Мы прошли улицу насквозь и оказались в тупике. Прямо перед нами возвышался узкий трехэтажный дом. В одном из окон, несмотря на то что уже рассвело, горел свет.

Я колебался некоторое время, а затем, взявшись за позеленевший от времени бронзовый молоток, постучал в дверь. Стук неприятным эхом разнесся по пустой узкой улице.

— Место находится за этим домом? — тихо спросила меня Бэсс.

— Да. Очень давно площадь окружили домами, и только Всеединый знает, каким количеством строителей для этого пришлось пожертвовать. Входа с улицы на нее нет. Хотя раньше был проход через ворота старой ратуши, она находится напротив, но ее давным-давно закрыли, а двери заложили от греха подальше. Так что теперь попасть на площадь можно только сквозным путем. Прямоком через дом.

Дверь тем временем распахнулась, и тонкая костлявая женщина с потемневшим лицом и спутанными седоватыми волосами произнесла:

— Хозяин ждет вас, чэр.

Я прошел мимо стафии в узкую прихожую, где над серебряным зеркалом висело несколько шариков магического света, а в стойке для зонтов паук свил себе замечательную паутину. На вешалке висели старые пальто и шляпы, а возле лестницы бежали в обратном направлении рубиновые стрелки больших настенных часов. Их янтарный маятник с громким щелканьем метался из стороны в сторону, наполняя старый дом знакомым мне еще с детства звуком.

Короткая лестница, всего двенадцать ступеней, вела вверх, в длинную галерею, где висели отлично сохранившиеся и совершенно не потускневшие за столетия портреты лучэ-ров из рода эр'Картиа.

— Думаю, мне стоит подождать здесь, — прошептала Бэсс. Было похоже, что дом в темно-серых, мрачных тонах наводил гнетущее впечатление даже на нее.

— Не слишком разумно. Стафия дядюшки совсем выжила из ума, и у нее плохо с памятью. Меня она не тронет, чувствует кровь, а вот насчет тебя не уверен... если она забудет, что впустила гостью, то будет очень-очень неприятно. Подождешь в приемной. Там безопасно.

— Тогда лучше пойдем туда. Со стафией мне не справиться. Это кажется, или дом внутри больше, чем снаружи?

— Его строил мой предок, говорят, очень хороший маг. Это фамильный особняк, отошедший старшему из братьев по праву наследования. Так что здесь полно разнообразных сюрпризов, в том числе и с искривлением пространства.

— И он... всегда был таким... мрачным?

Она решила не использовать слова «пыльный» и «запустевший».

— Ну основная его часть — да. Это отваживает лишних гостей, знаешь ли. Во всяком случае, так считали раньше, когда здесь еще жили соседи. А теперь просто никто ничего не стал менять. — Я распахнул не приметную дверь, пропустил Бэсс вперед, и она начала первой подниматься по лестнице. — Найра!

Седовласая стафия появилась из стены:

— Да, чэр?

— Твой хозяин в кабинете?

— Да. Я ведь уже вам сказала.

Я не зря говорил Бэсс, что у призрака, который немного выжил из ума от старости, не все ладно с памятью.

— Здесь много лестниц и дверей. Можно заблудиться, — сказала девушка, когда стафия исчезла.

— Раньше роды чэров достаточно серьезно враждовали друг с другом. Часть чистокровных пыталась сместить семью Князя, часть поддерживала. Да и между собой семьи не слишком-то ладили. Тогда многие погибли. Этот дом на какое-то время должен был обезопасить своих хозяев, если враги ворвутся сюда. Ты права, здесь настоящий лабиринт, и так просто дорогу не найдешь. То, что ты сейчас видишь, — еще цветочки. Дом чувствует мою кровь и сам подсказывает дорогу, если так можно выразиться. Направо, пожалуйста. Да. Теперь вниз по лестнице. Пуси меня вперед.

— То есть ты хочешь сказать, что особняк — разумное существо?

Я задумался над этим, провел ее через несколько темных комнат, где мебель была укрыта посеревшими чехлами, защищавшими ее от пыли, и наконец сказал:

— Если честно, мне такая мысль никогда не приходила в голову. Я считал, то, что он делает, совершенно естественным. В этих стенах полно волшебства. А за стенами — Место. Так что ничего удивительного, если старое семейное гнездо обладает некоторой долей разума.

Очередная дверь, и разительная перемена — чистые светлые комнаты, новая мебель, запах дерева и моря. Широкая лестница с алым малозанским ковром, огромная хрустальная люстра под потолком, спящий в углу старый волкодав. Услышав нас, он поднял лохматую голову, посмотрел подслеповатыми глазами, потянул носом воздух, узнал меня и в качестве жеста доброй воли едва заметно пошевелил хвостом.

Я привел Бэсс в круглую приемную, потолок которой был сложен в мозаику из кристаллов разных оттенков синего, голубого, бирюзового и кобальтового.

— Подожди, пожалуйста, здесь.

Вновь появилась стафия, тяжелым взглядом посмотрела на девушку:

— Она с вами, чэр?

— Да. Она гостья.

Призрак неохотно кивнул и скрылся в книжном шкафу. Убедившись, что Бэсс ничего не угрожает, я со стучащим сердцем распахнул дверь в кабинет дядюшки.

Мы не слишком хорошо расстались. После того как меня обвинили в убийстве, брат моего отца оказался меж двух огней. Он пытался одновременно спасти и свое место в Палате Семи, и меня. В итоге потерял и то и другое. Тогда, после решения Палаты насчет моей дальнейшей

участи, меня пригласили лишь на оглашение приговора, и, каюсь, я наговорил Старому Лису много такого, о чем до сих пор жалею.

Много позже Данте сказал, что дядюшка — единственный, кто не голосовал за казнь. И за то, что он не поддержал негласный приказ Князя, последний заставил его уйти. Я был молод и глуп и, несколько лет пребывая в заточении, искренне считал, что родственник предал меня. Что он мог повлиять на Палату, мог попытаться поговорить с Князем, который тогда доверял ему, мог попросить Гвидо эр'Хазеппу провести еще одно расследование. Мог, но не приложил к этому никаких усилий, потому что важнее для него была власть, его должность, его игры и подковерная грызня с извечными соперниками — Патриком эр'Гиндо, Мишелем эр'Кассо и Фионой эр'Бархен.

Разумеется, одиночное заключение и бесконечные размышления заставили меня изменить свое мнение о том, что тогда произошло на суде. Когда я оказался на свободе, то поступил, как было должно: навестил старика и попросил прощения, но разговора как такового не получилось, хотя мои извинения были приняты. После той встречи больше мы не общались, лишь несколько раз обменялись письмами.

Впрочем, ничего удивительного — мы и раньше никогда не были близки. Нас связывала лишь память общей крови.

Дядюшка сидел в кресле, на столике перед ним лежала потухшая трубка и кисет с табаком. Он смотрел в бесконечную ночь Места за распахнутым окном. На старике был темно-бордовый бархатный длиннополый халат, под которым виднелась белоснежная сорочка и клетчатый шейный платок.

— Я слышал, ты бросил играть, Тиль. Слухи не врут? — сказал он мне вместо приветствия, даже не потрудившись встать с кресла.

— Не врут.

— Похвально. — Родственник одобрительно кивнул. — Садись. Не стой на пороге. Ты не частый гость в моем доме. Что-то случилось?

Я какое-то время рассматривал серебристо-рыжую лисью морду, острые зубы, большие уши и алые глаза чистокровного лучэра. Дядю называют Лисом не только за его хитрость, мудрость и изворотливость. Его Облик — лис, и он пребывает в нем большую часть своей сознательной жизни. Лично я с трудом вспомню, как он выглядит на самом деле. За всю жизнь в «костюме» лучэра я видел его от силы раз пять.

Меня несколько не смущало разговаривать с большим лисом, облаченным в человеческую одежду и курящим трубку, но отец рассказывал, что многие чувствовали себя неловко, словно с ними вдруг

заговорил рояль или же сгоревшая душа.

— Много чего случилось. И я пришел просить твоей помощи.

Он прикрыл глаза. Затем, помолчав, снова поднял веки:

— Долго же ты шел ко мне. Я слышал, что ты влез в очередные неприятности и тебя обвиняли в убийстве скваген-жольцской мрази... как его там... Грея. Хорошо, что на этот раз эр'Хазеппа придержал своих тупоумных работников. Налить тебе виски?

— Благодарю, не сегодня.

Он мелко рассмеялся, потер руки:

— Ты сильно изменился. Наверное, многие говорят об этом теперь?

— Да. — Я, зная его характер, ждал, когда он сам заговорит о том, что меня привело сюда.

— И неудивительно. Стал выдержаннее. Жестче. Ты прошлый никогда бы не довел никакого дела до конца и уж тем более не нашел бы пророка, которого обыскали и синие, и серые, и алые.

Мне оставалось лишь в который раз подивиться его осведомленности. Пусть дядюшка давно уже не глава Палаты Семи, но с его мнением до сих пор еще считаются в определенных кругах и не гнушаются делиться интересными новостями.

— С тобой пришла юная леди. Представишь меня ей?

— Она низшая. — Я сразу расставил точки, чтобы исключить возможное непонимание и не слишком благожелательное отношение.

— Меня подобной характеристикой давно уже не удивишь.

Я пригласил Бэсс войти, представил их друг другу. Рыжеволосая не показала вида, что удивлена необычной внешностью моего родича. Тот встал, подошел к ней, и мне показалось, что он хочет взять ее за подбородок, чтобы лучше рассмотреть лицо.

Бэсс сделала шаг назад и посмотрела на Лиса с плохо скрываемым вызовом. Тот усмехнулся и с каким-то странным выражением сказал:

— Кто бы мог подумать, что память крови настолько сильна, девочка. Крадущая детей — твоя мать?

— Да.

— Так я и подозревал. Присаживайся в свободное кресло. Налить тебе что-нибудь выпить? Тиль! Не подходи к окну!

Старик всегда очень нервничает, когда я начинаю проявлять излишнее любопытство. Он считает, что стоит мне высунуть нос в окно, так меня сразу же сцапает если не Всеединный, то какая-нибудь сгоревшая душа.

Хотя на пустой круглой площади, окруженной домами с забитыми окнами и заколоченными дверями, никогда никого нет и всегда царит ночь.

— Там появился обелиск, — озадаченно сказал я.
— Он уже лет десять как поставлен, — проворчал Старый Лис.
— Кем поставлен?
— Не имею ни малейшего понятия. Хотите выпить, юная леди?
— Нет. Спасибо. С вашего позволения, я подожду Тиля в приемной.
— Как вам угодно. — Его нисколько не удивил ее отказ. — Было приятно увидеть вас, юная леди.

Она сухо попрощалась и вышла, плотно притворив за собой дверь.

— Скромная девушка, несмотря на то что низшая, — сказал дядя, хотя я видел по глазам, что его мысли сейчас блуждают очень далеко отсюда. — Кто она тебе, Тиль?

— Хороший друг.

— Друг... — Он посмаковал это слово и начал чистить трубку. — Хорошо. Пусть так и остается. Дружба с низшей — это не так уж и плохо. Впрочем, я отвлекся от главного. Рассказывай.

Мне потребовалось больше часа, чтобы он узнал историю, начавшуюся с момента «Девятого скорого». Он сидел с закрытыми глазами, словно спал, но его выдавали лисьи уши, ловившие каждое мое слово.

Когда я завершил рассказ, за распахнутым окном все так же властвовала бесконечная ночь.

— Начнем с самого элементарного, — не открывая глаз, протянул дядюшка и усмехнулся: — Если все затеяно ради той девчонки, которая так вскружила тебе голову, то... тебе следует ждать, а не нестись вперед сломя голову. Раз ты ей нужен — она придет.

— Все гораздо сложнее, — отдельно произнес я. — За эти недели многое изменилось. Эрин оказалась лишь маленьким звеном в этой истории. Она связана с Носящими красные колпаки, те с пророком, а пророк с Ночным Мясником. Убит мой друг, и я хочу докопаться до истины.

— В одиночку? — Он презрительно клацнул зубами. — Ты вообще считаешь разумным утаивать важную информацию от Скваген-жольца?

— В тебе говорит чэр, долго работавший на правительство.

— Я и был этим правительством! И знаю, о чем говорю.

— Представь себе, шесть недавних лет заставили меня относиться к Скваген-жольцу в гораздо более пренебрежительном ключе, чем раньше.

— Среди них есть нормальные и честные сотрудники.

— Охотно верю. Но, к сожалению, мне они как-то не попадались. Впрочем, ты прав, — не стал спорить я. — Поговорю с кем-нибудь из жандармов. Как только уйду от тебя. Обещаю.

— Нет уж! Нет! — Он встал, взметнув хвостом воздух. — Ты хотя бы представляешь, что сейчас происходит в городе?! После убийства эр'Дви началась настоящая охота на ведьм. Идут повальные аресты. Мои источники говорят, что «Сел и Вышел» уже трещит по швам. Князь дал серым карт-бланш, и они имеют право проверять и задерживать всех, даже благородных. У тебя будет масса неприятностей. Так что теперь не дергайся. Я знаю, кому и что сказать. Передам твою историю. Ладно! Ладно! Про эту Эрин говорить ничего не буду, раз ты так хочешь. Вряд ли она поможет поймать Ночного Мясника.

Я не стал указывать ему на противоречие, когда он только что, не больше минуты назад, пенял мне, что я не бегу с новостями к жандармам, и тут же предупреждает, чтобы я этого не делал.

— Кто говорит о Ночном Мяснике? — Мне вдруг почудилось, что я слышу доносящееся с улицы пение, и, внезапно почувствовав себя неуютно, я постарался больше не смотреть в окно. — Эрин способна помочь лишь с Носящими красные колпаки.

Дядюшка желчно рассмеялся:

— Держи карман шире! Иногда мне начинает казаться, что мой племянник идиот.

Я почувствовал, как Анхель мгновенно взбеленилась, но я, зная характер родственника, даже и ухом не повел:

— Спасибо за откровенность.

Он кивнул, принимая благодарность как данность:

— Впрочем, чего с тебя взять? Ты столько лет был оторван от мира, многое пропустил. Политикой интересуешься мало, а тем, что политика скрывает, еще меньше. Все новости узнаешь, как я понимаю, из этих газетенки, которым нельзя верить так же, как скангерам из помойки. Мое мнение насчет Носящих красные колпаки очень простое — серые жандармы ловят призрака, который давным-давно развеялся по ветру.

Я нахмурился:

— Что ты хочешь сказать?

— То же самое, что сказал эр'Хазеппе и другим чэрам, хоть они и не пожелали слушать выжившего из ума старика. Ты знаешь историю Колпаков? Те цели, которые они преследуют?

— В общих чертах.

— Они собрались из лучэров. В противовес Свидетелям крови Багряной леди. Но не для того, чтобы с ней бороться. Нет. Преследовать противоположные интересы. Багряная леди хочет если не уничтожения нашего народа, то хотя бы равенства, хотя куда уж больше! И так все

равны!

— О равенстве я слышу впервые. Проповедники секты, прежде чем их успевают заткнуть, орут о том, что лучэры поработили всех остальных, что мы — отродье тьмы и нас следует утопить в море.

Он согласно кивнул:

— Носящие красные колпаки видят проблему несколько иначе. Мы, лучэры, — избраны Всеединым и должны нести праведность, закон и порядок в массы. Осчастливить более темные народы, даже если они сами не понимают своего счастья.

— Мне казалось, что у этой секты куда более примитивные цели — укрепить власть лучэров, а всех остальных бросить в навозную яму, — возразил я ему.

— Это эволюция их стремлений. Но первоначально об этом не думалось. Или не афишировалось для общественности. Но довольно быстро, меньше чем за полгода, Носящие красные колпаки пришли к подобным мыслям. Раньше их еще худо-бедно терпели, но после смены курса политических взглядов тут же объявили запрещенными и взяли под плотный контроль со стороны Скваген-жольца. Туда много кто попал, хотя секта никогда не превышала тридцати — сорока членов. В основном в ней находились лучэры, считающие другие народы менее важными для исторической действительности.

— Мне говорили, что среди них оказалось какое-то количество молодежи. Студенчества. В том числе и из уважаемых фамилий.

— Верно. Поэтому на секту какое-то время смотрели закрыв глаза. Дети перебесятся и успокоятся, считали некоторые. Так и случилось, кстати говоря. Самые умные, поняв, что игры закончились и дело пахнет серьезной кровью, быстренько ушли из Колпаков. Еще какую-то часть вытащили за шкуру родители. Из серьезных и влиятельных чэров, которые тоже сочувствовали этой организации, почти все разбежались. Одно дело думать и, в крайнем случае, говорить. Совсем другое — перешагивать черту закона. Остались лишь самые безнадёжные, идейные и ненормальные. Не побоюсь этого слова — отбросы нашего племени. Они-то и устроили заваруху, после которой обыватели узнали, что есть такая секта — Носящие красные колпаки. До этого о подобной организации слышали лишь осведомленные господа из серого отдела, и она ничем не выделялась из двух десятков других.

Дядюшка потянул носом осенний воздух и, поколебавшись, закрыл окно.

— Обновленные Колпаки решили, что разговорами, лозунгами и

мазаньем стен мало чего добьешься. Чтобы испугать Иных — требуется перейти к решительным действиям. Устроить показательный террор. Далее последовал взрыв на Центральном вокзале, попытка захватить цеппелин, несколько убийств в районах Иных, в том числе и уважаемых членов общества, находящихся на службе в городской управе, а также армии. Довольно быстро эти кровожадные господа оказались загнаны в глубокое подполье и внезапно прозрели. До них наконец-то дошло, что власть в лице благородных чэров совсем не рада происходящему. Что она не поддерживает их, а лучэры не выходят на улицу с оружием и не пытаются утопить младшие народы в крови. Их следующим умозаключением было желание уничтожить предателей крови. И вот тогда Носящие красные колпаки перестали существовать.

— Я помню. Их перебили. Как считалось, всех до единого.

Стэфан одобрительно пробурчал что-то. Он тогда очень интересовался этой историей.

— Так и есть. Реверансы остались в прошлом. Серый отдел сработал грамотно и абсолютно безжалостно. Облавы прошли по всему городу. Уничтожили несколько боевых ячеек, в том числе и командиров, провели аресты, посадили под замок сочувствующих, еще нескольких, самых безобидных, отправили на рудники. Еще раз хочу обратить твое внимание — Носящих красные колпаки раскатали в лепешку, и от них осталась только память.

Он посмотрел на меня, ожидая, когда я переварю информацию, но я продолжал молчать, давая ему завершить историю. Старый Лис тяжело вздохнул и сказал:

— Скваген-жольцу запудрили мозги. Я видел доклад, который лег на стол Князю какое-то время назад. Секты больше не существует.

— Они считают, что руководители уцелели и сформировали новую боевую ячейку.

— Все так считают, — проворчал он. — Кроме меня.

— На это есть причины?

— Знаешь, кто был главой Носящих колпаки, когда они только собрались? Чэра Фиона эр'Бархен.

Я удивленно присвистнул.

— Но она достаточно быстро поняла, что не может управлять теми, кто настроен действительно решительно. Ей хватило ума догадаться, что еще немного, и паровоз, который она создала, переедет ее. Поэтому эр'Бархен пошла сразу к Князю, объяснила, что преследовала лишь интересы нашего народа и не желала, чтобы пострадал хоть кто-то. —

Дядюшка внезапно сменил Облик, став седовласым широкоплечим мужчиной, лицо которого густо заросло бородой. — Она всегда была скользкой и изворотливой змеей. Ей удалось оправдаться и даже сохранить своей пост в Палате Семи, хотя в Академии Доблести Фиона власть потеряла, и ей пришлось уйти на вторые роли. Важно другое — она рассказала эр'Дви обо всех, кто состоял в Колпаках после того, как они встали на путь террора. Слышишь, Тиль? Обо всех. Поэтому я и уверен, что серому отделу удалось уничтожить Носящих красные колпаки.

— Но ведь эр'Дви не наивный мальчик. Он должен был знать то же самое, что и ты. И в то же время считал, что часть преступников выжила. Он сам мне говорил об этом.

— Не спорю. Но вспомни вот о чем. Те, кто напал на тебя. Те, кто убил пророка. Те, кто пришел в твой дом. Те, кто пытался похитить эту девчонку. Среди них были лучэры?

— Нет. Только люди.

— Так я и думал... Носящие красные колпаки защищали интересы лучэров и целиком и полностью состояли из лучэров. Никаких людей, мяурров или же фиосс. Разумеется, это закрытая информация и в газетах ты ее никогда не найдешь. Правительство не желает, чтобы обыватели знали, что среди благородных чэров тоже есть свои отщепенцы и не согласные с действием правительства.

— Они могли изменить правила, если никого не осталось, — высказал я предположение.

— Не могли. Это не подходило под их доктрину консерваторов и борцов за чистую кровь. Только не люди. Для них это самые ненадежные и нестабильные союзники. Я хочу лишь сказать, что старые Носящие красные колпаки мертвы, а эти, новые, прикрылись грозным именем, чтобы многие, например, такие, как ты, не искали первопричину их делишек.

— Считаешь, что серый отдел Скваген-жольца этого не знает? — с иронией спросил я.

— Отчего же не знает? Они ведь не дураки. Но не понимаю, почему эр'Дви должен был тебе что-то рассказывать. Особенно если это касается истинных дел в городе. Ведь ты тоже был с ним не совсем откровенен. История о выживших членах террористической организации показалась ему более правильной, чем истина.

— А истина в чем?

Он посмотрел на меня тяжелым, пронизывающим взглядом:

— Истина в том, племянник, что эр'Дви мертв, в Рапгаре происходит непонятно что, Ночной Мясник на улице, какие-то ублюдки в натянутых на

лицо красных масках ищут какую-то девчонку, которая была секретарем у какого-то чиновника и украла у него какой-то очень ценный предмет.

Я ничего не рассказал ему про платок, считая, что это лишь моя тайна. Моя и Эрин.

— То есть ты признаешь, что не знаешь, что творится?

— Какой ты догадливый, — проворчал он. — Я знаю, что в последнее время серый отдел стоит на ушах, пытаюсь разгадать то ли заговор, то ли грядущий теракт. Но это все, что мне известно. Я давно уже не в Палате Семи, и *такую* информацию мне не считают нужным сообщать. Просто помни: если ты глубоко залезешь в болото, то можешь и не вылезти. И, разумеется, не ищи Красных колпаков, чтобы обнаружить девчонку. Их нет.

Старый Лис взглянул на часы, достал бумагу и взялся за перо:

— Накидаю записку для Скваген-жольца, пока мы разговариваем. Пусть поднимут информацию по сумасшедшим, живущим в городе. Давай пока вернемся к случившемуся с тобой. Ты изначально неправильно начал поиск. Господа с пистолетами и красными тряпками на морде — мелкая шушера. Обычные граждане, которых не отличить в толпе. Следует бить по магу. Изначальных волшебников не так много, как обывателей. Я говорил с эр'Хазеппой, они проверили Академию Доблести, но ничего не смогли найти. Следовательно, одно из двух. Либо этого парня давно считали мертвым, либо ищут не там, где нужно. Скваген-жольц сейчас трясет всех, кто хоть как-то связан в Рапгаре с волшебством. Даже шарлатанов. Но пока безуспешно.

— Меня не интересует маг, дядя. Да и Красные колпаки по большому счету тоже. Я пришел из-за Безумного уголька. Ты что-нибудь знаешь об этом пожаре?

— То же, что и все. Пожар случился ночью, здание было старым, огонь начал распространяться по перекрытиям. Когда все очнулись, клиника была охвачена пламенем. Куча трупов. Мало кого удалось опознать. Конец истории.

— Но ты же был в совете попечителей!

— И что?! — фыркнул он. — Я давал деньги на благотворительность, чтобы получить скидку по налогам. Иногда приходил на собрания, где опять же давал деньги. Я не лез в управление больницей и, когда она сгорела, извини за цинизм, стал помогать университету Маркальштука.

— Ты же учился в Кульштассе!

— И что с того? Нынешний ректор большой идиот, и улучшать его финансирование не в моих интересах!

— Сколько умалишенных выжило при пожаре?

— Немного. Почти всех переловили жандармы в течение первой половины дня после побега. Это было не очень сложно с учетом того, что больные носились по Рапгару в пижамах. — Он рассмеялся и добавил: — Твоя идея о пророке и Ночном Мяснике, которые сидели в одной камере, имеет право на жизнь. Скажу даже больше — она хороша. Но подтвердить или опровергнуть ее я не в силах. Огонь, знаешь ли, безжалостен. Кроме пациентов и врачей сгорела вся документация. Извини, что я ничем не могу тебе помочь.

Я чувствовал глубокое разочарование, но докучал ему вопросами еще минут десять, прежде чем окончательно сдался. Он вновь принял Облик и, небывалый случай, отправился меня провожать, аргументировав это тем, что не желает, чтобы мы ошиблись дверью и вышли вместо улицы на площадь.

Бэсс терпеливо дожидалась нас в приемной с книжкой в руке, взятой с ближайшей полки. Дядя, который терпеть не может, когда без разрешения трогают его вещи, а особенно книги, на этот раз удивительным образом промолчал.

Старый Лис повел нас совсем иной дорогой, через светлые, чистые комнаты, в которых едва уловимо пахло свечами и в многочисленных цветочных горшках росло множество комнатных растений. На обеденном столе, придавленная по краям бронзовыми подсвечниками, лежала карта города. В нее были воткнуты алые булавки.

— Это что? — полюбопытствовал я.

Он проследил за моим взглядом, неловко улыбнулся:

— Деяния Ночного Мясника. Теория вероятностей тропает в действии. Отмечаю места, где произошли убийства, и пытаюсь угадать, где произойдет следующее. В клубе «Шесть четверок», который ты теперь так успешно игнорируешь, этим занимается большинство членов. Уже давно делаются крупные ставки.

Я поморщился. Как это похоже на наше высшее общество — играть на крови и считать, что их-то это никак не коснется.

Глава 22

КНЯЗЬ И НАЧАЛЬНИК

— Ты узнал все, что хотел? — спросила меня Бэсс, когда мы уже подходили к мосту через канал.

— Нет. К сожалению, нет.

— Жаль. И что теперь?

— Поедем домой.

Она кивнула и поинтересовалась:

— Тебя не напрягает, что я живу в твоём доме?

— Мне приятно, что ты моя гостья. — Я нисколько не кривил душой.

Мне досталась обворожительная улыбка, которую не портили даже острые зубки.

— Чаще всего я жила у Данте.

— Правда? — изумился я. — Раньше никогда там тебя не видел.

Она скорчила рожицу:

— Он не считал нужным нас знакомить. У меня там есть своя комната. И я снимаю квартиру на острове Легионеров. Как ты понимаешь, меня не слишком-то тянет возвращаться в Город-куда-не-войти-не-выйти.

Я лишь сочувственно цокнул языком. Жить в царстве Тьмы, по-иному это место и не назовешь, менее приятно, чем в цивилизованном городе.

— Ты часто туда возвращаешься?

Она нахмурила рыжие брови, поправила черные очки на носу:

— Не чаще одного раза в месяц. Просто отмечаюсь у властей, поливаю кактус, приношу некоторое количество вещей отсюда нуждающимся и почти сразу же ухожу. Ты бывал у нас?

— Да. И не единожды. У меня там были раньше... знакомые.

Бэсс поняла, что я не очень расположен общаться на эту тему, и с интересом изучила большую афишу, приклеенную на стену ближайшего здания. Ее текст гласил о скорой премьере новой пьесы Арчибальда.

Направляясь к трамвайной остановке, мы оказались на довольно оживленной улице Небес, кардинально отличающейся от той, что была в Темном уголке. Мимо нас прошли две прилично одетые чэры с зонтами, хотя ни дождя, ни тем более яркого солнца над Рапгаром не было.

Я поприветствован их, сняв шляпу, они вежливо кивнули и ожгли Бэсс презрительными и в то же время ошеломленными взглядами.

Девушка рассмеялась:

— Курицы не могут понять, что связывает такого чэра, как ты, с какой-то уличной девкой.

— Ты не выглядишь уличной левкой.

— Для тебя. Но не для дам из высшего света. Посмотри на меня. Прическа сделана не по правилам, никто из них не осмелится собрать волосы в два хвоста. А одежда? Моя юбка слишком вызывающая, потому что короче установленной нормы почти на две ладони. «У истинной леди не должно быть видно щиколоток», — язвительно процитировала она кого-то.

— Тебя это беспокоит?

— Меня?! Ну уж нет! Иначе бы я соответствовала нормам общества, которое никогда не пустит меня даже на порог. Носить в повседневной жизни этот ужасный корсаж, быть скованной им, словно сотней правил и законов? Брр! Я привыкла быть пластичной, подвижной и легкой. Мне далеко до консерватизма, порой встречающегося в вашей кастовой системе. Тиль. Рыжая Бэсс предпочитает свободу. Вот как эта кошка.

Уже почти минуту рядом с нами, не приближаясь, но и не удаляясь, бежала тощая серая кошка с ясными, чуть зеленоватыми глазами.

— Она — настоящая женщина нашего времени, — улыбнулась девушка, и я пожалел, что не вижу ее глаз за темными стеклами очков. — Свободна от условностей, правил и мужчин.

Девушка оглянулась, смотря вслед удаляющимся дамам:

— Знаешь, я, наверное, не права, но жалею их. Они потеряли легкость жизни. Нет. Не из-за корсажей, длинных юбок и сложных причесок. А из-за той дистанции, на которой им всегда приходится находиться от мужчин, сдерживая свое стремление быть настоящей женщиной.

Грохоча колесами, под песнь маленького народна, с удобством расположившегося на крыше, подполз массивный трамвай. Оказавшись внутри, мы расположились на втором этаже, и я спросил:

— В чем выражается твое стремление быть настоящей женщиной?

— Всего лишь оставаться самой собой, несмотря на ситуацию. Если любишь кого-то — люби и забудь об условностях, которые тебе пытаются навязать окружающие. Считаешь кого-то врагом? Борись с ним в открытую! Эти вечно каменно-вежливые лица, не меняющиеся никогда и ни за что, даже в постели, даже во сне, навевают лишь смертную скуку и жалость. Мы запираем разум и эмоции, и, поверь, не всегда это хорошо.

У нее были свои мысли на любой счет. Возможно, спорные, но всегда интересные. Мы проболтали с Бэсс всю дорогу, и низшая, которая внезапно

и к моему удивлению стала моим другом, на время заставила меня забыть о тех горестях и проблемах, что преследовали меня несколько последних недель.

Когда трамвай уже подъезжал к нашей остановке в Олле, мы заговорили о танцах.

— Даже здесь натыкаешься на множество правил, Тиль. Жестких условностей, которые сжали нас в крепкие тиски. Танцы разучиваются с самого детства. Одни и те же движения, повторяемые до бесконечности, одно и то же расстояние между партнерами. Мужчина не смеет прикоснуться к женщине, хотя хочет этого. Женщина не может обнять мужчину, хоть и мечтает об этом. Танцоры почти не смотрят друг другу в глаза, почти не касаются друг друга. Танцевать без перчаток — это уже вызов обществу и потеря репутации.

— Ну многие считают, что свои эмоции можно выражать и другими способами.

Она фыркнула:

— Просто эти многие боятся уравнивать женщину в правах с собой. Дать ей волю мыслить, ощущать и быть ответственной за свою собственную судьбу. Вести в танце наравне с мужчиной. Поверь, мы это умеем делать не хуже вас.

Я улыбнулся, соглашаясь, и поддел ее:

— Что думает Данте обо всем этом?

— Смеется. Но чаще говорит, что я права. Рапгар похож на древнее чудовище. Неповоротливое и с трудом принимающее все новое. Уже полгода как в Жвилья появились эти новомодные танцы — лисий танец и быстрый шаг,^[37] но у нас они до сих пор считаются верхом неприличия за нарушение дистанции между мужчиной и женщиной. Максимум, что считается приличным, так это вальс, да и то столь консервативный, что хочется умереть.

— Любишь танцевать?

— Говорят, моя мать неплохо танцует. Наверное, мне передалось это от нее. Наша остановка?

— Да.

Мы вышли из трамвая и пешком прошли квартал до моего дома. Я с удивлением посмотрел на большую карету, запряженную четверткой лошадей, стоявшую у дороги напротив особняка.

— Ждешь гостей? — поинтересовалась Бэсс.

— Нет.

Крюконосый профиль чэры эр'Тавии виднелся в окне дома напротив.

Старуха, в отличие от меня, точно знала, кто приехал.

Дверь распахнул взволнованный Бласетт:

— Чэр. К вам люди от... Князя.

— Надеюсь, они не скучают? — Я остался безучастен к новости.

— Они пьют чай.

— Чэра Алисия?

— Я рекомендовал ей не покидать своей комнаты, пока чужие в доме.

— Великолепно. Бэсс...

— Подожду в библиотеке. — Она поняла все без лишних слов и, шурша юбкой, скрылась.

— В чем дело? — заволновался Стэфан, да так, что сразу охрип. — Что им нужно?

Анхель предложила вышвырнуть незваных гостей, но я успокоил амнисов, попросив не паниковать раньше времени.

Два господина, лишь один из которых был человеком, дожидались в гостиной. Они встали, приветствуя меня, и черноглазый лучэр сказал:

— Чэр эр'Картия, нам поручено передать вам письмо. Он протянул узкий, чуть желтоватый конверт. На печати был изображен герб правящей династии — цапля в корявом многоугольнике. Я достал Анхель, уже принявшую форму ножа для бумаг, вскрыл конверт, развернул дорогую бумагу и прочитал всего лишь три строки:

«Любезный чэр эр'Картия.

Жду вас сегодня.

Князь».

Вот и все. Ни объяснения причин, ни вопросов, удобно ли мне это. Князь ждет, а когда такое происходит, ему не принято отказывать.

— Вам требуется время, чтобы собраться? — спросил чэр, имени которого я так и не узнал.

— Нет. Не будем задерживать Владыку.

В княжеском дворце, расположенном в южной части Небес, я бывал несколько раз на ежегодных балах, устраиваемых для уважаемых жителей Рапгара и высокородных чэров. Но в этой части дворца я никогда не был. Центральное здание, так напоминающее огромную еловую шишку, осталось позади, мы вошли в северное крыло, где я пережил обычную процедуру проверки, сдал амнисов и получил в награду за это браслет, блокирующий мой Облик и Атрибут.

Череда коридоров и залов в другое время могла бы поразить меня своим великолепием. Это была старая часть дворца, отстроенная еще с помощью амнисов. Но сейчас я думал лишь о том, в чем причина столь

странного приглашения, и с некоторой озабоченностью смотрел на лица проходивших мимо меня людей и лучеров. Эмоции у мужчин были одинаковыми — тревога и решительность. На лицах немногочисленных женщин я видел испуг.

Меня провели в большую, украшенную изящной лепниной приемную, где вдоль стен стояли удобные диваны. На одном из них страдал от ожидания лохматый ка-га с бирюзовой лентой через плечо, на которой висела куча медалей и знаков отличия его народа. Судя по всему, он входил в славный род мануфактурщиков, контролирующих процентов сорок территории Дымка.

Ка-га покосился на меня, перестал болтать короткими ножками и нахохлился. Минут через пятнадцать к нему подошел один из младших секретарей и предложил следовать за ним.

Я предполагал, что ждать придется долго, так что не стал нервничать и с безучастным видом принялся наблюдать за тем, как в многочисленные двери входят и выходят люди и нелюди. Еще через полчаса один из посетителей узнал меня и окликнул.

Это был дальний родственник Катарины, в былые годы мы играли с ним в вист в паре, и в общем-то он этими играми остался доволен, заработав достаточно денег, чтобы заплатить за офицерский чин. Сейчас мой партнер по висту служил в каком-то артиллерийском полку на юге страны и, насколько я помню, по словам Кат, пытался выбить себе разрешение на перевод в одну из колоний.

Мы поприветствовали друг друга, и он поспешил поделиться радостью:

— Переводят. На Кирус!

Я сдержанно поздравил его, и военный, присев рядом, сказал:

— Весь полк. Думаю, окажемся на передовой.

— Собираетесь воевать?

— Вся страна собирается. Утром пришла военная сводка, ее уже отправили в газеты, так что никакого секрета в этом нет. Война началась!

— Плохо.

Он посмотрел на меня с жалостью, но с энтузиазмом продолжил:

— А что оставалось делать Рапгару после того, как Малозан бросил вызов?! Князь подписал указ, Палата Семи его единогласно одобрила.

— Что такого совершил Малозан?

Его улыбка тут же растеряла всякую радость:

— Наш Второй флот уничтожен. Малозанские выродки поймали их в проливе Ардэк. Поставили орудия на берегу, выход перекрыли минными

полями, а в тыл ударили вражеские корабли, которые проморгала наша разведка. Береговые батареи стреляли в упор и почти сразу же уничтожили мостик «Чэры Марии-Александры» вместе с адмиралом эр'Таньей. В проливе не было возможности маневрировать, первая и вторая эскадра оказались в ловушке. Те, кто не ушел на дно, сгорели. Третья эскадра смогла организованно отойти под обстрелом и попыталась прорваться, но попала на мины. Их флагман — новейший броненосец «Пламя» — погрузился в воду меньше чем за минуту. «Светлячок» и два легких крейсера прикрывали отход миноносного и третьего броненосного отряда. Через час тяжелого боя «Светлячок» пришлось затопить. И только одному из крейсеров удалось уйти.

— Сколько мы потеряли? — глухо спросил я.

— Двадцать три корабля потоплено. Больше пяти тысяч погибших, почти семь тысяч взяты в плен. Берега Кируса остались без надежной защиты, и Малозан начал перебрасывать войска на северную часть острова. Вот такие неутешительные новости, мой друг. Ну мне пора. Вечером грузимся в эшелоны. Будем живы — увидимся.

Мы попрощались, и он ушел.

Малозан, выжидавший все это время, нанес сокрушительный удар не только по нашей армии, но и по престижу страны. Князь не мог такое проглотить. То, о чем многие лишь говорили, то, во что многие не верили, — случилось. Страна впервые за последние тридцать лет вступила в крупномасштабную войну.

Появился один из старших секретарей в парадной ливрее и пригласил меня следовать за ним. Через одну из дверей мы прошли в зал со стеклянным, похожим на чешую потолком. Он был затоплен светом и полон отражений. Теперь по пути нам часто встречались караулы гвардейцев в алых мундирах и приплюснутых фуражках.

В одном из коридоров я столкнулся с двумя пиклями, которые, как видно, возвращались с аудиенции. Эти высокие невыразительные создания, несмотря на то что ходили на двух ногах, очень напоминали черепах. Вытянутые лица, роговые клювы, темные, ничего не выражающие глаза, морщинистые шеи. Их округлые тела скрывали пепельные плащи из плотной, похожей на струящуюся воду ткани, но все прекрасно знали, что под ними находится полупрозрачный черепаший панцирь, который сияет и пульсирует, когда эти существа начинают вырабатывать в себе электричество. Правая рука пикли очень похожа на человеческую, зато левая является клешней, которой позавидовали бы все морские омары. Эта штука без проблем режет листовую сталь, словно бумагу.

Они прошли мимо, даже не взглянув на нас, а секретарь что-то сказал гвардейцам возле дверей. Один из них, в чине лейтенанта, внимательно изучил браслет на моем запястье и сказал вежливо, но непреклонно:

— Нам придется обыскать вас, чэр.

— Делайте то, что нужно, офицер.

Человек благодарно кивнул, толкнул двери в зал, где под полом гудели генераторы, а на дальней стороне стоял еще один гвардейский пост возле установки метателя пуль.

Меня провели через сияющую желтым рамку, знакомую мне после посещения Скваген-жольца, затем повели над одеждой каким-то неприятно гудящим жезлом и, когда с формальностями было покончено, разрешили пройти в святая святых — жилое крыло дворцового комплекса.

Здесь, среди прекрасных античных статуй, застыла большая хаплопелма, на боку которой был нарисован герб гвардии. Эдакое лохматое кобальтовое чудовище, забравшееся в храм искусства и уснувшее, поразившись красотой этого места. Впрочем, впечатление, что гвардеец спит, оказалось крайне обманчивым. Когда я проходил мимо, ее хелицеры едва заметно шевельнулись.

Секретарь провел меня в следующее помещение и оставил одного, сказав:

— Подождите, пожалуйста, чэр. Вас позовут.

Я протомился еще минут сорок, слоняясь без дела в белоснежных покоях, стены которых были украшены древними географическими картами, а на полу стояла на аметистовой подставке статуя шестирукого божка, привезенная из Магара. Здесь же висели красивые картины, иллюстрирующие природу наших колоний — начиная от бесконечных травяных прерий Еронии и заканчивая белоснежными острозубыми хребтами магарских гор.

Было видно, что эти помещения жилые — стеклянные двери выводили в уютный осенний сад, но за все время, что я здесь находился, никто не появился. На улице между тем по-смурнело, и по стеклу поползли дождевые капли.

Дверь распахнулась, в зал вошла высокая, стройная, молодая женщина. У нее были великолепные белоснежные волосы, собранные в сложную, но вместе с тем очаровательную прическу. Длинные юбки едва слышно шелестели, пока она шла к окну. Девушка прислонилась лбом к холодному стеклу и стояла так, не двигаясь, примерно минуту.

Меня она не заметила, так как я находился в противоположной стороне покоев, рядом с большим штурвалом от старого парусного линкора

прошлого Князя. Я, испытывая некоторую неловкость, едва слышно кашлянул, дав о себе знать.

Она вздрогнула, отпрянула от окна и, резко повернувшись, взглянула на меня. У нее, как и у ее отца, были алые глаза. Мы смотрели друг на друга меньше секунды, ее лицо вспыхнуло, и женщина, сама того не желая, подняла руку и коснулась висящего на шее кораллового ожерелья.

Того самого, которое я пообещал в своей прошлой жизни подарить Клариссе и с которого начались все мои неприятности.

Ее губы шевельнулись, но не произнесли слов. В следующее мгновение она отвернулась и с идеально прямой спиной направилась прочь. Но когда женщина коснулась ручки двери, она остановилась и почти десять секунд стояла не шевелясь, словно что-то решая для себя. И вот уже она идет ко мне.

Не знаю, как описать те чувства, что бушевали в моей душе в ту минуту. И удивление, и печаль, и сильная неловкость, и... даже страх. Страх услышать то, что, казалось бы, я уже давно пережил.

— Чэр эр'Картия. — Голос у нее был надломленный, но взгляд она не отвела.

— Княжна. — Я поклонился. — Рад видеть вас в добром здравии.

Женщина нетерпеливо кивнула, принимая мои слова, и прошептала:

— Чэр эр'Картия, мне важно сказать вам... Я... — Она глубоко вздохнула и, набравшись сил, произнесла:

— Я хочу извиниться перед вами за то, что плюнула вам в лицо в зале суда. Я была неправа.

Моя щека дернулась, но я ответил ей со всей возможной мягкостью:

— Поверьте, Княжна, плевок в лицо — это самая малая из всех неприятностей, что случились со мной. Я давно уже о нем забыл и не держу на вас зла. Вам незачем просить у меня прощения.

— Я верю, что вы не виноваты в смерти моего мужа, и мне... мне так жаль, что с вами это произошло! Если бы я только могла все исправить, повернуть время вспять и не просить отца, чтобы он...

Княжна осеклась, посмотрела на меня с испугом, отвернулась, чтобы я не видел ее лица:

— Извините, чэр. Мне... мне надо идти.

Она почти выбежала из зала, даже не закрыв за собой дверь, а я с колотящимся сердцем подошел к окну и повторил то, что несколько минут назад делала младшая дочь Князя — прислонился лбом к холодному стеклу, по которому с той стороны стекали дождевые капли.

— Чэр эр'Картия. — За мной пришел упитанный зеленоглазый чэр в

мундире тайного советника по вопросам безопасности. — Князь готов вас принять. Поспешим.

По дороге я обратил внимание на герб, висящий на стене. Точнее, на его девиз: «То, что мы делаем для себя, умрет вместе с нами. То, что мы делаем для других, останется на века».

Эти слова приписывают Всеединому, хотя лично я сомневаюсь, что существо, создавшее всех нас, думало именно так, иначе бы мы получились гораздо лучше, чем есть на самом деле.

— Вы, разумеется, уже в курсе возникшей ситуации. Помните, что у Князя много дел, и не задерживайте его лишними вопросами, — поучал меня по дороге надменный советник.

Оставалось лишь пожалеть, что у меня нет трости, которой было бы очень приятно стукнуть по блестящему затылку этого господина.

В комнате, куда меня привели, оказалось сильно накурено и находились высшие военные чины.

— Адмиралтейство, доклад мне на стол через час. Остальные свободны до вечера, — прогремел Князь, и военные, встав со своих мест, гаркнули по привычному ритуалу:

— Князя не умирают!

Это уж точно. Князя не умирают. Мужчины этого рода — ближайшие потомки Всеединога из ныне существующих семей лучэров. И унаследовали некоторые особенности своего предка. Например, воскресать после смерти.

Они восстают из могил, как и митмакемы, ничего не помня о прошлой жизни, с той лишь разницей, что с воскресшим Князем нежелательно встречаться на узкой тропинке, так как ничем хорошим подобная встреча закончиться не может. Ибо они перерождаются в нечто иное, гораздо более близкое к истинной сущности Всеединога и его первых детей — сгоревших душ. Пребывая в вечном Облике, эти создания уничтожают все на своем пути, и о тех бедствиях, что они причинили миру в далеком прошлом, слагают темные легенды.

Чтобы такого не произошло в настоящем и то, что когда-то было Князем, не вырвалось на волю, создали Княжеские усыпальницы, двери которых надежно запечатывают. Иностранцам, когда они узнают, как реально обстоят дела, всегда очень странно, что у нас такие правители и мы их терпим. Но Рапгар не был бы Рапгаром, если бы им не управлял Князь. Это понимают все, даже самые революционно настроенные личности, а то, что случается с правителями после их смерти, давно никого не беспокоит. Когда тысячу лет живешь на пороховой бочке, как-то начинаешь забывать,

что она еще может взорваться.

Офицеры расходились. Один из них, полковник мяурр, которого я видел на приеме у Катарины, приветливо мне кивнул. Вместе с военными ушел и мой провожатый, и я остался один на один с Князем.

Несмотря на триста лет бесконечно долгой жизни, ему можно было дать от силы сорок пять. Высокий, широкоплечий, подтянутый и сосредоточенный. Ничто, даже глаза, не указывало на то, что Князь глубокий старик. У него были густые белые усы, брови и бакенбарды, тонкий нос с резкими крыльями и близко посаженные рубиновые глаза. Открытый лоб, тяжелый подбородок, очень высокие скулы и тонкая красная линия маленького шрама у правого глаза.

Облаченный в белый мундир с золотыми пуговицами и золотыми погонами, он сосредоточенно собирал разбросанные по столу бумаги. На краю, в пепельнице, лежала непотушенная сигара. В воздухе вился сизый дым, который все расширяющимися клубами поднимался к потолку.

— А... эр'Картия. — Он поднял на меня глаза и вновь занялся сбором документов. — Здравствуй.

— Приветствую вас, Владыка.

— У меня немного времени. Точнее, совсем его нет. Поэтому буду говорить быстро и прямо. Я не собираюсь извиняться перед тобой за то, что произошло семь с половиной лет назад. Я принял решение, которое счел правильным, и жалеть о том, чего уже не вернуть, не в моих правилах. Надеюсь, ты это понимаешь?

Я ничего не сказал, но мой взгляд ему не слишком понравился, что и неудивительно. Очень надеюсь, что он не ожидал, будто я стану уверять его, что в этом нет ничего страшного. Я чэр, у меня имеется свой взгляд на этот вопрос, и я не обязан ни перед кем расстилаться и снимать грехи с его совести. Даже если передо мной Князь.

Он гневно нахмурился и продолжил:

— Ты должен быть доволен, что не гниешь в камере и вновь на свободе, эр'Картия. Я сделал все, что мог, чтобы исправить эту несправедливость. Впрочем, не скрою, здесь не моя заслуга, а дочери. Этого разговора не должно было быть. Я до сих пор не считаю его нужным.

— Но все же я здесь, Владыка.

— Моя младшая дочь... — Его лицо стало еще более жестким, чем прежде. — Она слишком переживает из-за случившегося. И не успокоится, пока я не поговорю с тобой. Я дал ей слово. Именно поэтому ты здесь. Надеюсь, тебе все понятно?

— Конечно. Мне понятно, что, если бы не младшая дочь, меня бы

здесь не было. Поэтому не могли бы вы сразу перейти к делу? Он взял сигару, сунул ее в зубы:

— Иди за мной.

Я достаточно высок, никогда не считался слабаком с хрупким телосложением, но по сравнению с правителем Рапгара сейчас чувствовал себя сущим подростком. Его сила, его личность, его власть давила на любого, кто находился с ним рядом. Даже я, натура совершенно нечувствительная к магии, ощущал ту древнюю мощь, доставшуюся ему от Всеединого, что спала в его сердце. Один раз, когда Данте основательно напился, он рассказал мне, что лишь единожды видел Облик Князя и после этого не мог спокойно спать, наверное, лет десять.

С учетом того, что у старины Данте Облик тоже не цветочек и вызывает внутреннее содрогание у любого разумного существа (особенно когда мой приятель забывает принять лекарство), я даже не могу представить, что его напугало. Наверное, к счастью.

Те, кого мы встречали по дороге, вытягивались в струнку, приветствуя Князя. Тот иногда соизволял отвечать легким кивком, пыхтел сигарой и двигался мимо гвардейцев все дальше и дальше. Наконец, он толкнул плечом дверь и ввел меня в комнату.

Бывший глава Скваген-жольца Гвидо эр'Хазеппа встал с дивана.

— Расскажи ему все, что надо, — сказал Князь человеку. — Прощай, эр'Картиа.

— До свидания, Владыка.

Он ушел, закрыв за собой дверь.

— Тиль, здравствуй. — Гвидо дружелюбно улыбнулся. — Проходи. Садись. Князь попросил меня об одолжении. Наша беседа не займет много времени.

— Как тебе не на службе? Он рассмеялся:

— Даже лучше, чем я думал. Нормальный сон, нормальное питание и никаких нервных расстройств.

— Зачем я здесь?

— Чтобы узнать правду, я полагаю. Ты ведь хочешь понять, что произошло в ту ночь на вилле «Черный журавль». Это государственная тайна, в которую я не мог тебя посвятить без личного разрешения Князя. Надеюсь, ты поймешь и простишь меня.

Удивительное дело. Сегодня все внезапно заговорили о прощении. Впрочем, я был весь внимание, у меня даже вспотели ладони. Судьба решила преподнести на мой день рождения интересный подарок.

Вот только будет ли он мне нужен?

Гвидо помолчал, глядя в одну точку, и начал историю с того, что сказал:

— Когда тебя нашли в луже крови рядом с трупом чэра Малькома эр'Фавиа, у тебя в руке был нож. То, как был убит зять Князя, — я до сих пор вспоминать не хочу. Никто не выдвигал тогда теорий, почему ты потерял сознание. Увидев, что произошло с мертвецом, никто больше не интересовался твоим состоянием. Ты сам думал о том, что случилось?

— Меня оглушили. Чем — не знаю. Возможно, магией, — тихо сказал я, вспоминая окутавший меня свет. — Я говорил об этом Фарбо и Грею.

— Не хочу топтаться на своем позоре и ошибках моих подчиненных. Нас гнали и торопили как можно быстрее завершить дело. Князь стоял на своем. После того как я намекнул ему, что следует остудить голову и не гнать коней, потому что нам нужно время, чтобы разобраться, что к чему, он едва не разорвал меня на части. Что мне оставалось делать?

Если он ожидал сочувствия, то я ничем не мог ему помочь. Шесть лет в одиночной камере — долгий срок. А потеря жизни, точнее, того шанса, той вероятности состариться, которая есть у всех, как-то делает меня чуть более черствым к тем, по чьей вине, пускай и косвенной, меня отвели к палачу.

— После того как тебя казнили и все закончилось, наш отдел еще где-то полгода стоял на ушах. Но постепенно все успокоилось. А затем произошло новое убийство, как две капли воды похожее на то, в котором обвинили тебя.

Я вскинулся и подобрался, услышав это и уже начиная понимать, что за его словами последует откровение:

— Чэра эр'Фавиа убил Ночной Мясник.

Над моей головой лопнула струна. Кажется, я засмеялся, хотя сейчас мне хотелось лишь одного — разнести эту комнату к сгоревшим душам. Перед глазами у меня стояла картина из ночного переулка. Кровь и останки Грея.

— Кажется, я понимаю, почему Князь испытывал такое бешенство, когда увидел, что стало с мужем его дочери. Со мной еще поступили гуманно, а, Гвидо? Могли бы и придушить в первую ночь после ареста, — наконец тихо произнес я.

Я сложил руки на груди так, чтобы он не видел, как сильно дрожат мои пальцы. Эр'Хазеппа встал, загремел стеклянными графинами, коих здесь было в достатке, и налил мне полный стакан виски. Я проигнорировал его и постарался дышать ровно и глубоко.

Ночной Мясник — насмешка моей судьбы.

— Именно поэтому меня отпустили? Из-за второго убийства? — наконец спросил я эр'Хазеппу. — Это ваша веская причина?

— Не совсем, — неохотно ответил он. — Мы не могли исключать, что действовал твой сообщник, Тиль. Или же просто подражатель, хотя последнее было почти невозможно — детали смерти эр'Фавиа знали всего лишь несколько человек. Князь строго-настрого запретил оглашать подробности. Когда это случилось во второй раз, все стали бегать чуть ли не по потолку, но не обнаружили никаких следов. Убийство произошло в доме. Так что нам удалось и его скрыть от общественности. Грей и Фарбо не сомневались, что это кто-то из твоих компаньонов, хотя у меня было иное мнение. Я донес эту информацию до Княжны. Она была вдовой и имела право знать.

— А что Князь?

— Он не возражал.

— Но не стал подписывать помилование? — нехорошо усмехнулся я.

— Верно. Он считал, что ты к тому времени уже умер.

— И что же изменило его решение?

— Следующая смерть.

Я ошарашенно уставился на эр'Хазеппу:

— Сколько всею убийств вам удалось скрыть от общественности, Гвидо?

Бывший начальник Скваген-жольца пожевал губами, словно прикидывая, стоит ли говорить об этом. Затем посмотрел мне в глаза, кажется, понял, что я чувствую, и ответил:

— Шесть, если не считать мужа Княжны. Я присвистнул:

— Потому что они происходили в домах?

— Верно. Нам повезло, что никто из свидетелей так и не предал это огласке. Одно было в Небесах, два в Олле, еще одно в Сердце и два в Каскадах.

Я кивнул:

— Пожалуйста, продолжай.

— Когда случилась вторая смерть, это был отец чэры эр'-Раше... ведь ты знаком с ней?

— Верно.

— Тогда я уже знал, что ты ни при чем. И попытался пропихнуть твое помилование к Князю на стол. У меня, представь себе, это получилось. Точнее, не у меня, а у Княжны. Она настояла на твоём освобождении. Князю некуда было деваться, потому что, когда он подписывал бумаги, убили еще одного из той шестерки. Тут даже тупица поймет, что ты не

виноват.

Очень странная штука жизнь — кто-то потерял ее, а другой из-за этого смог получить свободу.

— В общем, тебя выпустили, хотя официально и не назвали причин. На следующий день произошло очередное убийство, через три месяца — еще одно и через пять — последнее. А теперь все началось снова. Он вошел во вкус.

— Фарбо все равно считал меня виновным?

— До сих пор считает. И Грей тоже так считал. Им не по нраву было признаться даже самим себе, что они ошиблись. Не каждому хватит на это духа.

Мое лицо, наверное, выражало слишком глубокое презрение, и Гвидо понимающе улыбнулся, а я, глядя на хрустальный шар-люстру, сказал:

— Вот почему Фарбо встречал меня на вокзале и пытался проверить мое алиби. Он считал, что я вновь принялся за старое. Тупоумный... недалекий... ублюдок. Грей следил за мной в ту ночь? Да?

— Верно. Пытался вывести тебя на чистую воду, хотя я ему и говорил, что это пустая потеря времени.

— Бедняга искал Ночного Мясника, а вместо этого тот нашел его.

Эр'Хазеппа сочувственно цокнул языком:

— Одного не понимаю, Тиль. После убийства эр'Фавиа прошло целых шесть лет, прежде чем он вновь принялся убивать. Почему столь долгий перерыв? Чего он ждал?

— Наверное, того, когда сгорит психиатрическая клиника Святого Лира и он выйдет на свободу.

Он уставился на меня во все глаза, открыв рот от удивления, и мне пришлось поведать ему о своих догадках об убийце и пророке.

— Сказал бы ты мне об этом раньше, парень! — Гвидо вскочил и забегал по комнате.

— Я понял это только сегодня.

— Ну ничего! Это уже что-то! Возможно, получится зацепиться. Выходит, его упекли почти сразу же после того, как он убил эр'Фавиа. Я подниму старые дела, отчеты патрульных жандармов, может, там говорится что-то о странных сумасшедших.

Гвидо говорил так, словно вновь стал начальником Сква-ген-жольца. Что хорошо в эр'Хазеппе — он не боится теней неизвестности и не собирается отступать перед ними. Возможно, у него все-таки получится завершить дело, растянувшееся на долгих семь с половиной лет.

Я был бы рад этому.

Глава 23

КЛЕВЕР ВСЕЕДИНОГО

Я стоял на мосту, переброшенном между Небесами и Золотыми полями, и смотрел на черно-бурую воду пролива. Спокойные волны шелестели о гранитную набережную и разбегались перед носом паровой лодчки. Она деловито пыхла, неспешно ползя вперед, и ее старенькие, уже пережившие себя колеса, невесело хлопали по воде.

На рубке, вокруг вяло мигающего красно-зеленого фонаря, водили хоровод ребята из маленького народца. Заметив, что я смотрю на них сверху, они завизжали от восторга и замахали мне руками. Я, продолжая думать о своем, ответил на их приветствие.

Стэфан и Анхель быстро-быстро общались между собой на языке амнисов. Они обсуждали новости, которые я им принес.

Ночной Мясник... Я даже не мог предположить, что убийца так тесно связан со мной, что именно он ответственен за все, что случилось. Он где-то здесь, в Рапгаре. Дышит тем же воздухом, что и я. Возможно, ходит по тем же улицам, гуляет в тех же парках, посещает те же рестораны. Неизвестный, из-за которого я почти что мертв, где-то рядом. Именно о встрече с ним я мечтал в долгие дни заключения. Именно его имя искал в некрологах ежедневных газет.

Теперь я хотя бы знаю, кто виноват и является первопричиной моих бед. Осталось лишь найти его, а после... пусть мне и дальше говорят, что мести нет и она всего лишь иллюзия большого разума, за которую не стоит цепляться.

Стэфан осторожно кашлянул и поинтересовался:

— Как ты, мой мальчик?

— Со мной все хорошо. Просто задумался.

Воздух был таким холодным, что обжигал щеки, несмотря на полное безветрие. Кожу кололи едва уловимые глазом микроскопические кристаллики льда. Того и гляди пойдет настоящий снег. Бэсс оказалась права — погода катастрофически портится, хотя осени еще далеко до окончания.

Я плотнее замотал шарф, надвинул шляпу на брови. Пора отправляться домой. Я простоял на мосту больше двух часов. Мальчишки-газетчики носились по улицам и горланили, не боясь застудить глотки:

— Война! Война! Катастрофа в проливе Ардэк! Уничтожен Второй флот! Князь объявил Малозану войну! В городе грозовая ситуация! Пойманы шпионы Малозана! Война! Война!

Я тоже купил газету, но читать не стал и сунул ее под мышку. Идти до трамвая было далеко, и хотя я любил его гораздо больше, чем экипажи, на этот раз остановил коляску, залез на сиденье и сказал вознице адрес.

— Если Князь не дурак, он сегодня же выведет гвардию из казарм и отправит на Ничейную землю. Иначе к утру от малозанского района мало что останется, — сказал Стэфан.

Я смотрел на свинцово-синее, гаснущее небо. Облака напоминали своим видом могильные плиты, которые вот-вот рухнут на Рапгар и похоронят его под своим весом. Беседовать мне сейчас совершенно не хотелось, но я все-таки ему ответил:

— Вот уж за кого тебе не стоит беспокоиться, так это за малозанцев. Они сами на кого хочешь нападут. К тому же, думаю, мэр уже отдал распоряжение жандармам выдвинуться на их территорию.

— Ты не знаешь людей, мой мальчик. Как только стемнеет, в городе найдется масса патриотов, которые решат помочь нашим войскам. Малозанцев и так-то в последнее время едва терпели, а теперь точно начнутся погромы. Не остановишь. И ты прав на их счет. У них всегда в подвалах горы оружия, так что, если только власть проспит, на южных окраинах развернется полномасштабная битва.

Он прав. Стоит кому-нибудь из малозанцев пальнуть, и без того озлобленные люди рассвирепеют настолько, что их уже будет не остановить. Но, если честно, мне по большому счету сейчас все равно.

Я залез в карман пальто, вытащил вскрытый конверт, в котором мне вручили приглашение к Князю. Мне захотелось выбросить его, но я решил не добавлять дворникам работы и убрал обратно. Почти минуту пребывал в задумчивости, не понимая, что меня смущает. Затем поспешно вытащил конверт снова и посмотрел на печать.

Как назло, из-за начавшихся сумерек я не мог различить детали, и поэтому пришлось привстать, чтобы оказаться возле фонаря, висящего рядом с возницей.

— Разворачивайся, милейший! — сказал я, убедившись, что оказался прав.

Я назвал адрес Данте, кучер недовольно посмотрел на меня, но, услышав, что получит двойную цену, больше не колебался.

— В чем дело? — забеспокоился Стэфан. — Все в порядке?

— Да! Все замечательно! — Я чувствовал, как на меня накатывает

предчувствие, являющееся прелюдией *азарта*.

Того самого чувства, которое я давным-давно потерял и считал, что оно никогда уже ко мне не вернется. Кажется, я вновь был в игре, но только на этот раз игровой стол был куда больше и ставкой оказались не деньги.

— Может, ты объяснишь? — Амнис был раздражен моими чудачествами. — Я бы на твоём месте не выходил на улицу сегодняшней ночью. Конечно, если случатся волнения, то они произойдут на том берегу, но всегда найдется тот, кто готов воспользоваться оказией...

— Помолчи, пожалуйста. Мне надо собраться с мыслями. Он обиделся, а я закрыл глаза и попытался вспомнить.

Сложить все увиденное в одну полную картинку. Получалось не слишком, потому как было полно белых пятен, но, как сказал эр'Хазеппа, «возможно, получится зацепиться».

Когда коляска остановилась, я не глядя сунул вознице несколько банкнот и вылез.

— Данте... Какой сгоревшей души тебе понадобился Данте?! — недоумевал Стэфан. — Эй! Да что с тобой такое. Тиль?! Ты вообще меня слышишь?!

— Я кое-что нашел. Кажется. Давай расскажу, когда увижу Данте, чтобы два раза не повторять одно и то же. Хорошо?

Толкнув плечом незапертую калитку, я быстрым шагом дошел до особняка. Оба постаменты по бокам лестницы были пусты. Из мрака послышался хруст, и на свет вышла горгулья.

— Привет, Зефир.

— Я Ио. Давно пора бы уже запомнить! — обиделся амнис.

— Другому будешь рассказывать. И можешь не прятать руку за спину. Я видел отбитый мизинец.

— Тебя не проведешь, — огорчился тот. — Привет, Не Имеющий Облика. Какими судьбами на ночь глядя?

— Хозяин дома?

— Вроде как... да. Надо у Ио спросить.

— Где ты его потерял? — спросил я, уже взбегая по лестнице.

— Территорию патрулирует. Эй! Эй! Оставь газету! Пожалуйста!

Я кинул «Время Рапгара» горгулье, стукнул в дверь, дождался, когда ее распахнет дворецкий.

— Чэр эр'Картиа, добрый вечер.

— Здравствуй, Марлан. Мне нужен твой хозяин. Срочно.

— Позвольте ваше пальто и шляпу.

Данте нашелся в подвале. С непередаваемой мукой на лице он ходил

мимо бесконечных рядов винных бутылок и моему появлению не удивился, но тут же пожмоулся:

— Не могу выбрать подходящего пойма к ужину. Гастон приготовил великолепную утку с жвильскими улитками. Требуется что-то легкое, с яблочным букетом.

— Забуди о вине! Мне нужна помощь.

— Я внимательно тебя слушаю, Тиль. — Он с тоской смотрел на винные залежи. — Кстати, где ты потерял Бэсс?

— Она у меня дома. Помнишь те книги, что я тогда видел у тебя на столе? Ты их нашел в шкафу и подготовил на продажу. Они еще у тебя?!

— Тише, мой друг. Тише. Нет повода так нервничать. Если ты так сильно хочешь читать, то нет ничего проще. Все, что мое, твое. Книги до сих пор валяются наверху. Покупатель так и не удосужился за ними зайти.

— Идем, ты мне нужен.

— Сколько прыти, — проворчал он, взял первую попавшуюся бутылку, затем, на всякий случай, еще одну и поспешил за мной. — В чем, собственно говоря, дело? Ты чего такой взбудораженный?

По пути буквально в двух словах я рассказал ему о пророке, своих догадках и визите к Князю. С его лица разом пропала всякая ирония, и он стал внимательным, как никогда.

— И при чем тут эта макулатура?

— Сейчас увидишь.

Стопка книг лежала там же, где и раньше. Интересующий меня том оказался верхним. Я схватил его и показал Данте.

— Да, «Дорога на возвращение», — кивнул он. — Ты тогда ею интересовался. И что?

— Присмотрись к рисунку. — Я ткнул пальцем в странный, почти стершийся от времени многоугольник. — А теперь посмотри вот на это!

Я протянул ему мятый конверт с Княжеской печатью.

— Ну да. — Он равнодушно пожал плечами. — Они идентичны. Это основа княжеского герба, не хватает только цапли. Символ достаточно древний, восходит ко времени Всеединогo. Какое открытие ты совершил и при чем тут Ночной Мясник?

— Он просто переутомился... — начал было Стэфан, но я зарычал на него и бросился к книжному шкафу.

Данте лишь усмехнулся и откупорил одну из двух винных бутылок. Роясь на полках, я сказал:

— У тебя здесь настоящий бардак.

— Разумеется! — ничуть не обиделся он. — Я прочитал их еще лет

девяносто назад и не слишком часто возвращаюсь к уже изученному. Что тебе нужно?

— Карту города.

— Оставь бесплодные поиски. Она вот здесь, о великий детектив. Мы будем разыскивать сокровища?

Данте с поклоном протянул мне свернутую в трубку карту Рапгара, и его глаза насмешливо сверкнули.

— Не совсем.

Я расстелил ее на столе, спросив:

— Есть какая-нибудь мелочь?

— Завалялось немного. — Он порылся в ящике и высыпал на стол золотые соуры старой чеканки. — Правда, не знаю, насколько это можно назвать мелочью.

Я уже начал раскидывать монеты на карте, и в какой-то момент мой друг перестал говорить о пустяках, а Стэфан понимающе ахнул.

— Что думаешь? — повернулся я к лучэру.

— Ну если монеты правильно соединить между собой линиями, то получится почти тот же многоугольник. Хотя не тот. Не хватает еще двух точек. Здесь и вот здесь. — Он указал в район Холмов и «хвоста» острова Рыбы.

— Верно. Подобную карту, только гораздо менее точную, я сегодня видел у своего обожаемого дядюшки.

Он сжал губы, показывая тем самым, что удивлен моей встрече со Старым Лисом.

— Помнишь, ты как-то сказал, что зло хаотично? Но это не так. У этого зла, мой друг, есть четкая система. Монеты отмечают места, где Ночной Мясник совершил убийства.

— По-ни-маю, — протянул Данте и хрустнул пальцами. — Он выкладывает знак Князя в городе. Но зачем?

— До того как стать княжеской, эта фигура использовалась еще пару тысяч лет. Ее связывали с волшебством! — влез в разговор Стэфан.

— А подробности? — тут же вскинулся Данте.

— Никогда их не знал. Это следует спрашивать у изначальных магов.

— О чем эта книга, Данте? — Я указал на тяжелый том.

— «Дорога на возвращение»? Старые городские легенды, история всех высокородных семей, в том числе и Князя, легенды о становлении государства. Немного интриг, немного убийств, немного союзов и предательств. Все как всегда. — Он пожал плечами. — Ну еще и страшные сказки на ночь для самых маленьких. О сгоревших душах, о гнев

Всеединою, о Двухвостой кошке, о первых Князьях, их пробуждении и прочих ужасах.

— Это для тебя сказки. — Стэфан не согласился с Данте, — Для всех остальных — достаточно серьезная, пускай местами и спорная, хроника темной старины. Ты еще слишком молод, чтобы это понимать.

Данте совершенно по-мальчишески ухмыльнулся и развел руками:

— Лично меня книга оставила равнодушным. Хотя пара историй из нее, прочитай я их в детстве, заставила бы меня залезть под кровать.

— Стэфан, возможно, ты сумеешь помочь? Ты что-нибудь можешь сказать про этот знак? Чего добивается Мясник?

— Я... знаешь, мой мальчик, слишком много символизма и легенд вкладывается в него...

— Помолчи, Стэф! — оборвала его внезапно заговорившая вслух Анхель. — Твоя память, как дырявое решето. Я прекрасно помню, как твой прадед читал такую книгу, Тиль. Мы долго ее обсуждали, но об этом я расскажу немного позже. Что касается знака, то это — основа печати Изначального огня, только гораздо более сложная, чем та, что используют сейчас. Фигура называется Клевер Всеединого, и цапля с лотосом^[38] с ней и рядом не стояли. В ее изначальной сути заложена очень мощная первородная магия.

— Зачем она нужна убийце? Данте усложнил мой вопрос:

— Что будет, если такой знак окажется на городе? Пускай и в образной проекции?

— Обычно его использовали, чтобы запирали первых из моего народа. Такую печать невозможно сбросить никаким способом. Амнисы были вынуждены вечно служить своим хозяевам. Но их никогда не делали из крови. Кровь, наоборот, освобождала нас. Стоило начертить знак на предмете кровью — и оковы падали.

— Разумеется, требовался и сложный ритуал, — вставил Стэфан. — К тому же это происходило раньше. Теперь, когда волшебники используют цаплю и лотос, освободить амниса невозможно.

— А что возможно?

— Мы не знаем, Тиль.

— Ты говорил, что Ночной Мясник написал на стене «домой» на старом языке лучэров? — спросил Данте, листая «Дорогу на возвращение».

— Верно. Об этом и в газетах писали, — подтвердил я.

— Не имею такой привычки — читать о кровожадных ублюдках, — скривился тот. — Насколько я помню, в «Слезях Белатриссы» ты довольно подробно повторил мне то, что сказал вам с Талером пророк. Цитирую: «...

красный дождь прольется с небес, прежде чем Ночной Мясник распахнет дверь», и что у этого психа «навязчивая идея — пройти по дороге до конца». Верно?

— Абсолютно. Ты считаешь, что книга как-то связана с этим?

Он, цедя слова, протянул:

— Мне кажется, что название сего фолианта — всего лишь совпадение. Хотя... «дорога на возвращение» — это почти то же самое, что «дорога домой».

— Постой! Пророк еще говорил, что его соседа по сумасшедшему дому привлекало желание распахнуть двери дома! О каком доме может идти речь?

— Лучше тебе этого не знать, дружище. — Лицо у Данте стало мрачнее некуда. — Читай.

Он отдал мне книгу, раскрытую на середине, и добавил:

— Не уверен в правильности своей догадки, но, если складывать всю мозаику и учитывать Клевер Всеединого, история получается зловещая.

Я посмотрел на буквы, слагающиеся в совершенно непонятные мне слова:

— Данте, ты все время забываешь, что я не знаю старого языка лучэров.

Он забрал книгу и, словно вымещая на ней злость, швырнул на стол.

— Здесь хроника о том, как младший сын погибшего Князя во время гражданской войны, которая разгорелась из-за борьбы за престол между высокородными лучэрами, проигрывая поединок, не нашел ничего лучше, как обратиться за помощью к любимому папочке.

— Я уже догадался. Дальше можешь не продолжать, — пораженно произнес я, но Данте, словно не услышав, сказал:

— Он сломал печати, запирающие усыпальницу отца. И то, что было когда-то Князем, вырвалось на волю. Потребовалось несколько дней и масса жертв, чтобы избавить от него город. Половина старого Рапгара превратилась в руины. Здесь полно кровавых подробностей и прочих мерзостей.

Данте склонился над картой и ткнул пальцами в недостающие точки пока еще не существующего многоугольника:

— Ночному Мяснику требуется еще два убийства, чтобы сложилась фигура. Одно из них, кстати говоря, если мы с тобой правы, должно произойти в хвосте Рыбы.

— Там расположены Княжеские усыпальницы.

— Вот именно.

— Пойдите, чэры! Пойдите! — вскричат Стэфан. — Вы что, действительно думаете, что какой-то умалишенный способен вскрыть одну из гробниц?!

— Нет. Мы так не думаем, — сказал за меня Данте. — Принести жертвы, даже столь жестокие, — этого недостаточно, чтобы распахнуть двери. Требуется сложный ритуал, для этого нужен волшебник. И не просто волшебник, а с очень большим потенциалом. Способный провести церемонию и не испугаться того, что за этим последует.

— То есть требуется человек либо отчаявшийся, либо утративший чувство самосохранения. Наш психопат под это описание идеально подходит.

— Ты забываешь, Тиль, что он должен быть сильным магом. Давай съездим к усыпальницам.

— Когда? Сейчас?!

— А почему нет? — Он беспечно пожал плечами. — Несмотря на темноту, там безопаснее, чем где-либо в Рапгаре.

— Что ты хочешь получить от этой прогулки?

— Убедиться, что гробницы пребывают в целости и сохранности и наши домыслы беспочвенны. Пойдем. Расскажу по дороге...

— Холодно, — недовольно сказал Данте на крыльце, подняв воротник пальто.

Он принципиально не носил шляпы, дабы ни перед кем ее не снимать, и его светлые волосы в пробивающемся сквозь облака тусклом лунном свете казались припорошенными инеем. Я, опершись на трость, с мрачным видом думал о том, что все происходящее нереально. Ночной Мясник, страшные убийства, в которых только теперь я углядел странную похожесть на древние кровавые ритуалы, Княжеские усыпальницы, открыть которые можно лишь в страшных сказках для маленьких детишек...

— Зеф, Ио! — Данте заставил меня отвлечься.

— Да, хозяин? — Обе горгульи с подобострастием подползли к нему едва ли не на брюхе.

— Пойдете сегодня со мной.

— В смысле, за ограду? — опешил Зефир.

— В город?! — ошарашенно прошептал Ио.

— Еще один вопрос, и останетесь на постаментах, — пригрозил Данте.

Сегодня он был совершенно не в духе. Его амнисы заткнулись и стали нашим почетным эскортом. Их свобода ограничена оградой особняка, и

выходить за нее они могут только по прямому приказу хозяина, что случается крайне редко, примерно один раз в тридцать лет. Поэтому прогулка по Рапгару для Зефира и Ио — настоящее событие.

— Ты перепугаешь извозчика, — предупредил я Данте.

— Это извозчики кого хочешь напугают. — Он хмуро посмотрел на юг, где над домами, в ночи, разгоралось зарево пожаров. — Все-таки малозанцев решили поджечь. Все жандармы, наверное, уже там, и о Ночном Мяснике забыто.

— Тебе не кажется, что следует сообщить в Скваген-жольц наши догадки? — намекнул я.

Он подумал об этом, взявшись рукою за прутья калитки, и отрицательно покачал головой:

— Я уже слишком стар, чтобы выставлять себя на посмеище. У нас всего лишь домыслы, которые мы худо-бедно подогнали под хлипкую теорию.

— Все сходится, Данте!

Но он лишь досадливо поморщился и отмахнулся:

— Ты из-за молодости слишком горяч, а все потому, что тебя не били по носу, прости за откровенность. Ничего не сходится, кроме лежащего на город Клевера Всеедино, да и то выполненного не до конца! Нас поднимут на смех и покрутят пальцем у виска. Вероятность этого совпадения такова, что если я все время буду бросать камешки на землю, то рано или поздно они сложатся в фигуру и более сложную, чем многоуольник. Пока я не увижу собственными глазами, что наши догадки верны, тревожить жандармов не буду. У них и так дел хватает — на южном берегу началась серьезная заваруха, если ты не заметил. Давай проверим, это займет всего лишь час, а дальше уже будем решать, как нам поступить — бежать в Скваген-жольц или отправиться домой и посмеяться над собой за бокалом хорошего вина.

В его словах была доля истины, хотя я видел, что он больше не сомневается, что наши догадки верны. Но со свойственной ему осторожностью Данте собирался увидеть все собственными глазами. Я не возражал по нескольким причинам. Во-первых, потому что доверял его мнению. Во-вторых, потому что считал, что Скваген-жольц — это последние, к кому надо бежать и кричать: «Здесь тру-тру!»^[39] Разумом я понимал, что мы утаиваем очень важную информацию, но в моем сердце до сих пор было слишком много ненависти к нашим законникам, так что я просто кивнул:

— Хорошо, будь по-твоему.

Данте сжал кулак, прошептал в него свое имя, добавил формулу вызова, которой учат любого владеющего Обликом лучэра. Два ближайших электрических фонаря низко загудели, гротескные белые лампы накаливания затрещали, мигнули, вновь вспыхнули, но теперь уже гораздо более тускло и, наконец, погасли. Спустя мгновение, словно из другого мира, обретя видимость, из мрака выехала карета.

Четыре лошади, ноздри которых извергали пар, были маслянисто-черными, с рыжими гривами, хвостами и копытами. Эти яркие пятна диссонировали со всем остальным мрачным антуражем готической, серой, словно сотканной из теней кареты с большими колесами и непроницаемыми для солнечных лучей стеклами, на бортах которой живого места не было от зловещих, вырезанных из дерева фигур. Впрочем, дерево — обман глаз. Стоило внимательнее приглядеться к произведению неизвестного мастера, и становилось понятно, что материал этот нечто иное, чем то, что используется при создании обычных земных карет. Фигуры находились пускай в медленном, но постоянном движении, и, если смотреть на них долго, можно было заметить, как они меняются, перетекают друг в друга и порой корчат тебе страшные гримасы. Я слышал от Стэфана истории, что если смотреть *очень* долго, то можно сойти с ума от того, что покажут тебе эти твари — всего лишь дальнее эхо отголосков криков сгоревших душ.

Теневой кучер был под стать своему экипажу — высокое, закутанное в старый плащ нечто, в цилиндре и полумаске с гротескным алым клювом вместо носа, скрывавшей верхнюю половину лица. Нижняя ничем не отличалась от человеческой, разве что кожа была более бледной и сально блестя.

Кучер повернул голову в нашу сторону, его оранжевые, тыквазные глаза горели призрачным огнем. Он нетерпеливо пошевелил поводьями, приглашая отправиться в путешествие.

Эти ребята, младшие подмастерья младших помощников младших помощников Всеединого, имеющие потустороннюю природу, были не прочь служить потомкам существа, создавшего наш мир. Если твоя кровь чиста настолько, что у тебя есть Облик, ночью кучера в твоём распоряжении, и сотканная из теней карета готова доставить клиента в любую точку Рапгара.

Данте подошел к экипажу, распахнул дверцу, предлагая мне забираться первым, и рыкнул на амнисов, велел тем быть на козлах. Мой друг назвал адрес и с удобством откинулся на мягком бархатном диване.

Несколько секунд ничего не происходило, затем появилось давно

забытое мной *ощущение*. В животе словно бы образовалась дыра, и теперь в нее начало засасывать всю вселенную. Это все равно что оказаться под валом в прокатном стане одной из фабрик. Тебя вдавливают в диван, сжимают, перекручивают, затем все покрывается инеем, и ты делаешь оборот на триста шестьдесят градусов, видишь себя со стороны, с застывшими глазами, в которых не отражается ничего, кроме бесконечной пустоты, а потом краски блекнут, словно прогорающая над свечой бумага, заменяются чернильной тьмой, и в следующее мгновение тебя озаряет вспышка *реального мира*.

Прошло секунды две, от силы три, я поправил покосившуюся шляпу и, тряхнув головой, сказал:

— Совсем забыл, как это бывает. Данте тонко улыбнулся:

— Влад — искусный палач. Пожертвовал твоим умением вызывать карету, но зато сохранил тебе Облик и Атрибут. Обычно их отрубают начисто.

— Тебе лучше знать, — сказал я, все еще испытывая ощущение, что мне в уши набили несколько фунтов ваты.

Я распахнул дверь и спрыгнул на землю, оглядываясь по сторонам.

Густой липовый парк, полностью растерявший листья, спал десятым сном. Было удивительно тихо и очень темно. Луна совсем исчезла за наползшими облаками, и Стэфан, не дожидаясь просьб, начал светиться.

— Силе-о-он! — с издевкой сказал ему Ио, весело ткнув Зефира локтем в бок. — Что скажешь, братишка?

— Вели-ик, — осклабился Зеф, и эта парочка, не сговариваясь, засияла.

Свет, исходящий от каменных тел, разогнал мрак на расстоянии почти в сорок футов. Стэфан погас и грубо выругался. Они довольно загоготали.

Данте между тем оставил роспись в путеводной книге Теневого кучера и присоединился к нам.

— Идем, посмотрим на то, как спят величайшие. Прямая широкая аллея привела нас на большую круглую площадь, заканчивающуюся на противоположной стороне дугообразной высоченной колоннадой — входом в усыпальницы. Здесь горели фонари, но не электрические, как везде на острове Рыбы, а газовые. Пикли отказались проводить освещение на огромную территорию некрополя, мотивируя это сотней разных причин, начиная с религиозных и заканчивая трудоемкостью и рискованностью процесса.

— Мне изменяет зрение или это действительно то, что я думаю? — Я с удивлением показал направо.

Там, между парком и белоснежным забором кладбища, приютилось какое-то здание, над крышей которого торчали головы трех железных исполинов. По очертаниям я узнал паровых чудовищ, которые развлекают публику, сражаясь на Арене.

— Все верно. После сборки в цеху их привозят сюда на барже, чтобы испытать перед боями. Проверяют мощность паровых котлов, скорость, баланс, равновесие и не перегружены ли они броней. Когда испытания завершаются, машины перебрасывают в Гавань и везут на Арену на подводах.

— И где их испытывают? — Я ничего не понимал. — Они что, по гробницам шастают?

— Да нет. Здесь большая просека, через весь остров, прямо до моря. Пространства хватает, и любопытных глаз нет — неделями не появляется ни одна живая душа.

Это точно. К усыпальницам по старой традиции не спешат подходить. Просто так. На всякий случай.

— Ты-то откуда знаешь про эти штуки? Он рассмеялся:

— Забыл, что я спонсировал постройку одной такой машины? Пару раз сюда приезжал смотреть на результат.

— И как только Князь разрешил ходить этим консервным банкам рядом с могилами своих предков! — возмутился Стэфан.

— Думаю, что он об этом даже не подозревает, — подмигнул Данте. — Как я только что сказал — в усыпальницы приходят, только когда следует кого-то хоронить, а это случается очень нечасто. Здесь нет никого, кроме нескольких сторожей, уборщиков и общины митмакемов, которых не удовлетворяют условия Королевства мертвых.

— Митмакемов выселили четырнадцать лет назад, хозяин, — подал голос Ио.

— Ну тебе видней. Ты читаешь газеты чаще, чем я.

Мы пересекли площадь, где на засыпанных листвой камнях были выложены изображения цапли и лотоса, и оказались возле огромной колоннады. Она изгибалась подковой, а наверху, на портике, застыли тысячи гротескных статуй. Большие створки резных ворот, ослепительно-белых, все еще украшенных сусальным золотом, были замкнуты на огромный засов. Их открывали лишь в случае похорон Князя, перед траурной процессией. Это случалось раз в несколько веков, и лишь старая магия, оставшаяся в металле, не давала петлям ржаветь.

Во все остальные дни на территорию усыпальниц можно было попасть через несколько калиток, которые никогда не запирались.

Оказавшись на территории, Данте постоял, пытаясь сориентироваться, проигнорировал центральную дорогу, которая через каждые пятьдесят футов была освещена газовым фонарем, и свернул на пешеходную дорожку, отклоняющуюся влево, туда, где виднелись склепы знати.

Место для усыпальниц Князей отвели на правой половине «хвоста» острова, предварительно изолировав от другой части суши тремя прорытыми параллельно друг другу каналами. Между каналами стали хоронить представителей высокородных семей, видных государственных деятелей, военачальников, мануфактурщиков, ученых и творческую элиту. Ажиотаж бросить свои кости в непосредственной близости от сильных мира сего в прошлые века был достаточно силен. Лежать на этом кладбище считалось очень престижно, все равно что сейчас владеть акциями паровозной компании.

Люди платили огромные деньги, шли на сговор и преступления, лишь бы отвоевать себе местечко под могильной плитой и установить склеп поближе к центральной дороге, где проходит погребальная церемония прощания с Князем.

Но вскоре из-за отсутствия свободных земельных участков Городской совет запретил здесь хоронить кого бы то ни было, кроме лучэров, в которых течет княжеская кровь, и несолоно хлебавшим господам пришлось перебраться на кладбище Невинных душ, находившееся по соседству с моим домом. Здесь же остались лишь старые захоронения, и даже огоньки, витающие над могилами лучэров, давно погасли, обратившись в ничто.

— Добавьте света, — сказал Данте, и две тяжеленные горгульи,двигающиеся бесшумнее мяурров, исполнили его приказ. — Какая насмешка, Тиль! Кое-где в Рапгаре огня больше чем достаточно, а здесь тьма тьмущая.

Он был прав, зарево над южной частью города было видно даже отсюда. На Ничейной земле и прилегающих к ней областях бушевали пожары. Судя по всему, они не собирались гаснуть, а, наоборот, разгорались, следовательно, пожарные не приступили к своей работе, и, скорее всего, потому, что Скваген-жольц никак не может справиться с «внезапно» вспыхнувшими беспорядками.

— Теперь не затихнут еще часа полтора, пока не введут гвардию и не дадут разрешение стрелять на поражение. Такое уже было во время бунта зеленщиков в Холмах.

— Ты туда лучше посмотри. — Данте указал на юго-восток. Там, вдали, словно на большой глубине, едва видимое, пульсировало еще одно зарево.

— Дымок, Пепелок, Сажа, Копоть, Ржавчина. Если там быстро не разобраться, то полыхнет Яма, а за ней Соленые сады и Гетто Два Окна.

— Пролетарии, как они себя называют, решили побунтовать за компанию. — Данте презрительно скривил рот. — Недоноски никак не могут понять, что с ними церемониться не будут, особенно когда в стране война и продукция фабрик жизненно необходима. Дело закончится большой кровью, оставшиеся в живых отправятся на каторжные работы, а на свободные места придут новые эмигранты, благо их здесь всегда хватает.

Мы добрались до первого из трех каналов, скаты которого выложены темно-красным гранитом. Сейчас в море был отлив, и вода едва доставала до середины уровня. В ней покачивались одинокие листья и какой-то мусор.

— Сточная канава. — Данте печально вздохнул. — Раньше здесь плавали лебеди.

— Каналы прорыли как раз после того случая вскрытия гробницы. Считается, что вода — естественная граница для разнообразных сущностей, — встрял Стэфан.

— Но это не так. Всего лишь старая легенда, — напомнил я ему.

— Конечно, это не так. Вода — очень слабая преграда. Возможно, она остановила бы амниса, очень слабого амниса, который был бы в своей естественной форме, но никак не душу Князя.

— Особенно когда традиция разведения мостов осталась в прошлом. Механизмы давно пришли в негодность. — Данте не нравился окружающий его упадок: неубранные осенние листья, сухой плющ и разбитая мраморная плитка под ногами.

Он прав. Через каналы переброшены мосты, которые, по старому городскому закону, должны быть все время подняты, если, конечно, не идут похороны Владыки. Но мэры давно уже вычеркнули из бюджета Рапгара строку, посвященную безопасности усыпальниц. Вначале зарплаты лишились разводящие, затем испортились механизмы. Как говорится, когда беда далеко, о ней начинаешь забывать и думаешь, что больше такого не случится.

Конечно же не случится, особенно если поблизости нет Ночного Мясника. Я сообщил о своих мыслях, добавив:

— Всегда знал, что в Рапгаре плохие врачи. Не могли нормально вылечить психа, сделали только хуже.

— Повреждение рассудка — это все равно что рана на теле. Ее, конечно, можно вылечить при должном умении, но след в виде шрама все

равно останется, — сказал Стэфан.

— Ну у него явно очень большой шрам! — усмехнулся я. — Кстати, Данте. Почему мы идем кружным путем?

— Чтобы не будить сторожа. Старик слишком сварлив, и от него потом час не отвяжешься.

Минут через десять мы все-таки вышли на главную дорогу, носившую название Погребальной улицы, и перебрались по первому мосту на противоположную сторону. Впереди, за лесом склепов, виднелись ребристые полусферы последнего прибежища Князей.

Мне было интересно, каким образом Данте собирается узнать, что Ночной Мясник бьет в правильном направлении и у него действительно есть все шансы отомкнуть одну из могил, но я не лез с расспросами, ожидая, когда он сам все расскажет.

— Ты знаешь, — неожиданно заявил он, — я всегда считал, что за убийством на вилле «Черный журавль» стоит Князь.

— Серьезно? — Я был не слишком удивлен, потому что сам уже давно думал об этом.

— Ну во всяком случае, это самое логичное заключение. Именно поэтому на тебя так быстро сфабриковали дело и, не мешкая, казнили, а затем отправили в тюрьму. Мне так казалось. Да и не только мне, если честно. Просто подобные вещи не принято обсуждать вслух.

— Я знаю, что у него имелись причины...

— Верно, Тиль. Имелись. И очень серьезные, на мой взгляд, хотя эта история не афишировалась и ее знали лишь приближенные к Владыке. Он терпеть не мог эр'Фавиа, хотя и не стал противиться выбору любимой младшей дочери. Тот оказался не слишком хорошим зятем и портил репутацию княжеской семьи. Он частенько напивался как свинья, не вылезал из злачных заведений Ямы, и «Тщедушная ива» была самым приличным из них. Эр'Фавиа любил играть, но игроком был никудышным, поэтому проиграл все, что только можно и нельзя, а за долгами приходили к Князю.

— Думаю, ему это не нравилось. Смех у Данте был отнюдь не добрым:

— Мне шепнули на ушко, что однажды Владыка здорово потрепал родственничка и выкинул через стекло веранды на первом этаже. Тот потом целый год жил в «Черном журавле» и боялся показываться во дворце, но продолжал совершать глупые поступки. Он все время причинял семье множество неудобств, хотя княжна, по слухам, его очень любила. Так что когда все произошло, я счел, что терпение Князя лопнуло и он обставил дело так, что ты оказался козлом отпущения. Если честно, это было

единственным объяснением случившегося. Ему было выгоднее всех избавиться от эр'Фавиа. Но, судя по последним сведениям, моя теория оказалась не верна. Пока ты томился в застенках, я прикидывал и другие варианты. Если забыть о зяте Князя и переключиться на тебя, такое могли устроить недоброжелатели твоего дядюшки.

— Убить родственника правящей династии, чтобы сместить Старого Лиса с поста главы Палаты Семи, — слишком круто, не находишь?

Мы перешли через второй мост, и находящиеся впереди усыпальницы увеличились в размерах.

— Но ведь они выиграли на случившемся. Ты не можешь отрицать этого, Не Имеющий Облика. Или ты не понял, что стало причиной того, что Гуго эр'Картиа потерял власть?

— Это не причина, а всего лишь следствие.

— Нет! — внезапно оглушительно рявкнул Данте, потеряв всю свою беспечность, и за его лицом мелькнул жуткий Облик. — Именно это является причиной! Они воспользовались ситуацией и нанесли удар, когда тот потерял поддержку Князя! И ты не должен этого забывать!

— Поверь, я ничего не забываю, — благожелательно ответил я ему, не обращая внимания на то, что Зефир и Ио едва зубами не стучат от страха. — Когда я найду виновника моих бед, то убью его просто и незатейливо, и без всяких лишних разговоров.

Мой друг пристально посмотрел на меня и внезапно улыбнулся:

— Сегодня я нервничаю больше обычного. Извини.

— Разве я выгляжу обиженным?

— Знаешь, чем мне нравится наша дружба? — Он сорвал с куста сухую пепельную розу. — Ты не перестаешь удивлять меня, несмотря на свою молодость. Все эти старики, включая меня, иногда безнадежно глупы, раз считают, что нам нечему научиться у юнцов. Это далеко не так. Возвращаясь к теме, я говорил тебе, что ты жив только потому, что множество совершенно разных людей из уважаемых семей были бы недовольны, если бы тебе снесли голову. Слишком много вопросов оставило после себя то «расследование». Поэтому Князь решил не рубить с плеча, а упрятать тебя в камеру, так сказать, «условно живого», пока страсти не поутихнут и о тебе не забудут. Но я не давал им забыть.

Он подмигнул мне и бросил сухой цветок в воду, как только мы взойшли на третий, и последний, из мостов. Бутон упал в маслянистую, блестящую в свете тусклых газовых фонарей воду.

— Что ты собираешься делать, когда все кончится? — невзначай спросил Данте.

— Ты об истории с Ночным Мясником? — Да.

— Рано еще об этом говорить, на мой взгляд.

— Строить планы никогда не рано. Даже если они не осуществляются. Лично я все-таки собираюсь отправиться на курорт к Жвилья, несмотря на войну.

— А я подумываю отправиться на эту самую войну.

Он, вопреки моим ожиданиям, даже не засмеялся, но в его глазах я увидел какую-то ранее не виданную мною у Данте эмоцию. Что это было, я так и не понял: горечь, понимание, сожаление, фатализм? Стэфан, ошеломленный моим решением, пораженно молчал, а Анхель излучая тревогу и неверие.

— Зачем тебе влезать в кровь, Пересмешник?

Я, прежде чем ответить, оглянулся, посмотрел на зарево пожаров, которые сейчас бушевали в Рапгаре, неловко пожал плечами.

— Талер хотел послужить своей стране, но у него не получилось. Быть может, получится у меня? Если здесь все кончится, я потеряю свою цель в жизни, пускай она и не слишком значима. Атам... у меня не бог весть какой Облик и Атрибут, но, возможно, моя помощь будет не лишней.

— Возможно, — не стал спорить Данте и перевел разговор. — Почти пришли.

Площадь в виде неправильного эллипса была идеально чистой, на черном, блестящем мраморе не лежало ни единого листочка. Справа и слева от дороги застыли статуи, сделанные из все того же черного мрамора. Каждая из них превышала в высоту двухэтажный дом и смотрела на проходящих под ее ногами смертных.

— Ты никогда здесь не бывал? — участливо заглянул мне в глаза Данте.

Я покачал головой:

— Что я здесь забыл? Красивые скульптуры.

— Это Князья, которые правили Рапгаром после завершения Смутных времен.^[40] Можешь познакомиться.

Князья были совершенно разными и в то же время похожими друг на друга. Не внешним сходством, а одинаковым выражением жестокой власти на лицах. Их было двадцать шесть, по тринадцать на каждой стороне дороги, и нам пришлось пройти мимо них всех, чтобы оказаться возле последнего отрезка пути, ведущего к комплексу усыпальниц.

Здесь умиротворяюще шумели фонтаны, работающие благодаря старой магии даже зимой.

Ребристые полусферы гробниц, каждая величиной с пятиэтажный дом,

облицованные мрамором, походили на панцири каких-то неведомых бронированных животных. Каждая из усыпальниц располагалась близко к другой, между ними вились дорожки, хорошо освещенные газовыми фонарями, и росли старые каштаны. Одни строения были больше и массивнее, другие — меньше и казались приплюснутыми сверху, но каждое из них довлело над тобой, и я ощущал себя не слишком уютно.

— Раз ты здесь не был, тебя это должно заинтересовать. Идем, я кое-что покажу.

Данте привел меня к находящейся справа гробнице с высоким гребнем. Ее вход был обращен на восток, в сторону от площади. Здесь облицовка выглядела новее, чем на других частях усыпальницы, а работа казалась более грубой и очень поспешной. Вокруг необычайно сильно пахло осенней травой и отчего-то шоколадом.

— Что скажешь? — полубопытствовал Данте.

— Создается такое впечатление, что мастера оказались криворукими.

Он понимающе улыбнулся и похлопал по стене:

— Именно из нее выпустили душу одного из лежащих здесь Князей. Прадед, он прожил почти восемь веков, рассказывал, что после случившихся событий она выглядела так, словно была разорвана изнутри. Это потом подлатали да повесили ворота обратно. Видишь, они до сих пор немного погнуты.

Я посмотрел на знакомый многоугольник, выбитый на большом замке, на усиленные петли, на замурованные створки:

— Как его загнали назад? Данте весело рассмеялся:

— Вернись на землю, Пересмешник! Загнать *это* назад сложнее, чем уничтожить! По-твоему, он будет спокойно сидеть в узилище, пока рабочие повесят новые ворота, заделают прорехи в стенах, а волшебники наложат чары?!

— То есть его уничтожили?

— Возможно, что и так, — нехотя ответил Данте. — Знаю лишь, что Академия Доблести потеряла почти всех магов, прежде чем они додумались, как причинить *этому* вред.

— И что же это за чудо-оружие?

— Звук. — Он улыбнулся, увидев мое непонимание, спрятал руки в карманы пальто и обратился к Ио: — Объясни ему.

Горгулья хотела что-то сказать, но ее перебил Стэфан:

— Помолчи, умник. Ты косноязычен, как камень, в который вселен. Позволь с моим хозяином разговаривать мне самому! Существа из Изначального огня, Тиль, если, конечно, они не помещены в физическую

оболочку с жесткой основой, как мы, амнисы, пребывают в состоянии хаоса и нестабильности. Звук, если использовать его на высоких частотах, все время меняя тональность, мешает существованию таких созданий, так как вносит в их тела еще больший хаос. Это все равно что ослепить человека светом, оглушить громкой музыкой и облить кипятком одновременно, если ты понимаешь. Именно это с нами происходит, когда волшебники вырывают амнисов из Изначального огня и вселяют в предметы. Ощущения не из приятных.

— То есть они... шумели? — Мне показалось, что меня разыгрывают.

— Что-то вроде того, — улыбнулся Данте. — Во всяком случае, так говорится в книге, которую ты сегодня с таким интересом рассматривал. Кто-то шумел, кто-то в это время пытался выкинуть бывшего Владыку в другой мир. В итоге у них это получилось, правда, после того, как почти половина города, тогда еще не такого большого, как этот, оказалась уничтожена, и жертв было больше двенадцати тысяч.

— В истории мира всегда существовали чудовища, казавшиеся непобедимыми, но в конце концов их закапывали, — философски произнес Стэфан.

— Верно, мой друг, — подтвердил Данте. — А гробницу лет через двадцать после событий восстановили, чтобы она не особо бросалась в глаза. Теперь давай посмотрим, как обстоят дела возле уцелевших могильников.

— Их до сих пор запечатывают магией, ведь так?

— О да, Тиль, — он улыбался, словно подросток, задумавший какую-то каверзу. — Несмотря на то что мы приручили пар и заставили его служить себе, несмотря на то, что вот уже десять лет как поднялись в воздух, и почти пять лет пытаемся обуздать электричество, кое-что в Рапгаре не меняется и, поверь мне, не будет меняться еще очень и очень долго. Князя, а точнее то, во что они перерождаются, оживают не сразу и даже не через год. Есть время и гробницу построить, и, что самое главное, ее запечатать. И поверь, ритуал не такой сложный, как тот, во время которого ее можно открыть. Запереть гораздо проще.

По изгибающейся дугой дорожке, мимо старых каштанов мы подходили к очередным воротам, отмеченным княжеским многоугольником.

— Книга говорит, что вырвавшееся отсюда имело Облик, более всего похожий на тот, что носил Всеединый. Не знаю, насколько это утверждение верно, с учетом того, что из тех, кто видел Всеединого, никого нет в живых. — Данте остановился перед усыпальницей и начал снимать

перчатки. — Возвращаясь к Ночному Мяснику, задумавшему такую милую каверзу, как локальный апокалипсис в отдельно взятом городе, хочу еще раз сказать тебе, что кровавого ритуала и жертв недостаточно. Должны еще поработать маги. А потом требуется смелый духом человек, чтобы поднять засов и распахнуть двери.

Он помолчал, убрал перчатки в карман, критически изучил монолитную постройку:

— Когда юный дурак выпустил своего папашу, лучэры едва не потеряли власть. Ты же знаешь, как мы ее любим. Чтобы больше подобное не повторилось, влиятельные семьи, в каждой из которых в ту пору были волшебники, создали несколько артефактов...

— Извини, Данте. Я понимаю, что ты хочешь сказать, но времена, когда для того, чтобы сломать камень, использовали кирки, давно прошли. Сейчас настало время взрывчатки, и она без труда снесет и эту преграду, и стены, если кому-то действительно захочется выпустить узников.

— Только конченому психопату захочется это сделать. Рапгар пережил много волнений, попыток переворотов, убийств и смертей, но никто не решился вскрыть могилу, потому что это гораздо хуже и быстрее чумы. А насчет взрывчатки ты заблуждаешься, потому что недооценивать магию, мой юный друг. Ничто, кроме нее, не отомкнет запертого замка. Ради интереса можешь достать Анхель и попытаться покоря-бать какую-нибудь плитку. Увидишь, что будет.

— Спасибо. Не хочется.

— Мудрое решение. Что касается артефактов, то они служили дополнительными запорами. Последней гарантией того, что какой-нибудь следующий живой Князь, если ему это придет в голову, не выпустит родственничка на волю. Раньше ворота подчинялись только правителю Рапгара, теперь же — никому.

— А что будет, если поднести к створкам ключ?

— Сейчас посмотрим, — сказал он и протянул руку. Кольцо, изображающее голову Двухвостой кошки, мягко засветилось бледно-голубым, и я вздрогнул:

— Хочешь сказать, что у тебя...

— Один из таких замечательных предметов. Да. Артефакты разделили между десятью высокородными семьями уважаемых лучэров. Один из них достался моей семье. Мне передал его отец, хотя до этого момента я считал, что мы давно утратили фамильную реликвию. В хрониках кольцо описано совсем иначе, чем есть на самом деле. Мои предки позаботились о том, чтобы никто на него не покусился. По легенде, мы давным-давно

потеряли его в одной из колоний. Поэтому никто, кроме меня, а теперь и тебя, не знает, что это такое.

— И... как с его помощью можно открыть дверь?

— Представь себе, я не знаю и не хочу знать.

— Нужен ритуал и много жертв. Очень много крови, Тиль, — прошептал Стэфан.

— Ну жертв и крови уже предостаточно. Что еще?

— Возможно, артефакт следует использовать во время последнего убийства, и, когда замкнется круг...

— Зачем вообще что-то создавать, чтобы открыть усыпальницу, если этого не хочешь?! — возмутился я.

— Ты меня не слушаешь, Пересмешник. Артефакты не ключи, а дополнительные запоры. Они держат все это, — Данте обвел рукой мрачную ночную территорию, — лучше, чем строительный раствор держит кирпич. Это кольцо — гарантия безопасности для высокородных лучэров, что больше подобной катастрофы не случится. Ты хотя бы представляешь, что произойдет, если какая-нибудь из тварей, что сейчас спит вечным сном, вырвется на свободу? В Рапгаре больше трех миллионов жителей! Да он опьянеет от крови и наберется таких сил, что остановить его будет невозможно! А если откроются две, пять гробниц?! Страну ждет катастрофа, по сравнению с которой война с Малозаном — легкий укус фиоссы!

— Я могу представить последствия.

— Да дайте мне сказать! — вспыхнул Стэфан, которого я перебил. — Все сходится, слышите, вы?! Клевер Всеединого на территории города, жестокая смерть жертв и кровь дадут достаточно силы, которая будет собрана в одной точке, в месте последнего убийства, чтобы хороший маг мог начать работу! И год Темной луны! Не забывают о нем! Он ключевой в астрологическом цикле! Последний! Завершающий! И если я все правильно понял, кровь жертв, рожденных в этот год, вполне достаточная сила, чтобы если не разрушить, то хотя бы заблокировать артефакт!

Он был порядком напуган, и я его вполне понимал. Картина вырисовывалась жутковатая. Словно ты сидишь в горном домике и уже знаешь, что лавина сорвалась с вершины, несется вниз и через несколько минут будет здесь, но понимаешь, что бежать поздно.

— Кольцо светится, а раньше такого никогда не было. — Данте хладнокровно надевал перчатки. — Это изменение означает, что все даже хуже, чем я думал. Ты был прав, Тиль. Нам действительно стоит сообщить властям. Но не Скваген-жольцу, а магам. Их помощь будет гораздо более

эффективна, чем беготня жандармов. Зефир, Ио останетесь здесь. Зеф, на тебе мост. Не дай никому сюда пройти. Даже если для этого придется применить силу. Ио, возьми на себя патрулирование гробниц. Чтобы даже скангер не прошмыгнул!

— Как прикажете, хозяин.

Мы быстро пошли назад, к аллее, где Данте планировал вызвать Теневого кучера.

— Ты не думаешь, что у Мясника может быть что-нибудь вроде твоего кольца? — обеспокоенно сказал я, перешагивая через упавший венок.

— Это вряд ли. Вещам много лет. Они в большинстве своем потерялись в веках. Часть была уничтожена вместе с семьями, которые ими владели. Здесь как с амнисами — умирает последний из рода, и сила пропадает. Так что большая половина артефактов теперь бесполезна. Я знаю всего лишь о двух существующих на этот день. Один ты только что видел, другой попал в сокровищницу Князя около шести веков назад. Это старое ручное зеркало.

— Интересный выбор предметов...

— Никто и не выбирал. Ситуация была самая забавнейшая. Когда завершились все эти темные события и город оказался в руинах и трупах, уцелевшие собрались вместе и, не мешкая, принялись за создание артефактов. Так что использовали то, что было под рукой. Я до сих пор помню список. Кольцо, ручное зеркало, старая пуговица, мундштук от трубки, серьги, книга, кинжал, платок, гусиное перо и свечной огарок.

Я споткнулся, выругался и посмотрел на него так, словно он только что заявил, что является самим Всеединым.

Глава 24

АЛИСИЯ

Встревоженный Данте высадил меня возле дома, еще раз резко предупредив:

— Я за тобой вернусь, как только поговорю с нужными людьми в Академии Доблести.

Через несколько мгновений экипаж растворился в тенях.

В доме чэры эр'Тавии горел свет, старуха, как всегда, стояла у окна. Но на этот раз я пренебрег вежливостью, что совершенно неоправданно для истинного чэра, и, не поздоровавшись с ней, поспешил к своему особняку. Когда Бласетт открыл дверь, я увидел у него в руке один из револьверов Алисии, а за дворецким стояла готовая ко всему Эстер.

— Чэр эр'Картиа! Мы все беспокоились!

— Зачем тебе пистолет? — спросил я, хотя мои мысли были заняты совсем другими вещами.

— В городе бунт. Не помешает, чэр. — Бласетт положил оружие на край тумбочки, где хранились щетки для чистки обуви. — Позвольте ваше паль...

— Не сейчас, — сказал я, отдав ему трость и направляясь к лестнице.

— Когда подавать ужин?

— Позже. У меня важные дела. Наверху ждала Бэсс.

— Рада видеть тебя целым, Пересмешник. Что Князю от тебя потребовалось? Ты пробыл там почти целый день.

— Поговорим через несколько минут, Бэсс, — нетерпеливо ответил я. — Мне и Данте, возможно, потребуется твоя помощь. Ты сможешь собраться?

Она нахмурила тонкие рыжие брови:

— Данте?... Во что вы впутались, ребята?

— Мы только планируем это сделать. Извини, я оставляю тебя ненадолго.

Дорога до кабинета показалась мне очень длинной. Оказавшись там, я выдвинул ящик верхнего стола, замер на мгновение, удивляясь увиденному и думая, что ошибся, проверил второй ящик, а затем и третий. Я не страдаю провалами в памяти, поэтому у меня не возникло вопроса, «куда я мог его деть?». Оставался небольшой шанс на то, что это служанка переложила

вещи, хотя раньше у нее не было такой привычки — рыться в моем столе.

— Эстер! — позвал я, не желая искать Шафью по большому дому.

Стафия появилась в дверях, блеснув глазками из-под нечесаной соломенной челки.

— Ты не знаешь, Шафья ничего не забирала из моего кабинета?

— Она убирает здесь по средам и пятницам, чэр. Не сегодня.

— Кто-то заходил сюда?

— Не знаю, — смутилась она. — Вы ведь никогда не давали никаких распоряжений об охране вашего кабинета. Что-то случилось?

Я краем глаза увидел движение на шкафу, повернулся в ту сторону. Наверху подпрыгивал и махал руками один из представителей маленького народца.

— Я же, кажется, сказал им на второй этаж не забираться, — проворчал я, но все-таки подошел к малышу. — Что такое?

— Я Какросянка, — пискнул тот, втягивая голову в плечи. — Красивая чэра тут была.

— Что?! Когда?!

— Меньше часа назад чэра эр'Рашэ ушла, — тут же вскинулась Шафья. — Ей пытались объяснить, что уже ночь и сегодня в городе неспокойно, но она сказала, у нее срочное дело.

Если раньше у меня оставались хоть какие-то сомнения насчет пропавшего платка, то теперь они мгновенно улетучились. Он действительно был очень ценен. Анхель зло подумала, что она так и знала, мне не стоило пускать в дом женщину.

— На тебе лица нет! — Бэсс была уже полностью одета. — Что случилось?

— Кажется, Алисия взяла одну вещь...

— Чэра не слишком похожа на воровку.

Я удивился, что она ее защищает, и сказал:

— Тогда остается один вариант — его забрала ты, но я, если честно, тебе доверяю больше, чем ей.

— Авторитет у низшей выше, чем у благородной лучэры? Польщена. И что же теперь? Мы должны ее найти?

— Нет. Этим займусь я. — Мы быстро спускались по лестнице в холл, где нас ждал встревоженный и мало что понимающий Бласетт. — Твоя помощь мне требуется в другом. Ты должна отправиться в Академию Доблести и найти там Данте. Скажи ему, что я был прав, но платок пропал. Он поймет. И еще скажи, что, кажется, все произойдет сегодня. У них теперь артефакт, а Скваген-жольц занят подавлением бунта.

Она не стала задавать вопросов, настаивать на том, чтобы пойти со мной, лишь кивнула и приняла пальто из рук дворецкого, который помог ей одеться. Я забрал трость.

— Платок исчез? — Голос Стэфана звучал почти что жалобно. — Мой мальчик, скажи, что я ослышался!

— Сожалею, однако с твоим слухом все в порядке.

Я взял револьвер, положил его в карман, но перламутровая рукоятка торчала из него, и пришлось убрать оружие за ремень, хотя это было не очень удобно.

Мы вышли на холодную улицу, и Бэсс, опять спрятавшая глаза за стеклами темных очков, надела на голову пушистые меховые наушники, которые придавали ей несколько наивный и очаровательный вид. Она взяла меня под руку, и вместе мы прошагали несколько кварталов. Трамваи уже не ходили, но извозчики стояли на прежних местах. Было самое время зарабатывать деньги, невзирая на тревожную обстановку.

— Скажи Данте, что я буду ждать его на улице Желтых топазов, третий дом. Если меня там не будет, пусть сразу возвращается туда, где он оставил Зефира и Ио. Будь осторожна.

Я посадил Бэсс в коляску, дал денег извозчику, не слушая ее возражения, и сел в свой экипаж, надеясь, что еще не поздно.

Попросив остановить коляску, не доезжая до нужного дома, я прошел оставшийся отрезок пути пешком.

— Не совершаем ли мы глупость, Тиль? — Когда голос у Стэфана становится вкрадчивым, это значит, он пытается меня переубедить. — Девушке нечего делать в доме. Она туда не вернется, ты же слышал, что она рассказывала...

— Прекрасно слышал, но считаю, ты не прав. Думаю, про мертвую экономку и страх возвращаться к себе Алисия солгала для того, чтобы попасть ко мне в дом. Это было необходимо ей, иначе она бы никогда не добралась до платка. Так что, я полагаю, в особняке совершенно безопасно.

— Возможно, и так. Но есть ли ей смысл возвращаться туда, где ты ее будешь искать?

Я пожал плечами:

— У нее нет ни вещей, ни денег. Как я понял со слов Катарины, она совершенно одна. Я даже не уверен, что у чэры остались слуги. По словам Эстер, Алисия ушла меньше часа назад. Учитывая время в дороге, она находится в своем доме меньше пяти минут. Лично я, прежде чем исчезнуть, взял бы с собой хоть что-то из того, что мне дорого. Например, вас.

— Мы польщены, но что, если ты заблуждаешься? Если ее там нет?

— Стэфан, к чему гадать? Мы обо всем узнаем меньше чем через минуту. У меня все равно нет выбора, и это место — единственное, где имеет смысл ее искать. Возможно, я действую впустую, но я действую, а не сижу на месте. Согласись, носиться по огромному Рапгару в надежде случайно наткнуться на беглянку еще более глупо, чем проверить ее дом.

Серая громадина старого особняка, окруженного серебристыми рябинами, была тиха и безмолвна. В окнах не горел свет, и я испытал разочарование. Но через несколько мгновений увидел в окне первого этажа появившийся и сразу же исчезнувший блик, словно кто-то ходил там со скрытым фонарем или свечой.

— Будь осторожен, — предупредил меня Стэфан.

Дверь оказалась заперта, но я не собирался вести себя в рамках приличий. Анхель бесшумно покинула ножны, стянула силу, и я вогнал хищный коготь керамбита прямо в замочную скважину, разрушая ее. Клинок расплавил металл, и следующим движением я провел между дверью и косяком, срезая щеколду, которая не давала мне войти.

Я поступал очень бесцеремонно, вваливаясь в дом юной чэры без приглашения, но в данном случае считал, что юная чэра поступила так же бесцеремонно, забрав вещь без спросу.

Зал был темен. Я прикрыл за собой дверь, прислушался и различил шорохи в соседней комнате. Я направился туда, двигаясь осторожно, практически на ощупь, но девушка сама вышла в холл, держа в одной руке небольшой потайной фонарь с опущенными шторками, а в другой — дорожную сумку.

— Доброй ночи, Алисия, — негромко сказал я.

Она испуганно вскрикнула, отшатнулась назад и тут же подалась вперед, узнав голос. Опустив сумку, подняла шторы фонаря, осветив мое лицо.

— Чэр эр'Карти... Тиль. — Ее зеленые глаза метнулись мне за спину, к двери, затем к ножу в моей руке. — Ты один?

Я убрал Анхель, чтобы ее не пугать раньше времени, и сказал:

— Да. Ты так поспешно покинула мой дом, не оставив даже записки, что я начал волноваться, не попала ли ты в беду.

— Это было очень любезно с твоей стороны, — тихо сказала она. — Но, право, не стоило так беспокоиться.

В ее глазах были настороженность и испуг.

— Я поступила некрасиво, не сказав тебе ни слова, но обстоятельства вынуждают меня покинуть Рапгар сегодня же ночью.

Я сделал шаг в ее сторону, и она вскинула руку, выставив раскрытую ладонь:

— Пожалуйста, не подходи ближе!

— Ты мне не доверяешь?

— Да... Нет... Прости. — Алисия устало опустила руку. — Я никому не доверяю. Ты мне нравишься, Тиль, но давай оставим все как есть. Мне нужно уходить.

— Конечно, если это необходимо.

На ее лице появилось несказанное облегчение:

— Я рада, что ты понимаешь.

— Но прежде чем уйти, верни, пожалуйста, платок, который забрала у меня.

Алисия вздрогнула, словно я ударил ее, и отшатнулась, но почти сразу же справилась с собой, и ее прекрасное лицо застыло безучастной маской, лишь глаза понимающе прищурились.

— И что ты намерен делать?

— Осторожнее! — прошептал Стэфан. — Анхель что-то почувствовала.

Ощутить она могла все что угодно, поэтому я сказал то, что и собирался:

— Во всяком случае, получить ответы на некоторые вопросы. Я считаю, что имею на это право, Алисия. Или ты предпочитаешь, чтобы я называл тебя Эрин? Ее губы тронула призрачная улыбка:

— Когда ты догадался?

— Слишком поздно, на мой взгляд, хотя это и было достаточно просто. У меня серые глаза, а не алые, но я владею Обликом и Атрибутом. Я все время забываю, что это редкость, но никак не исключение и не уникальное свойство полукровки. Твои глаза зеленые, но почему бы и тебе не иметь Облик? Такое возможно.

Прежде чем я закончил говорить, передо мной уже стояла Эрин в той самой одежде, как и тогда, когда я увидел ее в первый раз, в поезде. Она была гораздо старше Алисии, ниже ростом, но такая же прекрасная, как и в первую нашу встречу.

Голубые глаза казались немного насмешливыми, а улыбка карминовых губ очень грустной:

— Я сожалею обо всем этом обмане, Тиль.

Я смотрел на Эрин, девушку, о которой так много думал все эти дни, с которой так мечтал встретиться, которая стала для меня почти что наваждением, и понимал, что все это время она была не так далеко, как я

считал.

— Я видел тебя на Арене, но ты слишком быстро исчезла. А затем в «Тщедушной иве». Та женщина в вуали, что садилась в экипаж, это ведь была ты. Вчера утром я нашел волос Эрин на своей подушке. Значит, это не было сном?

Вместо ответа она вновь задала тревожащий ее вопрос:

— Что ты намерен делать, Тиль? Я не отдам тебе то, что ты нашел в поезде. Это моя собственность.

— Скажи, зачем ты убила жандарма в моем купе?

— Он увидел меня не в Облике и попытался схватить. Я защищалась. И если он и был жандармом, то служил тем же людям, по чьему приказу убили моего отца.

Говоря это, она смотрела мне прямо в глаза.

— А потом, избавившись от Облика, ты спокойно переждала, пока жандармы обыщут поезд.

— Да. Они искали человеческую девушку, а не чэру, пьющую чай в вагоне-ресторане.

— Но почему ты не сбросила Облик сразу? Как я понимаю, твои преследователи искали Эрин, а не Алисию.

— Был небольшой шанс, что меня схватят. Я не хотела никому открывать свое истинное лицо. К тому же я просто испугалась, Тиль, и не нашла ничего лучше, чем спрятаться в твоём купе. Я знаю, это была непростительная глупость.

Говорят, что шпионы — это самые лучшие в мире лгуны. Но Алисия, точнее, Эрин врала еще лучше. А может быть, и нет. Сейчас я не мог отличить правду от вымысла.

— Ты знаешь, что из себя представляет этот платок?

Я стоял на месте, не собираясь к ней приближаться до поры до времени, так как помнил тех двух дураков из розового кварца, что мы нашли с Бэсс в катакомбах.

— Конечно, — кивнула она, вновь, к моему разочарованию, становясь Алисией. — Как и ты, насколько я вижу. Платок находился в моей семье многие поколения.

— Зачем ты его спрятала?

— В купе? Из предосторожности. Если бы жандармы вдруг решили искать Эрин серьезно, то... в общем, его могли у меня обнаружить, потому что искали именно его.

— Я мало что понимаю, Алисия.

Она коснулась изумруда у себя на шее и сказала:

— Думаю, ты имеешь право знать правду. Артефакт всегда находился в доме, но однажды моя мать, предававшая не слишком большое значение старым легендам, сочла, что не будет ничего страшного, если она появится в этом платке на одном из приемов. Это случилось семь лет назад, когда мне было только двенадцать. Через недолгих шесть месяцев она погибла из-за несчастного случая. Так считали в Скваген-жольце, да и у нас не было никаких сомнений. Прошло несколько лет, и я застала отца в страшном волнении. Он сказал, что к нему приходил неизвестный и просил продать платок. Также папа упомянул, что этот же самый человек говорил с моей матерью до ее смерти.

— Кто он?

— Тот самый жвилья, которого ты так ловко выбросил в окно.

Я хмыкнул:

— Ты в курсе, что он работает на серый отдел Скваген-жольца?

— Да. Но его настоящий работодатель Мишель эр'Кассо.

— Один из Палаты Семи? Ты уверена?

— Да, — жестко сказала девушка. — Уверена, Тиль. Эрин проследила за ним, когда этот ублюдок пришел к нам в дом еще раз. Отец отказался от продажи, потому что платок был ему дорог как память, к тому же он был моим наследством. Только много позже, читая записки матери, я поняла, что это такое. Вскоре отца убили, а платок похитили.

Я переварил информацию и осторожно уточнил:

— То есть ты серьезно считаешь, что чэр Мишель эр'Кассо во всем этом замешан?

— Это по его приказу убили моих родителей.

— Картина, скажу я тебе, складывается удручающая, — прошептал Стэфан.

— Алисия. — Я сделал к ней шаг, но она тут же отступила назад и покачала головой, показывая, что я не должен приближаться. — Ты знаешь, кто убил твоего отца?

— Какая разница? За всем этим стоит эр'Кассо. Получается, она ничего не знала о Ночном Мяснике, но на моем лице все еще оставалась некоторая доля скептицизма, поэтому Алисия сказала:

— Я мечтала отомстить ему, но понимала, что против такой серьезной фигуры в Рапгаре у меня нет никаких шансов. Мне прямо намекнули, чтобы я оставила дело об убийстве отца, я ведь уже говорила. Но все-таки я хотела вернуть то, что принадлежит моему роду. Эр'Кассо любит красивых женщин, я узнала, что он ищет новую секретаршу, и мне повезло. Он принял Эрин на работу, даже не проверяя документы на гражданство.

— Старый похотливый козел, — пробормотал Стэфан.

— Твоя трость права, — улыбнулась девушка, вновь приняв Облик Эрин.

— Твой Атрибут — умение понимать чужих амнисов? — резко спросил я у нее.

— Да. Именно так. Я достаточно быстро втерлась в доверие к эр'Кассо и стала вхожа в его дом...

Я не стал спрашивать, на что ей пришлось пойти ради этого.

— Однажды он был занят делами и оставил меня одну на достаточно долгое время для того, чтобы я нашла и вскрыла его сейф.

Я показал, что удивлен столь странными способностями у юной чэры, и она показала на свой изумруд:

— Знакомься. Это Роббер. Мой амнис.

— Ерунда какая-то! — возмутился Стэфан, и Анхель его горячо поддержала. — Мы не чувствуем его!

— Он меняет структуру, — сказал я. — Когда появляется Эрин, изумруд превращается в булавку.

— Верно. Это одно из его свойств. Впрочем, как и умение скрываться от других.

Кажется, изумруд заговорил с моим ножом и тростью, так как я почувствовал, что они стали внимательны и сосредоточенны.

— Те люди из стекла, в катакомбах, работа твоего амниса? — догадался я.

— Верно. Он ждал, когда я приду в себя, и, получив прямой приказ, избавил меня от подручных эр'Кассо, которые так долго ловили Эрин. То же самое Роббер сделал с сейфовой дверью. Оставалось всего лишь разбить ее и взять принадлежащее мне. Я оказалась права в своих подозрениях. Сбежала из города, но они начали преследование, и мне пришлось запрыгнуть в первый же поезд, хотя он и направлялся обратно в Рапгар. Бегство было самым разумным вариантом, чтобы запутать следы. Потом я спрятала артефакт у тебя в купе, за диваном, но, видимо, недостаточно надежно, потому что, когда вернулась, ты уже забрал платок. У меня не осталось никаких доказательств причастности эр'Кассо к убийству моих родителей. Я не могла пойти к жандармам. Ты ведь понимаешь, что, когда такие лучэры у власти, подобных мне раздавят и не заметят.

— Но там, на Арене, ты появилась в своем Облике.

— Да. Эр'Кассо находился там. Я должна была отвести подозрения от себя самой, когда он попытался вывести у чэры Алисии, что мне известно

об убийстве моих родителей и похищенном. Но я совершенно забыла, что ты там тоже будешь и узнаешь меня.

— А «Тщедушная ива»?

Она вздохнула, посмотрела на меня искоса и очень неохотно произнесла:

— Я говорила с твоим другом. Владом.

— О Всеединый! Что тебе потребовалось от него?!

— Эрин встречалась с ним, пока работала у эр'Кассо. Он был в ней заинтересован. В ту ночь я хотела узнать у него о тебе, но... он был слишком пьян, к тому же пытался задержать меня, хватал за руки, и я ушла.

— Ты не думала, что опасно появляться в облике Эрин, когда ее все ищут?

Алисия лишь невозмутимо ответила:

— Мне было важно узнать о тебе все, что можно. Слов Катарины недостаточно, и я готова была рискнуть. Я хотела понять, могу ли тебе довериться, и много раз слышала от отца, что Влад — тот лучэр, на точку зрения которого можно положиться. Мне нужно было узнать у тебя, уцелел ли платок. Видит Всеединый, я планировала тебе рассказать все, что знаю, но на нас напали!

— Понимаю. Но когда ты пришла в мой дом, почему не доверилась? — Я посмотрел в голубые глаза девушки моей мечты, девушки, которой не существует в природе.

— Потому что снова не могла тебе доверять, Тиль. Мы были вдвоем, когда эти люди набросились на нас, и я не могла исключить возможность, что ты с ними в сговоре.

— Ну спасибо, — уязвленно пробормотал я. — Меня тоже атаковали.

— Знаю. Роббер рассказал. Но я решила проявить осторожность и... выкрала платок из твоего стола. Прости, — тихо закончила девушка. — Я совсем запуталась и иногда начинаю забывать, кто же я в действительности — Алисия или Эрин. Мы так привыкаем маскироваться перед другими, что рано или поздно начинаем маскироваться перед самими собой.

— Чэр эр'Дви, погибший начальник серого отдела, говорил, что тебя ищут не только из-за того, что ты украла что-то у своего начальника, но и потому, что ты важный свидетель, способный привести жандармов к Носящим красные колпаки.

Она печально покачала головой:

— Это неправда. Полагаю, эр'Кассо солгал ему об этом, пытаясь заручиться ресурсами серого отдела, чтобы найти меня. Я незнакома с Красными колпаками и думаю, что их давно не существует, Тиль. Те люди,

что нападали на тебя и пытались похитить меня, работали на эр'Кассо. А колпаки на лицах — надежное прикрытие и способ сбить ищеек со следа. Я кивнул. Старый Лис говорил мне о том же.

— Мне надо уходить, Пересмешник. — Эрин посмотрела умоляюще. — Пожалуйста, не пытайся задержать меня.

— Ты уедешь?

— Да. Сегодня же...

— Опасность! — громко объявила Анхель.

Моя рука тут же потянулась за пистолетом, но в дверь уже вбегали люди:

— Не двигаться, именем закона!

Мы слишком заговорились, слишком старались не спускать друг с друга глаз, а мои амнисы занимались выяснением отношений с изумрудом Алисии, поэтому не услышали их до самого последнего момента. Это были жандармы в синих мундирах.

— Держать руки на виду! Доброй ночи, чэр эр'Картиа!

В грудь мне был направлен револьвер, барабан которого мерцал синим и алым, но я видел лишь довольное, ухмыляющееся лицо.

— Инспектор Фарбо. Какая встреча. Я слышал, что вы теперь уже не старший инспектор.

— Это дело поправимое, чэр эр'Картиа. Думаю, теперь меня опять повысят. Что вы здесь делаете?!

— У меня точно такой же вопрос к вам. — Я держал руки на виду, не спеша приступать к решительным действиям, так как двое других целились в Алисию, все еще находящуюся в Облике Эрин.

Он ухмыльнулся и, не считая сложным ответить мне, сказал:

— Я следил за вами. Только и всего. От вас за милю пахнет преступлениями, чэр. Теперь представьте мое удивление, когда я вижу вас и женщину, которую, судя по всему, разыскивает весь серый отдел Скваген-жольца! Ведь она связана с Красными колпаками, не так ли? Самыми опасными террористами в Рапгаре. И мне интересно, чэр эр'Картиа, что вы делаете в столь компрометирующем обществе.

— Боюсь, вы не поверите, — холодно произнес я, понимая, что Алисия не покажется.

— Я всегда чувствовал в вас изъян! — торжествуя, произнес Фарбо. — Теперь-то вы точно не отмоетесь и совсем скоро окажетесь в родной камере «Сел и Вышел».

Жандармы стояли спиной к распахнутой двери, и, когда там появился человек, я подумал, что это еще один из слугителей закона, но затем он

поднял массивный предмет, и я дернулся в сторону, пытаясь закрыть собой Алисию. Голубые росчерки электрических пуль из ручного пулеметателя оторвали голову одному жандарму, отбросили к стене второго, прошили насквозь Фарбо, а затем ударили мне в грудь и руку...

Боли не было. Вообще. Щека лежала в чем-то влажном, липком, медленно расползающемся по полу, пахнущем медью и железом.

Кровь. Кажется, это называется кровью. Я устало закрыл глаза, пролежал так пару столетий, а когда открыл их, увидел перед собой лишь кусок пола и удивленно распахнутые, потускневшие глаза инспектора Фарбо, которому так и не суждено было вновь стать старшим.

Стоило бы посмеяться над такой издевкой судьбы, но появилась боль, и я подавился смехом.

Поэтому я вновь закрыл глаза, теперь уже надолго. Я не чувствовал своих рук и ног, что было почти также неприятно, как сквозная дыра, которую оставила во мне электрическая пуля, будь проклят тот, кто ее изобрел!

Меня мутило, и я дважды терял сознание, но когда вновь поднял веки, понял, что со времени выстрелов прошло всего лишь несколько жалких секунд. И опять мне хотелось смеяться, но в груди лишь тихо булькнуло, и я ощутил вкус крови во рту.

— Держись, Тиль! Слышишь?! Держись, мальчик! — в два голоса кричали Стэфан и Анхель, но я, основательно напрягшись, мысленно попросил их помолчать.

Они мешали мне хвататься за ускользающую из меня жизнь, впрочем, подобные попытки были очень жалкими, и мне начало казаться, что к успеху они вряд ли приведут.

— Девка жива? — раздался чуть в стороне от меня первый голос.

— Да. Оглушили ее электричеством, — второй.

— Найди платок, — третий. Шаги. Возня. Ругань.

— Есть! Он здесь! В ее сумке! — опять второй.

— Хо'ошо. Заби'ай — и уходим. Ты, п'ове'ь остальных.

— Все мертвы. Нет. Чэр еще дышит. — Кажется, меня кто-то пихнул в бок, отчего картинка у меня перед глазами немного сместилась в сторону и кроме лица Фарбо я теперь видел еще и его продырявленную грудь. — Живучий ублюдок!

— Добей!

— Погоди, — четвертый голос.

Перед глазами появились коричневые ботинки, наступившие в кровь, и мое сердце сжалось от боли. Я узнал их. Пальцы коснулись моей шеи, и

через секунду четвертый сказал:

— Он не жилец.

— Надо добить, — настаивал третий.

— Как хотите. Решайте быстрее. Надо завершать эту историю. Я жду на улице.

Ботинки ушли.

— А что с девкой? Тоже прибьем?

— Нет! — неожиданно раздался голос отошедшего от меня четвертого. — Возьмем с собой. Надо понять, кому еще она успела рассказать. Тащите ее в карету.

Возня. Оханье. Ругань.

— Проклятая булавка! Укололся! Сейчас, погоди, сниму. Я сожалел, что, когда Алисия очнется, ее амнис не наделает новых розовых стекляшек.

Я хотел что-то сказать, но даже Не смог застонать. Плохи дела. Вновь вернулись шаги. Две пары ботинок. Черные. Дешевые. Какое убожество!

— Жалко на него пулю. Сам сдохнет, — сказал первый.

— Можно обойтись и без пуль. — Кажется, второй усмехнулся.

Анхель закричала от ужаса, и в следующую секунду что-то вонзилось мне в спину...

— Не спи! Не спи! Не смей засыпать!

— Надо двигаться! Приложи усилие, мальчик! Надо покинуть дом и выползти на улицу!

Я вяло возразил, что это ни к чему. Выстрелы должна была слышать вся округа, а любое усилие убьет меня.

Да. Я все еще был жив, хотя, казалось, что уже не выберусь из густой, отвратительно вязкой ваты, окутавшей мое сознание. Вокруг был целый океан крови и, кажется, исключительно моей собственной.

— Открой глаза, Тиль!

— Всеединый, ребята! Вы можете помолчать? — сказал я с помощью хрипов и бульканий. — Потерпите несколько минут и получите долгожданную свободу.

— Только не сегодня! — яростно выла Анхель. — Только не...

Я снова потерял сознание, и мне было очень хорошо. Мне казалось, что я лежу в постели, а рядом со мной Эрин, и если это и есть дары Изначального пламени, то я совершенно не против умереть. Годом раньше, годом позже... Какая, собственно говоря, разница?

Впрочем, я тут же вспомнил о важном деле, Ночном Мяснике и том ублюдке, из-за которого на шесть долгих лет лишился свободы. Несколько обидно уходить, окончательно не разобравшись с делами. Эта мысль

заставила меня открыть глаза, посмотреть на окружающую обстановку и понять, что она изменилась. Рядом с Фарбо стояла дворовая кошка. Обычная, серая, худая, но с чистым блестящим мехом. Она тщательно обнюхивала лицо мертвеца.

Я отстраненно наблюдал за ней, отметив про себя, что из-за слабости у меня начинает двоиться в глазах, иначе никак нельзя было объяснить, почему у зверька имелось в наличии целых два хвоста.

Наконец кошка обернулась ко мне, посмотрела ясными, чуть зеленоватыми глазами, и ее тело пошло рябью. Комната несколько раз сделала сальто, и теперь я видел лишь мощные львиные лапы со страшными когтями, покрытые серебристой шерстью.

Зверь приблизился, склонился надо мной, и мое ухо обожгло хриплое дыхание. Оно было даже приятным, насколько это возможно у крупного хищника из породы кошачьих. Затем я почувствовал, как горячий язык коснулся моих ран, и это причинило боль. Я застонал, дернулся, но руки и ноги даже не шелохнулись. А Двуххвостая кошка продолжала лизать мою рану и лакать кровь из лужи. Я терпел боль, сколько мог, а затем сказал этому миру прости-прощай и отправился по дороге в Изначальное пламя, но несильный удар лапой привел меня в чувство.

Боли больше не было, и крови вокруг тоже. Я подал сигнал пальцам, и они тут же ответили, а затем, не чувствуя больше головокружения, приподнял голову и посмотрел прямо в густо-синие, сапфировые глаза.

Она была одновременно похожа и на льва, и на крупную серебристую пантеру с двумя длинными хвостами. Ее грива формой напоминала горящее пламя и была точно так же, как и глаза — сделана из множества сапфиров. У меня промелькнула мысль, что кольцо на пальце Данте полностью повторяет внешность прекраснейшего из всех созданий Всеединого.

Двуххвостая кошка в последний раз посмотрела на меня, сделала шаг к двери и исчезла из моего поля зрения. Мне кажется, она тоже считала, что у меня еще есть неотложные дела в Рапгаре...

Глава 25

ОГНЕННЫЙ КЛИНОК

Встать я смог не сразу. Голова еще немного кружилась, но по сравнению с тем, что со мной было несколько минут назад, — это небо и земля. Все-таки в том, что ты лучэр, есть свои плюсы. Нет, я говорю не о Двухвостой кошке, в приход которой до сих пор не может поверить Стэфан, хотя, казалось бы, он-то удивляться не должен. Я о том, что резервы моего организма, в отличие от человеческого, гораздо более серьезны. Только лучэр может прожить с дыркой в теле величиной с кулак не тридцать секунд, а три минуты. Как раз достаточное время для того, чтобы дожидаться прихода демонической сущности, которая по своему двухвостому капризу не желает тащить дырявого чэра в Изначальное пламя.

Я потряс головой, выбрасывая из нее все лишние мысли, поискал глазами шляпу, увидел ее в на полу, в крови, и оставил лежать там же. Затем рассеянно ощупал бок. Если не считать испачканной и порванной пулями одежды, на мне не было никаких следов повреждений.

— За всю свою жизнь я видел кошку лишь дважды, — пораженно говорил Стэфан Анхель. — И в первый раз ее облик был не столь прекрасен... Эй! Что ты делаешь? Тебе надо к врачу!

— Это, в отличие от Ночного Мясника, может подождать. — Я уже был на ногах и старался не обращать внимания, что комната немного покачивается перед глазами. — Уверен, что ему осталось последнее убийство, а значит, все случится сегодня.

— Тиль...

— У них платок! — резко сказал я. — Давай закончим спор на этом. У меня нет времени.

Ублюдки не стали обыскивать меня, и револьвер Алисии остался при мне, а вот оружие жандармов они забрали.

— Сколько их было?

— Четверо здесь. И, кажется, двое на улице, — тут же ответил амнис. — Но еще не факт, что это все. Кстати, ты знаешь, что это был...

— Прекрасно помню! — оборвал я, ощутив злость.

— Он предал тебя...

— Стэфан, заканчивай с этим. Он никогда не предавал меня, потому

что мы никогда не были особо близки. Я спрошу с него, когда придет время. А теперь надо уходить. Жандармы давно уже были бы здесь, если бы не волнения на юге.

Мой взгляд упал на перевернутую дорожную сумку Алисии, на выпотрошенные вещи и булавку в виде химеры. Золотая. Я колебался несколько секунд, затем сказал:

— Я постараюсь отнести тебя к твоей хозяйке, — и поднял амниса с пола.

Тот, судя по всему, не возражал.

К сожалению, некоторые амнисы в процессе своего вселения в предметы получили не только колоссальную силу, но и ограничения. Этот, к примеру, защищал свою хозяйку только по ее прямому приказу и был напрочь лишен самостоятельности Стэфана.

Я вышел из дома, где остались лежать три трупа, и подумал о том, что ночь только начинается. Как только стих ветер, с неба посыпался пепел. Во всяком случае, я так подумал сначала, пока не понял, что это снег. Крупные невесомые хлопья закручивались в вальсе на темной липовой аллее и беззвучно падали на опавшую листву. Я остановился, протянул руку и позволил одной из снежинок упасть мне на перчатку. Дохнул на нее теплом, заставляя сложную, идеальную структуру в одно мгновение смяться и превратиться в капельку талой воды.

Кажется, нечто подобное в самом скором времени ожидает и Рапгар.

Была середина ночи, самое холодное, самое пустое, самое нелюдимое время, которое в нашем городе называли временем одиноких сердец. Мне потребовалось больше полутора часов, чтобы добраться до Княжеских усыпальниц. Как назло, на улицах Небес не оказалось ни одного извозчика, зато было полно гвардейцев, которых в боевом облачении и во всеоружии перевозили к паромам и мостам для подавления бунта. Зарево с Ничейной земли перепозло на Прыг-скок, зато в заводских районах все, кажется, завершилось.

Власти сработали быстро и усмирили недовольных, прежде чем заняться малозанцами. Оно и правильно, в условиях начала войны заводы и фабрики важнее погромов в жилых кварталах и возможных жертв среди мирного населения.

На площади, перед воротами на кладбище, стояло семь экипажей, в их числе и большой дормез, но я не видел, чтобы там был хоть один человек. Пришлось остановиться в тени деревьев и потерять несколько драгоценных минут, чтобы осмотреться.

Я нервничал из-за того, что потерял слишком много времени,

добираясь сюда, и теперь опасался, что не успею даже попытаться остановить то, что задумали эти ублюдки, недостойные называться господами. И еще я очень волновался за Алисию.

Когда я убедился, что опасности нет, то бегом пересек площадь, стараясь, чтобы экипажи оставались в поле моего зрения на тот случай, если там все-таки кто-нибудь есть. Толкнув калитку, я оказался на кладбище.

Старые склепы теперь выглядели еще более зловещими, чем прежде. Я не рискнул идти обходным путем, которым в первый раз вел меня Данте, опасаясь заблудиться среди бесконечных могил, и направился по центральной дороге, стараясь хоть как-то держаться в тени. Но вряд ли я мог бы обмануть даже слепого, газовые фонари и пустое пространство делали меня очень заметным. Принимать Облик было бесполезно. Пробегу я за шесть секунд немного, а затем придется ждать, чтобы вновь воспользоваться способностями.

Такими темпами до гробниц я доберусь не раньше утра.

Я шел, затем перешел на бег. Удивительно, насколько это оказалось тяжело. После того как я покинул дом Алисии, каждые десять минут на меня накатывала волна слабости, да такая, что я покрывался холодным потом и у меня дрожали колени. Полного исцеления не произошло, и я чувствовал, что еще немного, и лихорадка, от которой меня то и дело начинало трясти, разгорится в полную силу. Если я переживу эту ночь, то следующую неделю придется проваляться в постели и пить всякую горькую дрянь, несмотря на выносливость моего организма.

Впрочем, я был рад, что дело обошлось этим, а не смертью. Впору задуматься о Двухвостой кошке, поразиться встрече с ней, но сейчас моя голова была занята более приземленными делами, а о чудесах найдется время вспомнить, когда все закончится.

Лежащего на земле человека я увидел заходя, перешел на шаг, нырнул в промежуток между склепами и, прыгая через могильные плиты, подошел к этому месту не со стороны дороги. Почти сразу же понял, кто это, так как взгляд наткнулся на небольшую сторожку. Я склонился над телом старика, покачал головой. Смотрителя застрелили, когда он вышел на шум, чтобы проверить, кто шляется ночью по кладбищу.

— Мерзавцы не церемонятся, — проскрипел Стэфан напряженным голосом.

— Это я уже успел заметить, — криво усмехнулся я.

— У тебя есть стратегический план дальнейших действий, мой мальчик?

— Да. Называется импровизация.

До первого моста оставалось всего ничего. Амнис занервничал, и я, чтобы только успокоить его, предложил:

— Как тебе такой вариант — найти Эрин и вытащить ее из пекла?

— Алисия, мальчик. Она чэра Алисия, а не твоя Эрин. Не забывай об этом, пожалуйста, и не беги за иллюзией. К тому же ты отсюда никуда не уйдешь. Я тебя давно знаю...

Я хотел ответить, но увидел перед мостом трех мужчин, юркнул за ближайший склеп и достал револьвер. До них было достаточно далеко, чтобы я чувствовал уверенность в точности стрельбы. Меня они не замечали лишь потому, что оживленно обсуждали что-то между собой. Следующие несколько минут я крался по могилам, мимо склепов, старых гробниц и высохших венков на мраморных плитах. Когда я оказался в последнем кладбищенском ряду и больше скрываться не имело смысла, я выглянул и беззвучно выругался.

Их осталось двое. Третий, массивный мужчина в капюшоне, уходил по мосту прочь. Оставшиеся перекинулись между собой скабрезными шутками и, смеясь, натянули на лица алые колпаки.

— Маскарад начинается, — произнес я совсем неблагоприятным тоном и убрал пистолет.

От охранников, стороживших мост через канал, стоило избавиться, не поднимая шума. Анхель поняла меня с полуслова, и ее кривой клинок хищно клацнул, покидая ножны.

До них было недалеко, так что я предполагал успеть успокоить этих клоунов до того, как они меня увидят. Я принял Облик, перескочил через ограду, за четыре секунды оказался рядом с ними, чиркнул ножом по воздуху, и левый, забулькав, схватился за рассеченное горло. Его товарищ, так ничего и не поняв, умер, когда я ткнул его набалдашником трости в грудь. Стэфан — отнюдь не безобидный болтливый брюзга. Когда надо, он в состоянии показать свою истинную сущность.

Человек с сожженными внутренностями рухнул, словно опрокинутая статуя, одревеневший, с поднимающимся от черной раны дымком. Я не стал проверять, жив ли его истекающий кровью товарищ, и поспешил за третьим. Анхель, удовлетворенная произошедшим, излучала сплошное удовольствие. Ей нравилось чувствовать на себе кровь, ощущать, как режется нить жизни и перепуганная душа отправляется в Изначальное пламя. Мой нож очень жесток и кровожаден. В прошлые века Анхель собирала большие жатвы во славу смерти. Но, доставшись мне по наследству, она научилась смирять свои желания и лишь в подобные

моменты вновь становилась такой, какой была изначально — свирепым существом из другой реальности, оказавшимся запертым в клинке.

Надеясь догнать последнего из тройки, я несся вперед, рассчитывая, что к этому времени у меня вновь появится возможность воспользоваться Обликом. Я уже давно должен был нагнать ушедшего, но его и след простыл. Миновав второй мост, я почти добрался до третьего, когда у меня за спиной раздался спокойный голос:

— Никогда не видел, чтобы мертвые оживали.

Я резко обернулся, крутанув трость в левой руке, но до него было больше десяти шагов, и он не спешил нападать.

— Где девушка, Влад?

Он по-дружески улыбнулся, махнул рукой налево, куда-то в сторону склепов:

— С секретаршей эр'Кассо ничего не случилось. Пока. Вижу, она интересуется не только меня.

На нем была простая черная куртка с капюшоном и грубые штаны. Из кармана торчал кончик красной тряпки, в которой я опознал колпак. Правая рука небрежно придерживала извлеченного из ножен Рогэ. Палаческий меч с обрубленным острием мог только рубить, но не становился от этого менее грозным.

— С учетом того, что ты не удивлен нашей встрече... я думал, ты уже едешь на Двухвостой кошке в куда лучший мир, чем наш.

— Решил задержаться. Твои нечищенные ботинки навели меня на мысль, что с тобой стоит поговорить.

Он рассмеялся и сказал:

— *Ab imo pectore*^[41] в твоём распоряжении.

Я достал револьвер, но он и бровью не повел, все так же продолжая улыбаться. Мне было неприятно видеть его лицо, Анхель подзуживала меня выстрелить, но усилием воли я сдержался.

— Слишком рано все началось, — сказал я, глядя в лицо чэра, которого считал если не другом, то хорошим товарищем. — Ведь тогда это твои слова были, а, Влад?

Он улыбнулся, отвесил мне шутовской поклон:

— *Disce nit sapiens res, quas confundit asellus*,^[42] Пересмешник. Я всегда боялся, что ты когда-нибудь сообразишь.

— Не слушай его! — возопил Стэфан. — Он тянет время! Ему выгодно это! Ждет помощи!

— «Нет, — ответил я мысленно. — Он мог ударить в спину. Мне

нужны ответы».

То, что палач тянул время, отвлекая меня от того, что происходит возле усыпальниц, неоспоримо. Но не уверен, что кто-то другой скажет мне хоть слово, а я должен знать, почему выбрали меня.

— Раз ты боялся, почему я остался жив? Почему меня тогда не убили?

Его улыбка была виноватой:

— Наш славный маг оглушил тебя, но, если бы ты умер, жандармы начали бы искать настоящего убийцу. Это было неприемлемо. К тому же твое существование в качестве преступника давало эр'Кассо и эр'Гиндо прекрасный шанс избавиться от Старого Лиса и получить возможность маневра.

— Патрик тоже влез в эту дрянь?

— Он всегда был на главных ролях и сейчас, пока мы разговариваем, стоит на пороге своего триумфа.

— Почему же я остался жив во время казни?

— Ответ, что я слишком сентиментален, тебя не устроит. Тиль? Не устроит... Ну что же... Я всего лишь действовал как палач — *Sina era est studio.*^[43] Это профессиональное. Ты вряд ли поймешь, но оценить-то ведь должен, а?

Он был дружелюбен, старый друг Влад, который трижды оставлял меня умирать.

— Только теперь я понял значение твоих слов тогда, в «Черном журавле». Слишком рано все началось. У вас не было артефакта и вам нужен был эр'Фавиа. Что он вам наобещал? Достать зеркало из сокровищницы Князя?

— Верно. Эр'Фавиа проигрался в пух и прах, должен был звездную сумму эр'Гиндо и боялся, что Князь узнает о его делишках, поэтому обещал достать нам эту безделушку взамен на списание долга и молчание.

Все секреты становятся тайной, а тайна превращается в зло. В этом истина любого секрета.

— Но наш безумный друг нарушил все планы и убил его прежде, чем мы достигли результата.

— Поэтому все свалили на меня, психа спрятали в лечебнице, где он был под контролем и не вызывал подозрений, а сами стали искать другой способ и нашли его, увидев платок у чэры эр'Рашэ.

— Ты очень осведомлен и догадлив. Снимаю шляпу, Пересмешник. Все верно, но пожар, как это говорят у вас, игроков, спутал все карты. Прежде чем мы смогли его отловить, он почти завершил рисунок. Очень увлекающийся человек, и хочет жить вечно. Отчего-то он решил, что может

стать лучэром, если выпустит останки Князя на свободу. — Влад искренне рассмеялся, хотя его глаза были так же холодны и внимательны. — Если человека пичкать обрывками культуры, которой тот не понимает, то он становится прекрасным фанатиком и оружием в чужих руках. Нам не нужно было ничего делать, лишь ждать да молить Всеединоного, чтобы артефакт попал к нам вовремя. Фарбо все-таки был дураком, все время гнался за fama clamosa,^[44] но привел нас куда нужно, за что ему большое спасибо.

Я испытывал ненависть к этому лучэру и, понимая, что время уходит, все же спросил:

— Зачем был убит эр'Дви?

— Мне жаль. Большая потеря для государства, но не оставалось иного выбора. После того как дурак эр'Кассо натравил его на девчонку, все начало рушиться. Эр'Дви начал копать, догадался, что мага стоит искать не среди отвергнутых и незарегистрированных, а среди своих. Стал расспрашивать, поднимать личные дела. Могло кое-что выплыть, к тому же он понял, что Носящих колпаки все-таки не существует, и эр'Кассо, а также пара его сотрудников, работающих на нас и сообщивших ему ложные сведения, оказались под угрозой. Действовать пришлось быстро, и я швырнул ему в карету бомбу.

— Ты как на исповеди, — нехорошо усмехнулся я. Влад вернул усмешку:

— Я готов рассказывать тебе что угодно и сколько угодно, лишь бы ты не шел к гробницам. Разумеется, если ты не хочешь умереть.

— Ты заботишься о моей жизни? Не поздно ли?

— Никогда не поздно, — невозмутимо ответил палач. — Тебе здесь нечего делать, Тиль. Я хочу, чтобы ты забыл о гневе и мести. *Ira furor brevis est.*^[45] Оно проходит. В память о нашей дружбе я даю тебе возможность выбрать. Ты попал в неприятную ситуацию, но ты не мой враг. Исчезни, прежде чем это вырвется на волю и будет поздно. *De fausto*^[46] и не оглядывайся. Это будет лучшее решение в твоей жизни. Иначе... — Он крепче сжал рукоять меча, что было очень недвусмысленным намеком на неприятную для меня развязку. — При всем моем уважении к Анхель ей не стоит связываться с Рогэ.

Мой амнис окатил меня холодной яростью.

— А ты сам не боишься того, что случится? — спросил я, потянув с ответом.

— Нас оно не тронет.

— Сомневаюсь, — пробормотал Стэфан. — Никто из вас не понимает, что это такое. Никакие талисманы, обереги и силы одного жалкого волшебника его не удержат. Умрут все.

Я это прекрасно знал, и лично мне было жутко от того, что должно произойти.

— Что скажут твои товарищи, когда узнают, что я ушел, Влад? — Я сделал вид, что колеблюсь.

— Они не узнают.

Мы смотрели друг на друга, и я не сомневался, что он знает, какой выбор я сделаю.

— Не боишься, что я приведу подмогу? Палач рассмеялся:

— Теневые кучера тебе не подчиняются, отсюда до оживленных районов пешком идти очень долго. К тому же все заняты бунтом. Прежде чем они очнутся, история свершится.

— Для чего ты влез в это безумие, Влад?

— Мне нужен твой ответ, Пересмешник. — Жестко сказал он.

Я вскинул револьвер и выстрелил ему прямо в лицо. По его поведению я сразу понял, что из этой затеи ничего не выйдет, слишком спокойно он себя вел, но попытаться все же стоило. Пуля, не долетев до него нескольких дюймов, разрушилась и брызнула во все стороны раскаленными каплями.

— Глупо! — сказал Влад и без всякого предупреждения прыгнул на меня, подняв меч.

И к этому я тоже был готов, потому что никогда не сомневался в проворстве палача. Несмотря на грузную фигуру и кажущуюся неуклюжесть, двигался он легко, плавно и невероятно быстро, словно ртутный шарик, перетекающий из одного состояния в другое, а меч стал продолжением его самого.

Мне пришлось попятиться, разрывая дистанцию. У Влада было преимущество в длине меча и гораздо большем опыте фехтовальных поединков.

— Ты хочешь знать, зачем все это?! — прорычал он, больше не улыбаясь. — Потому что среди истинных лучэров есть те, кто неравнодушен к происходящему в Рапгаре!

Удар! Еще удар! Я едва успевал уклоняться и сбивать направление клинка, рубя по его плоскости тростью.

— Правительство давно пора отправить на свалку истории! Они слишком размякли.

Меч вспыхнул пламенем и теперь с шипением оставлял за собой

огненный шлейф. Буквы на клинке горели. *Jus vitae et necis.*^[47]

— Ты зарвался, Влад! Право на распоряжение жизнью и смертью есть лишь у палача, но не у преступника, попирающего законы собственного основателя!

Я едва избежал прямого тычка в лицо, оказался сбоку, попытался ударить его Стэфаном по плечу, но он проворно развернулся и рубанул по трости снизу вверх. Он явно остался разочарован. Пламенеющий клинок, вопреки его ожиданиям, не перерубил дерево, а отскочил в сторону, пронзительно взвизгнув, а Стэфан в ответ выругался из-за появившейся зарубки.

— Князья приходят и уходят, Пересмешник, превращаются в тлен, перерождаются в нечто новое!

Алые росчерки меча мелькали перед моими глазами и я, решив уйти с открытого пространства, отступил на кладбище, где у Влада было меньше пространства для маневра. Почти сразу же я понял, что особо ничего не выиграл. Рогэ без труда перерубил гранитный столб, словно тот был сделан из свечного воска.

— Остаются лишь те лучеры, кто управляет Князьями! Так было раньше, так будет и теперь! Посмотри, во что мы выродились!

— Если ты о себе, палач, то зрелище действительно жалкое. Возможно, в другое время я мог бы выдерживать его темп, но на меня опять накатила дурацкая слабость, и я едва не оказался разрублен на две половинки. Анхель визжала от ярости, но подойти ближе к врагу и воспользоваться ею я не мог.

— *Nescio quid majus nascitur Rapigare!*^[48] И никто этого не остановит, тем более — ты!

Я подцепил Стэфаном венок и швырнул в него, но неудачно.

— Слишком благосклонная политика к людям и Иным! Интересы первых детей Всеединого забыты! Уравнены в правах с чернью! Вот почему я здесь!

Я попытался перейти в атаку, но он с легкостью ее отразил, и пламя обожгло мне щеку, в такой близости пролетел Рогэ от моего лица.

— Мы высшая раса, глупый дурак, и достойны уважения, а не грязи, в которой теперь этот город! Старые традиции забыты, память предков попорана!

Еще один склеп разлетелся на кусочки под яростной атакой меча. Вот уж где попирается память предков!

Прыгать среди могил было делом нелегким, я боялся оступиться и

упасть, а палач пер вперед, словно махор, снося все на своем пути. За ним оставалась широкая просека из разоренного кладбища.

— Магия усохла, подчинилась, упала на колени!

— Какое дело тебе до магии, самовлюбленный фанатик? — Я почти достал его ударом по пальцам.

— Она лучше того, что есть сейчас! Этот прогресс низводит нас на уровень других! Потеряв магию, лучэры потеряли власть! Мы больше не правим миром! Мы либо вернемся к былой славе, либо исчезнем, уступив место людям или Иным! *Tertium non datur!*^[49]

— И ради этого вы готовы уничтожить тысячи жизней?! Ради возвращения в старину?! — Я принял Облик, но он широкими взмахами клинка не давал мне приблизиться к себе, даже когда я оставался невидимым.

— Твои уловки не помогут, Пересмешник! Тысячи умрут этой ночью, но их смерти спасут этот мир! Получив власть, мы сможем вести более мудрую политику, чем Князь!

Я вновь стал самим собой и перемахнул через кованую ограду, а затем отшатнулся за стелу.

— Война была ошибкой! Мы влезем в нее по уши и проиграем! Уже проигрываем! От уважения к лучэрам, от страха перед ними не останется и следа!

Наконец-то мне повезло, я изловчился и попал ему тростью по пальцам левой руки, превратив их в головешки. Он заорал от боли, но меч, вопреки моему ожиданию, не выронил.

— Я убью тебя и одной рукой! — провыл Влад, едва не снеся мне голову.

Стэфан мигнул рубиновым светом, заставив моего противника сбиться с темпа, я вновь отпрыгнул, в который раз за время этого краткосрочного поединка услышал за спиной тихий вскрик и едва не наступил на Алисию в облике Эрин.

Она сидела связанная по рукам и ногам, ее плечи укрывало теплое пальто Влада.

— Убей его! — закричала девушка.

Это было гораздо сложнее сделать, чем сказать. Но, как оказалось, она обращалась не ко мне.

Влад, так и не опустив занесенный меч, застыл в виде полупрозрачной статуи розового кварца с искаженным от гнева ртом.

Дышал я тяжело, словно загнанная лошадь, и едва не проявил слабость — хотелось хотя бы на несколько минут лечь на ближайшую могильную

плиту и перевести дух. Но вместо этого я подошел к Алисии и перерезал веревки на ее руках и ногах.

— Я думала, что пропала, — сказала она, убрав Облик и превратившись в юную чэру. — Спасибо, что ты меня спас.

— Это еще неизвестно, кто кого спас.

— Даже думать не хочу, что бы он со мной сделал, когда все закончилось.

— Ничего, — тут же ответил Стэфан. — Он бы умер, как и ты, и все те, кто сейчас здесь находится.

— Ты не мог бы вернуть мне Роббера?

Я достал из кармана пиджака золотую булавку, передал девушке, и та превратилась в ее руках в изумруд на золотой цепочке.

— Спасибо. Я слышала, как он меня зовет, и сочла, что стоит осуществить то, что я обещала этому чэру.

— Это было очень своевременное решение с твоей стороны.

Она устало улыбнулась, растерла тонкие запястья и сунула руки в рукава пальто палача, так как никакой своей теплой одежды у нее не было.

В этот момент Рогэ, так и оставшийся мечом, в отличие от своего хозяина, завибрировал, и внезапно из него вырвался едва уловимый глазом поток горячего воздуха. Он окатил нас теплой волной, взметнул волосы и с хохотом метнулся в ночное небо, мелькнув и исчезнув среди снежинок.

Амнис вырвался на свободу и отправился в свой мир.

Остался лишь мертвый кусок железа и надпись «Jus vitae et necis» — право распоряжаться жизнью и смертью, которое Влад потерял навсегда.

Глава 26

ВРАТА

Несколько минут было потрачено на то, чтобы попытаться убедить девушку не ходить со мной, но она лишь яростно сверкала зелеными глазами, не желая отпускать меня в одиночку.

— Закончим с этим, Тиль! — наконец гневно отмела она мои жалкие попытки повлиять на ее решение. — Я достаточно взрослая чэра для того, чтобы самостоятельно принимать решения. Не бойся, обузой я тебе не стану и отвечать за меня не надо. К тому же помощь Роббера будет не лишней.

Мне пришлось согласиться. В следующее мгновение она стала Эрин, и я веско сказал:

— Ты не могла бы предупреждать? Меня это немного смущает.

Девушка рассмеялась, хотя складывающаяся обстановка совершенно не располагала к веселью:

— Извини, Тиль. Просто изнеженной чэре здесь не место. Быть сейчас Эрин гораздо проще. Поможешь укоротить пальто, а то я в нем тону?

С помощью Анхель я подрезал полы и рукава под ее рост, но пальто все равно было широко ей в плечах.

— Сколько их? Кроме эр'Гиндо и эр'Кассо?

— Не больше пятнадцати, как я поняла. Кстати, среди них те двое господ, которые вломились в твое купе. Жвилья и маг.

— Маг? На мой взгляд, он слишком слаб, чтобы браться за то, что они задумали.

— Он на побегушках. Там еще один волшебник. Я видела его мельком, когда пришла в себя и Влад тащил меня по кладбищу. Судя по мундиру, один из высших чиновников Академии Доблести.

— А Ночного Мясника ты случайно не видела?

— Он среди них? — Она выглядела удивленной. — Нет. Разве что брат Винчесио Ацио? Как я поняла из разговоров, это его брат. Они очень похожи, и у него неприятный взгляд.

— Ацио?! — удивился я. — Работник мэрии, член Комитета по гражданству?

— Верно. Он тоже с ними.

Я вспомнил наш разговор с Талером на балу у Катарины об этом

человеке. Талер говорил, что Ацио носится с Иными, но получается, это была всего лишь маска. Просто удивительно, сколь многие из нас носят маски всю свою жизнь.

Возле последнего моста не оказалось никакого намека на Зефира. Площадь со статуями тоже оставалось пустой.

— Держись рядом, — попросил я Алисию, достав пистолет. В нем было еще пять патронов, и это лучше, чем ничего.

— Где они, как ты думаешь? — шепотом спросила девушка. Мы прятались за основанием ближайшей к гробницам статуи.

— Усыпальниц много. Я бы поставил на то, что они возле входа в одну из них.

— Потребуется время, чтобы их найти. — Она огорченно поджала губы. — Переживать, конечно, рано. Судя по тишине, они пока не добились успеха.

Мы бросились вперед, чтобы как можно быстрее пересечь площадь, и оказались на дорожке, возле ближайшей гробницы. У ее входа никого не было.

На нас упала большая тень, я развернулся, Алисия вскрикнула, но я вовремя успел зажать ей рот.

— Это друг, — предупредил я ее.

Она кивнула, показывая, что понимает.

— Привет, Ио. Где ты потерял Зефира?

— Его сцапали, — недовольно сказала горгулья. — Никаких шансов. Я смылся, прежде чем волшебник успел перенаправить на меня заклинание. Он зверски силен, Пересмешник. Хозяин не с тобой?

— Нет. Придется справляться без него. Ты знаешь, где они?

— Возле четырнадцатой усыпальницы. У нее всегда были ненадежные двери. Я покажу. Надо пойти в обход, чтобы не попасться на глаза магам.

Мы крались по тропинкам, по засыпанной первым снежком желто-бурой листве, мимо зловещих зданий, закрытых врат, ведущих в недра гробниц, где в склепах лежали останки Князей. Я отметил, что удивительно спокоен и жажду лишь одного — чтобы моя месть свершилась, а господа, которые стояли за всей этой историей, отправились следом за Владом в места, из которых не возвращаются.

— Пришли, — наконец сказал Ио, осторожно выглянув за угол. — Мне не нравится то, что они делают.

Я попросил его посторониться и глянул на маленькую внутреннюю площадь, на которой заканчивались идущие с разных сторон четыре «улицы». Это место было центром погребального комплекса.

Заговорщиков оказалось удручающе мало, половину из них составляли люди, не слишком блиставшие интеллектом и влезшие в это дело, судя по всему, исключительно ради денег. Они ничем не отличались от тех, что ворвались в мой дом. Среди них я узнал жвиля, выброшенного мной из поезда. Он все так же щеголял в повязках. Многие из его товарищей нервничали и то и дело посматривали на гробницы.

Лучэры, наоборот, вели себя на удивление спокойно. Волшебник, который едва не пристрелил меня в «Девятом скором» и судя по росту, тот самый, что прошел сквозь стену в моем особняке, присматривал за висящим над землей желтоватым шаром, в котором медленно плавал Зефир.

— Он жив? — спросил я у Ио. — Да.

Эр'Гиндо, эр'Кассо и еще один красноглазый старикан, имени которого я не помнил, стояли в стороне от всех, о чем-то тихо беседуя и каждую секунду поглядывая на часы. У эр'Кассо в руках был большой черный зонт, которым он старался защититься от падающих снежинок. Два главных врага и соперника дядюшки оказались в сговоре, отсутствовала лишь Фиона эр'Бархен. Еще один чэр ползал по земле, вода по мраморным плитам янтарной палочкой.

— Кто это?

— Маг. — Ио скрипнул каменными зубами. — С радостью бы его проглотил. Это он Зефира обработал.

— Он готовится к ритуалу. Хотелось бы знать, где сейчас Ночной Мясник, — сказал Стэфан.

Действительно, я не видел ни Ацио, ни человека, хоть немного похожего на него.

— Посмотрите у ворот, — посоветовал мне амнис Данте. — Это на противоположной стороне. Оттуда сильно разит кровью.

— Алисия, останься, пожалуйста, здесь, — попросил я девушку.

— Но...

— Ты видела своего отца после смерти? — не став ходить вокруг да около, спросил я.

Она мгновенно побледнела и тихо сказала:

— Будь осторожен. Он очень опасен.

Я кивнул, успокаивающе улыбнулся и сказал Ио:

— Защищай ее.

— Ты что, мой хозяин? — возмутился тот, но приказ выполнил и остался с Алисией.

Чтобы обезжать усыпальницу по кругу, мне потребовалось минуты

четыре. Я сразу их увидел. Ацио был очаровательного зеленого цвета и смотрел в сторону, не желая видеть, что делает второй. Я понимал, почему никого здесь нет — ни одно разумное существо не собиралось смотреть на работу Мясника.

Убийца, держащий в страхе огромный город, оказался ничем не примечательным седовласым господином с желтоватым лицом, тяжелой челюстью и густыми лохматыми баками. Шляпа у него была помятая и грязная, что сильно контрастировало с опрятной одеждой. В руках человек держал узкий, длинный, секционный нож. Рядом с ним стоял распахнутый саквояж с медицинскими инструментами, а вокруг была та же самая картина, которую я видел в переулке, где нашел старшего инспектора Грея.

В общем, зрелище настолько отвратительное, что описывать его совершенно не хочется.

Кажется, он как раз закончил свое дело, потому что с блаженным видом касался левой рукой врат усыпальницы.

— Ты что-нибудь предпримешь? — беспокоился Стэфан, почувствовав, как во мне начинает нарастать ненависть.

Я вышел на открытое пространство и быстро направился к человеку, убившему чэра эр'Фавиа. Меня он заметил не сразу и, когда поднял глаза, нисколько не испугался. На его грубоватом немолодом лице неожиданно появилась смущенная и несколько виноватая улыбка, словно у ребенка, которого родители застали за несерьезным проступком.

Я посмотрел ему в глаза, светло-карие и совершенно безумные, и, подняв револьвер, нажал на спусковой крючок. Наверное, он так и не понял, что произошло, когда пуля угодила ему в лоб, и упал в кровь, на останки своей жертвы, все еще продолжая улыбаться.

Ацио, вздрогнув, обернулся на звук, неловко зашарил в кармане, пытаясь вытащить пистолет, но я не дал ему такой возможности и отправил следом за братцем, не испытывая по этому поводу ровным счетом никаких сожалений.

Почти сразу же с противоположной стороны гробницы раздались встревоженные крики и появилось несколько человек. Оглушительно загрохотало, я принял Облик и бросился на землю. Надо мной веером молний пролетел целый рой электрических пуль.

Пока двое перезаряжали тяжеленную пулеметательную машинку, я вскочил, но почти сразу же стал видимым, и остальные (то ли трое, то ли четверо, у меня не было времени считать) начали палить по мне из револьверов.

С неба упал Ио и, оказавшись между мной и противниками, распахнул

каменные крылья, закрыв меня от града пуль.

— Проваливай, Пересмешник! — рыкнул он и швырнул в людей шар белого огня, внезапно оказавшийся у него в руке.

Пространство озарила белесая вспышка, и взвыло так, что у меня заложило уши. На расколотых мраморных плитах осталось два трупа, еще трое орали и катались по земле, пытаясь сбить с одежды пламя.

Где-то за гробницей тоже грохотали выстрелы, слышались высокие вибрирующие визги, а в отдалении начинал нарастать странный гремющий гул.

— Возвращайся к Алисии, Ио!

— Если с тобой что-нибудь случится, то хозяин с меня мою каменную шкуру спустит! — огрызнулся амнис.

— А если что-нибудь случится с девушкой, я тебя в порошок перемелю! — взревел я, потеряв терпение.

Он ответил очень грубо, присовокупив к этому неприличный жест, но мои слова на него подействовали, и горгулья, распахнув крылья, исчезла. Я бросился прочь, прежде чем враги пришли в себя.

— Что теперь? — спросил Стэфан.

— Это ты мне скажи! Ночной Мясник успел совершить, надо думать, последнее убийство! Что дальше?!

— Теперь все зависит от мага!

— Значит, его следует убить!

Это заявление было очень самонадеянным с моей стороны, но какой еще выбор оставался?

Грохот нарастал. Стрельба продолжалась.

Да что она там устроила?!

Когда я вернулся туда, где оставил Алисию, то никого не нашел. На площади тоже было пусто, если не считать одного трупа с разорванным горлом, одного стеклянного человека и все так же плавающего в пузыре Зефира. Там, где волшебник провел по мраморным плитам янтарной палочкой, — появились темные глубокие борозды.

Больше всего начертанный рисунок напоминал солнце, только вместо лучей были какие-то щупальца. В центре солнца лежал платок Алисии. Под ним медленно расплзлось темное кровавое пятно, словно кровоточила сама земля.

Я шагнул к этой вещи, но Стэфан резко сказал:

— Не трогай!

Я остановился, словно врезался в стену, решив послушаться совета амниса.

— Все кончено. Надо уходить, мой мальчик, и очень быстро. Времени нет.

— Еще ничего не кончено, Стэфан. — Я побежал в сторону площади, где стояли статуи Князей и откуда доносилась стрельба.

— Ты не понимаешь! Ритуал совершен! И я, и Анхель чувствуем это!

— Тогда почему мы все еще живы?!

— У врат следует сломать замки и открыть их. К тому же никто из нас не знает, какая из гробниц распечатана! Только волшебник...

— Значит, надо убить его! — вновь сказал я.

Грохот стал нестерпимым, земля под ногами ощутимо вздрагивала, словно где-то поблизости танцевали вальс неуклюжие великаны. Из-за все усиливающегося снега впереди, казалось, мечутся призраки.

— Пусти меня! Пусти! Ты, проклятый...

Я и не знал, что Алисия знает так много столь интересных ругательств. Она лавиной вываливала их на Ио, который бесстрастно держал девушку за шкуру и в то же время прислушивался к тому, что происходит на главной площади.

— Тиль! — Облик Эрин был несколько потрепан, а лицо горело от гнева. — Скажи этому тупому каменному идиоту, чтобы он немедленно отпустил меня!

— Я всего лишь исполняю приказ, чтобы ты не пострадала! — обиделась горгулья.

— Если ты меня сейчас не опустишь, то пострадаешь именно ты! — пригрозила девушка, совершив еще одну безуспешную попытку вырваться.

— Я сильнее твоего амниса, крохотуля! — желчно ответил ей Ио. — Я это знаю, он это знает, и ты это знаешь! Так что побереги слова и не сотрясай воздух!

— Тиль! Скажи ему...

— Извини, но я не его хозяин, и он мне не подчиняется, — неприлично солгал я. — К тому же тебе не надо лезть под пули. Там очень опасно.

Она задохнулась от возмущения, а я из-за все заглушающего грохота крикнул Ио:

— Как далеко ты можешь улететь?!

— Не так далеко, как хочется!

— Если усыпальница откроется, не мешкай! Унеси ее отсюда как можно дальше!

— Нет, Пересмешник! Этого я не сделаю! Я не оставлю Зефира! К тому же приказ хозяина оставаться здесь еще никто не отменял!

Я скрипнул зубами и, больше не разговаривая, бросился в сторону главной площади, не понимая, почему продолжается стрельба и кто с кем сражается.

— Чэр эр'Картиа, вы самый невыносимый... — ударил мне в спину возмущенный крик Алисии, но я уже завернул за угол и дальше не слушал.

По пустой тропинке, через арку, которую поддерживали две прекрасные кариатиды, мимо разрушенной гробницы, к которой мы приходили вместе с Данте, казалось, много-много дней назад, я выскочил на площадь с правой стороны и остановился в изумлении, едва не открыв рот.

Вокруг творилось немыслимое.

По кладбищу, ломая гробницы и надгробные плиты, в снежной круговерти тяжело и неспешно шагала паровая боевая машина, на которой в обычное время дрались на Арене. Она была из тех, что должны проходить испытания, а не шляться по усыпальницам, с грохотом круша все на своем пути.

Оставалось лишь догадываться, что нужно этой громыхающей жестянке здесь и кто ею управляет.

На земле валялось около десятка тел, все были разорваны, словно попали в лапы очень голодных тигров. Но тигров здесь не было, а был всего лишь разъяренный Данте в Облике и Бэсс. Впрочем, они вдвоем отлично заменяли любых хищников.

Облик моего друга — двуногое чудовище, приходящее к вам в самых жутких кошмарах. Свирепый хищник восьми футов роста, с золотистым мехом, точно таким же, как волосы Данте, и зубастой пастью, больше всего напоминающей крокодилю. Длинная шея, сплюснутая голова, мощные лапы и длинный, голый, розовый хвост.

Сейчас он сражался с чудищем, похожим на свирепую малиновую обезьяну, у которой были длинные когтистые лапы, странным бесплотным созданием в рваном лиловом плаще и шипастым бронированным гадом с рогатой головой младенца.

Говорят, что все Облики лучэров — это лишь отражение сущности Всеединого, доставшееся нам от него в наследство. Кто из чэров сейчас противостоит Данте, я мог только догадываться, ибо таких страхолудин раньше в приличном обществе не видел.

Бэсс сражалась в стороне и находилась ближе всего ко мне, борясь с изначальным магом, которого мне следовало прибить еще в поезде. Волосы низшей пылали огнем, каждый ее шаг оставлял за собой пламя. Волшебник проигрывал и был ранен, его рука повисла плетью, из распоротой спины

текла кровь, но он пока еще держался.

Стэфан что-то кричал мне, но я не слышал. В барабане револьвера оставалось три патрона, и я собирался помочь Бэсс, прежде чем случится какая-нибудь гадость. Встав на одно колено, я взвел курок и несколько секунд целился, стараясь успокоить дыхание. Проблема была в том, что противники все время перемещались, и я боялся попасть в девушку.

Бах! Бах!

Маг повалился на землю, а Бэсс бросилась на помощь к Данте. Но тот рыкнул на нее, и она отпрянула назад, ему за спину. Это было разумно, потому что кучка уцелевших заговорщиков спряталась за полуразрушенным постаментом и теперь палила в золотистого зверя, впрочем, крайне редко, так как патронов у них, судя по всему, осталось не слишком много. Для Данте же в Облике пули представляли не большую угрозу, чем занозы.

Дважды из-за укрытия, взмахивая крыльями, вылетали огненные фениксы, которых я видел в тот раз, когда загорелась церковь Пророка. Уцелевший волшебник пытался зацепить Данте огнем, но тот был достаточно проворен, чтобы уклониться, и снаряды, пролетая над землей, взрывались закручивающимся пламенем на все том же многострадальном кладбище. Крокодилья пасть моего друга сомкнулась на бронированном чудовище, взломала пластины, словно те были из бумаги, и перекушенный пополам лучэр упал в своем истинном облике под ноги Данте. Против него и разносящей огонь Бэсс остался сражаться лишь «бесплотный» призрак, а малиновая обезьяна бодрой рысцой двинулась в мою сторону.

— Тиль! — предупреждающе крикнул мне Стэфан. — Тиль! Тиль!

— Вижу, — ответил я ему, всадил последний патрон в обезьянью грудь, но лучэра не остановил. Он, кажется, и вовсе не заметил моего выстрела.

Едко пахнущая, лохматая образина нависла надо мной и что есть сил ударила руками. Я принял Облик, юркнул в сторону и дал волю Анхель. Обезьяньи кулаки разбили мраморные плиты, на которых я только что стоял, в тот же момент, когда мой нож перерезал сухожилия на ее ноге. Она завизжала, замахала лапами, пытаясь найти и зацепить меня, и стянувший силу керамбит без труда перерезал ей кожу запястья до кости. В этот миг я вновь стал видимым, и раздался крик:

— Убей его!

Обезьяна тут же присоединилась к коллекции кварцевых статуй, которые периодически создает амнис Алисии.

— Что ты здесь делаешь?!

— Меня отпустили! — Голубые глаза Эрин метали молнии. — И если еще хоть раз ты ограничишь мою свободу, то станешь таким же, как эта мартышка!

Прежде чем я нашелся что ответить, у меня над головой со скоростью соколов пролетели две горгульи. Зефир, со смертью изначального мага освобожденный из плена, присоединился к Ио. Они пронеслись над заговорщиками, швырнув в них один из взрывающихся шаров, и, не задерживаясь, направились к паровой машине, которая как раз перебиралась через канал. На плечах бронированного гиганта расцвели два взрыва, и амнисы Данте, заложив красивый вираж, пошли на второй круг.

— Да послушай же ты меня! — заорал Стэфан, перекрывая грохот. — Створки открыты! Их сдерживает только замок, и это ненадолго! Направо, заberi тебя сгоревшие души! Посмотри направо!

Врата центральной усыпальницы комплекса вибрировали, и там, где смыкались створки, голубым светом горела тонкая линия.

— Что нам делать?

— Надо остановить эту штуку!

— Что?! Как?! Убить пилота?! Да для этого нужна целая пушка!

— Там нет пилота, — неожиданно сказала Алисия, побледнев, — Из труб не идет пар! Она...

— Правильно! — согласился Стэфан. — Волшебник вселил туда эльталля.^[50] Его сил достаточно, чтобы управиться с таким количеством железа и сломать любой замок!

Амнисы Данте закидывали механическое чудовище взрывающимися бомбами, отрывали с его плеч и груди листы брони, но тот не обращал на горгулий никакого внимания, продолжая идти к намеченной цели.

По площади, вырвавшись из мрака, прокатили две кареты Теневых кучеров, оставляя за собой черный шлейф. Прямо на ходу из них выпрыгивали лучеры и вступали в бой. Трое присоединились к Данте и Бэсс и, приняв Облик, начали теснить тварь в рванье, оказавшуюся удивительно сильной, к краю площади. Еще двое пытались нейтрализовать волшебника собственными заклинаниями, и на этом участке площади расцвела целая феерия красок. Один бросился к воротам, размахивая руками, и на створках стали появляться нити толстой ярко горящей паутины, которая с каждой секундой «остывала», гасла и становилась все более и более осязаемой.

Двое последних, тоже волшебники, принялись бомбардировать приближающийся механизм заклинаниями. Брони на груди гиганта уже не было, были видны торчащие и разорванные трубы, из которых хлестала

вода, помятый котел и работающие шарниры.

Машина с грохотом разнесла оказавшиеся у нее на дороге статуи Князей, и в тот момент, когда Данте и компания прикончили тварь в рваном плаще, разрушила фонтан. Тугая струя воды ударила в небо на несколько десятков футов.

Теперь силы разделились. Большая часть пыталась остановить рвущуюся к цели железяку, а меньшая все еще сражалась с волшебником и горсткой уцелевших, которые лишь защищались.

Бэсс скакнула под ноги шагающей махины, и тут же золотистый зверь схватил ее за шкурку, словно котенка, и шарахнулся прочь. Дымящаяся груда железа, внутреннее содержимое которой было объято пламенем, опасно закачалась, но сумела преодолеть разделяющее ее от створок расстояние и начала со все возрастающей скоростью падать, словно подрубленная корабельная сосна.

С оглушительным грохотом и визгом ломающегося железа машина рухнула на ворота, сломав их и подмяв под себя волшебника.

Тишина, наступившая сразу за этим, была звенящей, словно все звуки оказались стерты из нашего мира. Алисия стояла, в ужасе закрыв лицо ладонями, Данте в своем обычном облике тянул Бэсс прочь и что-то кричал мне, но я не слышал ни слова. Маги, среди которых я разглядел чэру Фиону эр'Бархен, повернулись лицом к распахнутому черному зеву и медленно пятились назад.

К мосту.

Я тронул Алисию за плечо, взял ее за руку, повел прочь. Стэфан, кажется, поскуливал от ужаса, а оцетинившаяся Анхель разве что не ругалась, но из темного проема никто не спешил выскакивать.

Зефир и Ио приземлились рядом с хозяином и закрыли его спину. Мы с Алисией дошли до фонтана, когда Данте на ходу попытался вызвать Теневого кучера, чтобы убраться как можно дальше, но он не успел этого сделать. Из глубин земли донесся нарастающий стон. И через мгновение появилось оно.

Эту сущность никак нельзя было назвать тем, во что перерождается Князь после смерти. Оно не походило ни на что и одновременно являлось всем. Черное облако, все время находящееся в движении и принимающее разные формы, медленно, словно густой мед, вытекало из своего многовекового узилища. Спустя несколько мгновений оно приняло облик четырехногого создания с отвратительной жабьей пастью и острым гребнем и почти тут же вновь стало нестабильной свирепой сущностью.

Несколько мгновений оно лежало не шевелясь, словно не верило в

свою свободу, а затем внезапно метнулось в сторону с такой скоростью, что я ахнуть не успел. Смерч накатил на то место, где прятались заговорщики, всосал их в себя и выплюнул разлетевшиеся во все стороны окровавленные ошметки.

Двое волшебников ударили во врага рубиновыми лучами, но тот, приняв Облик огромного паука, уже находился на крыше и тут же прыгнул, расправил крылья летучей мыши, упал остроногим когтистым градом, растекся туманом и, отползая, оставил на земле изуродованные тела.

И тогда все мы, не сговариваясь, бросились бежать. Я потащил Алисию сначала медленно, затем все быстрее и быстрее, чувствуя, как оно смотрит на нас, как насмехается, как отпускает, давая нам возможность почувствовать свободу, даря ложную надежду выжить.

Оно играло с нами куда более цинично, чем кот играет с перепуганной мышью. Оно было уверено, что нам никуда от него не деться, и хотело насладиться нашим ужасом прежде, чем уползти в город и без разбора насытиться кровью и смертью.

Алисия бежала медленнее всех, поэтому мы достаточно сильно отстали. Даже чэра эр'Бархен, несмотря на почтенный возраст, умудрялась двигаться быстрее, да еще и расставлять на ходу какие-то сияющие штуковины, должно быть, ловушки.

Впрочем, никто из нас не успел достичь даже моста. Анхель закричала, привлекая мое внимание, и я, уже зная, что будет дальше, повернулся к опасности лицом и резким рывком забросил девушку себе за спину. Из черного облака соткался огромный краб, все тело которого занимал беззубый рот. Он протянул ко мне клешни, но сверху на него рухнули Зефир и Ио. Тварь вновь потеряла форму, превратилась в дым, вытянулась, хлестнула по земле, скручивая обоих амни-сов, и получила в бок рубиновый луч от волшебницы.

Впервые оно издало звук — низкое, глубокое гудение-стон, отбросило свои жертвы, прыгнуло в сторону, и лохматый, а затем чешуйчатый бок метаморфа едва не сбил меня с ног. Только что голова змеи была далеко, а хвост близко, и вот уже она нависает надо мной.

И вновь рубиновый луч отбросил чудовище, повалил на остатки пьедесталов княжеских статуй, заставил растечься дымом.

Рядом оказалась Бэсс, и я крикнул ей:

— Уведи Алисию!

Разумеется, ей показалось, что я ошибся, потому что незнакомая каштановолосая девушка ничем не напоминала юную чэру, но просьбу низшая выполнила. Подхватила упавшую за руку и поволокла прочь.

Тварь бросилась на меня в третий раз, подмяв под себя вновь атаковавших ее Ио и Зефира, и я, совершенно машинально, ударил ее Стэфаном. Трость сломалась пополам, но это дало мне одну драгоценную секунду, прежде чем волшебники вновь хорошенько прицелились в дымчатую гориллу. Луч прошел сквозь меня, не причинив никакого вреда, а порождение, которое язык не повернется назвать Князем, отползло на этот раз достаточно далеко, и у меня возникла кратковременная передышка.

— Стэфан! — позвал я. Нет ответа.

— Стэфан! — Я смотрел на обломки, не веря своим глазам. — Анхель, ты его чувствуешь?

— Нет, — тихо прошептала она.

Во мне начала просыпаться злость. На всех. На уродов, решивших уничтожить устоявшийся порядок, на убийцу, загубившего множество невинных людей, на мэрию, не позаботившуюся, чтобы столь опасное место всегда оставалось надежно защищено и не было похоже на проходной двор, и на гадину, из-за которой я лишился того, кого помнил с самого детства.

Зачем я бегу? Куда я бегу? От кого бегу?

Я, Тиль эр'Картиа, чэр Мертвец, который давно уже живет в долг и который один раз успел умереть сегодня, внезапно испугался смерти? Это было почти смешно, и мне стало стыдно.

Я обернулся и сказал низшей:

— Бэсс, бегите! Я выиграю время.

Возможно, у меня получится задержать *это* хотя бы на несколько драгоценных мгновений, особенно если не стоять на месте. Данте оказался рядом со мной, вновь в Облике, и его огромный розовый крысиный хвост едва не сбил меня с ног. Старый друг явно решил, что одного героя в этой истории недостаточно.

Облако метнулось к нам, перепрыгнуло хлестнувшие по земле рубиновые лучи, в полете вытянуло когтистые скелетообразные лапы, серебристые и влажные, и тогда я закричал.

Не знаю почему. Наверное, от безнадежности ситуации, но, кажется, впервые в жизни я осознал, как правильно и по назначению следует использовать доставшийся мне от природы Атрибут.

С первой попытки получилось не ах, звук вышел недостаточно высоким и тонким, но тварь ударилась о землю, так и не долетев до нас, взметнулась в небо черным кустом, выбросившим в нашу сторону жадные ветки, и я закричал повторно.

На этот раз более удачно — его облик задрожал, расплылся, и облако

застыло на месте. Почти сразу же по нему ударили маги.

— Еще так же, эр'Картия! Быстрее! — крикнула мне чэра эр'Бархен.

Ее волосы были растрепаны, на щеке вспух рубец, но алые глаза горели надеждой.

Я, напрягая связи, использовал Атрибут, и отползающая кошка расплылась, растеклась, обернулась дымом, впитала в себя рубиновые иглы и застонала от тоски, потому что крови сегодня больше не будет. Ни сегодня и никогда.

Светало. Я сидел на опрокинутой статуе Князя, совершенно бесцеремонно расположившись на груди прежнего Владыки, возможно, того самого, чей дух теперь лежал в центре разоренной, заполненной мертвецами площади.

Груда железа — все, что осталось от шагающей машины, продолжала дымиться. Черный провал в гробницу оставался таким же угрожающим, как прежде, хотя опасность почти миновала. На этот раз Рапгар отделался куда меньшими жертвами, чем несколько тысячелетий назад, хотя, надо думать, жители города об этом никогда не узнают.

Оно и к лучшему.

Я держал в руках обломки моей трости, больше не пытаясь дозваться амниса. Понимал, что это бесполезно. Анхель была необычайно тиха, и я не чувствовал ее эмоций. Замкнулась в себе, убита горем.

Офицеры расставляли гвардейцев по периметру площади. Дальше стояли патрули возле каждого моста и, как я понимаю, на подступах к кладбищу, чтобы ни один журналист или любопытный зевака не пронюхал, что здесь произошло. Берега каналов патрулировали хаплопелмы. Сейчас по сравнению с той тварью они казались мне маленькими, лохматыми, дружелюбными зверушками, от которых не стоит ждать беды.

Черное облако потеряло свою плотность, превратилось в бледный сероватый туман, мазавший слизью мраморные плиты и не способный порвать прочные узы, которые создали волшебники. Они трудились несколько часов, и к ним прибывали все новые и новые представители Академии Доблести, прознавшие о случившемся. Поначалу мне приходилось использовать Атрибут каждую минуту для того, чтобы оно не порвало цепи и не вырвалось на свободу, но затем надобность в моих услугах отпала. У твари больше не осталось сил, чтобы сопротивляться.

Сейчас волшебное сообщество Рапгара готовилось к тому, чтобы выбросить обузданное чудовище за пределы нашего мира. Работа шла полным ходом, и всех нас попросили отойти подальше.

Зефир и Ио, как настоящие горгульи, облюбовали высокие колонны и

теперь переругивались между собой, решая, кто внес большую лепту в победу. Во время драки с сущностью Зеф лишился верхней четверти левого крыла, но на его способности летать это никак не сказалось.

Данте, все такой же юный и элегантный, как прежде, словно он только что приехал на светский прием, беседовал о чем-то с двумя господами из Палаты Семи. Те были очаровательно бледны, что и неудивительно. Трое из их славного кабинета оказались в числе заговорщиков, и теперь Князь может сделать с остальными все, что ему в голову придет.

Бэсс и Алисия, вновь ставшая самой собой и кутающаяся в теплое пальто, доставшееся ей от Влада, к моему удивлению, нашли общий язык. Они сидели в отдалении, иногда поглядывая в мою сторону, и болтали.

Меня сейчас, слава Всеединому, никто не трогал, чему я был несказанно рад. Я страшно устал и хотел лишь одного — упасть и поскорее уснуть, но нам, как важным свидетелям, запретили покидать площадь и выходить за оцепление до особого распоряжения. К тому же мне сказали, что, если что-то пойдет не так, вновь может понадобиться моя помощь.

Я только кивнул в ответ, хотя не был уверен, что теперь с меня будет хоть какой-то толк в течение недели. Я основательно надорвал связки и мог только шептать.

Снег перестал сыпаться с небес, а тот, что был, растаял. Мне показалось, что стало даже теплее, но, возможно, такое впечатление создавалось лишь потому, что наступало утро.

Когда окончательно рассвело и бледное солнце появилось на небе только для того, чтобы через несколько минут скрыться в облаках, изначальные маги завершили все приготовления, и чудовищное облако растаяло без следа, втекло в землю, в последний раз застонав. На этот раз жалобно и очень недовольно.

Мне бы очень хотелось, чтобы оно ушло безвозвратно, а еще лучше было бы, если бы каждый из запечатанных могильников больше не хранил в себе такую опасную дрянь. Впрочем, наверное, не стоит произносить такие слова вслух, иначе многие сочтут их политически необдуманными и опасными для благополучия нашего замечательного Князя.

Он появился неожиданно, как всегда суровый и властный, осмотрел творящийся разгром, коротко переговорил с чэрой эр'Бархен, что-то высказал вытянувшимся в струнку высоким чинам и отбыл — мрачный и хмурый.

Чэра Фиона эр'Бархен подошла ко мне неожиданно, и хотя я и желал ни с кем общаться, но вежливо встал и небрежно поклонился. Старый враг моего дядюшки посмотрела на меня так, словно видела впервые, и

неожиданно улыбнулась. Эта ее улыбка была совсем не похожа на те, что я привык у нее видеть на светских раутах. На этот раз улыбались не только ее губы, но и глаза. Бич Амнисов сразу же стала похожа на очень близкого и родного человека, что было для меня неожиданным открытием.

— Однажды Старый Лис, говоря о вас, сказал, что он в жизни не видел такого бесполезного Облика и Атрибута.

Вопреки своим ожиданиям, я рассмеялся:

— Не думал, что он говорит обо мне в Палате Семи.

— Раньше мы встречались не только там. Он считал, что ваши способности нужны лишь для мальчишеских проказ, и был несколько расстроен, что вы не унаследовали один из известных Атрибутов предков. — Ее глаза за стеклами квадратных очков были серьезны. — Думаю, с сегодняшнего дня Гуго перестанет считать подражание голосам и звукам насмешкой судьбы и бесполезной чепухой, чэр Пересмешник.

Я криво улыбнулся и ничего не сказал. Если дядюшка и будет так считать, то я буду последним, кто об этом узнает.

— Я хочу поблагодарить вас, Тиль, за то, что сегодня вы были с нами и помогли предотвратить катастрофу.

Я не нашелся что ответить, мои слова на сегодня кончились. Чэра эр'Бархен неожиданно подошла ко мне близко-близко и взяла у меня из рук обломки трости.

— Помните наш недавний разговор на приеме у Гальвирров? Тогда вы необдуманно сказали, что волшебство не способно дать этому миру то, что дает пар и электричество. Что же, в какой-то мере вы правы, чэр. Не будь пара, мир бы пошел по иному пути развития, но не всегда технологии оказываются на коне. Только задумайтесь о том, что бы случилось сегодня, если бы в Рапгаре не было волшебников.

Я молчал и ждал продолжения.

— Беда прогресса в том, что он редко оглядывается на минувшее, мчится вперед и не хочет идти рука об руку со старыми знаниями. Прогресс многого способен достичь, но он не всемогущ. Нет ничего всесильного в нашем мире, чэр эр'Кар-тия. Одно должно дополнять другое, и лишь тогда наша цивилизация сможет устоять перед многими опасностями прошлого и будущего. Подумайте как-нибудь об этом, юный чэр. Она соединила два обломка, повернула их, протянула мне целую трость, благосклонно кивнула и с загадочной улыбкой ушла к ожидающим ее волшебникам.

— Ну и испугался же я, мой мальчик! — произнес Стэфан надтреснутым голосом. — Это ведь надо! Никогда не думал, что буду рад,

когда меня коснется Бич Амнисов! Потерять основу своей сущности — хуже не придумаешь!

Чуть позже ко мне подошла Алисия, подобрав юбку, села рядом, не обращая внимания на холодный мрамор. Мы помолчали, дожидаясь, пока Данте договорится о том, чтобы нас наконец отпустили, а когда я посмотрел на нее во второй раз, рядом находилась Эрин.

Девушка поймала мой взгляд, поняла невысказанный вопрос и ответила:

— Я знаю, что она нравится тебе больше, чем чэра. Еще в поезде это поняла. Так что не вижу причин, почему не сделать тебе приятно, Пересмешник. Могу я попросить об одолжении?

— Все что угодно.

— Не хочу возвращаться в свой дом. По крайней мере сегодня.

— Буду рад видеть тебя моей гостьей.

Она благодарно кивнула, убрала упавший на висок каштановый завиток:

— Знаешь... Говорят, что птицы всегда поют после зимы, радуясь весне. А я так и не научилась радоваться... тому, что все кончилось гораздо лучше, чем могло бы. Почему мы всегда хотим чего-то большего и недостижимого?

— Это загадка мироздания, — улыбнулся я. — Когда достигаешь какой-то цели, всегда следует найти новую, иначе отсутствие стремления вперед приведет нас назад. В изначальную точку.

— А ты? Ты достиг чего-нибудь?

— Как говорят, каждый из нас проходит по мостам жизни, сжигая их за собой и унося в памяти запах дыма и горечь слез.

Свои последние мосты я сжег сегодня и рад этому. Меня перестали терзать мучившие вопросы, и это главное.

Данте махнул нам рукой, показывая, что можно идти. Мы встали, и я подал Эрин руку.

— Завтра в газете будет множество некрологов, — улыбнулся Стэфан.

— Мне они больше не интересны, мой друг. Я собираюсь начать новую жизнь.

На мой взгляд, очень достойная цель.

Москва

Сентябрь 2008 — март 2009

notes

Примечания

Один фарт — крупная денежная единица Рапгара — содержит в себе 20 трестонов или 100 сцелинов. Один трестон равен 5 сцелинам.

От лат. *amnis* — водный поток, в другом значении — душа.

Чэр — уважительное обращение к лучэру.

4

От mitmakem (*uver.*) — восставший.

Великая тьма — период власти предков лучэров (Всеединого) на земле с момента их прихода вместе с кровавым дождем и до возвращения в Изначальное пламя.

Соур — старая монета Рапгара, почти утратившая хождение. Также назвалась Двойным Князем за изображение главы государства на двух сторонах. Чеканилась из золота высшей пробы (содержание не менее 98 процентов), весила 38,5 грамма.

Корень лунного дерева — священная пряность мяурров, которую используют во время ритуалов, посвященных Лунной кошке. Для других рас порошок из этого растения является сильным, а зачастую и смертельным галлюциногеном.

Дормез (от *фр.* dormouse — букв, соня) — комфортабельная карета со спальными местами.

Цвет погребального огонька зависит исключительно от цвета глаз умершего лучера: красный, янтарный, пепельный, индиго, зеленый или черный.

От *лат.* Tropaeolum — настурция.

Класс вагона определяется его цветом, желтые — первый класс, синие — второй, зеленые — третий.

Полуденный — изгнанный из прайда за какой-либо серьезный проступок мяурр (в том числе за отказ от истинной и единственной веры в Лунную кошку или же запятнавший себя недостойной работой). Для семьи прайда такой мяурр больше не существует.

Сын Луны — глава всех прайдов. Обычно самый старый и мудрый кот.

Палата Семи — организована Князем и подчиняется исключительно ему. Является высшим судом для лучэров, неподсудных обычным городским судам, а также одной из ведущих политических сил, способных с разрешения Князя влиять на процветание государства и дипломатические отношения с другими странами. В состав Палаты входят семь лучэров из высшей знати Рапгара. Распоряжениям Палаты Семи подчиняются мэр, Городской совет и серые жандармы Скваген-жольца.

От *лат.* *Nauploelma lividum* — кобальтовый птицеед.

В состав Городского совета входят: Палата Благородных (лучэры, высокородные люди и военные). Народная палата (торговцы и избранные народом районов представители из числа людей). Палата Иных (представители других рас Рапгара, но не больше сорока процентов от Народной палаты).

В Скваген-жольце существует три отдела. Синий — расследующий обычные преступления, серый отдел — занимающийся политическими правонарушениями, и алый — занимающийся магическими нарушениями закона.

Дети Мух — одно и уничижительных прозвищ лучэров. В древних рукописях писали, что лучэры произошли от вырвавшемся из Изначального пламени огненной мухи (хотя это и не так).

Хелицеры — первая пара ротовых придатков паукообразных, иначе называемая верхними челюстями и челюстными усиками, тогда как вторая пара называется педипальпами, нижними челюстями, или максиллами.

Саил (господин) — уважительное обращение магарца к лучэру.

Керамбит (или петушиная шпора, или коготь тигра) — кривой нож с заточкой на вогнутой стороне и кольцом на конце рукояти для лучшего удержания указательным пальцем. Используется для секущих ударов и перерезания мышц, сухожилий и залегающих в верхних слоях тканей сосудов (в том числе и шейных артерий). Чаше всего удерживается обратным хватом. Применяется в ближнем контактном бою.

Аналог крестин.

После последнем денежной реформы на одной стороне сцелина чеканят профиль Князя, на другой — стилизованное Изначальное пламя.

Пъем, поем и любим (*фр.*).

Право распоряжаться жизнью и смертью (*лат.*).

Что угодно повелителю, то имеет силу закона (*лат.*).

Стоун — древняя, практически вымершая раса разумных камней.

Городская ласточка.

Спиртовая опиумная настойка.

«Кодексы чэров» — разработанные лучэрами законы, действующие на территории Рапгара и юридически защищающие чэров от определенного количества совершенных ими проступков. Подобные правила не распространяются на других жителей юрода. Под давлением недовольной общественности в 3703 году после ухода Всеединогo большее количество законов «Кодексов» было упразднено и заменено «Гражданскими правами жителей Рапгара». в большинстве своем уравнившими лучэров в правах с другими жителями столицы в юридической, гражданской и финансовой ответственности. Но небольшая часть законов и поправок из старых законодательных документов до сих пор считаются действующими и являются камнем преткновения и раздора среди Городского совета между Палатами Высших, Низших и Гласом Иных.

Моя вина, моя величайшая вина (*лат.*).

Кто без греха (*лат*).

В слезах есть что-то от наслаждения (*лат.*).

Группа из пяти полумразумных нчных хщников, обитающих на пустырях и охотящихся вместе.

Аналог алтаря.

Забытые апокрифы — ряд сохранившихся до сегодняшнего дня страниц из утраченной книги о деяниях Всеединоного.

Возможно, Бэсс имеет в виду фокстрот и квикстеп.

Основные символы печати Изначального Огня.

Тиль намекает на старую сказку «Глупый мальчик и голодный тру-тру», в которой ребенка, постоянно обманывавшего, что он видел людоеда у себя в спальне, никто не спас, когда настоящий тру-тру действительно забрался к нему в комнату.

Смутные времена — период после ухода Всеединоного и восхождения на престол первого Князя. По сведениям историков, длился от двух до шести тысяч лет.

С полной искренностью, от души (*лат.*).

Умный может разобраться в вопросах, которые осел запутывает (*лат*).

Без гнева и пристрастия (*лат.*).

Громкая слава (*лат.*).

Гнев есть кратковременное исступленье (*лат.*).

Иди счастливой поступью (*лат.*).

Право распоряжаться жизнью и смертью.

Рождается нечто более великое, чем Рапгар (лат.).

Третьего не дано (лат.).

Младшие стихийные духи, не обладающие разумом и способные подчиняться лишь одному приказу. После выполнения задания они получают свободу и возвращаются в Изначальное пламя.